

ПАНТЕОНЪ

№ 7. — Июль.

1851.

СОДЕРЖАНИЕ СЕДЬМОЙ КНИЖКИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А.) ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

ЦАРСКІЕ ПОТѢШНЫЕ или КОЖУХОВСКІЙ ПОХОДЪ. Комедія въ двухъ актахъ, изъ временъ Петра Великаго.

В.) ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

ЛЪСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ. Романъ *Габріэля Ферри*. Часть первая.

II. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

1. НАЧАЛО И РАЗВИТІЕ ОПЕРЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

2. ГОФМАНЪ И ЕГО ЖИЗНЬ.

III. МЕМУАРЫ.

СКАЗКА МОЕЙ ЖИЗНИ БЕЗЪ ВЫМЫСЛА. Автобіографическій очеркъ Г. Х. Андерсена. *А. Грека*.

V. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Франція (*Письмо изъ Париза*.)

Театръ Веселости. — «Мольеръ», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. г-жи *Жоржъ-Сандъ*. — Театръ Большой Оперы. — «Церлина», опера, либретто *Скриба*, музыка *Обера*. — Театръ Комической Оперы. — «Раймондъ или тайна», опера, либретто гг. *Левена* и *Розье*, музыка *Амбруаза Тома*. — Французскій театр. — «Мужъ виноватъ, или у хорошаго мужа и жена хороша». Комедія въ стихахъ, соч. г-жи *Эмиль-Жиранденъ*. — «Заключеніе романа», комедія г. *Леона Гозлана*. — Театръ Драматической Гимназіи. —

Le vol à la roulade, комедія-водевиль, въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. гг. *Мелесвиля и Курси*. — Мой пріятель Баболенъ, водевиль г-жи *Ашиль-Контъ* и г. *Монроза*, — Ужинъ у Маркизы, комедія-водевиль г. *Маркъ-Мишеля*. — Новости Театра Разнообразія. — Откуда молодежь ума набирается, водевиль гг. *Альбера Монье* и *Эдуарда Мартена*. — Счастіе въ несчастіи, водевиль гг. *Дювера, Лозана и Латруна*. — Бой-баба, водевиль гг. *Кармуш и Ванденбурка*. — Театръ Монтансье. — Бельфегоръ, фантастическій водевиль гг. *Думануара, Сентъ-Ива и Шолера*. — Волшебная курочка, водевиль гг. *Мелесвиля и Ксавье*. — Театръ Сентъ-Мартенскихъ воротъ. — Кристальный дворець, обзорніе, соч. гг. *Клервиля и Жуля Кордье*. — Три сосѣда и три сосѣдки, водевиль г. *Дюбуа*. — Еще новыя пьесы Театра Веселости. — Походженія Сусанны, драма г. *Дюпети*. — Военный совѣтъ, военно-комическая опера, либретто гг. *Камерсона и Фокемона*, музыка г. *Ван-желля*. — Театръ Амбигю. — Вильфоръ, драма *А. Дюма*. — Новыя пьесы театровъ: *Délassemens Comiques* и *Folies Dramatiques*.

У. СМѢСЬ.

1. О вліяніи музыки на человѣка и на животныхъ. *А. Николаева*.
2. Бой быковъ въ Португаліи и нѣсколько словъ о Лиссабонскихъ театрахъ.
3. Товарищъ Калифорнскихъ переселенцевъ. (Совѣты отправляющемуся въ путь. — О компаніяхъ и объ обществахъ колонистовъ. — Мелкіе товары. — Багажъ. — Продовольствіе на морѣ. — Совѣты пассажирамъ. — О вещахъ необходимыхъ переселенцамъ. — Гигіеническія предосторожности для переселенцевъ въ Новый Свѣтъ. — О поведеніи европейцевъ въ отношеніи къ жителямъ Испанской Америки.) *А. Алымова*.
4. Музыка въ Китаѣ, въ Сенегаліи и Центральной Африкѣ.
5. Харьковскій театръ. — *Д. Ж.*

VI. БАЛАГУРЪ.

Анекдоты, изрѣченія, острые слова, шутки и проч.

VII. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ХЛОПЧАТАЯ БУМАГА ИЛИ У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ! — Фарсъ-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Г. Б.*

О П

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Ө. КОНИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Комитетъ Императорскаго Училища Правоведенія
Августа 1851 г.

ТОМЪ IV.

ЮЛЬ — КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

1851.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. ДУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

В КЛАД САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

26645 9822

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 4-го
Августа 1851 г.

Ценсоры : *Н. ^в Пейкеръ.*
Н. Елагинъ.

ПЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

ЦАРСКІЕ ПОТЪШНЫЕ

ИЛИ

КОЖУХОВСКІЙ ПОХОДЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

Князь Осма Кондратьевичъ Мышецкій, стольникъ и воевода.

Марія, дочь его.

Аеоня, сынъ.

Бояринъ Сергѣй Абрамовичъ Артамоновъ, отставной постельничій.

Артамоновъ, сынъ его, потъшный офицеръ.

Адамъ Адамовичъ Флехтъ, капитанъ.

Меньшиковъ, поручикъ.

Сидцкій, бывшій сотенный глава.

Яковъ Тургеневъ, шутъ царскій.

Савина, московская дворянка.

Два офицера потъшнаго Лефортовскаго полка.

Сержанты и солдаты потъшные.

Ратники Мышецкаго.

Подъячїе, страпчїе, дядьды, собравшіеся въ Преображенское на ученье.

Дѣйствїе происходитъ въ Преображенскомъ селѣ и въ лагерьъ подъ Кожуховымъ, въ сентябрь и октябрь мѣсяцахъ 1694 года.

Отд. I.

1

ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ ДВОРЪ.

Казармы, часть Лефортовскаго двора; вдали Москва.

I.

Капитанъ **ПФЛИХТЪ**, **МЕНЬЩИКОВЪ**, **АРТАМОНОВЪ** и нѣсколько офицеровъ и сержантовъ сидятъ на барабанахъ.

1-й Офицеръ (*Меньщикову*). Ты говоришь, что Царь, ожидая прибытія новаго корабля изъ Голландіи — учился въ Архангельскѣ....

Меньщиковъ. Да; какъ и вездѣ.... въ трудахъ, въ заботахъ и наукѣ....

1-й Офицеръ. Но чему-же онъ могъ тамъ учиться: рыболовству что-ли?

Меньщиковъ. Нѣтъ. Онъ велъ частыя бесѣды съ иностранными шкиперами.... Учился морскому дѣлу, которое теперь занимаетъ все его помыслы.... Какъ здѣсь, на нашихъ глазахъ, — онъ прошелъ пѣхотную службу, начавъ ее съ барабанщика, такъ точно и тамъ началъ морскую съ юнга....

Пфлихтъ. О, большой человекъ!...

2-й Офицеръ. Удивительный человекъ!...

Артамоновъ. Ну, а когда прибылъ корабль.... чай то-то перародовался Царь-Батюшка....

Меньщиковъ. Какъ-же.... обласкалъ иностранцевъ, осыпалъ милостями.... Не забыть мнѣ только, какъ онъ славно выкупалъ своихъ гостей въ русскомъ морѣ....

Пфлихтъ. Ай! всехъ?... Въ воду!

Меньщиковъ. Да.... Капитанъ.... Думаю, что царь желалъ наказать ихъ немного за шегольство....

Пфлихтъ. Какъ....

Меньщиковъ. Видите-ли.... Когда давно жданный корабль прибылъ изъ Голландіи, Царь тотчасъ пустился на немъ по Бѣлому морю, а потомъ пригласилъ къ себѣ на корабельный пиръ всехъ бывшихъ въ Архангельскѣ иностранныхъ шкиперовъ и капитановъ.... Последніе явились на корабль, какъ на праздничную ассамблею, чуть не въ шелковыхъ чулкахъ.... Хорошо.... Вотъ, послѣ веселаго обѣда, Царь и взялъ со всехъ своихъ гостей слово:

непрямѣнно сдѣлать тоже, что сдѣлаеть онъ.... Разумѣется все съ готовностію обѣщали повиноваться его примѣру; государь поблагодарилъ нѣмцевъ за ихъ дружбу, да и бултыхъ съ борта въ воду — въ чемъ были.... Дѣлать нечего.... Слово дано — гости переглянулись, — почесали въ затылкахъ, да гуськомъ и потянулись къ борту, а потомъ....

Флихтъ. Das ist ein Scherz!

1-й Офицеръ. Ха! ха! ха!... Славно !..

2-й Офицеръ. Такъ и выкупались!..

Меньшиковъ. Ну, да. Вотъ, господа, кажется и намъ готовится новая потѣха. Вѣдь царь еще до отъѣзда велѣлъ сложить земляную крѣпость близъ деревни Кожуховой....

1-й Офицеръ. Она давно готова.... Э, товарищъ, посмотрѣлъ бы ты, какое у насъ теперь ученье идетъ.... Просто умора!

Меньшиковъ. Кто-же учится?... Стрѣльцы вѣрно?

1-й Офицеръ. Ге! Ты думаешь по прежнему, что въ дѣлѣ только и будутъ стрѣльцы да потѣшныя.... Нѣтъ, товарищъ: для Кожуховскаго похода набирается огромное войско — изъ всѣхъ сословій, изъ дворянъ, подъячихъ, дворцовыхъ людей, слугъ, охотниковъ....

Меньшиковъ. Хороши вонны!... Что они смыслятъ въ военномъ дѣлѣ!

1-й Офицеръ. Вотъ для того-то ихъ и приводятъ сюда каждый день учиться выправкѣ, артикулу и полевой службѣ.... Вотъ и теперь мы поджидаемъ еще новой партіи новобранцевъ.... Увидишь, братъ, этихъ героев....

Меньшиковъ. Конечно, это шутки, но какъ всякая шутка нашего Царя скрываетъ въ себѣ благую цѣль, то и этою онъ хочетъ приучить народъ свой къ шуму и движенію военному, вмѣстѣ съ тѣмъ искоренить невѣжество, предразсудки и пагубныя остатки мѣстничества.... Все онъ дѣлаеть шутя: шутя — преобразуетъ войско, шутя — создаетъ флотъ.... по шутки эти скоро отзовутся страхомъ для сосѣдей и враговъ Россіи, онѣ прославятъ наше отечество и увѣковѣчатъ доблестную память Петра Алексѣевича. Такъ, братья.... и если мы — его счастливые сподвижники, усердно и дружно пойдемъ за нимъ, то и наши имена, теперь небольшие, какъ имена потѣшныхъ, впишутся въ исторію дѣяній нашего Царя....

Всѣ. Ради стараться! Да здравствуетъ Царь нашъ Петръ Алексѣевичъ!

II.

ТЪЖЕ и ПОТЪШНЫЙ.

Потъшный (*подходитъ къ Пфлихту*). Ваше Высокородіе! Его Превосходительство, генералъ нашъ, проситъ васъ къ себѣ.

Пфлихтъ. А! сейчасъ! сейчасъ! (*Бросаетъ трубку и оправляется*).

Меньшиковъ. А его Величество съ нимъ?

Потъшный. Какъ же, Ваше Благородіе, позволять о чемъ-то жарко разговаривать.

Пфлихтъ (*поспѣшно*). Извините, господа, по долгу службы.... (*Уходитъ съ Потъшнымъ*).

III.

ТЪЖЕ, безъ ПФЛИХТА.

Меньшиковъ. Славный, добрый и честный малый нашъ Капитанъ, господа.... только вотъ долгъ службы вѣчно у него на языкѣ....

1-й Офицеръ. Не на языкѣ одномъ — и на дѣлѣ. (*Всѣ отходятъ въ глубину сцены*).

IV

МЕНЬЩИКОВЪ и АРТАМОНОВЪ.

Меньшиковъ. Что съ тобой, Артамоновъ? Ты чуждъ общаго веселья; какъ-будто не хочешь принимать въ немъ участія.... Ты молчаливъ сегодня, какъ рыба.... Прости мнѣ откровенность мою.... я бы спросилъ тебя: неужели слава служить Царю Петру не увлекаетъ тебя.

Артамоновъ. Не увлекаетъ? А что-же заставило меня отказаться отъ семейства, родныхъ и друзей, какъ не вѣра въ грядущую славу Петра, какъ не жажда образованія? — Ты знаешь, что я записался въ одинъ годъ съ тобою въ Потъшные.... Но есть у меня другое горе, которое я умѣлъ скрыть отъ всѣхъ.... и развѣ повѣдаю тебѣ одному только.... слушай.... У отца моего есть искренній другъ Князь Мышецкій.

Меньшиковъ. Знаю.... Ну!...

Артамоновъ. У князя есть 20-ти лѣтняя дочь.... Марія....

Меньшиковъ. Ага! повимаю! Продолжай, продолжай, братъ: рассказъ твой становится интереснымъ.

Артамоновъ. Отцы, съ давнихъ поръ, обѣщали другъ другу породниться и Марія была назначена мнѣ въ невѣсты; по праву жениха мнѣ позволено было, противъ нашихъ обычаевъ, видаться съ нею довольно часто. Мы, по неволѣ, сблизились и полюбили другъ друга.... Въ это время вѣсть о царскихъ потѣхахъ дошла и до насъ; дѣятельная, веселая жизнь Потѣшныхъ меня плѣнила; Марія одобрила мое желаніе.... Безразсудные! мы оба не предвидѣли, что съ началомъ новой службы моей будетъ конецъ нашему счастью, что она разлучитъ насъ на вѣки. Такъ и случилось. Князь Мышецкій, какъ ты легко можешь себѣ представить, не хотѣлъ болѣе обо мнѣ слышать....

Меньшиковъ. И ты, въ продолженіи пяти лѣтъ, не видался съ своей возлюбленной? Бѣднякъ! Да этакъ можно было давнымъ давно забыть красавицу....

Артамоновъ. Нѣтъ, я видѣлся съ нею, по рѣдко и случайно.... Въ грустномъ взглядѣ ея я прочелъ, что она помнитъ и, по-прежнему, любитъ меня. Къ тому же помогаетъ намъ одна общая знакомая наша, бѣдная дворянка Савина: черезъ нее увѣряемъ мы другъ друга въ любви неизмѣнной....

Меньшиковъ. Ну, братъ Артамоновъ, не зналъ я за тобой такихъ проказъ.... Однако-жъ, любезный, это пяти-лѣтняя давность.... Отчего-же ты пыньче такъ особенно печаленъ, какъ никогда не бывалъ прежде....

Артамоновъ. Слушай — я еще не кончилъ моей исторіи.... Вчера я встрѣтился съ нею на гульбищѣ—и былъ пораженъ внезапною переменною въ лицѣ ея: цвѣтуція здоровьемъ щеки были покрыты страшною блѣдностію; отуманенные какимъ-то горемъ глаза ея, какъ будто говорили мнѣ о близкомъ несчастіи, которое грозитъ намъ обоемъ.... Не смѣя говорить съ нею, встревоженный тяжелымъ предчувствіемъ, я бросился къ Савиной — она ушла куда-то на богомолье.... Теперь можешь судить о моей тоскѣ и отчаяніи.... Я не могу узнать, что сдѣлалось съ моей Маріей....

Меньшиковъ (*задумывается*). Бѣдняжка.... право.... я начинаю принимать участіе въ твоихъ любовныхъ шашняхъ.... Ну, а скажи-ка, знаетъ-ли Царь о твоёмъ горѣ?

Артамоновъ. Да, однажды.... Ты вѣдь знаешь, что Царь удостоиваетъ меня иногда ласковымъ словомъ....

Меньшиковъ. Да, да! Царь часто отзывается о тебѣ, какъ объ отличномъ служивомъ. Ну, что жъ однажды....

Артамоновъ. Однажды, когда государь обратился ко мнѣ съ

вопросомъ о моемъ семействѣ... и о моихъ дѣлахъ... Я не скрылъ отъ него моихъ бѣдъ — и во всемъ ему признался...

Меньшиковъ. Ну, а — онъ?

Артамоновъ. Онъ улыбнулся, нѣсколько подумалъ и сказалъ: подожди, братъ Артамоновъ, еще не пришло наше время: я тебя не забуду! Разумѣется, послѣ этого, мнѣ нечего было напоминать ему о себѣ...

Меньшиковъ. Глупецъ!... И ты еще горюешь — послѣ того, какъ онъ сказалъ: я тебя не забуду... Вѣрь и надѣйся, мой другъ, вотъ тебѣ мое единственное пока утѣшеніе. Однако я съ тобой заболтался. Прибѣжалъ на минуту повидаться съ товарищами, да и пробылъ съ доброй часъ. Царь того и гляди, что поѣдетъ, а ты знаешь, что я до самаго похода долженъ быть при немъ неотлучно. Одна надежда: заговорится съ Лефортомъ. Прощай-же, Артамоновъ; не увывай, держись крѣпко за слово царское и не забывай, что у тебя есть друзья — Потѣшные!

Тургеневъ (за сценой). Ай, да молодцы!

Меньшиковъ. Да вотъ никакъ и кіевскій полковникъ нашъ привѣтствуетъ новобранцевъ. Они, надѣюсь, развлекутъ тебя на время, а тамъ, что Богъ дастъ. До свиданія! (*Бѣжитъ.*)

Тургеневъ. Постой, постой! куда такъ скоро, Данилычъ! Аль меня испугался: я хоть и великой вошью, а кажись не страшень. Да, да, ты боишься, чтобъ пригрѣтое мѣстечко не остыло — поторопись въ самомъ-дѣлѣ...

Меньшиковъ. Вотъ тебѣ, дядя, цѣлая ватага на потѣху; забавляйся, сколько душѣ угодно, а меня избавь отъ своихъ прибаутокъ. (*Уходитъ.*)

Артамоновъ (*всторону*). Чего-жъ мнѣ лучше, попрошу дядю Якова: авось не откажетъ.

Тургеневъ. Здорово, Артамоша! Что ты это сентябрьемъ такимъ смотришь? Вотъ учись у Данилыча: вишь какъ попрыгиваетъ, а пожалуй скоро прыгнетъ такъ, что и изъ виду потеряешь...

Артамоновъ. Всякому свое... а я къ тебѣ съ просьбою, дядюшка: не въ службу, а въ дружбу...

Тургеневъ. Все готовъ сдѣлать для друга, только денегъ не проси — не дамъ: потому-что у самого нѣтъ ни копѣйки.

Артамоновъ. Не о томъ рѣчь, дядюшка Яковъ! (*Ласково.*) Скажи-ка: ты вѣдъ часто бываешь у князя Мышецкаго?

Тургеневъ. Давно ужъ не былъ, а что?

Артамоновъ. Я хочу просить тебя: не сходишь-ли къ нему...

Тургеневъ (*вполголоса*). Эге, братъ, да не хочешь-ли ты опять нарядить меня повѣреннымъ къ смазливой дочкѣ его? Нѣтъ, братъ, слуга покорный! Я ужъ тебѣ разъ на отрѣзъ отказалъ и теперь повторю, что мнѣ свои бока еще не надоѣли, а съ княземъ шутить нельзя.

Артамоновъ. Но мнѣ бы только узнать, дядя Яковъ....

Тургеневъ. И не проси: эта услуга хуже займа. Да скоро-ли перестанешь ты нянчиться съ княжной своей? Полно... Плюнь!... Будь молодцемъ — вонъ, какъ эти богатыри... вишь ты какое храброе воинство.... Посмотри-ка, какъ выстроились.... Какъ нетерпѣливо ждутъ команды — удрать поскорѣй во свояси. Гдѣ вамъ Потѣшнымъ! Далека пѣсня до нашихъ подъячихъ.... А.... вотъ и капитанъ! многознайка нѣмецъ....

—

V.

ПФЛИХТЪ входитъ быстро, ОДИНЪ ИЗЪ ПОТѢШНЫХЪ несетъ за нимъ книгу.

Пфлихтъ. Куда могъ дѣваться нашъ писарь приказа? *Verfluchter Kerl!* Некому записать въ книга все это народъ! А, господинъ Яковъ Тургеневъ! умѣетъ вашъ писать?

Тургеневъ. Писать?... Учили когда-то, да не далась мнѣ эта грамота, Адамычъ.

Пфлихтъ. Ахъ, какой я *Dumm!* Да! г-нъ Артамонъ — ви чело-вѣкъ грамотный: вамъ пожалуйста.... вотъ книга.... запишите весь этотъ народъ....

—

VI.

Потѣшныя выводятъ на сцену толпу подъячихъ, стряпчихъ, жильцевъ, дворянъ, а сами становятся по другую сторону.

Тургеневъ. Экой народъ-то! Чудо богатыри! Не бось все люди бывалые въ походахъ, не бось съ княземъ Голицынымъ и Крымъ бирали и татаръ бивали!... (*Показываетъ въ кулису*). А вонъ тамъ собралась еще ватага. Посмотримъ, что за птицы? (*Уходитъ*.)

Пфлихтъ (*обращаясь къ новопришедшимъ*). Слушайте, что мой вамъ сказывалъ!

Одинъ изъ толпы. Да ты еще ничего намъ не сказывалъ, бояринъ.

Пфлихтъ. А, пожалуйста! завтра рано будетъ вашъ здѣсь, съ

оружіемъ, кто что есть, приходитъ и учитъ дѣлать артикуль и вся военный экзерсисъ. Ну, понимаетъ?

Одинъ изъ толпы. Не совѣмъ, бояринъ.

Другой. Ничего не разумѣемъ, бояринъ.

Флихтъ (*съ нетерпѣніемъ*). Прошу покорно сдѣлають что ни будетъ съ такой безтолкова народъ! (*Первому Офицеру*). Рас-толкантъ имъ, пожалуйста, г. офицвръ, ихъ долгъ служба.

Первый Офицеръ. Завтра утромъ вамъ всемъ надобно опять придти сюда съ оружіемъ, какое у кого есть; вамъ покажутъ все правила строя, а потомъ будьте готовы къ походу подъ Кожухово.

Артамоновъ. Теперь говорите мнѣ ваши имена и званія: я запишу ихъ къ книгу.

Всѣ вмѣстѣ. Азъ есмь....

Артамоновъ. Только не всѣ вдругъ; подходите ко мнѣ поодначкѣ. Ты кто?

Одинъ изъ толпы. Азъ изъ жильцевъ Московскихъ, Тимошка Сергѣевъ, сынъ Бурковъ.

Другой. Азъ изъ дѣтей боярскихъ, Ивашка Васильевъ, сынъ Коробовъ.

Третій. Азъ есмь Яшка Матвѣевъ, сынъ Крупенинъ, подъячій съ приписью.

Четвертый. Азъ есмь площадной стражчій Ермошка Федотовъ, сынъ Монаховъ. (*Всѣ остальные подходятъ и записываются.*)

Флихтъ. Г. офицвръ! Велитъ давать имъ теперь мускета: мой хошитъ поемотрѣть, что эта господъ можетъ дѣлать.... (*Потѣшнымъ*). А вы показывай примѣръ, какъ долгъ служба требуетъ стоять, выкидывай мускетъ и маршировають....

Аюня (*за сценой*). Да куда же это, дялюшки, ташите вы меня? Пустите! въ послѣдній разъ вамъ говорю, не то отцу пожалуюсь....

Флихтъ. А, вотъ еще одинъ молодецъ! Давай его здѣсь! (*Аюню приводятъ на сцену.*)

Аювя. Умплосердятеесь! Да что же это хотятъ со мной дѣлать?

Одинъ изъ стрельцевъ, приведшихъ Аюню. Вотъ мы и пришли! Г. Капитанъ скажетъ, что тебѣ дѣлать.

Аюня (*кланяясь*). Разсуди, господинъ.... какъ тебя; авось ты поумѣе вотъ этихъ.... вишь я стоялъ себѣ на площади, никого не трогалъ и ничего дурнаго не сдѣлалъ, вороны не спугнулъ, на народъ глазѣлъ только, а вотъ эти раз.... о, бишь дяди, ни съ того ни съ другаго цапъ-царапъ, да и поволокли сюда. Отпусти меня домой, голубчикъ дялюшка, а этихъ-то хорошенько, чтобъ

въ другой разъ не бойко за воротъ всякаго... Чтобъ не мяли потѣшныцу... да еще кому...

Одинъ изъ стрѣльцевъ. Намъ велѣно было только привести его въ Преображенскій приказъ. (*Пфлихтъ даетъ знакъ и стрѣльцы уходятъ*).

Аюня. Такъ я въ Преображенскомъ! Господи! Да за что-жъ это?

Пфлихтъ. Чего вы испугался, молодой господъ, вамъ въ Преображенскомъ надобно будетъ только долгъ служба показаль... множо поучиться...

Аюня. Учиться? Какъ учиться? для чего учиться? Да вы спросили бы меня прежде: хочю-ли я учиться? Дома всегда такъ дѣлають; и если ужъ чего я не хочю...

2-й Офицеръ. А не хочешь, такъ и насильно заставять: здѣсь вѣдь не дома. Да чего и бояться ученья? взялъ мушкетъ въ руки, да знай поигрывай имъ.

Аюня. Какъ... играть мушкетомъ? Что ты! Да отецъ мой, бывало, ни подъ какимъ видомъ не велить и дотрогиваться до мушкета: онъ дескать можетъ убить...

1-й Офицеръ. Вотъ для того то и надобно учиться, какъ играть имъ, чтобъ онъ не убиваль того, кто имъ играетъ, а другихъ, кого нужно.

Аюня. Брр... подумать страшно. Вѣдь если я, напримѣръ, другихъ убиваю, то и меня могутъ убить?

2-й Офицеръ. Вѣстимо не пощадять.

Артамоновъ. Скажи-ка скорѣй имя твое и званіе и ступай на свое мѣсто.

Аюня. А, наконецъ-то узнають, кто я. Вотъ этимъ кричалъ я во все горло, что я дескать сынъ стольника и воеводы Князя Юмы Кондратьевича Мышецкаго — такъ они и усомъ не повели.

Артамоновъ. Какъ! Аюня?

Потѣшныя. Сынъ князя Мышецкаго?

Аюня (*гордо*). То-то же! Вотъ какъ: всѣ меня знаютъ — да и кто же можетъ не знать князя Мышецкаго?

Артамоновъ. Какъ вы выросли, перемѣнились, Аюнасій Юмичъ; васъ узнать нельзя.

Тургеневъ (*выходитъ съ лѣвой стороны*). Ба, ба и князекъ здѣсь! Какими судьбами? Неужто учиться?

Аюня. И дядя Яковъ! Ну, все знакомые; слава Богу! Полегче стало! Теперь зачѣмъ ужъ мнѣ учиться здѣсь? Вы всѣ знаете, кто я, такъ пустите! мнѣ пора домой.

Артамоновъ (*Тургеневу тихо*). Разспроси его, пожалуйста!

Тургеневъ. Постой, постой, сѣятельный, успѣешь еще! Скажи-ка мнѣ, я давно у васъ не былъ, здоровъ-ли батюшка твой, княжна сестрица?

Аюня. Отецъ что-то прихварываетъ да не боюсь скоро оправится: — вѣдь онъ такой здоровенный, Богъ съ нимъ! Сестра, скоро выйдетъ за мужъ.

Артамоновъ. Выходятъ замужъ?

Тургеневъ. Замужъ? За кого же это?

Аюня. А за дядю Спцкаго. Они ужъ и помолвлены.

Артамоновъ. Помолвлены? (*Въ сторону.*) О Марія!

Флихтъ. Ну, что жъ вы тамъ? Скоро вы кончите, г. Артамоновъ? (*Потышные отходятъ; строятся; новобранцамъ раздаютъ ружья*).

Артамоновъ. Сейчасъ, г. Капитанъ.

Флихтъ. Русска часъ очень длинна.

Аюня. Какъ! это Алексашка Артамоновъ, еретикъ, басурманъ? (*Пытается къ Тургеневу и осматривается кругомъ*). Да здѣсь все на него похожи. Господи! Дядюшка Яковъ! Да не хотять-ли и меня здѣсь обасурманить?

Тургеневъ. Успокойся!...

Флихтъ (*стремительно*). На мѣсто пошелъ! Что вы такъ долго болтаетъ?

Аюня (*хватается за Тургенева*). Ай, ай! Что это нѣмецъ-то со мной дѣлать хочетъ? Выручи, дядя: ты вѣдь меня знаешь; право отецъ спасибо тебѣ скажетъ....

Флихтъ (*хватаетъ его за воротъ и тащитъ*). Э, полно толкуютъ!

Аюня. Ай, ай! Наше мѣсто свято! Да что же вамъ отъ меня надобно? (*Аюню становятся въ строй и даютъ ему ружье; ученье каждаго изъ пришедшихъ по одинакъ въ время слѣдующаго разговора*).

Артамоновъ. Такъ вотъ какая печаль свидаетъ мою Марію! Вотъ ея горе.... И вотъ мое послѣднее зло.... Что со мною будетъ?

Тургеневъ. А что будетъ? Ничего. Погорюешь, похнычешь, да и полно....

Артамоновъ. Нѣтъ, дядя Яковъ.... отъ этого горя печакнетъ мое бѣдное сердце.... Боже мой.... я думалъ.... я все еще надѣялся....

Тургеневъ. Видишь.... Вотъ ужъ и грѣшить началъ.... Шу.... ну.... Такъ и быть, не кручинься. Я готовъ помочь тебѣ — по-

жалуй, пойду хоть къ Мышецкому! Да только что мы тамъ сдѣлаемъ, дружище....

Артамоновъ. Ты постарайся увидать Марію, утѣшить ее... Ты скажешь, что я.... Боже мой.... Я просто теряю голову....

VIII.

МЕНЬЩИКОВЪ И АРТАМОНОВЪ.

Меньшиковъ (*выходитъ поспѣшно*). Артамоновъ, радуйся! пріятная вѣсть!

Артамоновъ. Все кончено, Меньшиковъ! Марію выдаютъ замужъ. Я узналъ это сейчасъ отъ брата ея...

Меньшиковъ. Успокойся! можетъ быть не все еще кончено.

Артамоновъ. Какъ! ты знаешь.... Неужели — еще есть надежда....

Меньшиковъ. Есть, товарищъ.... Ты даже, быть можетъ, увидишь свою возлюбленную....

Артамоновъ. Увижу!... Меньшиковъ, ты смѣешься надо мною.

Меньшиковъ. Ни сколько.... радуйся!... встрѣпнешь....

Артамоновъ. Ну.... ну! Говори же....

Меньшиковъ. Царь посылаетъ тебя къ князю Мышецкому спросить отъ своего имени объ его здоровьѣ....

Артамоновъ. Меня посылаетъ къ князю? Ты шутишь, Меньшиковъ!

Меньшиковъ. Ты долженъ выполнить порученіе Царя такъ, какъ онъ самъ тебѣ это наказываетъ....

Артамоновъ. Какъ же долженъ я его выполнить?

Меньшиковъ. Царь велитъ тебѣ непременно полюбитья гордому князю.

Артамоновъ. О для этого я готовъ на все рѣшиться! Ты оживилъ меня, другъ Меньшиковъ. Любовь придаетъ мнѣ крылья. Вѣкъ не забуду твоей услуги....

(Уходятъ.)

X.

УЧЕНЬЕ.

Флихтъ. Ну, теперь смирнѣ! Слушать, что я говорить начинай! На караулъ!

1 й офицеръ (*поправляетъ Мышецкаго*). Стой прямѣе, что ты нагнулся?

Аюоя. Ой, ой, что ты меня по спиць-то тузишь? Вѣдь не барабанъ нашелъ; больно! Вишь какую тяжелую игрушку навязали мнѣ: по неволѣ согнешься въ дугу.

Флихтъ. Во фронтъ не разговаривайтъ. *(Командуетъ)* На плечо! *(Всѣ дѣлаютъ, какъ попало)*. Да на правый пожалуста! *(Бьетъ Аюою по плечу.)*

Аюоя. Да что жъ это?...

Флихтъ. Тсъ! На правый вамъ сказывалъ.

Аюоя. Да развѣ это не правое плечо? *(вслухъ)*. Ахъ, да какой я дуракъ вотъ правое-то....

Флихтъ *(командуетъ потышнымъ)*. На право кругомъ! *(новымъ)*. Теперь вы за нимъ ступай! Слушай, что я говорю! Лѣвой ногой, тихій шагъ, маршъ! *(Потышные впередъ; новые идутъ за ними, какъ попало.)*

Флихтъ. Да пожалуста, Donner-Wetter! какой безтолковъ! лѣвый погъ! гдѣ лѣвый!

1-й офицеръ *(бьетъ Мышецкаго)*. Лѣвой погой, говорятъ тебѣ.

Аюоя. Ой, ой! *(Въ сторону)* То правой, то лѣвой — вотъ поди, разбирай ихъ тутъ!

Флихтъ *(идетъ задомъ)*. Права, лѣва, права, лѣва. Разъ, два, разъ, два!

1-й офицеръ. Пряме держаться! Голову на верхъ! *(поднимаетъ Аюою голову)*. Вотъ такъ! Гдѣ же ружье-то у тебя? Эй вы! вмѣстѣ всѣ, не отставай!

Флихтъ. Стой! *(Командуетъ такъ, чтобъ потышные стали опять противъ новобранцевъ. Обращаясь къ послѣднимъ)*. Теперь смотреть, какъ онъ будетъ дѣлай — и вы дѣлай тоже самый! *(потышнымъ)* зарешай мускетъ!

Аюоя. Что! Развѣ онъ въ самомъ дѣлѣ будутъ стрѣлять, и мы то же? Г. ка.. ка..пи-танъ! Да это уже не шутка! А? что же это будетъ? Господи!

Флихтъ. Молшать, судырь! сколько мой разъ сказывать: во фронтъ не разговаривай!

Нѣкоторые изъ новыхъ. Да какъ? мы не умѣемъ!

Флихтъ. Ахъ, какъ безтолковъ! Вѣдь мой вамъ давнѣе показывалъ! Господинъ офицеръ! Командовать имъ по старинной темпъ.

Офицеръ *(командуетъ)*. Подыми мускетъ ко рту! Содни съ полки! Возьми пороховой зарядъ! Опусти мускетъ къ низу! Сыни порохъ на полку! Поколоти немного мускетъ! Закрой полку!

Страхни! Содми! Положи пулю въ мушкетъ! Положи пыжь на пулю! Вынь забойникъ! Добей пульку и пыжь до пороху!

(Эта команда должна прерываться вопросами: да гдѣ же зарядъ, пуля, порохъ, пыжь, забойникъ? и восклицаніемъ Пфлихта, офицера и сержантовъ, чтобъ они дѣлали, какъ будто въ самомъ дѣлѣ заряжаютъ.)

Пфлихтъ. Ну, коншень, слава Богъ! Теперь слушать: прикладывайсь!

Аюня. Нѣтъ, нѣтъ, послушайте! не палите! Ай батюшки! Вонъ какъ они устали въ насъ свои мушкеты! Ребята, да что жъ это? Вѣдь насъ убить хотять! Батюшка, господи въ капитанъ, помилосердуй! Ну, ихъ пожалуй! меня-то за что? Родной мой! приди на выручку! (Оглядывается). И дяди Якова нѣтъ! спя нѣтъ.... улизну! (Хочетъ бѣжать).

Пфлихтъ (тихитъ его на мѣсто). А, помилуй; да что же это такой? Мой велитъ заставить тебя слушаться.

Аюня. Да гдѣ ты, отецъ мой?

Пфлихтъ. Ну же вы, прикладывайсь! Па...ли! (Потышныя спускаютъ курки, всѣ новобранцы падаютъ.)

Аюня. Ай, ай! (Бросается бѣжать.)

Пфлихтъ. Держи, держи его! Ахъ, трусь какой! (Двое солдатъ бѣгутъ за нимъ).

Офицеръ. Смотри, какъ улещетывается! Да гдѣ? его и съ собаками не догонишь!

Пфлихтъ. А вы что? Вставай! Чего вашъ испугался? (Плоторые изъ новобранцевъ поднимаютъ головы, другіе, озираясь съ испугомъ, поднимаются.)

ПЕРЕМѢНА.

I.

(Комната въ домѣ князя Мышецкаго, князь мышецкій и сицкій выходятъ изъ дверей на-право.)

Князь. Ну, все ли готово, дорогой мой Оедуль Оедотовичъ?

Сицкій. Все въ исправности, князь Оома Кондратьичъ.

Князь. То-то же, смотри, я на тебя полагаюсь, какъ на самого себя. Дѣло, братецъ, важное.

Сицкій. Всекопечно такъ, дѣло очень важное. Да ужъ, не бойсь, срамоты не сдѣлаю.... человекъ бывалый.

Князь. Вѣрно, Федулъ Федотовичъ.... Ты, дружище, правая рука у меня; не даромъ хочу я съ тобой породниться. — Я только такъ напомнилъ о дѣлѣ.... не равенъ часъ, вдругъ объявятъ походъ, такъ чтобъ намъ предъ Царемъ сраму не нажать.

Сицкій. Двѣ сотни завербованы и роспись есть. Они говорятъ: давай намъ оружіе, да денегъ, да корми вдоволь, такъ на все будемъ готовы.

Князь. Ужъ за этимъ дѣло не станетъ у князя Мышецкаго; только бы потѣшили мою душеньку, отдѣлали бы порядкомъ эту новобранную толпу, перевязали бы ихъ какъ барановъ, да и привели бы на веревкахъ къ Царю: На, молъ, вотъ тебѣ твои потѣшныя! Ничего не пожалѣю: тогда задамъ молодцамъ своимъ пиръ на весь міръ.... А какова была бы слава князю Мышецкому?

Сицкій. Да, да, честь и слава князю Оумъ Кондратьевичу Мышецкому.

—

II.

ТѢЖЕ и БОЯРИНЪ АРТАМОНОВЪ.

Князь Мышецкій. Ба, ба, Сергѣй Абрамовичъ! Какими судьбами? Да что это ты, братецъ, запыхался — аль бѣжалъ отъ кого безъ оглядки?

Артамоновъ. Ужъ, князь, я къ тебѣ съ вѣстію, да съ такою, что хоть не вѣрять—такъ въ пору.... и кто бы могъ подумать?

Князь. Какая-же это вѣсть?

Артамоновъ. Ну, посудн самъ, слыханое ли дѣло? Воистину, знать, пришли послѣднія времена....

Князь. Да что же такое, братецъ, говори скорѣе: ты знаешь я не люблю дожидаться.

Артамоновъ. Представь себѣ.... да я еще въ себя не придю.... Тотчасъ получилъ я приказъ отъ Царя.... Нутка угадай, что было мнѣ приказано?

Князь. Тѣфу ты пропасть! Да кто-жъ тебя знаетъ.

Артамоновъ. Приказано мнѣ, бывшему постельничему блаженной памяти царя Алексія Михайловича, участвовать въ учинномъ воинскомъ дѣлѣ подъ Кожуховымъ.

Князь. А, вотъ что! Ха, ха, ха! Такъ и тебя хотятъ учить воинскому дѣлу? Ну чтожь? Милости просимъ! Покажи намъ свою придворную удадь.

Сицкій. Ха, ха, ха! Покажи ка намъ въ самомъ дѣлѣ удалъ свою придворную, боярину!

Артамоновъ. Да, хорошо вамъ людямъ военнымъ подсмѣивать-ся надъ придворными, которые не нюхали пороха и едва умѣютъ влѣзть на коня, чтобъ проѣхаться шагомъ по улицамъ, а ужъ много, коль выѣхать въ поле на охоту. А вѣдь Царь-то шутить не любитъ: знаю я его, — и какъ вспомню про послѣднюю царскую охоту, такъ морозъ и подереть по кожѣ.

Князь. Да.... да.... какъ онъ всѣхъ-то васъ заставилъ охотиться безъ холопей? Ха, ха, ха! Помню....

Артамоновъ. То-то, самъ знаешь, а мы безъ холопей то, какъ безъ рукъ: пошли путаться, натыкаться другъ на друга, падать.... Миѣ кажется, что у меня теперь еще бока болятъ послѣ этой потѣхи.... (Князь и Сицкій хохочутъ.) Ахъ, прошло золотое времячко, когда Царь любилъ пышность дворскую, окружалъ себя видимо невидимымъ множествомъ вѣрныхъ слугъ своихъ—и тепло было этимъ ппжайшимъ рабамъ его. Вздумаешь ли бывало выѣхать изъ дворца.... Эхъ, да что и вспоминать.... слеза прошибается.... Плакать хочется.... А теперь, прости Господи, (оглядывается) только и дѣла, что корабли рубить, да потѣшныхъ учить....

Князь. Ужъ не говори, Сергѣй Абрамовичъ, статное ли дѣло самому Царю этимъ заниматься? Какъ будто не кому и поручить важныхъ дѣлъ такихъ.

Артамоновъ. А все эта басурманщина, прости Господи, особенно этотъ Лефорть выскочка: и въ усъ не дуешь нашему брату князю и боярину, что назвали его спараломъ, да дворець выстроили въ Преображенскомъ.

Князь. Я бъ ему выстроилъ дворець басурману....

Артамоновъ. Тсъ! что ты, что ты, князь, такъ громко поговариваешь.

Князь. Не боюсь: здѣсь никто не услышитъ, а и услышитъ, такъ изъ избы сору не вынесетъ. Обидно, братъ Артамоновъ.... повстниѣ обидно! Никому нѣтъ разбора. Вишь цѣнятея только умъ, проворство, да охота учиться, а на знатность, родъ, на имянитость предковъ и не смотреть.... Только и ходу, что въ потѣшныя. А что въ нихъ толку, прости Господи.

Артамоновъ. Вовстину парядили ихъ, какъ куколъ, въ заморскіе кафтапы, надѣли на ноги чулки съ башмаками, на голову какія-то трехконечныя шляпы, да какъ куколъ же и заставляютъ двигаться нога въ ногу.

Князь (*смѣется*). Посмотришь, словно частоколъ идетъ! Погоди, братъ, мы пошупаемъ крѣпко-ли стоитъ этотъ частоколъ да разметимъ его по полѣвницамъ, будь онъ на аршинъ въ землю вкопанъ. Не такъ ли, Федулъ Федотовичъ? Только сойтись съ нами въ чистомъ полѣ...

Сицкій. Во истину такъ, князь Оома Коцдратьичъ: ужъ разметимъ, только бы сойтись.

Артамоновъ. Какъ! Такъ ты, не шутя, думаешь драться съ Потѣшными?

Князь. Да развѣ я не говорилъ тебѣ?

Артамоновъ. Ничего не говорилъ.

Князь. Да и не мудрено: вѣдь ты человекъ не военный, что съ тобой совѣтоваться? — Помнишь ли, когда мы обѣдали вмѣстѣ съ Царемъ у князя Ромодановскаго, и Царь съ Лефортомъ хвалился своимъ Потѣшными, а я утверждалъ, что Потѣшные хороши только для потѣхи, а въ настоящемъ дѣлѣ, не смотря на безпрестанное ученье да примѣрное сраженье, пикуда не будутъ годиться.

Артамоновъ. Какъ-же? помню, помню! Еще Царь долго смѣялся надъ тобою.

Князь. Да! я выхваляя старое войско, сказалъ Царю, что если бы мнѣ случилось быть побѣжденнымъ Потѣшными, то Его Величество могъ бы дѣлать со мною, что ему угодно, далъ бы мнѣ какой ни есть чинъ пѣмецкій, пусть, даже одѣлъ бы меня въ кургузое платье, всему свѣту на посмѣшнице, взялъ бы все семейство мое въ свое распоряженіе—сына записалъ бы хоть въ Потѣшные, а дочь.... ну, а дочь выдалъ бы за кого вздумается....

Артамоновъ. Ахъ, да и я, поддерживая тебя, кажись, что то общалъ съ горяча....

Князь. Ты общалъ сына простить.

Артамоновъ. Такъ и есть.... пожалуй и указъ-то о наборѣ войска изъ всѣхъ сословій—Царь далъ на этотъ случай.... Вотъ добрался до насъ....

Князь. Чего трусишь? Не бойсь.... я радъ тряхнуть стариной... Нарочно просилъ самъ Царя, чтобъ онъ позволилъ мнѣ на собственное мое иждивеніе снарядить двѣ сотни по старинному, изъ жильцевъ, дворянъ и боярекихъ....

Артамоновъ. Что же: онъ позволилъ?

Князь. Какъ же, прислалъ особый приказъ, въ которомъ меня и Федула Федотовича назвалъ великими вождями непобѣдимыхъ.... И какъ ты думаешь? вѣдь не забылъ общанія-то

моего! Въ концѣ приказа прибавлено: «да будетъ вѣдомо князю Мышецкому, чтобъ онъ полнилъ и держалъ слово свое!» — Не боюсь, князь Мышецкій даромъ слова не проронитъ...

Артамоновъ. Э... такъ стало быть по этому и мнѣ вѣрно пристать къ твоимъ сотнямъ! Ну, хоть и за то спасибо: не къ вѣмцу какому-нибудь, а къ другу своему пойду подь начало.

Князь. Такъ нечего тебѣ и бояться, дружище: мы за себя стоимъ, лицомъ себя въ грязь не ударимъ. Спроси-ка Оедула Оедотовича, какихъ молодцовъ мы къ себѣ набрали, всё они въ крымскихъ походахъ бывали съ нами! Что за народъ! Все плечистые, ражіе ребята; а силачи то какіе? одинъ пятерыхъ уберетъ. Бывало, какъ гаркнуть, да понесутся въ разсыпную — такъ татары, сколько-бъ ихъ не было, всё на-поваль.

Сицкій. Да, да, точеховько, всё на поваль — ни одного, бывало, живаго не найдешь. Молодцы драться, сказать нечего!

Князь. Еслибъ князь, не тѣмъ будь помянуть, былъ не баба, то мы съ такими удалцами и Крымъ то бы взяли и татаръ-то ни-вѣсть куда бы загнали. Не даромъ царевна Софія Алексѣевна всѣхъ ихъ по-царски наградила; а намъ пожаловала золотыя медали: мнѣ какъ воеводѣ у большаго знамени...

Сицкій. А мнѣ какъ сотенному воеводѣ московскихъ дворянъ...

Князь (*перебивая*). Такъ устоятъ ли противъ такихъ молодцовъ Потѣшныя... пристукнуть наши — гляди только мокренько будетъ! Такъ ли, нарѣченный мой зятюшка?

Сицкій. Всеконечно такъ, князь Оома Кондратьичъ.

Князь (*Артамонову*). А что братъ, Сергѣй Абрамовичъ, не удалось намъ породниться съ тобою, жаль... Только напрасно воду толкли?

Артамоновъ. Ужъ не говори объ этомъ, князь, сердце надрывается! Такъ бы вотъ сына-то своего собственными руками и...

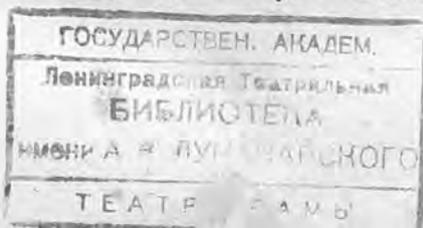
Князь. Да жаль молодца: погубилъ себя навѣкъ. Пускай теперь потретъ ляжку, потѣшитъ и себя и другихъ, не добѣтъ, не доспитъ, такъ не разъ вспоманеть домъ отцовскій. А все ты вповать? выкормилъ такого непокорнаго сына? Не боюсь, Аволя моя этого не сдѣлаетъ, — не убѣжитъ изъ дому.

Артамоновъ. Что дѣлать, князь, кого Богъ пошлетъ!

Князь. Однако пойдѣте ко мнѣ въ свѣтлицу: тамъ намъ ловче будетъ потолковать... да и хорошъ я хозяинъ! Ни чѣмъ

Отд. I.

2

гостя дорогаго не поподчую ; поди-ко у тебя въ горлѣ пересохло, Сергѣй Абрамовичъ, отъ робости ? А ?

Артамоновъ. Нѣтъ, я-таки сталь пободрѣе маленько, а вотъ какъ выпью, такъ пожалуй одинъ на десятокъ потѣшныхъ пойду !

Князь. Славно, славно ! молодецъ ! Пойдемъ-же выпьемъ !

Сицкій. Славно, славно, бояринъ ! Ужъ и {видно, что изъ нашихъ. Нутка, выпьемъ, пойдемъ ! (Хотятъ идти.)

III.

ТѢЖЕ, И АООНЯ.

Аооия (за кулисами). Ай, ай ! Помогите ! батюшка ! гдѣ ты ?

Князь. Голось Аоонасія ! Что это значить ? Что съ нимъ сдѣлалось.

Сицкій. Аоонасій Оомичъ голосить ? Что съ нимъ попритчилось ? (Всѣ идутъ къ среднимъ дверямъ.)

Аооия (за кулисами). Спасите, спасите ! Гонятся за мной ! (Отворяетъ двери). Ухъ ! (Оглядывается.) Никого нѣтъ, [слава Богу ! Я дома.... И отецъ здѣсь ?

Князь. Что съ тобою, Аоонасій ?

Артамоновъ. Что случилось, дружокъ ?

Аооия. Ухъ ! духъ захватываетъ ! Бѣжалъ.... опи за мной.... ноги подкашиваются.... словно саврасый улететь валь....

Князь. Да откуда ты ? Кто бѣжалъ за тобою !

Аооия. Ухъ ! Погоди.... не могу.... страсти.... ужаси.... да и только !

Князь. Да добыюсь-ли я отъ тебя толку ? Какая печистая сила наугала тебя ?

Артамоновъ. Да оставь его, князь ! Видишь, онъ говорить еще не можетъ. Пойдемъ-ка къ тебѣ въ свѣтлицу, дадимъ ему отдохнуть, напоимъ его чѣмъ-нибудь....

Сицкій. Да, да, князька надобно уложить поспокойнѣй ; послѣ онъ намъ все расскажетъ. (Ведутъ его подъ руки.)

Аооия. Именно.... полежать хочу.... уморился.... поѣсть, напиться.... больше ничего не хочу.... послѣ все скажу.... Злодѣи такіе ! (Всѣ уходятъ съ дверь направо.)

IV.

МАРІЯ выглядывае изъ дверейъ налѣво, САВИНА.

МАРІЯ. Никого нѣтъ! Сюда, сюда, Кузьминшна! Здѣсь мы поговоримъ на просторѣ: насъ никто не услышитъ. Скажи-же скорѣе, какую вѣсточку принесла ты мнѣ горемычной?

САВИНА. Не торопи, матушка-бояршья, меня старую; ноги едва двигаются. Вотъ видишь, моя ненаглядная, я только что ввалилась къ себѣ въ домъ и переодѣться еще порядкомъ не успѣла.... Тебѣ вѣдомо, что я ходила на богомолье, въ Троицкую обитель....

МАРІЯ. Зная, знаю, Кузьминшна....

САВИНА. По давнишнему обѣщанію, матушка.... Вотъ Богъ и сподобилъ меня грѣшную.... и принесла я тебѣ Божеское благословеніе.... Только тяжеленько, родимая, годы то не прежніе....

МАРІЯ (*съ нетерпѣніемъ*). Ахъ, Кузьминшна, ну, ты пришла домой — ну.... потомъ....

САВИНА. Да, да, прости меня, матушка. Ну, вотъ какъ пришла-то я, да и вздумала, было, отдохнуть маленько: вѣдь двѣ недѣли цѣлешеньки въ дорогѣ была — шутка вымолвить!...

МАРІЯ. Да не томи же меня, Кузьминшна; скажи, видѣла-ли ты Александра Сергѣевича? что онъ сказалъ тебѣ? знаетъ-ли онъ наше общее горе?

САВИНА. Видѣла, видѣла, моя ненаглядная, да еще и въ себя придти не могу.... такъ онъ перенугалъ меня.... какъ ворвется ко мнѣ, словно бѣшеный.... лица не было на сердечномъ, такъ сердце-то и оборвалось во мнѣ.... Да неужто, въ самомъ-дѣлѣ, подъ вѣнецъ тебѣ идти велятъ? Ахъ, мои батюшки! да что это загорѣлось родному-то? Аль не успѣеть? Аль ты не мила ему стала, что такъ съ рукъ сбить торопится? Кажись, еще не засидѣлась въ дѣвкахъ? И что же Федулъ то Федотовичъ за пара тебѣ? — вѣдь въ отцы, почитай, годится....

МАРІЯ. Не говори мнѣ объ этомъ, не умножай моей горести; лучше утѣшь меня послѣдней радостью: скажи, что еще говорилъ тебѣ Александръ?

САВИНА. Да я всего то не поняла, матушка, что въ торопяхъ говорилъ онъ, сердечный; разслушала только послѣднія слова: бѣги, скажи Маріи, что я непременно хочу видѣть ее, говорить съ ней....

МАРІЯ (*радостно*). Такъ я еще увижусь съ нимъ, услышу голосъ его? (*Задумчиво*). Но гдѣ-же и когда?

Савина. Вишь здѣсь, въ домѣ, и нынче же!...

Марія. Какъ здѣсь.... нынче?...

Тургеневъ (за кулисами поетъ).

Ахъ, ты сердце, мое сердце
Ретивое, молодецкое,
Къ чему поешь, занываешь,
Ничего не скажешь....

Марія. Ахти! кто то сюда. Уйдемъ скорѣе!

Савина (прислушиваясь). Постой ка! Никакъ это голосъ заваника дяди Якова? Такъ и есть! Не бойся его, моя красавица, онъ добрый человѣкъ!

Марія. Какъ можно, мужична посторонній! Что ты, Кузьминшна, уйдемъ! (Савина останавливаетъ ее.)

—

VII.

ТЪЖЕ и ТУРГЕНЕВЪ.

Тургеневъ (всторону). Вотъ какъ попалъ въ пору, да во время... звѣръ прямо на ловца бѣжитъ....

Марія (Савиной). Бога ради, уйдемъ, Кузьминшна! Ну, если батюшка насъ здѣсь застанетъ?

Тургеневъ (оглядываясь на всѣ стороны). Тише! тише! Успокойся, княжна! Дядя Яковъ человѣкъ не опасный, а можетъ подчасъ службцу сослужить: позабавить сказочкой, убаюкать пѣсенкой, разутѣшить вѣсточкой. Теперь у меня есть добрая вѣсточка: Онъ будетъ сюда сей же часъ!...

Савина и Марія. Сейчасъ!

Тургеневъ. Да, ѣдетъ за мной. Какъ-бы только намъ устроить вамъ свиданіе паединѣ?

Марія. Что ты? Богъ съ тобой! Какъ можно?

Тургеневъ. Вотъ то-то и есть! Надобно сдѣлать такъ, чтобъ князь не зналъ и не видѣлъ.

Савина. Что то мудреное затѣвать изволишь, дядюшка.

Тургеневъ. Моляч, баба! Волось дологъ, да умъ коротокъ! Вы ступайте на свою половицу, да ставьте поближе къ дверямъ; а я останусь здѣсь, буду ждать, да высматривать — и какъ скоро дамъ вамъ чѣмъ нибудь знать.... ну, да хоть затяну пѣсенку — вы и выходите себѣ спокойно.... Тамъ ужъ моя забота! Слышишь, Кузьминшна?

Славина. Слышу, слышу, батюшка! Не надивлюсь только, откуда у тебя столько ума-разума берется...

Тургеневъ. Не твоё дѣло разсуждать. Идите же, идите! Не равенъ случай, вздумай князь сюда пожаловать — такъ и пиши пропало.

Марія. Не знаю, отчего Кузьминшна, я вся дрожу?

Славина. Что-жъ мудренаго, матушка-барышня, отъ страху. Вишь вѣдь, что затѣяли: я сама буду стоять за дверьми на игло-лочкахъ.

Тургеневъ. Чу! голось князя.

Славина. Ахти! поспѣшимъ! (*Уходятъ нальво.*)

VIII.

ТУРГЕНЕВЪ, КНЯЗЬ МЫШЕЦКІЙ и АЮНЯ входятъ, не замѣчая Тургенева.

Князь. Виданое-ли дѣло: сына моего, сына князя Мышецкаго тащить, какъ холопа, по улицамъ и послѣ забавляться имъ? Нѣтъ! это ужъ слишкомъ, господа Потѣшныя! Княжеская кровь такого униженія вытерпѣть не можетъ. Сейчасъ отправлюсь къ Царю, не смотря на недугъ свой... Пусть Царь разсудитъ меня съ этими басурманами...

Аюня. Да, пожалуйте-ка хоршенько, батюшка: пусть-ка ихъ всѣхъ хорошенько проучатъ, какъ меня они учить вишь хотѣли, да еще чуть не застрѣлили... Право!... Пять пуль такъ надъ головой и фыркъ... Басурманы! Особенно этотъ некрещеный, капитанъ, что ли? Вотъ я бы ихъ всѣхъ теперъ — попадись мнѣ только... (*Храбрится, размахиваетъ руками и натѣкаетъ на подошедшаго Тургенева.*) Ай, ай! Кто это? Батюшка, защити! (*Прячется за князя Мышецкаго.*)

Князь. Чего ты испугался? Это ты, Яковъ. А зачѣмъ Богъ принесъ?

Аюня. И онъ тамъ былъ, батюшка! Ужъ не за мной-ли? Не пускай, не пускай меня: не хочу больше учиться!

Тургеневъ. Успокойся, дружище? Поташу-ли я тебя? вѣдь я не стрѣлецъ какой! Да вишь ты и защиту-то нашель здоровую — пушкой не своротишь!

Князь. Перестань пустое болтать. Говори, зачѣмъ пожаловалъ?

Тургеневъ. Да хоть бы посмотрѣть на твои ясныя очи! за-

кажешь, что ли? Да вот провѣдать княжича: здоровымъ ли онъ съ похода воротился? (*Подходитъ къ Аюню.*)

Аюня. Не подходи, не подходи ко мнѣ, дядя, эй ударю! Вѣдь здѣсь нѣмца-то нѣтъ!

Князь. Полно тебѣ, Аюнасіи! Экъ тебя, словно нечистая сила напугала!

Аюня. Такъ дядя то меня не тронетъ? Ну, ладно!... А что-жь ты, батюшка, поѣдешь что ли жаловаться? А я пойду до-ѣдать — вѣдь ты мнѣ и позавтракать порядкомъ не далъ — разсказывай да разсказывай... А дяди-то Абрамычъ, да Оедотычъ такъ себѣ, чай, уписываютъ, ажно за ушми трещить... этакъ и мнѣ вичего не оставятъ... Вѣдь они тово... Оплошай только!

Тургеневъ (*всторону*). Артамоновъ и Спцкій здѣсь!

Князь. Ну, ступай; похозяйничай за меня, а я...

Аюня. Ужь похозяйничай — будь спокоенъ! Угошу себя порядкомъ. (*Дразнитъ Тургенева.*) А тебѣ-то вичего! Ступай въ Преображенское, уху хлебать. (*Уходитъ.*)

Тургеневъ. А твое Сіятельство, куда это сбирается! Прости моему любопытству. Я слышалъ, что ты не домогаешь?

Князь. Такъ, вичего... пройдетъ...

Тургеневъ. Боже сохрани тебя отъ всякой напасти, Кондратычъ... Да не я одинъ... вопъ и Царь самъ хлопочетъ о твоёмъ драгоцѣнномъ здоровьѣ. Нынѣче хотѣлъ послать къ тебѣ нарочнаго провѣдать...

Князь. Самъ Царь?

Тургеневъ. Да какъ же? Ты человекъ служивый, такой славный воевода! (*Слышенъ стукъ.*) Да чу! (*Подходитъ къ окну.*) Кто-то подѣхалъ? Такъ и есть, царскій посланный — девищкѣ.

Князь. Ой ли? (*Также подходитъ къ окну.*) И въ самомъ-дѣлѣ! Кто же это? Тебѣ, Яковъ, не бойсь, всё извѣстны?

Тургеневъ. Какъ не знать: вѣстимо царскій деньщикъ! а имя-то, имя... (*Всторону.*) А кто его знаетъ, какъ ему вздумается назваться! (*Вслухъ.*) Имя то... такое, Богъ съ нимъ, мудревое... (*Князь важно разваливается въ креслахъ.*)

IX

ТѢЖЕ И ДВОРЕЦКІЙ.

Дворецкій. Батюшка князь Юма Кондратычъ! Вишь Царь

Петръ Алексѣевичъ изволилъ прислать деньщика своего узнать о твоёмъ здоровьѣ...

Князь. Ну, зови его сюда!... Пусть самъ скажетъ, зачѣмъ прислапъ. (*Дворецкому.*) Скажи умному парню, что я дескать прошу его войти ко мнѣ. (*Дворецкій уходитъ*). Ну, вотъ какъ, Яковъ, учись у умныхъ людей обхожденію. Только, послушай, ты болтать гораздъ, смотри: я иногда паединѣ, или при своихъ спускаю тебѣ разныя шутки, да прибаутки; а при постороннемъ, Боже тебя сохрани, сказать мнѣ что-нибудь такое... собаками затравлю.

Тургеневъ. Ужъ не бось, батюшка князь, не ударю тебя лицомъ въ грязь.

—
X.

ТѢЖЕ И АРТАМОНОВЪ.

(Дворецкій отворяетъ дверь Артамонову; онъ входитъ и становится съ почтительнымъ поклономъ у дверей).

Князь. Что-же, братецъ, ты такъ члвишься? Милости просямъ! Государевъ посланный, да еще такой, повидимому, умный дѣтина, всегда найдетъ пріемъ у князя Мышецкаго.

Артамоновъ (*съ низкимъ поклономъ*). Много чести, сіятельнѣйшій Князь.

Князь. Да подойди же, братецъ, поближе, и скажи мнѣ свое порученіе.

Артамоновъ. Помилуйте, ваше сіятельство, я и здѣсь постою. Вашему сіятельству извѣстно, что я прислапъ отъ Его Царскаго Величества освѣдомиться о вашемъ драгоценномъ здоровьѣ...

Князь. Донеси, братецъ, что мнѣ, слава Богу, теперь лучше, и что я лично буду благодарить Его Величество за память о старинѣ. Да подойди же, сядь здѣсь и побесѣдуемъ.

Артамоновъ. О, я не достоинъ такой великой чести. Осмѣлюсь ли я сѣсть въ присутствіи такой свѣтлой особы?

Тургеневъ (*всторону*). Того и гляди, что онъ назоветъ эту тушу прозрачной. Бѣда, да и только...

Князь. Ты славный малый и мнѣ очень нравишься. Почтительность и уваженіе къ людямъ знатнымъ и заслуженнымъ есть первая добродѣтель въ молодомъ чловѣкѣ. Повѣрь, другъ мой, что при первомъ свиданіи съ Государемъ я не забуду замолвить за тебя доброе словцо...

Артамоновъ. Не знаю, какъ благодарить ваше сіятельство за толкую милость: я во всю жизнь буду хвалиться счастьемъ...

Князь. Хорошо, братецъ, хорошо! А гдѣ Царское Величество изволилъ добыть себѣ такое сокровище? Откуда онъ взялъ тебя?

Артамоновъ. Изъ потѣшныхъ, сіятельнѣйшій князь.

Князь. Изъ потѣшныхъ? (Князь разсматриваетъ его со вниманіемъ — и про себя.) Право, не вѣрится что-то!

Артамоновъ (тихо Тургеневу). Какъ-же ты устроишь? увижусь-ли я съ нею?

Тургеневъ (также тихо). Погоди, постараемся вызвать отсюда звѣря-то.

Князь (Тургеневу). Что онъ говорить?

Тургеневъ. Онъ спрашиваетъ меня, не слишкомъ-ли долго беспокоитъ онъ ваше сіятельство?

Князь. Нисколько! я, напротивъ, радъ. Да подойди-же, братецъ, поближе!

Артамоновъ. Осмѣливаюсь еще доложить вашему сіятельству, что его Царское Величество беспокоится, позволить-ли ваше здоровье участвовать въ походѣ, который на дняхъ назначается?

Князь. Я согласенъ выступить хоть завтра: у меня все готово. Жду съ нетерпѣніемъ этой потѣхи! Доложи, братецъ, Царю, что я не забылъ своего обѣщанія и готовъ подтвердить его: пусть онъ дѣлаетъ со мною, что хочетъ, если потѣшники его побѣдятъ меня....

Артамоновъ (всторону). Онъ далъ Царю обѣщаніе?

Князь. И прибавь еще: онъ такъ дескать на себя надѣется, что не смотря на уговоръ, назначилъ сыграть свадьбу дочери своей тотчасъ послѣ похода.

Артамоновъ (всторону). Боже! такъ скоро!... Однако.... послѣ похода.... О, Господи помоги намъ!... (Вслухъ.) Въ точности исполню порученіе вашего сіятельства.

Князь (встаетъ). Ну, спасибо, братъ, тебѣ: утѣшилъ меня сегодня; такого славнаго парня давно ужъ не удавалось мнѣ встрѣтить. Мнѣ хочется чѣмъ-нибудь поблагодарить тебя, дать на память подарочекъ....

Артамоновъ. Конечно, не смѣю возражать.... Но позвольте мнѣ.... попросить ваше сіятельство не беспокоиться.... я и такъ ужъ много доволенъ вашими милостями.... вашей ласкою....

Тургеневъ (тихо.) Вотъ ужъ это глупо, я бы не отказался.

Князь (всторону). Какой безкорыстный малый! (Тихо.) Не

принуждаю тебя, братецъ! Ну, выпей, по-крайней-мѣрѣ, стопу вина....

Артамоновъ. Извините, ваше сіятельство, ничего не пью.

Тургеневъ (*тихо*). Еще глупѣе! ну, братъ Артамоновъ осрамился!

Князь. И не пьешь ничего — похвально! Видно между потѣшными ты былъ, какъ овца между козлами. Ну, чѣмъ-же мнѣ угостить тебя?

Артамоновъ. Я совершенно доволенъ одной лаской вашей!

Тургеневъ (*тихо князю*). Эхъ, князь, ничего-то ты не знаешь, даромъ, что старъ.... Ну, вѣстимо дѣло, что при тебѣ онъ и въ ротъ ничего не возьметъ; а ты велика угостить его тамъ — на кухнѣ, такъ онъ, пожалуй, и подгуляетъ за твое здоровье.

Князь. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ и не вдогадъ! Ну, братецъ, ужъ если ты отъ-всего отказываешься, то отъ хлѣба соли отказаться не можешь. Поди себѣ на кухню: я велю дворецкому накормить тебя вдоволь.

Артамоновъ (*кланяется, всторону*). Этого только не доставало! что же ты со мной дѣлаешь, дядя Яковъ! (*Артамоновъ и Сицкій, въ сопровожденіи Тургенева, показываются въ дверяхъ.*)

Артамоновъ (*всторону*). Отецъ мой!

Бояринъ Артамоновъ (*на веселье*). Ну, что-жъ ты, князь, насъ покинулъ? Мы думали, что ты уѣхалъ! А ты здѣсь баклуши бьешь. Пойдемъ, братецъ, намъ безъ тебя пирушка не въ пирушку.

Сицкій. И въ самомъ дѣлѣ, князь Оома Кондратьичъ, что ты это гостя-то бросилъ?

Князь (*торопливо*). Добро, добро! Ступайте! я сейчасъ къ вамъ.... (*Тургеневу*). Распорядись-же, Яковъ, чтобъ его тамъ угостили. Да приходи послѣ къ намъ. (*Идетъ къ гостямъ.*)

Тургеневъ. Ужъ будь покоенъ! положись на меня.... (*Князь уходитъ.*) Я тебѣ услужу.... Ну-тко, Артамоша, теперь за дѣло.

Артамоновъ. Что же хочешь ты дѣлать, дядя?

Тургеневъ. А больше ничего, какъ вызвать птичку на свистокъ! (*Подходитъ къ дверямъ направо и поетъ.*)

Какъ ходила Машенька,

Гуляла Ооминишна.

Во саду съ дѣвницами,

Во зеленомъ садикѣ....

IX.

МАРІЯ и САВИНА выходятъ.

Артамоновъ. Марія!

Марія. Александръ! (*берутъ другъ друга за руки*).

Савина (*Тургеневу*). Ну, ужъ дялюшка Яковъ, какія ты страсти затѣялъ! у меня вотъ такъ поджилки и трясется. Ну, неравно князь нагрянетъ къ намъ!

Тургеневъ. Не бойсь, бабушка, онъ пируетъ теперь съ гостями на радостяхъ, что Царь милостивымъ словомъ пожаловалъ. (*Указывая на Артамонова и Марію.*) Оставимъ ихъ теперь досыта наговориться, а сами будемъ сторожить: смотри-же въ оба, Кузьминшва!

Савина. Не смигну, батюшка, не сморгну, кормилецъ.

Артамоновъ. Я все еще надѣюсь, любезная Марія. Не знаю, что со мной было-бы, еслибъ эта надежда меня не поддерживала!...

Марія. Нѣтъ, Александръ, видно не знавать намъ болѣе радостей. Надобно покориться горькой судьбинѣ и волѣ родительской — проститься, проститься навсегда: я не могу принадлежать тебѣ, не должна болѣе тебя видѣть....

Артамоновъ. Не возмущать твоего спокойствія, не вооружать тебя противъ воли родительской пришелъ я сюда.... Я желалъ только, добрая Марія, убѣдиться, что ты не перестала любить меня, что я еще, по прежнему, дорогъ твоему сердцу.

Марія. И можешь-ли ты въ этомъ сомнѣваться? На... возьми это кольцо, пусть оно скажетъ тебѣ, что я ни съ кѣмъ, кромѣ избраннаго сердцемъ, не хотѣла имъ обручиться....

Артамоновъ. Если уже намъ суждено жить въ разлукѣ, то я буду хранить кольцо твое заветное, обручусь имъ съ тобою и буду жить однимъ воспоминаніемъ.

Тургеневъ (*Савиной*). Съ тобой спорить, бабушка, можно только послѣ обѣда, а пожалуй еще проглядишь князя; пойду ка лучше самъ, да присмотрю поближе, что у нихъ тамъ дѣлается... (*хочетъ идти*).

Савина (*скороговоркой*). Да гдѣ же тебѣ спорить со мной, дялюшка: вѣдь я на родинахъ и на крестинахъ княжны Марьи Омниншны была, и на рукахъ почти у меня она выросла, такъ мнѣ-ли не знать сколько ей годковъ; да и покойница княгиня, дай ей Богъ царство небесное, предъ смертію говорила, что дочкѣ ея тринадцать годковъ, а умерла то она шесть лѣтъ

будеть вотъ о зимнемъ Николѣ, такъ чтожъ ты наладилъ, что два десятка будетъ? анъ выходитъ, что въ Марынь-то день ей девять на десять только стукнуло.

Тургеневъ. Да перекричишь-ли тебя?... сорока ты этакая! Вишь ты какъ трещать начнешь, такъ затыкай только уши: вѣдь я, кажись, на русскомъ языкѣ говорю тебѣ, что княжна родилась въ тотъ годъ, какъ было объявленіе народу царевича Теодора Алексіевича, а этому, въ прошломъ мѣсяцѣ, ровно двадцать лѣтъ.... *(Продолжаетъ спорить тихо.)*

Марія. Иди-же, Богъ съ тобой. Будь счастливъ, если можешь...

Артамоновъ. Дай еще съ минуту посмотрѣть на тебя, моя Марія...

Марія. Подумай, Александръ, насъ могутъ застать — и тогда страданіе наше удвоится...

Тургеневъ. Да отвяжись ты, баба. Рѣшительно бѣда съ этимъ народомъ....

Савина. То-то прикусилъ язычекъ, молодчикъ. Ужъ коли въ какой домъ я вхожу, такъ всю подвготную знаю.

Тургеневъ. Да все и дѣло-то твое языкомъ сплетни плести, а руками изъ дому въ домъ соръ мести.

Савина. Такъ по твоему я сплетница, переносница? Ахъ, ты скоморохъ эдакой! Я дворянка московская; со всѣми барами знакома; да ницто въ жизнь не величалъ меня сплетницей.... А ты... *(Тургеневъ затыкаетъ уши.)*

Х.

Тѣже, **МЫШЕЦКІЙ, СИЦКІЙ и ВОЯРИНЪ АРТАМОНОВЪ.**

Мышецкій. Что я вижу? Деньщикъ съ моей дочерью?

Сицкій. Съ моею невѣстою!

Б. Артамоновъ. Деньщикъ съ княжною!

Артамоновъ. Князь! Мы погибли!

Савина. Ай, ай! пропала моя головушка!

Тургеневъ. Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ девъ! прозѣвали! проклятая трещотка! *(Аюня вбѣгаетъ и видитъ Артамонова.)*

Аюня. Батюшка! Онъ за мной! изъ Преображенскаго! заступись! не пускайте, родимые!

Мышецкій, Б. Артамоновъ, Сицкій. Кто же?

Абоня (указывая на Артамонова). Потѣшный Алексашка Артамоновъ!

Мышецкій и Сицкій. Артамоновъ!

Б. Артамоновъ. Сынъ мой!

Артамоновъ. Да князь, это я; это я батюшка! Простите меня!

(Занавѣсъ опускается.)

ПАЛАТКА.

1.

КАПИТАНЪ ПФЛИХТЪ, МЕНЬЩИКОВЪ, ДВА ОФИЦЕРА И СЕРЖАНТЫ
сидятъ за столомъ.

Меньшиковъ (съ кубкомъ въ рукахъ). Здоровье побѣдителей! Все (встаютъ). Да здравствуютъ!

Пфлихтъ. По правду сказать, эта побѣдитель не стоилъ пить за его здоровье. Что онъ сдѣлалъ, сказать мнѣ пожалуста?

1-й офицеръ. Какъ... что сдѣлали, господня капитанъ? Кръпость взяли... забѣгали нѣсколько разъ на валъ... Неужели бы вы хотѣли, чтобъ мы все пообожгли себя лица бумажными гранатами и картечами подъячихъ и приказныхъ съ приписью? Слуга покорный! Въ такомъ ратномъ дѣлѣ можно побережь себя немного... Мы такъ и сдѣлали... Мы только пошутили, поподчпвавъ голубчиковъ водицей изъ ручныхъ трубъ... правда, это спрыскиваніе имъ не понравилось... насилу отчихались...

(Все смѣются.)

1-й офицеръ. Водича-то не свой братъ: полѣзли все, какъ мыши мокрыя на сушу... ха, ха!...

2-й офицеръ. А ужъ за то и ругнули вѣмецкую баню, за тѣмъ, что не похожа на нашу православную русскую! Ха, ха, ха!

Пфлихтъ. Да, да, славный буль штукъ: ничево сказать! Ха, ха, ха!

(Общій смѣхъ.)

III.

ТѢЖЕ И АРТАМОНОВЪ вбѣгаетъ, съ подвязанной рукой.

АРТАМОНОВЪ. Поздравьте меня, господа!

ФЛИХТЪ. А! геръ Артамонъ!

МЕНЬЩИКОВЪ. Артамонъ! Ну что? за чѣмъ призывалъ тебя Царь?

АРТАМОНОВЪ. Я ввѣ себя отъ радости! Царь обласкалъ меня болѣе обыкновеннаго, спрашивалъ: сильно ли я раненъ въ руку? Я отвѣчалъ: помилуйте, Ваше Величество, это просто царапина—въ минуту заживетъ. Ну, поди же съ Богомъ, сказалъ онъ, готовься къ рѣшительному сраженію съ непріателемъ...

ФЛИХТЪ. А гдѣ ви нашель Царь?

АРТАМОНОВЪ. Онъ возвращался съ осмотра непріятельскаго лагеря, вмѣстѣ съ княземъ Кесаремъ, генералами Лефортомъ и Гордономъ.

ФЛИХТЪ. Знашнть идуть сюда?

АРТАМОНОВЪ. Такъ точно, господинъ капитанъ! Я опередилъ ихъ, потому что бѣжалъ опретью, *(отводя въ сторону Меньщикова)* чтобъ подѣлнться моею радостію! Да знаешь-ли, что Царь еще прибавилъ, отпуская меня: «Утѣшься, Артамонъ, сказалъ онъ, побѣда наша!»

МЕНЬЩИКОВЪ. Отъ души радуюсь за тебя, товарищъ... Теперь ты можешь жить полною надеждой!...

АРТАМОНОВЪ. Еще бы... слово Царя... О я теперь такъ счастливъ, какъ пельзя болѣе! *(Задумывается.)* Только...

МЕНЬЩИКОВЪ. Что еще?...

АРТАМОНОВЪ. А бѣдная Марія? Она не можетъ раздѣлить со мною моей надежды, моего счастья! Помнишь, какъ князь турпулъ насъ съ Тургеневымъ послѣ этого несчастнаго свиданія... Съ тѣхъ поръ заперъ бѣдную въ свѣтлицъ—и запретилъ ей даже съ домашними видѣться...

МЕНЬЩИКОВЪ. Ну, что же? Тѣмъ веселѣе будетъ ей вырваться потомъ изъ своей темницы — и прямо въ твоя объятія...

(Барабанный бой.)

1-й офицеръ. А, вотъ они воротилсь!

ФЛИХТЪ *(бросаетъ трубку, спышитъ изъ дверямъ и встрѣчаетъ Лефорта).*

Всѣ *(встаютъ и отстраиваются).* Генераль!

III.

ТЪЖЕ И ДЕФОРТЬ.

Дефортъ. А, у васъ здѣсь веселая компанія! Здорово, господа! Всѣ. Здравія желаемъ, ваше превосходительство!

Дефортъ. Что же вы остановились? продолжайте свою пирушку — я вамъ не мѣшаю. Мнѣ всегда пріятно видѣть веселыя лица, особенно тѣхъ людей, которые отдыхаютъ, выполнивши, какъ слѣдуетъ, свои обязанности, а вы исполнили ихъ прекрасно. Я зашелъ сюда нарочно для того, чтобъ сказать капитану, всѣмъ офицерамъ и сержантамъ роты большое спасибо отъ Царя, князя Кесаря и отъ себя самого.

Всѣ. Рады стараться, ваше превосходительство!

Флихтъ. Мы сдѣлалъ только то, что по долга службы долженъ былъ сдѣлать, Еw. Excellenz!

Дефортъ. Потому-то и я готовъ раздѣлить съ вами веселую пирушку (*беретъ со стола кубокъ*), и пью за ваше здоровье. Да здравствуетъ храбрый потѣшный, Дефортонскій полкъ!

Всѣ. И добрый генералъ его да здравствуетъ!

Дефортъ. Спасибо, господа! Вино веселье героя; а веселье залогъ мужества! Но всему свое время — товарищи.... Будемъ веселиться въ часъ досуга, чтобъ потомъ съ большею ревностію принятыя за новые труды. Въ шуткахъ узнается характеръ человѣка; потому то Царь нашъ такъ любитъ шутки: въ нихъ изучаетъ онъ характеръ своего великаго народа. Вы отличились въ потѣшномъ воинскомъ дѣлѣ — и я смѣло надѣюсь, что при встрѣчѣ съ дѣйствительнымъ врагомъ вы покажете не менѣе мужества. Еще одна примѣрная осада, но уже не шуточная — и васъ поведутъ на осаду настоящей непріятельской крѣпости: врагъ затрепещетъ при грозномъ натискѣ Потѣшныхъ....

Флихтъ. О Еw. Excellenz! Давантъ намъ здѣсь поскорѣй врага. Мы его по долгу службы....

Меньшиковъ. Вы насъ несказанно обрадовали этою вѣстію, ваше превосходительство! Мы всѣ жаждемъ сойтись въ битвѣ съ настоящимъ врагомъ и испробовать свои силы.

Дефортъ. Теперь я долженъ сообщить распоряженіе главнокомандующаго. Онъ вмѣстѣ съ Царемъ только что осмотрѣлъ непріятельскій лагерь и положилъ тотчасъ же напасть на него всѣми силами.... По данному знаку, когда все войско наше обратится на лагерь, рота ваша должна направиться на отрядъ, стоящій на лѣвомъ флангѣ его, между лѣсомъ и оврагомъ, вправо

отъ деревни Кожуховой. Вы должны сбить его и непременно взять въ плѣнь.... Прежде, нежели будемъ громить внѣшнихъ враговъ отечества, намъ предстоитъ обязанность смирить внутреннихъ — и самыхъ опасныхъ, а ихъ много у Царя Петра Алексѣевича. Къ числу такихъ-то принадлежитъ начальникъ отряда, на который васъ посылають, извѣстный упрямецъ князь Мышецкій.

Всѣ. Князь Мышецкій!

Меньшиковъ. Какъ, насъ поведутъ на князя Мышецкаго?

Артамоновъ. Намъ велятъ идти на князя? О счастье!

Всѣ. Рады стараться, ваше превосходительство!

Флихтъ. О будетъ увѣрна, Еw. Excellenz!... Долгъ службы...

Лефортъ (*улыбаясь*). Только жаль, что не вы, Адамъ Адамычъ, поведете роту на князя Мышецкаго.

Всѣ. Какъ? Не нашъ капитанъ? Кто же?

Лефортъ. Капитанъ Флихтъ будетъ командовать ротою *Налетовъ* и присоединится къ центру арміи; а васъ, господа, поручають знаменитому вождю, отличившемуся въ настоящій походъ подвигами необыкновенной храбрости — Кіевскому полковнику Якову Тургеневу.

Всѣ. Возможно-ли? Насъ—Тургеневу?

Лефортъ. Такова воля главнокомандующаго!

Флихтъ. Doppel-Wetter. Ничего не понимай: долгъ службы!

Лефортъ. Ну, господа желаю вамъ полнаго успѣха. Проститесь съ вашимъ капитаномъ! (*Тургеневъ въ фантастическомъ костюмѣ, обложенномъ подушками, въ шляпѣ съ перомъ и шарфомъ черезъ плечо, быстро входитъ и гордо останавливается въ дверяхъ.*)

Лефортъ. Вотъ вамъ другой на смѣну. Здорово, Кіевскій полковникъ!

Тургеневъ. Подымай выше, Яковличъ, не полковникъ, а вашъ братъ генералъ!

Лефортъ. Да бишь, ошибся! Извините, ваше превосходительство! Господинъ капитанъ! отправляйтесь немедленно къ своему новому посту!

Флихтъ. О, мой сейчасъ будетъ готовъ, Еw. Excellenz!

(*Лефортъ уходитъ, Тургеневъ принимаетъ важную позу и останавливается вдали.*)

Меньшиковъ. Гдѣ же наши плапы, наши надежды, Артамоновъ? Мы недавно еще такъ радовались, что все исполняется

по нашему желанію, а теперь? Что сдѣлаемъ мы съ такимъ генераломъ?

Артамоновъ. Меньшиковъ, недавно не ты-ли сказалъ мнѣ, что надобно предоставить на волю Царя рѣшать нашу участь.... Я теперь повторю тебѣ то же самое.

Тургеневъ (*выступая впередъ*). Здорово ребята! (*Посль нѣкотораго молчанія*.) Что вы не говорите: здравія желасмъ ваше превосходительство!

Флихтъ. Ви ужъ генералъ? Вотъ какъ господинъ Яковъ Тургеневъ скоро прыгаетъ! не по насъ!

Тургеневъ. Оттого, что легче на ногу, Адамычъ.... генералъ, голубчикъ, — генералъ....

Меньшиковъ. Не бось Сибирскій, пль Китайскій?

Тургеневъ. Потихе, потихе, поручикъ, не у мѣста шутки. Знай честь да утирай бороду. Самъ главнокомандующій въ присутствіи Царя назвалъ меня дворцовымъ генераломъ — понимаешь? и все это въ награду отличной храбрости.... Зато меня особенно и любятъ начальники, что мнѣ все впору. Сказали мнѣ: будь начальникомъ дворцовой конницы! — Пожалуй. — Возьми себѣ подъ команду Флихтову роту! — Изволь! — Тургеневъ на все готовъ! А вотъ, на-примѣръ, капитану Флихту сказали: команду налетами! а онъ и ни съ мѣста....

Флихтъ. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! я слушалъ и завсомъ забудь — какой память! Даже не помять долъ служба!...

(*Сбирается идти и беретъ свою трубку*.)

Тургеневъ. А вотъ не бось соски своей не забудеть.

Флихтъ. Прошайте, господа!

Всѣ. Прощайте, нашъ добрый капитанъ, надѣмся не на долго!

(*Флихтъ торопливо уходитъ*.)

Офицеръ (*взявъ кубокъ*). За здоровье новаго капитана нашего.... Дворцоваго генерала....

Артамоновъ. }
1-й офицеръ. } Ура !

Тургеневъ. Вотъ такъ то.... спасибо, господа.... Шутка есть торжество шута.... А мы ужъ не ударимъ лицомъ въ грязь.... Побѣда наша! (*Меньшикову*.) А ты, Давылычъ, цѣлншь, кажется, въ главнокомандующіе, а субординаціи еще не научился. Чтобъ съ толкомъ повелѣвать, умѣй-ка прежде повиноваться.

Меньшиковъ. Ужъ не тебѣ ли долженъ я повиноваться?

Тургеневъ (*важно*). А хотъ бы и мнѣ! Да полво мнѣ перекидываться съ тобой словами. Теперь я буду говорить, не какъ

дядя Яковъ, а какъ начальникъ — и приказываю вамъ, г. поручикъ, отдать мнѣ вашу шпагу!

Артамоновъ (*тихо Тургеневу*). Что хочешь ты дѣлать, дядя Яковъ?

Тургеневъ (*тихо Артамонову*). Погоди, ужъ такъ надобно: есть причины...

1-й Офицеръ (*тихо другому*). Каково, дядя-то расходился!

Тургеневъ (*Меньщикову, который отдаетъ ему свою шпагу*). Вы пойдете въ ротъ мой съ ружьемъ, на ряду съ простыми солдатами; а мѣсто перваго офицера я отдаю Артамонову, вотъ какъ!...

Артамоновъ (*тихо Тургеневу*). Помилуй, Тургеневъ, къ чему это?

Тургеневъ (*тихо Артамонову*). Молчи! развѣ тебѣ неприятно самому вести роту на князя Мышецкаго: я останусь, назадъ, а ты распоряджайся, какъ знаешь.

Артамоновъ. А Меньщиковъ!

Тургеневъ. Объ немъ жалѣть нечего: онъ свое, братъ, со временемъ возьметъ....

(*Трубы и барабанный бой.*)

Тургеневъ. Чу, трубятъ сборъ! Мы выступаемъ! (*обнажаетъ шпагу*). Такъ къ дѣлу ребята! за правду и Царя! На упрямство и предразсудки! (*тихо Артамонову*) и на приступъ невѣсты! (*Вслухъ*) Впередъ!

Артамоновъ и офицеры. Впередъ!

ЛАГЕРЬ.

Въ глубинѣ вала, на немъ видны сторожевые, съ дѣвой стороны часть палатки, впереди ея скамья, на которой спитъ Аюня.

I.

князь мышецкій и сицкій.

Мышецкій (*угрюмо*). Распорядился-ли ты, Федулъ Федотычъ; все-ли въ порядкѣ, разставлены ли часовые?

Сицкій. Ужъ положись ва меня, князь Гома Кондратычъ: все сдѣлано, какъ слѣдуетъ....

Мышецкій. То-то: надо держать ухо востро.... надо быть готовымъ каждую минуту и веѣмъ явиться въ строй по первому

Отд. I.

3

зову.... закажи строго на строго ратнымъ, чтобы и спали, не спящая доспѣховъ....

Сицкій. Все наказано.... Ужъ не бойсь.... въ распахъ не накроютъ....

—

II.

ТѢЖЕ и ЕСАУЛЪ.

ЕСАУЛЪ. Милостивый князь....

Мышецкій. Ну, что тамъ еще?

ЕСАУЛЪ. Да, вотъ бояринъ, десятникъ Ермолашка, все въ задоръ лѣзеть, ладу никакого съ нимъ нѣтъ.... Всѣмъ было крѣпко на крѣпко заказано не только-что сабли, такъ и кафтана съ плечъ не снимать.... а онъ, раздѣлся, да и сушитъ на солнышкѣ опучи....

Мышецкій. Такъ приказать ему, чтобы онъ....

ЕСАУЛЪ. То-то приказать: онъ, вишь ты, говоритъ свое.

Князь. Ну, ужъ奴жакъ!... Поди, пожалуйста, Федулъ Федотычъ, пригрози на нихъ....

(Сицкій съ Есауломъ уходятъ.)

—

III.

МЫШЕЦКІЙ и БОЯРИНЪ АРТАМОНОВЪ.

АРТАМОНОВЪ (потягиваясь, выходитъ изъ палатки). Что это за оказія? Просто сна нѣтъ.... тянулся, тянулся.... зѣваль, зѣваль.... хоть ты что хочешь.... Ужъ не выпить-ли?... Такъ всего что-то пзломало — (нѣтъ изъ походной баклаги).... Что, батюшка князь, и ты отуманился?... Ну, ужъ походъ.... ай-да потѣха.... стоятъ пашей послѣдней охоты....

Мышецкій. Молчи, Сергій Абрамычъ, и безъ тебя досадно, что вотъ растерзалъ бы перваго встрѣчнаго.... а всего больше бѣсятъ меня ихъ шутовской приступъ!....

АРТАМОНОВЪ. Ужъ не говори.... Пришла-же имъ въ голову этакая штука!.... А наши-то, экіе олухи!.... Воды испугались, да и тягу изъ крѣпости....

Мышецкій. Да не ты-ли первый побѣжалъ со своимъ.... трусь!

АРТАМОНОВЪ. Еще бы не испугаться тутъ.... мы стрѣляемъ

въ пихъ, хоть и бумажнымъ, а все-таки огненнымъ ядрами, а они смѣло лѣзутъ на валъ съ какими-то трубками, да какъ вдругъ прыснутъ.... такъ насъ и обдало.... Ну, ужъ тутъ.... извини... не выдержалъ.... Ребята! говорю, уходи... дѣло плохо!...

Мышецкій. Вотъ посмотримъ теперь, какъ-то намъ удастся подняться на хитрости.... увидимъ, чья возьметъ въ чистомъ полѣ....

(Слышенъ выстрѣлъ пушки.)

Аооця *(въ испугъ просыпается)*. Ай! ай! Батюшки — пападаютъ.... рубятъ.... напали! бьютъ! спасите!

Мышецкій. Чего ты испугался, Аоонасіѣ?... это только сигналъ....

Аооця. Фу-ты.... какъ онъ меня ошеломилъ — я думалъ вотъ такъ тутъ и положили.... *(Ударъ повторяется.)* — ай!... еще!...

Артамоновъ. Это что опять?

Мышецкій *(сторожевымъ, которые все время дремали)*. Что же вы спите, бездѣльники? Что тамъ видите?

Сторожевой. Да вы зги не видите. *(Князь Мышецкій хочетъ взойти на возвышеніе, Сицкій вбѣгаетъ съ лѣвой стороны.)*

Сицкій. Нападаютъ на лагерь! Подъячіе ужъ завязали дѣло.

Аооця *(успокоившись)*. А! подъячіе? ну, пускай ихъ! Пусть отдуваются.... *(начинаетъ ѣсть пироги.)*

Мышецкій. Скоро ли же это до насъ дойдетъ очередь.

Сицкій. Да я, чай, не долго подождемъ. Мои всѣ на готовѣ....

Аооця *(съ стороны)*. Охъ, плохо дѣло!... *(Оставляя пироги.)*

Нѣтъ, не могу.... совсемъ не хочется.... очень сытъ....

Мышецкій. Недолго?... А, такъ стало быть дождался мы потѣхи! и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. Нутка, пусть эти хваленые солдатки попробуютъ схватиться съ нами здѣсь, въ открытомъ полѣ, — такъ мы расчешемъ имъ кудри и подыпстимъ усы. Вспомнятъ они у меня крѣпость.... Да не забудутъ и водицу!...

Сицкій. Докажемъ имъ дружбу....

Аооця. Ужъ и я на свою руку охулки не положу. Вспомнятъ они у меня Преображенское.

Сторожевой. Эва, эва! какая тамъ свалка идетъ!

Мышецкій. Ну, что же подъячіе?

Сицкій *(съ возвышенія)*. Попятились, попятлись! Ну! совсемъ прорвались....

Аооця. Подъячіе прорвались....

Мышецкій. Не бѣда!... На эти черпильные орѣхи я и не падѣлся....

Сицкій (смотритъ въ другую сторону). Князь Гома Кондратьичъ! Ну, батюшка...

Мышецкій. Что такое?...

Сицкій. Отрядъ на насъ....

Мышецкій (броситъ на возвышеніе). Въ самомъ дѣлѣ? А... пришло времячко! Дай-ка мнѣ полюбоваться на голубчиковъ! Отрядъ потѣшныхъ?

Сицкій. Да, да, потѣшные!

(Князь посылаетъ одного изъ сторожевыхъ за своими ратниками.)

Авопя (Артамону). Охъ, дядя плохо! какъ то не здоровится, вотъ такъ лихоманка и проивмаеть. Я ужъ лучше не пойду драться-то! А? Ужъ зачѣмъ-же? А ты, дядя, пожалуйста ужъ не отходи отъ меня.

Артамонъ. Постой-ка, постой! мнѣ и самому не легче твоего. Не выпить-ли? Нѣтъ, что-то въ горло нейдетъ, провалъ возьми! неужто я трушу....

Князь. Милости просимъ, дорогіе гости! Давно ждемъ мы васъ и хотимъ угостить, какъ подобаетъ добрымъ хозяевамъ! Поди-ка ты, Осудъ Федотовичъ, поставь сотню свою въ боевой порядокъ. Намъ ли ждать нападенія? Ты грянешь первый, а я за тобой!

Сицкій. Спасибо, князь! иду, иду! у меня такъ руки и зудятъ подрается. (Уходитъ направо.)

Князь (сходитъ съ возвышенія; б. Артамону). Ну вотъ, старый товарищъ, теперь-то я въ своемъ разумѣ. Что значить быть настоящимъ воиномъ! Близость битвы едѣлала меня другимъ человекомъ: я какъ будто помолодѣлъ десятию годами....

Артамонъ (всторону). Ну, я не скажу этого.

Князь (своимъ ратникамъ, которые льниво, понемногу собираются и устанавливаются). Всѣ ли готовы вы, храбрые сослуживцы мои?

Ратники. Всѣ готовы, бояричь....

Князь. Вспомните, удалцы, какъ отличались вы въ Турчапѣ, какъ пещадво били и полонили татаръ. Теперь предстоитъ вамъ подвигъ еще славнѣе: показать всѣму свѣту, что потѣшные не стоятъ насъ, старыхъ богатырей... (Слышны ружейныя выстрѣлы.) Чу, тамъ началась уже схватка! Наши вступили въ дѣло! Пора и намъ.... Бросимся съ дикими криками, въ разсыпную, окружимъ, сомнемъ, полонимъ.... Съ Богомъ! За мной, ребята! За матушку старину православную! Ура!

Всѣ. Ура! (Бросаются направо.)

(Во время этой тирады Артамоновъ прячется за дерево; Аюня слѣзаетъ на другое).

Аюня. Дядя, а дядя? Ты здѣсь?

Артамоновъ. Здѣсь. А что?

Аюня. Ну то-то!

Артамоновъ. Ты видишь что-нибудь? Гдѣ наши... А? вѣдешь?... Что дѣлають?

Аюня. Вѣжу.

Артамоновъ. Ну, что?

Аюня. Бѣгутъ....

Артамоновъ. А тѣ что?

Аюня. Постой, постой! Остановилсь. (Ружейный залп и потомъ непрерывный огонь.)

Аюня. Ай, ай!

Артамоновъ. Ну, что?

Аюня. Ничего не вѣжу.

Артамоновъ. А теперь?

Аюня. Наши бѣгутъ. (Слѣзаетъ.)

Артамоновъ. Опять бѣгутъ! Да вѣдь они еще давеча бѣжали....

Аюня. Назадъ бѣгутъ сюда! тѣ за ними!

Артамоновъ. Ой плохо! куда бы намъ?

Потѣшныя (за сценой). Сдавайтесь, бородачн!

Ратники князя (за сценой же). Постойте, мы васъ, бритые!

Потѣшныя. Ребята! Смѣлѣ впередъ! Колите! колите ихъ!

Аюня. Пропали наши головушки! (Перебѣгаетъ чрезъ сцену, Артамоновъ укрывается въ палатку. Ратники князя бѣгутъ въ безпорядкѣ.)

Потѣшныя (за сценой). Сдавайтесь! бросайте оружіе! (Князь Мышецкій и Сицкій останавливаютъ бѣгущихъ; Потѣшныя на штыкахъ тѣсятъ ихъ и окружаютъ.)

Князь. Ребята, молодцы мои, ободритесь! Еще послѣдній натискъ! Неужто вы уступите потѣшникамъ? Сицкій, братъ, поправься! загладь свой срамъ: ты вѣдь первый дрогнулъ и смѣшалъ насъ....

Сицкій. Кажись, мы и не уступали, а они все впередъ, да впередъ.

Артамоновъ. Сдайтесь, князь Юма Кондратьичъ: вамъ больше нечего дѣлать.

IX.

Тургеневъ (*сади*). Эй, сіятельный! полно храбриться. Твоя пора прошла, паша наступила. Ребята, припнитесь за работу, вяжите веѣхъ! (*Нѣсколькихъ потѣшныхъ посылаетъ отыскивать Артамонова и Аюню.*)

Князь. Покоритесь потѣшнымъ! Нѣтъ не бывать тому, лучше умереть! (*Кидается снова; Артамоновъ выбиваетъ изъ рукъ его саблю; между тѣмъ ратники князя кладутъ оружіе; потѣшные влзуютъ ихъ.*)

Артамоновъ. Князь! Вы мой плѣнникъ!

Князь (*сухо*). Нѣтъ не твой, а начальника отряда. Гдѣ онъ?

Тургеневъ (*съ важностію выступаетъ впередъ*). Вотъ онъ!

Князь. Яковъ?

Тургеневъ. Нѣтъ, не Яковъ, а дворцовый генералъ, капитанъ роты Яковъ Тургеневъ....

Мышецкій. Князь Мышецкій плѣнникъ!...

Тургеневъ (*тихо*). А поминшь, какъ ты выгонялъ меня изъ дому, я сказалъ тебѣ, что постараюсь встрѣтиться и спрошу твое сіятельство, каковы обстоятельства? Вотъ я исполнилъ обѣщаніе — смотри, Кондратьичъ, своего-то не забывай. (*Вслухъ*) Да что-жъ я не веѣхъ господъ здѣсь вижу? Куда это они могли запропасться? (*Потѣшный выводитъ Артамонова изъ палатки.*) А, Абрамычъ! гдѣ ты это, бояринъ, изволилъ поспѣживать? аль веселую компанію нашель?

Потѣшный. Я вытащилъ его изъ-подъ тюфяка!

Артамоновъ. Батюшка!

Артамоновъ. Сынъ мой здѣсь! (*Двое потѣшныхъ ведутъ Аюню изъ лѣвой кулисы.*)

Аюня (*старается вырваться*). Да пустите! Что вы прѣстали? Я самъ пойду....

Одинъ изъ Потѣшныхъ. Пойдемъ, пойдемъ, нечего упираться.

Аюня. Потѣшникъ Артамоновъ! Дядя Яковъ! Шу, опять вѣрпо въ Преображенское!

Тургеневъ. А, вотъ и храбрый витязь нашъ! Да что съ тобой? ты весь израненъ? гдѣ ты это дрался такъ отчаянно?

Одинъ изъ Потѣшныхъ. Онъ спрятался въ кустъ, да такъ уцѣпился, что мы насилу его оттуда вытащили.

Тургеневъ. Вишь какой храбрый... Самъ на вѣвникъ напрашивается.... (*Общій смѣхъ.*)

Аюня. Дядюшка Яковъ, смилуйся!

Тургеневъ (*Потѣшнымъ*). Ну, что-жъ вы стали? Исполняйте приказаніе начальства, вяжите плѣнныхъ, начиная съ старшихъ. Господишъ поручикъ, позвольте....

Артамоновъ. Господишъ капитанъ! Вы поручили мнѣ начальство надъ отрядомъ, позвольте же распорядиться по своему.... (*Потѣшнымъ*). Не трогайте ихъ! Батюшка! Князь! Я оставляю васъ свободными; не хочу пользоваться торжествомъ моимъ, только сжальтесь надо мною! Батюшка! простите меня, примите въ семейство сына, который шесть лѣтъ страдалъ въ сиротствѣ! А вы, князь, возвратите мнѣ свое расположеніе, какъ сыну вашего друга!

Князь. Ни за что, ни за что на свѣтѣ! Оскорбленія, навешаннаго тобою мнѣ и всему моему семейству, я никогда не забуду. (*Потѣшнымъ*). Эй, дѣлайте со мною, что хотите!

Артамоновъ (*тихо князю*). Князь, а князь! послушай-ка! Вѣдь дѣло-то плохо! придется намъ помприться. Хуже будетъ, если насъ поведутъ, какъ телятъ, по рукамъ и погамъ связанныхъ.... а тамъ царь, князь Кесарь — и Лефорть!...

Князь. И Лефорть! О попошеніе!

Аюня. Не вели, батюшка, хоть мнѣ руки-то вязать. Экой ты упрямый какой! Вотъ я на все бы согласился, только бы домой отпустили....

Флихтъ (*съ нѣсколькими солдатами изъ своего отряда вѣдетъ плѣнныхъ*). А, мой ротъ здѣсь и побѣдилъ?... Гдѣ Князь Мишеска? Показывать мнѣ, пожалуйста, этого князя!

Аюня (*всторону*). И пѣмецъ капитанъ здѣсь? Ну, бѣда!

Флихтъ. А, господишъ князь! Что дрянъ Потѣшный? Не будетъ вашъ другой разъ говорить: Потѣшный дрянъ, а? Ну, поздравляй, господишъ Яковъ Тургеневъ, вы хорошо, хорошо исполнили долгъ служба! Только что вы сдѣлалъ съ своей плѣнникъ? ихъ надо связывать и водить у главнокомандующій.

Тургеневъ. Да, хорошо тебѣ, Адамычъ, вишь ты забралъ подъячихъ.... Они народъ смирный... вотъ управься-ка съ тѣми... что татарщину колотили въ Крыму.

(*Барабанный бой.*)

Одинъ изъ Потѣшныхъ. Генераль Лефорть идетъ сюда!

Князь и Артамоновъ. Лефорть.

Лефорть (*входитъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ Потѣшныхъ*). Побѣда, товарищи!... Начальникъ непріятельскій выбитъ изъ лагеря, взять въ плѣнъ и отправленъ въ ставку Его Величія Князя

Кесаря. Каждая рота должна вести своихъ плѣнныхъ и знатнѣйшихъ изъ нихъ представлять главнокомандующему. Кто здѣсь капитанъ?...

Тургеневъ. Я имѣю честь быть капитаномъ по названію, а вотъ (*указывая на Артамонова*) капитанъ на дѣлѣ: онъ начальствовалъ ротой, а я только наблюдалъ.... издалика....

Лефортъ. Господинъ Артамоновъ! Поздравляю васъ! Я имѣю къ вамъ порученіе отъ Его Царскаго Величества; кромѣ того, онъ принимаетъ особенное участіе въ главномъ изъ вашихъ плѣнниковъ. Кто начальникъ побѣжденнаго вами отряда?

Артамоновъ. Князь — Оома Ковдратычъ Мышецкій!

Лефортъ. Какъ? Возможно ли? Князь Оома Ковдратычъ? Я не вѣрю глазамъ! Вы съ своими храбрыми, опытными въ воинскомъ дѣлѣ, сотнями, побѣждены Потѣшными!

Князь (*всторону*). О позоръ! Я провалиться бы хотѣлъ отъ сраму.

Лефортъ. Вы вѣрно, князь, пошутили, рукъ не хотѣли марать, не такъ ли?

Князь (*всторону*). Долго ли будетъ продолжаться это униженіе!

Артамоновъ. Ваше превосходительство пощадите!

Лефортъ. Но князь Мышецкій утѣшится, когда я объявлю ему чрезвычайную царскую милость....

Артамоновъ и Аюня. Царскую милость!

Лефортъ. Вѣрно сдѣлавшись плѣнникомъ Потѣшныхъ, вы, князь, не могли ожидать царской награды себѣ и своему семейству. Послушайте-же! Царь жалуетъ васъ чиномъ.... Капитана гвардіи своей Преображенскаго полка, сына вашего беретъ въ Потѣшные, которыхъ переименовываеъ гвардейцами, а дочь вашу отдаетъ замужъ за отличнаго и храбраго своего служиваго Артамонова....

Князь (*всторону*). Ничего не забылъ!

Лефортъ. А васъ, г. Артамоновъ, жалуетъ Царь поручикомъ того же Преображенскаго полка, а въ награду за долгое терпѣніе даритъ вамъ помѣстье, доходами котораго вы безбѣдно можете жить съ молодой женой своей.

Артамоновъ. Батюшка! Князь! Ваше Превосходительство! Столько милостей Его Царскаго Величества! Чѣмъ я заслужилъ ихъ?

Флихтъ (*сквозь слезы*). Вотъ что значить хорошо исполнять долгъ служба!

Аюня (который все время стоялъ, розиня ротъ). Вотъ-те и царская милость. (Князю.) Батюшка! да неужто въ самомъ дѣлѣ меня въ Потѣшныя!

Князь. Молчи!

Лефорть. Ну, теперь, г. офицеръ, ведите пѣвчихъ своихъ связанными къ главнокомандующему.

Артамоновъ. О нѣтъ, Ваше Превосходительство, позвольте имъ остаться свободными. Это мой отецъ, будущій тестъ.... Батюшка! Князь! Заклинаю васъ, простите меня. Я не хочу противъ вашей воли: (Артамонову) ни назваться снова вашимъ сыномъ (Князю), ни сдѣлаться вашимъ зятемъ.

Артамоновъ. А что, князь, вѣдь дѣлать-то нечего: пришлось согласиться. Не давши слова, крѣпился, а давши — держись. Я сына моего ужъ такъ и быть прощаю....

Артамоновъ. Батюшка! (Обнимаются.)

Б. Артамоновъ. Всему дѣлу и, Слава Богу, походу конецъ! пора домой! право не въ терпежъ становится....

Сидцкій (Князю). Помни, князь Оома Кондратьичъ, слово свое, что дочь твоя будетъ моею пѣвистой....

Князь (съ сердцемъ). И ты мнѣ говоришь о словѣ? а сдержалъ ли ты свое? Не ты ли сулилъ мнѣ вѣрную побѣду? Не ты ли хвалился набранными ратниками, которые выжили только вѣсь запасъ моего вина....

Сидцкій. Но.... Князь....

Князь. Поди, поди!... Знать тебя не хочу! И я хотѣлъ породниться съ такимъ хвастуномъ!... Лучше я назову зятемъ своимъ храбраго.... Да, этотъ походъ открылъ мнѣ глаза; я увидалъ разницу между сборной дружиной, и правильно образованнымъ войскомъ. Поди сюда, Артамоновъ, я прощаю тебя, какъ храбраго воина..

Артамоновъ (обнимая его). Князь!

Б. Артамоновъ. На силу-то!

Аюня (Князю). Какъ, батюшка! Потѣшникъ Сашка Артамоновъ....

Князь. Ступай въ Потѣшныя! Служи и старайся быть похожимъ на Артамонова. Теперь я вижу, что можетъ сдѣлать Царь съ такимъ войскомъ, каковы его Потѣшныя!

Флихтъ (всторону). А другой дѣлъ, господинъ Князь! Не дрянь Потѣшный!

Лефорть. Давно бы такъ, Князь Оома Кондратьичъ! Дайте руку, помиримся! отнынѣ будемъ добрыми сослуживцами; бодро

пойдемъ къ одной и той же цѣли, которой достигнуть можно только соединенными, общими силами. Пора вамъ убѣдиться, что цѣль моя, общая всѣмъ вамъ, есть благоденствіе втораго отечества моего, Россіи.... Но пусть теперь многіе изъ бояръ вашихъ не цѣнятъ моихъ стараній, я буду заботиться, по-крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы потомству ихъ оставить добрую по себѣ славу. Пойдите же, Князь! За приготовленной для всѣхъ пирушкой забудемъ все прошлое и дружно поднимемъ кубки за благоденствіе Россіи и Великаго ея Монарха!

II.

ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

=

ЛЪСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ.

=

РОМАНЪ ГАБРИЭЛЯ ФЕРРИ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

I.

ПЕПЕ - СОНЯ.

Живописный и вмѣстѣ величественный пейзажъ на Бискайскомъ берегу представляетъ портъ Элапхови. Возвратясь изъ Америки, по одному изъ случаевъ, которыми наполнена жизнь авантюриста, я вышелъ на берегъ въ Элапхови. Впрочемъ не живописность страны обратила на себя мое вниманіе, а старинный замокъ, можетъ быть, единственный въ Испаніи. Кровля его и готическія башенки возвышались на вершинѣ самаго высокаго утеса. Я узналъ въ этомъ замкѣ мѣсто дѣйствія драмы, о которой слышалъ когда-то, еще до возвращенія моего изъ Мексики, въ лѣсахъ Сопоры. Скалы, на которыхъ возвышается этотъ замокъ, сжимали маленькій заливъ Элапхови, защищаемый каменной плотной. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта плотина примыкаетъ къ землѣ, идутъ уступами скалы, образуя собой натураль-

ную лѣстницу, по ступенямъ которой разбросаны амфитеатромъ домики.

Эта-то улица, похожая на гигантское крыльцо, и составляетъ всю деревушку Эланхови. Жители, занимаясь рыбнымъ промысломъ, днемъ покидаютъ ее и Эланхови представляется тогда совершенно необитаемою. Но вечеромъ по крышамъ домовъ разстилается дымъ: хозяйки готовятъ ужинъ. Время отъ времени, жены, мужа которыхъ еще не возвращались съ промысла, безпокойно слѣдятъ за каждымъ облакомъ, предвѣстникомъ непогоды, и пригрѣвъ у груди ребенка, занимаютъ пороги своихъ бѣдныхъ хижинъ. Лаская этихъ ребятъ, оны съ грустью прислушиваются къ свисту вѣтра, который разсыпаетъ клубы дыма и заставляетъ трепетать разноцвѣтныя лоскутья, вывѣшенные, тамъ и сямъ, у пороговъ хижинъ, для просушки. Такой видъ представляетъ теперь Эланхови. На верху тишина и пустынность, внизу у подошвы утесовъ, ревъ волнъ.... Все это вмѣстѣ внушаетъ и страхъ, и грусть. Въ ноябрь 1808 года, Эланхови казалась еще печальнѣе. Сосѣдство французской арміи заставило разбѣжаться часть жителей, которые, забывъ отъ страха, что лучшее убѣжище для нихъ бѣдность, бросились на барки, и покинули свои мирныя жилища, избѣгая встрѣчи съ врагами. Исторія Эланховійскаго замка тѣсно связана съ исторіей Льснаго Скитальца. Замокъ принадлежалъ когда-то фамиліи Медіана и составлялъ часть богатаго маіората, учрежденнаго въ этомъ древнемъ домѣ. Давно графы Медіаны не посѣщали дикаго убѣжища Эланхови; какъ вдругъ, въ началъ 1808 года, старшій сынъ послѣдняго графа, одинъ изъ главныхъ офицеровъ испанской арміи, поселился здѣсь, съ молодой женой и ребенкомъ. Донъ-Жуанъ де-Медіана выбралъ этотъ замокъ, какъ самое безопасное убѣжище для жены, доньи Лунзы, которую страстно любилъ. Впрочемъ тутъ была еще и другая причина: графъ рассчитывалъ на привязанность стараго служителя своего, алькада Эланхови, дона Романо Кочехо, который былъ обязанъ фамиліи Медіана своимъ положеніемъ и званіемъ.

Впрочемъ эта уединенная резиденція была совершенно прилична не только для послѣднихъ дней передъ разлукой, вынужденной воинскимъ долгомъ, но и для первыхъ мѣсяцевъ брака, совершившагося при самыхъ грустныхъ предзнаменованіяхъ. Мельшой братъ донъ-Жуана, донъ-Антоніо, былъ также влюбленъ въ донью Лунзу. Съ

тѣхъ поръ, какъ она рѣшительно выказала свое предпочтеніе донъ-Жуану, онъ покинулъ страну и никто его не видалъ болѣе. Пронесся слухъ, будто онъ умеръ, но слухъ этотъ ни чѣмъ не подтверждался.

Не долго прожилъ донъ-Жуанъ въ Эланхови; приказаніе начальства заставило его сократить пребываніе въ замкѣ своихъ предковъ. Онъ уѣхалъ, поручивъ жену своимъ заботамъ стараго служителя; уѣхалъ, чтобы не возвращаться болѣе. Онъ былъ убитъ въ дѣлѣ за нѣсколько дней до сраженія при Бургосѣ.

И послѣ радостей, нарушенныхъ въ первые же дни брака, наступила для доньи-Луизы печаль преждевременнаго вдовства. Съ этого времени, какъ Эланховійскій замокъ сталъ свидѣтелемъ горести доньи-Луизы и начинается моя исторія, — то есть, съ ноября 1808 года.

Само собою разумѣется, что Эланхови, какъ уединенный портъ при Бискайскомъ морѣ, имѣлъ свой гарнизонъ, состоявшій изъ прибрежной стражи (микелетовъ). Въ это время положеніе ихъ было очень печально. Съ одной стороны, неисправно получали они жалованье, а съ другой контрабанда, поимка которой могла, въ нѣкоторой степени, служить имъ вознагражденіемъ прекратилась совершенно; контрабандисты боялись пренебрегать людьми, которыхъ нужда сдѣлала вдовою бдительнѣе. Начиная съ капитана, дона-Лукаса Деспьерто, и до послѣдняго микелета, всѣ показывали неутомимую дѣятельность.

Одинъ только изъ прибрежныхъ стражей былъ совершенно чуждъ всего того, что касалось до контрабандистовъ; онъ даже отрицалъ ихъ. Онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что засыпалъ всегда, будучи на стражѣ, и эта апатія, притворная или неподдѣльная, доставила ему прозваніе Соня, которое онъ оправдывалъ, какъ цѣльзю лучше.

Благодаря заслуженной репутаціи, онъ пользовался совершеннымъ блаженствомъ. Жизнь, казалось, была для него ничто иное, какъ безкопечный сонъ. Лежа постоянно въ гамакѣ, онъ спалъ въ день 20 часовъ; во снѣ онъ постигалъ, что наслаждается вполне, а проснувшись, мечталъ, покуривая сигару, о томъ, когда снова пастанетъ возможность дремать. На часы его ставили очень рѣдко.

Жозе, или, сокращенно, Пепе, былъ малый лѣтъ двадцати-пяти, вы-

сокаго роста, сухой, нервозный. Черные глаза его, выглядывавшіе изъ-подъ густыхъ бровей, повидимому, когда-то блистали — огнемъ ума и желаній. Лицо Жозе принадлежало къ числу подвижныхъ физиономій, но, по болѣзни или по другой причинѣ, черты его казались мраморными, — до того онъ были поражены сонливостью. Однимъ словомъ, Пепе, не смотря на всѣ вышніе признаки дѣятельнаго тѣла и пламенной души, казался самымъ апатичнымъ человекомъ.

Отчаяніе его было ужасно, когда вечеромъ того дня, которымъ начинается эта исторія, капитанъ донъ-Лукасъ Десниерто послалъ отыскать и привести его къ себѣ. При этомъ неожиданномъ приказѣ, Пепе всталъ, вытянулся лѣнливо, звянулъ и вышелъ, борючая :

— Что за фантазія забрела въ голову капитана? За чѣмъ я ему понадобился? — Однако когда удалился посланный, Пепе разсудилъ, что если требуютъ и зовутъ, такъ надо идти. Онъ отправился. Капитанъ, казалось, былъ чѣмъ-то очень занятъ и не замѣчалъ прихода микелега.

Отаповаясь неподвижно на порогъ и ожидая, когда будетъ угодно начальнику спросить его, Пепе замѣтилъ что на него не обращаютъ вниманія. Съ притворно соннымъ видомъ, и лѣнливо пошатываясь, онъ сдѣлалъ два шага впередъ. Шорохъ его вызвалъ вниманіе капитана.

— Я здѣсь, капитанъ! — проговорилъ онъ, почтительно клаясь.

— Хорошо, мой милый! — началъ капитанъ; — что, ты все по прежнему постоянно спишь.

— Когда я сплю, я не чувствую голода, — возразилъ Пепе, подавляя зѣвоту, — а когда проснусь, то спрашиваю самъ себя : когда то мнѣ выдадутъ жалованье.

— Не въ этомъ дѣло, любезный. Правительство смотритъ въ оба глаза за всѣми нами; молва о твоей апатіи начинаетъ распространяться, и ты можешь быть отставленъ, какъ бесполезный служака. Надѣюсь это будетъ для тебя очень не пріятно!

— Ужасно, капитанъ! — произнесъ, съ глубокимъ добродушіемъ Пепе.

— Ну, — продолжалъ капитанъ, — такъ я не намѣренъ болѣе обходить твоей очереди : на эту ночь, ты будешь на часахъ на Анзенадѣ. Пепе невольно раскрылъ глаза во всю ширину ихъ.

— Это тебя удивляетъ? — спросилъ донъ-Лукасъ.

— Никакъ нѣтъ! — отвѣчалъ Пепе. — Я ожидаю только наставленій, какія угодно будетъ вашей милости сообщить мнѣ.

Наставленія, которыя получилъ Пепе, были переданы нѣсколько сбивчиво и безтолково, такъ, что-бы Пепе ровно ничего не упомянулъ; не смотря однакоже на это, донъ Лукасъ добавилъ въ заключеніе: — смотри-же не засни!

Пепе оставался въ почтительной неподвижности и не отвѣчалъ ни слова.

— Ну, теперь ступай и не забудь свой фонарь, — прибавилъ донъ-Лукасъ, принимая молчаніе своего подчиненнаго за неизмѣнную готовность исполнить приказанія.

— Что-же, слышишь ты! — вскричалъ капитанъ, удивленный неподвижностію и молчаніемъ Пепе.

— Слышу, капитанъ, слышу! — отвѣчалъ онъ, подвигаясь къ двери.

Небольшой заливъ, называемый Анзенада, который былъ въ-рѣзъ бдительности Пепе-Сони, такъ таинственно врѣзывался между скалами, что казалось, прорытъ былъ нарочно, что-бы благоприятствовать контрабандѣ, которую съ такою смѣлостію производятъ испанскіе контрабандисты съ кипжаломъ и карабиномъ въ рукахъ.

По своему уединенію, этотъ постъ былъ не безъ опасности въ томъ еще отношеніи, что въ пасмурную ноябрьскую ночь сильный, морской туманъ отнимаетъ у глазъ всякую возможность видѣть человека, который-бы звалъ на помощь. Никто не могъ-бы узнать Пепе-Сони, обыкновенно погруженнаго въ глубокую дремоту съ отупѣлымъ видомъ, съ тяжелой походкой, въ этомъ бодромъ воинѣ, двигавшемся на скалахъ съ поднятой головой и бодрой походкой. Его глаза обыкновенно полузакрытые, казалось, сверкали, готовые проникнуть самый мракъ.

Ночь была холодна, мрачна и безмолвна. Пробыло десять часовъ; на скалахъ и въ деревнѣ все было тихо и спокойно и только глухой вой Океана, дробившагося плотину скалъ, какъ будто плывущій тигръ трется о железо клятки, нарушалъ молчаніе природы, въ небѣ ни одной звѣздочки, на землѣ глубокая тьма, на морѣ туманъ, изъ котораго суевѣріе могло вызвать тысячи привидѣній, вотъ какая картина представлялась глазамъ ночнаго стража, когда онъ прибылъ на Анзенадскій постъ.

Внимательно осмотрѣвшись во все стороны, съ помощію потаеннаго фонаря, Пепе увѣрился, что онъ рѣшительно одинъ, потомъ уставивъ свой фонарь такимъ образомъ, что-бы онъ освѣщаль изрытую дорогу, которая вела къ деревнѣ, онъ завернулся въ свой плащъ и легъ въ десяти шагахъ отъ фонаря, но такъ что отъ его глазъ не могли скрыться дорога и заливъ.

— Ахъ, капитанъ, — сказалъ про себя Пепе, — славный-же постъ ты мнѣ выбралъ, для возстановленія моей репутаціи. Впрочемъ, — меня удивляетъ ваше видимое желаніе, на основаніи котораго, я долженъ проспать этотъ вечеръ глубокимъ сномъ. Кто знаетъ?... — продолжалъ онъ, закутываясь, какъ могъ лучше и удобнѣе въ своемъ плащѣ, — все къ лучшему.

Прошло около получаса; Пепе оставался одинъ, преданный своимъ мыслямъ, и время отъ времени, пробѣгалъ зоркимъ взглядомъ заливъ и изрытую дорожку.... Но вотъ, онъ слышалъ скрипъ песка на тропинкѣ, потомъ въ свѣтъ отбрасываемомъ фонаремъ появилась черная фигура, и въ скоромъ времени Пепе узналъ въ незнакомцѣ своего капитана. Казалось, нѣсколько минутъ онъ отыскивалъ кого-то, и наконецъ окликнулъ стража.

Пепе не заботился отвѣчать.

— Пепе! — повторилъ капитанъ.

Микелетъ упорно молчалъ и не откликнулся. Капитанъ оглянулся кругомъ и скоро шумъ его шаговъ потерялся въ отдаленіи.

— Хорошо! — думалъ Пепе, — до этой минуты я былъ еще такъ глупъ, что сомнѣвался, но теперь долженъ увѣриться.... Контрабандистъ осмѣлился рискнуть.... Право я буду очень неловокъ, если не извлеку какой-нибудь прибыли.... И въ одинъ прыжокъ микелетъ былъ уже на ногахъ.

— Теперь и здѣсь, я болѣе не Пепе-Соия! — сказалъ онъ, выпрямляясь во всю вышину своего роста.

Около получаса, по уходѣ капитана, ни что не возмущало окрестной тишины; ничто не прерывало безконечной бѣловатой черты, гдѣ море на горизонтѣ соединялось съ небомъ. Густыя черныя облака, по временамъ, закрывали и снова обнажали только что взшедшую луну, и хотя горизонтъ попеременно казался, то сверкающимъ какъ расплавленное серебро, то мрачнымъ и синеватымъ какъ крепъ, ничто не возмущало присутствія челоуѣка на Океанѣ. Во взглядъ ми-

келета было столько напряженія, что онъ думалъ видѣть летающія вокругъ искры; утомленный этимъ напряженнымъ вниманіемъ, онъ закрылъ глаза и сосредоточилъ всю силу своихъ органовъ въ слухъ. Вдругъ, слабый шумъ скользнулъ на поверхности воды и долетѣлъ до его ушей, потомъ легкой прибрежный вѣтеръ разнесъ этотъ шумъ и Пепе не слышалъ уже болѣе ничего. Не зная была-ли это игра воображенія, микелеть открылъ снова глаза; но глубокий мракъ ночи ничего не позволялъ ему видѣть. Онъ закрылъ глаза, чтобы снова слушать, и на этотъ разъ, ясно различилъ мѣрные звуки весла, разрывающаго поверхность воды, и затаенный скрипъ уключинъ.

— Ага! наконецъ! — произнесъ Пепе, свободно вздохнувъ.

Черная точка почти незамѣтная показалась на горизонтъ, потомъ быстро росла и наконецъ обозначилась лодка, оставлявшая за собой легкой слѣдъ пѣны. Пепе быстро бросился на землю, опасаясь, чтобы его силуэтъ не былъ замѣченъ съ лодки; но самъ съ возвышенной позиціи, которую занималъ, могъ ни на минуту не терять ее изъ виду. Онъ скоро увидѣлъ, что лодка остановилась, съ неподвижными веслами, какъ морская птица, плавающая въ воздухъ и выбирающая мѣсто, на которое устремиться, потомъ снова дрогнула и понеслась къ берегу залива.

— Не церемоньтесь, — прошепталъ микелеть, — будьте, какъ дома....

Въ-самомъ-дѣлѣ гребцы, казалось, были увѣрены, что ихъ никто не обезпочитъ, и нѣсколько минутъ спустя прибрежные камни закрепились подъ килемъ лодки.

— О! о! — прошепталъ микелеть, — ни одного тюка товаровъ! — Развѣ это не контрабандисты?

Въ лодкѣ были три человека; они, казалось, брали только самыя необходимыя предосторожности, чтобы не нарушить ночной тишины. Они не были одѣты, какъ обыкновенно одѣваются контрабандисты.

— Чортъ побери, что-же это за люди! — произнесъ микелеть.

Кусты пожелтѣлой травы, покрывавшей вершину утеса, гдѣ прижался Пепе, позволяли свободно замѣчать, что дѣлали въ лодкѣ три незнакомца. По приказу, данному незнакомцемъ, сидѣвшимъ у руля, и которому остальные двое безмолвно повиновались, гребцы выскочили на землю, съ видимымъ намѣреніемъ осмотрѣть мѣстность. — Минуту Пепе былъ въ нерѣшимости: позволить-ли имъ отправиться по изрытой дорогѣ, но видъ лодки, оставленной на сохраненіе одного

человѣка, заставилъ его переменить намѣреніе, и онъ сталъ еще неподвижнѣе тѣмъ когда-нибудь; онъ сдерживалъ даже дыханіе, когда два незнакомца, вооруженные каждый каталонскимъ ножомъ, прошли въ нѣсколькихъ шагахъ ниже мѣста, гдѣ онъ лежалъ; тогда только Пепе могъ рассмотреть, что на незнакомцахъ было матросское платье, принятое въ то время корсарамъ, и которое занимало средину между мундиромъ королевскаго флота и купеческой курткой, но онъ не могъ рассмотреть ихъ лицъ подъ беретами, которые покрывали ихъ головы. Оба матроса остановились. Кусокъ глины раскрошился подъ кольномъ Пепе и покотился внизъ по крутизнѣ съ легкимъ шумомъ.

— Не слыхаль-ли ты чего-нибудь? — спросилъ одинъ изъ нихъ

— Нѣтъ, а ты?

— Мнѣ показалось, что какъ-будто что-то упало оттуда, — сказалъ онъ, указывая на мѣсто, гдѣ Пепе лежалъ, прижавшись къ землѣ.

— Ба! да вѣрно какая-нибудь мышь ползла въ свою нору.

— Если бы этотъ утесъ не былъ такъ крутъ, я бы попробовалъ взобраться! — сказалъ первый.

— Я тебѣ говорю, что нечего опасаться, — отвѣчалъ второй; — ночь черна, какъ смоляной котелъ и притомъ сторожъ вѣрно спитъ. Побудь здѣсь, я хочу посмотреть нельзя-ли взобраться туда на верхъ, и если найду тамъ нашего соню, — прибавилъ онъ, указывая на широкое лезвіе ножа, сверкнувшее въ темнотѣ, — тѣмъ хуже... или тѣмъ лучше для него; я заставлю его заснуть навсегда.

— Чортъ побери! Да это философъ, — подумалъ Пепе, — но теперь мнѣ не до сна! И какъ змѣя, сбрасывающая съ себя кожу, онъ вылезъ изъ подъ плаща, который оставилъ на мѣстѣ и поползъ съ такою осторожностію, что ни малѣйшій шорохъ не обнаружилъ его присутствія и даже, какъ говорятъ испанцы, сама земля не слышала его движеній. Наконецъ, съ карабиномъ въ рукахъ, онъ прямо достигъ той точки, гдѣ остановилась лодка.

Здѣсь Пепе перевелъ духъ и сверкающимъ взглядомъ измѣрилъ человѣка, который оставался одинъ. Послѣдній, казалось, былъ погруженъ въ мрачныя мысли; онъ сидѣлъ неподвижно, окутанный широкимъ плащомъ, который закрывалъ его лицо и служилъ защитою отъ ночной сырости. Его глаза, устремленные на морскую поверхность, не могли замѣтить темной фигуры стража, которая мед-

ленно выростала на берегу. Пепе взглядомъ измѣрилъ пространство, отдѣлявшее его отъ лодки. Незнакомецъ сдѣлалъ движеніе, чтобъ повернуться къ берегу и въ тоже мгновеніе Пепе, раздвинувъ переплетенныя вѣтви кустарника, бросился на незнакомца, какъ тигръ на свою добычу.

— Не шевелись.... или смотри! — прибавилъ онъ, приставляя дуло своего карабина къ груди изумленнаго незнакомца.

— Кто ты? — отвѣчалъ послѣдній, и глаза его сверкали въ темнотѣ отъ бѣшенства; не смотря на угрожающій жестъ непріятеля, онъ прямо смотрѣлъ въ лицо Пепе.

— Я... Пепе, который всегда спитъ, но мимо котораго не проюркнетъ ни одинъ контрабандистъ.

— Контрабандистъ? — произнесъ незнакомецъ съ видомъ величайшаго презрѣнія.

— Если я говорю контрабандистъ, — подхватилъ Пепе, довольный своею провицательностію, — такъ это за тѣмъ, чтобы польстить вамъ, потому-что у васъ здѣсь нѣтъ ни унціи товаровъ, развѣ только вотъ это, продолжалъ онъ, указывая ногой на веревочную лѣстницу, валявшуюся на днѣ лодки.

Находясь лицомъ къ лицу съ незнакомцемъ, Пепе могъ рассмотреть его, какъ хотѣлъ. Это былъ молодой человекъ лѣтъ около 25, съ загорѣлымъ лицомъ моряка; густыя темныя брови рѣзко обрисовывались на его широкомъ и костлявомъ лбу. Большіе черные глаза, сверкающіе мрачнымъ огнемъ изъ глубины своихъ орбитъ, высказывали неукротимыя страсти. Ротъ незнакомца выражалъ презрѣніе, морщины на щекахъ, не смотря на его молодость, глубоко врѣзанныя, придавали ему, при малѣйшемъ движеніи, видъ холодной насмѣшки, дерзости и презрѣнія. Въ его глазахъ и на лицѣ легко было угадать что честолюбіе и мщеніе двѣ преобладающія страсти этого человека. — Только одни черные курчавые волосы нѣсколько умѣряли суровость его фізіономіи, что же касается до его одежды, то на немъ былъ испанскій мундиръ морскаго офицера. Взглядъ, который устранилъ бы всякаго другаго, въ эту минуту выражалъ только досаду и нетерпѣніе.

— Шутки въ сторону, чудакъ, говори, чего ты хочешь? — произнесъ незнакомецъ.

— Ну, поговоримъ о дѣлѣ, — сказалъ Пепе, — я очень этого же-

лаю; притомъ, когда ваши люди принесутъ мой плащъ и фонарь, которые, вѣроятно, захватятъ съ собою, вы имъ прикажете держаться въ отдаленіи, такимъ образомъ мы можемъ разговаривать безъ всякой помѣхи... Иначе выстрѣломъ этого карабина... понимаете?... и кромѣ того, тревога... Что вы на это мнѣ скажете?... Ни чего! такъ и быть этотъ отвѣтъ стоитъ другаго... Вы вѣрно не считаете за удовольствіе сдѣлать сентиментальную прогулку на Анзенадо, у васъ есть другія цѣли — мое вмѣшательство можетъ васъ беспокоить, такъ заплатите мнѣ за мой нейтралитетъ....

— Сколько?—сказалъ незнакомецъ, спѣшившій поскорѣе отдѣлаться.

— Бездѣлицу, 40 унцій....

— Двадцать!

— Мнѣ было-бы пріятнѣе, если-бъ сорокъ!—повторилъ Пепе.— Ну... идетъ.... двадцать! я, не хочу быть нескромнымъ, я неболье какъ простой солдатъ.

У знакомого вырвалось проклятіе, но онъ не отвѣчалъ ни слова.

Въ сердцѣ его, казалось, происходила страшная борьба между гордостью и досадой. Не смотря на холодъ ночи, капли пота выступили на лбу его.... Казалось одна только необходимость слишкомъ сильная должна была привести его съ такими предосторожностями и въ такое уединенное мѣсто, поэтому она же могла и покорить его гордость, которая казалась неукротимую. Насмѣшливая предприимчивость Пепе заставила его почувствовать необходимость сдѣлки и, снявъ съ пальца богатое кольцо, онъ подалъ его микелету.

— На... возьми и убирайся!—сказалъ онъ.

Пепе взялъ подарокъ и внимательно осмотрѣлъ его.

— Быть можетъ я и рискую, — сказалъ онъ, — но принявъ это кольцо за сорокъ унцій, я буду глухъ, немъ и слѣпъ....

— Надѣюсь, — холодно отвѣчалъ незнакомецъ.

— Клянусь жизнію моей матери, — вскрикнулъ Пепе, — такъ какъ здѣсь идетъ дѣло не о контрабандѣ, я готовъ вамъ помогать всеми силами.

— Ну, такъ успокой свою совѣсть, — сказалъ незнакомецъ съ горькою улыбкою, — и посмотри за этой лодкой до нашего возвращенія, а я пойду съ моими людьми. Только, чтобы ты ни увидѣлъ, что бы ни случилось, сколько бы времени мы не пробыли въ отсутствіи, будь, какъ ты общалъ, немъ, глухъ, слѣпъ и терпѣливъ.

Произнося послѣднія слова, незнакомецъ выскочилъ изъ лодки на берегъ и исчезъ за угломъ изрытой тропинки. Оставшись одинъ, Пепе, при лунномъ свѣтѣ, принялся разсматривать бриліантъ, вдѣланный въ кольцо.

II.

Алькадь и его Клеркъ.

Никто не зналъ сколько времени оставался на своемъ мѣстѣ Пепе, ожидая возвращенія незнакомца, только когда утренняя заря освѣтила горизонтъ, маленькій заливъ Анзенадскій былъ совершенно пустъ. Тогда, казалось, жизнь пробудилась въ деревнѣ, тѣни еще неопредѣленные рисовались на крутыхъ утесахъ, которые простирались уступами къ плотинѣ; лодки, качаемыя волнами, были отвязаны и первые лучи восходящаго солнца освѣтили отъѣздъ рыбаковъ. Постепенно растворялись двери домовъ и на порогахъ появлялись и исчезали то женщины, то дѣти; въ одной только хижинѣ еще не были открыты ставни, она принадлежала алькаду Эланхови, о которомъ мы уже говорили, какъ о старомъ служителѣ фамилии Медіана.

Было уже близко къ полудню, когда молодой человекъ, въ высокой истасканной шляпѣ, грязной и лоснящейся, какъ лакированная кожа, подошелъ къ дому алькада. Узкіе, короткіе панталоны его, имѣли видъ зонтичнаго чахла и были такъ изорваны, что въ нихъ не было бы жарко и въ июньскій полдень; они очень плохо защищали ноги владѣльца отъ довольно рѣзкаго вѣтра холоднаго ноябрьскаго утра. Молодой человекъ постучался у дверей алькада. Лица его не было видно; онъ до самыхъ глазъ закрывался маленькимъ плащемъ изъ грубаго косматаго сукна, называемаго эсклавина, что заставляло его оставлять открытыми ноги и показывало, повидимому, полное его довольство своими панталонами. Хитрый взглядъ, ничтожная наружность и чернильные брызги на платъи и на пальцахъ обличали въ этомъ молодцѣ писца (*escribano*).

Этотъ молодой человекъ былъ правая рука алькада, Грегорио Кагатинта. На скромный стукъ его, старая женщина отворила дверь.

— А... это вы, донъ Грегорио! — проговорила старуха съ той

въживостью, которую въ Испаніи даже нищія расточаютъ другъ другу.

— Да это я, донья Николаза, — отвѣчалъ Грегоріо.

— Боже мой! Если вы уже пришли, значить, я опоздала... И мой господинъ, вѣрно, ждетъ своихъ панталонъ. Присядьте, донъ Грегоріо, онъ не замедлитъ выйти.

Комната, куда былъ введенъ Грегоріо, показалась бы огромною, если бъ не была загромождена во всемъ своемъ пространствѣ: тутъ были сѣти различной величины, мачты, реи, паруса всѣхъ формъ, руль, весла и все это смѣшано кой-какъ. Благодаря этому хаосу, едва оставалось мѣсто поставить два стула вокругъ дубоваго огромнаго стола, на которомъ была помѣщена чернильница изъ пробковаго дерева, въ ней торчали три пера, рядомъ валялось нѣсколько лоскутковъ запачканной бумаги и все это, казалось, служило только для хвастовства или, можетъ быть, для внушенія страха посѣтителемъ. Съ перваго взгляда на эту комнату не возможно было ошибиться на счетъ промышленности, которой занимался алькадъ, кромѣ служебныхъ своихъ обязанностей. Въ самомъ дѣлѣ онъ давалъ въ займы на недѣлку по реалу за піастръ, — очень просто: двадцать процентовъ въ мѣсяцъ или 240⁰/₀ на годъ, — и такъ какъ его кліенты состояли только изъ рыбаковъ, то этимъ и объяснялась его коллекція плавательныхъ снарядовъ, которые громоздили приемную залу алькада.

Кагатинта едва бросилъ разсѣянный взглядъ на всю эту ветошь, между которою не было ни одной пары панталонъ, поэтому онъ не подвергался никакому соблазну; впрочемъ, нужно правду сказать, его сомнительная честность, можетъ быть, не устояла бы противъ такого сильнаго искушенія. Донъ Романо не заставилъ долго ждать, и скоро, на порогъ спальни, появилась веселая и свѣтлая его фигура. Это былъ крикѣй и сильный человекъ; съ перваго взгляда замѣтно было, что изъ его панталонъ можно было сдѣлать двѣ пары для худаго и слабаго эскрибано.

— Боже ты мой! Г-нъ алькадъ, — сказалъ послѣдній, послѣ кучи утреннихъ привѣтствій, — какими превосходными панталонами вы владеете!

— Грегоріо, другъ мой, — началъ алькадъ съ веселымъ расположеніемъ духа, — вы становитесь скучны съ своими повтореніями. И

какъ будто-бы, — продолжалъ онъ, — кромъ этого, во мнѣ нѣтъ ничего такого, чему бы можно позавидовать ?

Кагатинта тяжело вздохнулъ и отвѣчалъ съ видомъ голодной собаки, которая смотритъ на кость.

— Для этого нужно волшебство, чтобы мнѣ получить ваши личныя преимущества. Но ваши панталоны, это дѣло другое, нѣсколько локтей сеговійскаго сукна покончатъ дѣло.

— Терпѣніе ! терпѣніе ! г-нъ эскрибано, вы знаете, что за услуги, какія вы мнѣ хотите оказать, я не говорю о тѣхъ, какія вы мнѣ уже оказали, я вамъ обѣщаль мои панталоны цвѣта бычачьей крови, какъ только немножко они поизносятся... Я забочусь объ этомъ, заботьтесь же и вы ихъ заслужить.

— Что же нужно сдѣлать, чтобы заслужить ихъ ? — отчаяннымъ голосомъ произнесъ Грегорио, — стороны не равны... ваша задача ничто въ сравненіи съ моею.

— Э ! Богъ мой ! кто знаетъ, — началъ алькадъ, — можетъ представиться случай, который вамъ сейчасъ-же дастъ преимущество предо мной.

— Да, но не также ли легко можетъ случиться обстоятельство, которое сейчасъ лишитъ ваши панталоны ихъ цѣны.

— Ну, увидимъ, приступимъ къ дѣлу, — сказалъ алькадъ, чтобы прервать потокъ жалобъ Грегорио. Говоря эти слова, донъ Романо взялъ полуразвалившійся стулъ, чтобы помѣститься у стола.

— Возьмите этотъ ! — живо прервалъ эскрибано, подавая стулъ съ кожаной крышкой, которая отъ употребленія лоснилась, какъ красное дерево, — вамъ будетъ мягче...

— И моимъ панталонамъ также ? — съ насмѣшливымъ видомъ отвѣчалъ алькадъ.

Кагатинта вынулъ свернутый листъ штемпельной бумаги, и уже готовъ былъ приняться за работу, какъ вдругъ частые удары раздались въ дверь, которую чиновники правосудія заперли, избѣгая помѣхи.

— Кто бы это могъ такъ стучаться ? — сказалъ алькадъ.

— Ave Maria purissima ... — произнесъ голосъ за дверью

— Войдите, съ Богомъ ! — отвѣчали вмѣстѣ оба аюлита. И за тѣмъ Грегорио отворилъ дверь.

— Что можетъ привести въ этотъ часъ сенъора Донъ-Жуана

де-Діаса?— вскричалъ алькадъ съ видомъ изумленія, замѣтивъ глубокую горестъ на обнаженномъ челѣ привратника графини де-Медіана.

— О сеньоръ алькадъ, — началъ старикъ, — великое несчастіе случилось, ужасное преступленіе совершено.... Графиня исчезла и молодой графъ вмѣстѣ съ нею.

— Но, полно увѣрены-ли вы?— вскричалъ алькадъ.

— Увы! стоитъ только взойти чрезъ балконъ, обращенный къ морю, какъ мы и сдѣлали, не получая отвѣта отъ графини, и видѣть въ какомъ состояніи убійцы оставили ея комнату.

— Правосудіе! правосудіе! Сеньоръ алькадъ разошлите всѣхъ своихъ альгвазиловъ!— кричалъ въ нѣкоторомъ разстояніи женскій голосъ.

Это была служанка графини, которая считала приличнѣе кричать тѣмъ громче, чѣмъ менѣе была тронута этимъ непонятнымъ похищеніемъ. Она ворвалась въ аудіенцъ-залу алькада.

— Та, та, та, какъ вы спяните, — сказалъ послѣдній; — думаете вы, что я имѣю столько альгвазиловъ? Вы очень хорошо знаете, что у меня ихъ только двое, и притомъ, такъ какъ они умерли бы съ голоду въ этой добродѣтельной деревнѣ, если бы занимались только своимъ ремесломъ, то они сегодня утромъ отправились на рыбную ловлю....

— Увы! Боже мой!— кричала, всхлипывая, служанка, — бѣдная моя госпожа! Кто же ей поможетъ?

— Терпѣніе, женщина, терпѣніе, — сказалъ донъ Романо, — не отчаивайтесь никогда въ правосудіи!

Но служанка не считала приличнымъ утѣшиться этой надеждой, и крики ея удвоились. На этотъ шумъ, производимый ея лицемѣрной горестью, въ то время, когда старый донъ Жуанъ де-Діасъ грустно наклонивъ голову, тихо призывалъ Судью болѣе Могучаго, многочисленная толпа женщинъ, стариковъ и дѣтей собралась на порогъ дома алькада и мало-по-малу завоевывала святилище правосудія. Донъ-Романо приблизился къ Кагатинтъ, который подъ своей эсклавиной потиралъ руки при мысли о той штемпельной бумагѣ, которая будетъ измарана и сказалъ ему:

— Вниманіе, другъ Грегорію, минута наступила и если вы будете ловки, панталоны цвѣта бычачьей крови!... — Онъ не досказалъ, но Кагатинта понялъ остальное и поблѣднѣлъ отъ радости, не

спуская глазъ съ своего патрона, онъ былъ готовъ схватить на лету первый случай, который ему представится. Алькадь сѣлъ снова на свое кожаное кресло, и жестомъ потребовалъ всеобщаго молчанія, потомъ, съ тѣмъ изобиліемъ, которое составляетъ принадлежность испанскаго языка, самаго напыщеннаго и самаго богатаго изъ всѣхъ живыхъ языковъ, онъ произнесъ своей аудиторіи довольно длинную рѣчь.

— Дѣти мои,—началъ онъ,—такъ какъ почтенный донъ Жуанъ де-Діасъ пришелъ сюда утверждать, что великое преступленіе совершено въ эту ночь.... Не смотря на то, что преступленіе, во всякомъ случаѣ, дошло бы до бдительнаго слуха правосудія, поелику ничто отъ него не укроется... но тѣмъ не менѣе я благодаренъ донъ Жуану де-Діасу за его официальное сообщеніе; да, дѣти мои, официальное.... Этотъ почтенный привратникъ долженъ-бы сдѣлать свое донесеніе полнѣе, открывъ имена виновныхъ....

— Но, сеньоръ алькадь,—превралъ Жуанъ де-Діасъ,—я ихъ не знаю, хотя мое сообщеніе и официально, какъ вы говорите, но я помогу открыть виновныхъ.

— Вы слышите, мои дѣти, достойный привратникъ, въ своемъ официальномъ сообщеніи умоляетъ правосудіе о наказаніи виновныхъ: правосудіе не будетъ глухо на его призывъ. Теперь пусть будетъ мнѣ дозволено поговорить о моихъ маленькихъ дѣлишкахъ, и предаться горести, причиняемой мнѣ похищеніемъ графини и молодаго графа де-Медіана.—Здѣсь алькадь сдѣлалъ знакъ Кагатинтъ, которому всѣ напряженныя способности не открыли еще до-сихъ-поръ какой услугой онъ можетъ пріобрѣсти предметъ своего честолюбія.

— Вамъ не безызвѣстны, дѣти мои,—продолжалъ алькадь,—двойныя узы, которые меня привязываютъ къ фамиліи Медіана; судите же о моей горести при узнаніи совершеннаго преступленія, тѣмъ-болѣе невыразимой, что неизвѣстно для чего и къ-мъ оно совершено. Увы! дѣти мои, я теряю могущественную покровительницу, и сердце вѣрнаго служителя пронзено, въ одно время съ сердцемъ дѣловаго чело-вѣка. Да, дѣти мои, въ обманчивой увѣренности, которой я вчера еще предавался, былъ я въ замкѣ де-Медіана по фермерскимъ дѣламъ....

— Попросить отсрочку!... продолжайте! — вскричалъ Кагатинта, превосходно зная положеніе дѣлъ алькада.

— Терпѣніе, мой достойный Кагатинта, — сказалъ алькадь, обращаясь къ эскрибану, — умѣрь жажду правосудія, которая тебя пожираетъ.... да, дѣти мои, слѣдствіемъ этой безпечности было то, что я вручилъ впередъ несчастной графини.... — здѣсь голосъ Донъ-Романо задрожалъ, — сумму, равняющуюся десятилѣтней платѣ за наемъ фермы. При этомъ неожиданномъ объявленіи, Кагатинта подпрыгнулъ на своемъ стулѣ, какъ будто-бы ужаленный аспидомъ, кровь застыла въ его жилахъ, при мысли о томъ ужасномъ промахѣ, который онъ чуть-чуть было не сдѣлалъ.

— Посудите теперь о моей горести, дѣти мои, только нынче по утра графиня должна была мнѣ дать росписку въ полученіи этой суммы.

Слова эти произвели глубокое сотрясеніе въ цѣлой аудиторіи; ни одинъ изъ находившихся здѣсь не вѣрилъ алькаду и никто не осмѣливался высказать свое сомнѣніе.

— Къ счастью, что присяга людей заслуживающихъ довѣріе, можетъ поправить мое несчастіе.

Здѣсь Кагатинта, какъ вода, долго сдерживаемая и нашедшая наконецъ истокъ, устремился впередъ и поднявъ къ верху руку, закричалъ съ жаромъ: алькадь говоритъ правду.... Я клянусь!

— Онъ клянется! повторилъ алькадь.

— Онъ клянется! повторили присутствующіе.

— Да, друзья мои, я повторяю клятву и готовъ повторить ее всегда! Хотя одно только меня затрудняетъ, что я не могу хорошенько вспомнить за десять или за пятнадцать лѣтъ впередъ алькадь заплатилъ несчастной графини донни Луизъ....

— Нѣтъ, мой достойный другъ, — превралъ донъ Романо Кочехо съ умѣренностью. — Это была плата за десятилѣтній наемъ, которую ваше драгоценное свидѣтельство мѣшаетъ мнѣ потерять: и такъ вы можете рассчитывать на мою благодарность.

— Я надѣюсь, — подумалъ эскрибано, — два года просрочки и десять лѣтъ впередъ — это составляетъ двѣнадцать лѣтъ. Рѣшительно панталоны цвѣта бычачьей крови мои неизбѣжно.

Мы не будемъ болѣе утомлять читателя разсказомъ о томъ, что происходило въ этомъ засѣданіи, гдѣ правосудіе отправлялось еще за долго до Жиль-Блаза и еще долго будетъ отправляться въ Испаніи. Мы заставимъ теперь читателя присутствовать при слѣдствіи алька-

да и его аколита, на самомъ мѣстѣ преступленія въ сопровожденіи свидѣтелей, требуемыхъ закономъ. Начали тѣмъ, что выломали дверь въ спальню, запертую изнутри задвижками. Пустые ящики, а иные вполонину опустошенные валялись на паркетѣ. Но еще ничего не показывало слѣдовъ насилія, и добровольный, но внезапный отъѣздъ могъ произвести такой-же беспорядокъ въ комнату. Неизмятая постель графини показывала, что она не ложилась, и давала поводъ думать, что она заранѣе рѣшилась ждать минуты отъѣзда, не ложась; мебель стояла на своемъ мѣстѣ, занавѣсы у оконъ и алькова не были измяты, ни одного знака борьбы не было замѣтно на полу, составленномъ изъ нѣжныхъ камней, до того хрупкихъ, что малѣйшее необыкновенное движеніе, могло искрошить ихъ; тяжелый запахъ лампы, погасшей за недостаткомъ масла, не смотря на ворвавшійся воздухъ, царствовалъ еще въ комнатѣ, было очевидно, что она горѣла до утра; злодѣи же, вѣроятно, загасили-бы огонь, чтобы дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ и безопасностію, наконецъ тысяча бездѣлокъ, которыя были въ состояніи соблазнить, остались въ ящикахъ. При всѣхъ этихъ сомнительныхъ признакахъ злодѣйства, старый донъ Жуанъ де-Діасъ грустно потупилъ голову, съ видомъ недоумѣнія. Во всемъ этомъ было что-то такое, что смѣшивало его понятія и превосходило разумъ, который и безъ того никогда не былъ первокласснымъ; но здравый смыслъ его возмущался при мысли, что госпожа могла убѣжать и притомъ такимъ необыкновеннымъ образомъ. Въ его глазахъ преступленіе было очевидно, но какъ его объяснить? Убійца не оставилъ никакихъ слѣдовъ. Почтенный, старый служитель отчаяннымъ взоромъ разсматривалъ пустынную комнату, одежду госпожи, разбросанную по полу и изрытую колыбель молодого графа, въ которой какаунъ еще розовый и улыбающійся младенецъ спалъ подъ надзоромъ матери. Какъ-бы пораженный внезапной мыслью, донъ Жуанъ бросился на желѣзный балконъ не много возвышенный надъ землею и его глаза устремились на берегъ, который разстилался подъ балкономъ! Но ни одного слѣда не осталось на твердой и известковой почвѣ. Камешки съ шумомъ катились по берегу, не сохранивъ слѣдовъ челоуѣка, какъ поверхность озера не сохраняетъ тѣни пролетѣвшей птицы. Океанъ шумѣлъ, какъ всегда, и между этими голосами природы ни одинъ не поднялся для открытія преступника. Только на горизонтѣ бѣлый па-

русь рисовался еще въ отдаленной лазури моря. Въ то время, какъ старый служитель, молча, молился и мечтательно слѣдилъ взглядомъ убѣгающій корабль, всѣ присутствующіе, за исключеніемъ алькада и Кагатинты, съ грустью прислушивались къ мрачнымъ напѣвамъ вѣтра, который, на этихъ высотахъ, казалось день и ночь, то рыдалъ, то вылъ и вздыхалъ. Алькадъ и Кагатинта, молча, раздѣляли мнѣніе донъ Жуана, оба были убѣждены въ преступленіи, но видя невозможность объяснить его и схватить кого-нибудь, кто-бы могъ заплатить издержки судопроизводства, по заведенному обычаю въ Испаніи, они были довольны одинъ наградою такъ сильно желаемой, которую считалъ уже заслуженною, другой платою за двѣнадцать лѣтъ фермерства, которая оставалась въ его карманѣ.

— Ей-Богу, господа, — произнесъ алькадъ, обращаясь къ свидѣтелямъ, — я не могу себя объяснить по какой фантазіи графиня ушла черезъ окно, потому что задвижки у выходной двери, запертой изнутри, не оставляютъ на счетъ этого никакого сомнѣнія. Это капризъ женщины, и правосудіе не имѣетъ надобности его объяснять.

— Можетъ быть, чтобы не дать росписки сеньору алькаду, — сказала одинъ изъ свидѣтелей на ухо своему сосѣду....

— Но кстати, — спросилъ Кочехо, — обращаясь къ донъ Жуану, какимъ-образомъ вы могли замѣтить исчезновеніе графини, когда нельзя было взойти къ ней?

— Очень просто, — отвѣчалъ старикъ; — въ обыкновенный часъ, когда служанка имѣла привычку являться къ госпожѣ, она постучала, никто не отвѣчалъ, она стала сильнѣе стучать и не получая отвѣта, въ безпокойствѣ пришла мнѣ сообщить свое сомнѣніе. Я также стучалъ, звалъ, и не получая отвѣта рѣшился, при помощи садовой лѣстницы, заглянуть въ эту комнату, которую вы находите въ томъ-же самомъ видѣ, какъ мнѣ она представилась....

Когда старикъ кончилъ свое объясненіе, Кагатинта довольно тихо сообщилъ нѣсколько словъ алькаду, такъ, что ихъ никто не слышалъ; но послѣдній удовольствовался только пожатіемъ плечъ съ видомъ презрѣнія....

— Кто знаетъ? — отвѣчалъ Кагатинта на этотъ нѣмой отвѣтъ.

— Можетъ-быть, — сказалъ алькадъ, — увидимъ.

— Я остаюсь, господа, — произнесъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, —

при своемъ убѣжденіи, какъ не кажется оно страннымъ, что графиня вышла отсюда чрезъ окно.

При этой насмѣлкѣ правосудія присутствующіе улынулись.

— Но, сеньоръ алькадь, вотъ на полу куски разбитаго окна доказываютъ насильственное вторженіе въ комнату графини!— вскричалъ старикъ, возмущенный шуткою алькада.

— Этотъ старый чудакъ не хочетъ меня пустить позавтракать,— пробормоталъ алькадь, который съ-тѣхъ-поръ, какъ не надѣялся больше извлечь прибыли изъ этого таинственнаго дѣла, спѣшилъ его кончить,—я увѣренъ, что мой завтракъ простылъ и Николаза въ нетерпѣнни. Что доказываютъ эти куски стекла?—пачалъ онъ громко.— Думаете вы, что морской вѣтеръ, который такъ сильно дулъ въ эту ночь, не могъ разбить два, три стекла, сильно захлопнувъ открытое окно.

— Но почему,—отвѣчалъ донъ Жуанъ, — именно стекло разбито около задвижки: очевидно его разбили, чтобы открыть окно.

— А, полно, сеньоръ донъ Жуанъ!— вскричалъ съ нетерпѣніемъ алькадь, кусая съ досады свою трость съ золотымъ яблокомъ, эмблемой своего званія,—вы, или я имѣемъ право здѣсь допрашивать? Карамба, мнѣ кажется, что вы меня заставляете играть забавную роль?

Здѣсь Кагатинта вмѣшался въ споръ съ скромнымъ видомъ.

— Я буду отвѣчать нашему другу донъ-Жуану,—сказалъ онъ,— что если бы это стекло было разбито съ целью, на которую онъ указываетъ, оно могло быть разбито только извнѣ, слѣдовательно куски полетѣли бы во внутрь, а между-тѣмъ они лежатъ на балконѣ. По этому это дѣло вѣтра, какъ и основательно думаетъ господинъ алькадь.... По-крайней-мѣрѣ,—прибавилъ онъ съ своей коварной улыбкой,— если не предполагать, что окно разбито отъ неосторожной переноски вещей, потому что графиня долго должна пробыть въ отсутствіи, судя по количеству взятыхъ ею вещей, что и доказываютъ эти пустые ящики.

Старый служитель опустилъ голову предъ доказательствами, разрушавшими его догадки, и онъ не слышалъ уже последней замѣтки Кагатинты. Что касается до послѣдняго, то онъ внутренно себя спрашивалъ не долженъ-ли потребовать отъ алькада немного болѣе обѣщанной награды за эту послѣднюю услугу. Въ то время какъ вѣрный слуга былъ погруженъ въ тяжкія размышленія, которыя оту-

манили его обнаженное чело, алькадь тихонько приблизился къ нему.

— Я немножко погорячился съ вами, — сказалъ онъ, — я не принялъ въ соображеніе горестъ, которую долженъ почувствовать такой вѣр-ный слуга, какъ вы, при этомъ неожиданномъ ударѣ. Но, скажите мнѣ, независимо отъ горя, которое вы должны испытывать, боязнъ за будущность не мучить-ли васъ? Вы уже стары, слабы и безъ средствъ.

— Именно потому, что я старъ и что моя будущность ограничена, — я мало о ней забочусь, но моя горестъ, — прибавилъ старикъ съ гордостью, — чиста, щедрость господъ де-Медіана дала мнѣ возможность тихо окончить немногіе дни, которые осталось мнѣ жить.... Я буду счастливъ, когда успѣю отмстить за жену моего стараго господина.

— Я одобряю ваши чувства, — произнесъ алькадь съ участіемъ. — Вы человекъ вдвойнѣ заслуживающій уваженіе за ваше горе.... и за вашу бережливость, сеньоръ....

Потомъ вдругъ, перемѣнивъ тонъ, онъ продолжалъ.

— Регистраторъ, внесите въ процессъ, что сеньоръ донъ Жуанъ де-Діасъ, здѣсь присутствующій, объявилъ гражданскій искъ противъ похитителей своей госпожи; потому, что нельзя болѣе сомнѣваться, господа, что преступленіе было совершено, и мы обязаны, какъ по своему званію, а такъ и по требованіямъ этого почтеннаго старца, отыскать и наказать преступныхъ

— Но, сеньоръ алькадь, — вскричалъ изумленный служитель, — я не имѣлъ намъренія начинать гражданскій искъ....

— Берегись, старикъ! закричалъ донъ Романо торжественнымъ голосомъ, — если ты будешь отпираться оттого, что сейчасъ мнѣ доверилъ, тяжкія обвиненія падутъ на тебя. Не болѣе минуты тому назадъ нашъ другъ Кагатинта обратилъ мое вниманіе на лѣстницу, при помощи которой ты взлѣзъ въ комнату графини, это можетъ доказывать преступныя намъренія; но я увѣренъ, вы неспособны на преступленіе и такъ оставайтесь обвинителемъ вмѣсто того, чтобы сдѣлаться обвиненнымъ! Пойдемте, господа, долгъ и обязанность требуютъ внимательности.... можетъ-быть внизу подъ окномъ намъ удастся открыть обличительныя слѣды....

Несчастный донъ Жуанъ, внезапно пойманный между рогами этой дилеммы, результатъ которой былъ одинъ, то-есть похищеніе маленькой суммы, назначенной на поддержаніе его старости, повѣсилъ голо-

ву, и принимая съ чудной покорностью голосъ неправды за голосъ истины, утѣшился мыслію, что, можетъ-быть, и эта послѣдняя жертва будетъ полезна его господамъ.

Однако, какъ мы уже сказали, слѣдовъ не было найдено подъ балкономъ.

Одну минуту думали, что сдѣлали важную находку, замѣтивъ спящаго челоуѣка въ разсыпнѣ утеса. Это былъ Пепе Соня. Внезапно пробужденный и на вопросъ не видалъ ли онъ чего-нибудь, Пепе въ первый разъ въ жизни, не чувствуя пустымъ свой карманъ, чтобы избѣжать опасности—рѣшился на средство довольно необыкновенное, при встрѣчѣ съ такимъ жаднымъ челоуѣкомъ, какъ алькадъ, онъ попросилъ у него въ займы реалъ на покупку хлѣба. Что дѣлать съ такимъ чудакомъ? Алькадъ не дѣлалъ ему болѣе никакихъ вопросовъ и оставилъ его спать на свободѣ. И такъ принуждены были отказаться отъ всѣхъ изслѣдованій, до новаго приказа, потому что на первый разъ было достаточно, чтобы утомить правосудіе до упаду.

Между-тѣмъ, послѣ такого неслыханнаго утра въ лѣтописяхъ Эланховійскихъ, сумерки смѣнили день, и два челоуѣка грустно бродили на берегу моря, видимо стараясь избѣжать встрѣчи. Одинъ былъ несчастный Жуанъ де-Діасъ, который посылая послѣднее прости остаткамъ своей бережливости, упрямо искалъ слѣдовъ своей госпожи, молился за нее и за малютку; другой былъ печальный Кагатинта. Алькадъ, воспользовавшись довѣрчивостію Кагатинты, который прежде полученія награды, отдалъ ему актъ своей присяги, рѣшительно отказалъ въ панталонахъ и вмѣсто ихъ предложилъ старую шляпу, отъ которой Грегорио съ презрѣніемъ отказался.

Кагатинта плакалъ, проклиналъ свою глупую довѣрчивость и даже начиналъ думать и о необходимости принять старую шляпу, вмѣсто панталонъ, такъ достойно пріобрѣтенныхъ.

III.

МЩЕНІЕ ПЕПЕ СОНИ.

Когда Пепе-Соня подсторожилъ тайну капитана Деспіерто, изъ которой извлекъ свою выгоду, онъ не зналъ, что довѣ-Лукасъ

скрывалъ отъ него еще другую. Между тѣмъ стражъ, вслѣдствіе нѣкотораго угрызенія совѣсти и желая исполнить свой долгъ, быть можетъ въ первый разъ въ жизни, пришелъ просить капитана назначить его и на слѣдующую ночь — на тотъ же самый постъ.

Легко угадать, что онъ достигъ этого безъ труда; но въ то время, какъ донъ-Лукасъ думалъ, что онъ заснулъ по привычкѣ, Пепе бодрствовалъ, какъ и въ прошедшую ночь.

Впрочемъ мы его оставимъ на своемъ посту, и расскажем, что происходило на эланховійскомъ берегу недалеко отъ залива Анзенады.

Ночь была также темна, какъ и прошедшая, вдругъ около десяти часовъ вечера, легкое судно, прекрасно оснащенное, проскользнуло въ тайные проходы лабиринта утесовъ. Видъ судна, его оснастка, паруса доказывали, что оно военное или, по-крайней-мѣрѣ, вооруженное для корсарства. Смѣлость, съ какою оно маневрировало въ темнотѣ, показывала также, что управлявшій имъ былъ хорошо знакомъ съ опаснымъ берегомъ и имѣлъ частыя сношенія съ твердою землею.

Море съ бѣшенствомъ разбивалось на право и на лѣво по сторонамъ узкаго лабиринта, судно подъ низкими парусами плыло вдоль скалъ на весьма близкомъ разстояніи. Миновавъ проходъ, судно вступило въ широкій заливъ, гдѣ море болѣе покойное омывало низкій песчаный берегъ.

По командѣ вахтеннаго офицера судно легло въ дрейфъ съ быстротою, показывавшею многочисленный экипажъ его. Два десантные барказа, хорошо вооруженные и спущенные въ море, направились къ вершинѣ залива, надъ которымъ можно было различить, по ихъ близинѣ, нѣсколько домиковъ, разсыянныхъ на берегу. Скажемъ здѣсь, для избѣжанія таинственности, что маленькое судно было французское полу-корсарское, полу-контрабандистское, и что оно пришло съ двоякою цѣлью: сложить часть своихъ товаровъ и взамѣнъ ихъ запастись съѣстными припасами, въ которыхъ оно начинало нуждаться.

Капитанъ, съ помощію эланховійскаго рыбака, котораго доставилъ ему Деспьерто, считалъ за лучшее пройти этотъ узкій проходъ, что бы быть въ убѣжищѣ на случай какой-нибудь непріятной встрѣчи, въ то время, когда онъ будетъ лишенъ части своихъ матросовъ.

Вахтенный молча прохаживался на палубѣ, прислушиваясь къ

плеску моря о бортъ корабля, и со вниманіемъ слѣдилъ вътеръ, наполнявшій паруса.

Такимъ образомъ прошелъ часъ времени, какъ вдругъ частые выстрѣлы раздались на всемъ берегу. Другіе выстрѣлы имъ отвѣчали, и, немного спустя, оба барказа были уже у борта корабля.

Виновникомъ тревоги былъ Пепе, который, къ величайшему неудовольствію своего капитана, замѣтилъ контрабандистовъ, впрочемъ довольно поздно, тогда уже, когда высадка возвращалась назадъ обремененная баранами и съѣстными припасами всякаго рода. Послѣдній изъ взошедшихъ на палубу былъ матросъ гигантскаго роста.

Онъ держалъ въ своихъ рукахъ неподвижное дитя, которое можно было почестъ за мертвое, если бы легкое содраганіе не обличало еще въ немъ признаковъ жизни.

— Что это завоевалъ ты, Боа-Розе? — спросилъ его офицеръ.

— Съ вашего позволенія, лейтенантъ, это дитя, которое я нашелъ въ брошенной лодкѣ полумертвымъ отъ голода и холода. Мертвая женщина, плавающая въ крови, еще держала его въ своихъ объятіяхъ, и мнѣ страшныхъ трудовъ стоило вырвать младенца изъ помертвѣлыхъ и остывшихъ рукъ, подъ выстрѣлами этихъ собакъ испанцевъ. Особенно я подвергался постояннымъ прицѣламъ одного негодяя микелета.... (Мы скажемъ читателю, что это былъ Пепе Соня.) Впрочемъ спасибо ему: онъ мѣтилъ также упрямо, какъ и неловко. Я могъ бы заставить замолчать его навсегда, если бы не отвлекли меня попеченія, которыя я желалъ оказать этому слабому созданію.... Но если я когда-нибудь встрѣчу этого урода.... сочтемся!...

— Что ты думаешь дѣлать съ этимъ дитятей? — съ сочувствіемъ спросилъ тронутый офицеръ.

— Заботиться о немъ до-тѣхъ-поръ, пока миръ позволитъ мнѣ возвратиться сюда и собрать необходимыя свѣдѣнія о немъ и близкихъ ему.

Къ несчастію единственное свѣдѣніе, какое можно было получить объ этомъ трехлѣтнемъ ребенкѣ заключалось только въ томъ, что онъ назывался Фабіанъ и что убитая женщина была его мать....

Прошло два года, въ продолженіи которыхъ французскій корабль не могъ пристать къ берегамъ Испаніи. Нѣжность матроса, принявшаго на свое попеченіе молодого Фабіана-де-Медіана, ни на

минуту не уменьшалась и съ каждымъ днемъ росла болѣе и болѣе. Этотъ чловѣкъ колоссальнаго роста, геркулесовской силы былъ родомъ изъ Канады и назывался, какъ мы уже сказали, Боа-Розе. Странное и трогательное зрѣлище представляли почти материнскія ласки, которыя гигантъ расточалъ своему приѣмышу и тѣ хитрости, съ помощію которыхъ Боа-Розе доставалъ прибавокъ пайка для своего малютки. Матросъ часто задумывался надъ дитятею и дошелъ до того, что на этомъ хрупкомъ созданіи строилъ собственно для себя тысячи вождельныхъ плановъ, надвѣясь, что часть получаемой добычи позволить наконецъ осуществить ихъ.

Къ несчастію, честный матросъ забывалъ въ своихъ расчетахъ опасныя случайности морской жизни.

Однажды рано утромъ, французскій корсаръ долженъ былъ уходить отъ англійскаго брига, вдвое его сильнѣйшаго. Ловко и искусно маневрируя, корсаръ, при всемъ желаніи избѣжать встрѣчи съ бригомъ, не могъ ни обмануть непріятели, ни отказаться отъ битвы. Уже нѣсколько часовъ продолжалась съ обѣихъ сторонъ отчаянная канонада, какъ вдругъ черный и обожженный порохомъ матросъ бросился въ глубину трюма, куда онъ положилъ для безопасности дитя свое, поцѣловалъ его съ нѣжностью и вынесъ на рукахъ на палубу. Тамъ, въ минуту самаго жаркаго дѣла, посреди воплей битвы, потоковъ текущей крови, среди криковъ сражающихся и треска падающихъ мачтъ, Боа-Розе хотѣлъ напечатлѣть въ памяти малютки обстоятельство разлуки, которой онъ страшился.

Страшна и ужасна была эта минута, она легко могла оставить сильное впечатлѣніе и не въ душѣ малютки.

— Преклонись, мой сынъ, — сказалъ Боа Розе, закрывъ Медіану своимъ тѣломъ.

Ребенокъ, весь дрожа, опустился на колѣни.

— Видишь ли ты, что происходитъ кругомъ насъ? — продолжалъ канадецъ торжественнымъ голосомъ.

— Мнѣ страшно, — пробормоталъ Фабианъ, — я боюсь этой крови, которую вижу, этого шума, который слышу.

И онъ спрятался въ объятіяхъ колосса.

— Это хорошо, — прервалъ канадецъ. — И такъ! не забудь никогда, что въ эту минуту, одинъ матросъ, чловѣкъ, который любилъ те-

бя болѣ своей жизни, поставилъ тебя на колыни, чтобы сказать тебѣ :

— Преклонись, дитя мое, и молись за твою мать....

Боа-Розе не окончилъ еще словъ своихъ, какъ кровь его, брызнувшая изъ раны, жгучими каплями упала на лицо Фабіана. Малютка испустилъ крикъ ужаса и страха. Канадецъ имѣлъ только время прижать его къ груди и докончить начатую фразу, но такъ тихо, что дитя едва могло слышать :

— Которую я нашелъ, умирающую подлѣ тебя....

Тутъ онъ потерялъ сознание.

Когда Боа-Розе пришелъ въ себя, онъ почувствовалъ, что лежитъ посреди смраднаго трюма. Палящая жажда пожирала его. Ослабѣвшимъ голосомъ онъ звалъ того, кто ему каждое утро улыбался при пробужденіи ; но никто не отвѣчалъ ; Фабіана болѣе не было. Матросъ былъ пльщикъ, и въ понтонахъ долженъ былъ оплакивать потерю свободы и своего сына, посланнаго ему Провидѣніемъ.

Что сдѣлалось съ Фабіаномъ, о томъ узнаемъ мы изъ исторіи Льснаго Скитальца. Впрочемъ прежде чѣмъ перейти отъ пролога къ драмѣ и изъ Европы въ Америку, намъ остается пополнить рассказъ эланховійскихъ происшествій.

Только чрезъ нѣсколько дней послѣ пропажи графини, рыбаки наши ея трупъ на берегу, и покинутую лодку, гдѣ она лежала бездыханная. Старый Жуанъ-де-Діасъ покрылъ чернымъ крепомъ башенки замка, собственными руками водрузилъ деревянный крестъ на мѣсть, гдѣ была найдена графиня. Но какъ все забывается въ этомъ мѣрѣ черный крепъ еще не порыжѣлъ отъ морскаго вѣтра, деревянный крестъ еще не позеленѣлъ отъ морскихъ приливовъ, а въ деревнѣ, не смотря на впечатлѣніе, произведенное этимъ трагическимъ происшествіемъ, уже давно перестали говорить о немъ.

IV.

ЧЕСТНЫЕ ЛЮДИ.

Въ 1830 году, провинція Сонора, одна изъ богатѣйшихъ въ Мексиканской Конфедераціи, справедливо могла быть разсматриваема, какъ страна менѣе всего изслѣдованная въ Америкѣ. Между тѣмъ при-

рода необыкновенно щедро одарила ее. Почва, едва поднятая плугомъ, ежегодно покрывается двумя жатвами, и во многихъ мѣстахъ можно собирать подъ открытымъ небомъ золото, въ изобиліи разсыпанное на этой плодоносной землѣ, которая смѣло можетъ соперничать съ такъ прославляемой нынѣ Калифорніей.

Впрочемъ говоря правду, эти выгоды соединяются съ нѣкоторыми неудобствами. Огромныя пустыни, перерезывая тамъ и сямъ обработанныя части Соноры, дѣлаютъ путешествіе по ней труднымъ и опаснымъ, и племена воинственныхъ индѣйцевъ владѣютъ еще огромными равнинами, гдѣ золото, говорятъ, въ такомъ же изобиліи, какъ песокъ.

Мы можемъ назвать много значительныхъ состояній, начало которыхъ положено было открытіемъ нѣсколькихъ кусковъ дѣвственнаго золота въ этой богатой странѣ. Люди, которые вмѣсто всякой промышленности имѣютъ практическія познанія въ металлургіи, отправляются время отъ времени въ пустыни Соноры. Тамъ живя посреди всякаго рода лишеній, подвергаясь тысячамъ опасностей, наскоро разрабатываютъ какую-нибудь серебряную руду и занимаются промываніемъ золотого песку; потомъ, преследуемые индѣйцами, они или попадаютъ имъ въ руки, или только прогнанные возвращаются въ города, рассказываютъ тысячу чудесъ объ открытыхъ сокровищахъ, но неприступныхъ, о необыкновенно богатыхъ россыпяхъ, гдѣ неистощимые источники, родники золота лежатъ на поверхности земли.

Эти гамбузины (*Gambusinos*), какъ ихъ называютъ, для золото-промышленности то, что американскіе пионеры для земледѣлія и торговли; они поддерживаютъ жажду къ золото-искательству своими рассказами, въ которыхъ всегда болѣе преувеличенія, чѣмъ истины, желанія завоеваній, чѣмъ добычи дорогаго металла. Что касается до индѣйцевъ, только ненависть къ бѣлому поколѣнію, а не желаніе сохранить сокровища, цѣны которыхъ они не знаютъ, заставляютъ ихъ съ бѣшенствомъ отталкивать эти постепенныя завоеванія.

Жадность, поддерживаемая рассказами гамбузиновъ, а также иногда счастливой и богатой находкой въ пустынь, возгорается при голосѣ нѣкоторыхъ смѣлыхъ авантюристовъ, проповѣдующихъ о страшныхъ выгодахъ. Другіе авантюристы, сыновья разорившихся семей, люди, поссорившіеся съ правосудіемъ, присоединяются къ нимъ, и такимъ образомъ устроивается экспедиція. Но предпріятіе легкомы-

сленное или безразсудно веденное часто не удается и едва только нѣкоторые изъ составлявшихъ экспедицію возвращаются, чтобы разсказать бѣдствія, постигнувшія ихъ товарищей.

Въ эпоху, когда начинается разсказъ, который я передаю, въ 1830, то-есть 22 года спустя послѣ разсказанныхъ мною въ прологѣ происшествій, былъ вопросъ о подобной экспедиціи въ Ариспъ, столицъ Соноры. Предложившій эту экспедицію былъ испанецъ, недавно прибывшій въ Сонору, котораго знали подъ именемъ дона Эстева-на де-Арехиза. Онъ, казалось, жилъ прежде въ этой странѣ, гдѣ впрочемъ никто его не помнилъ. Полагали, что онъ прѣхалъ изъ Европы съ заранее составленнымъ планомъ; его смѣлыя и вѣрныя топографическія познанія, положительныя свѣдѣнія о людяхъ и вещахъ очевидно доказывали, что Сонора не была для него чужда и что предпріятіе имъ хорошо обдуманно. Не было также сомнѣнія, что онъ располагалъ средствами столько-же могущественными сколько и таинственными, потому-что онъ велъ роскошную жизнь, держалъ открытый столъ, игралъ въ большую игру, давалъ въ займы, не думая никогда требовать назадъ, и никто не могъ сказать изъ какого тайнаго источника онъ почерпалъ свои сокровища и завидныя средства вести жизнь знатнаго вельможи. Только время отъ времени донъ Эстева-нъ де Арехиза отлучался не болѣе, какъ на недѣлю, потомъ возвращался и никто не зналъ, гдѣ онъ былъ; слуги и близкіе къ нему люди скрывали всѣ дѣйствія своего господина.

Какъ-бы то ни было, прекрасныя манеры испанца, его великодушіе, щедрость не замедлили доставить ему быстрое и сильное вліяніе въ Ариспъ. Этимъ то онъ и воспользовался, чтобы образовать экспедицію въ отдаленную страну, куда, такъ сказать, до-тѣхъ-поръ ни одинъ бѣлый не проникалъ еще. Такъ какъ донъ Эстева-нъ почти всегда оставался въ проигрышѣ, и постоянно забывалъ, какъ мы сказали, требовать данныя въ займы деньги, поэтому нельзя было предполагать, чтобъ онъ жилъ игрой или займомъ, и люди, называвшіе себя смѣтливыми, подозрѣвали, что недалеко отъ Ариспа онъ владѣлъ богатыми золотыми россыпями (placer's) и что онъ зналъ еще богатѣйшія въ глубинѣ страны индѣйцевъ, обитаемой племенемъ Апаховъ.

Періодическія путешествія сеньора де Арехиза, подтверждали первое

предположеніе ; что касается до втораго, случай осуществилъ его, мы далѣе скажемъ какимъ образомъ.

Донъ-Эстебанъ, благодаря своему вліянію, имѣлъ менѣе труда, чѣмъ кто-либо, найти товарищей для предпріятія. Уже поговаривали, что 80 рѣшительныхъ людей отправились изъ различныхъ точекъ Соноры въ президу Тубакъ на индѣйской граицѣ, которую назначилъ Арехиза мѣстомъ соединенія экспедиціи, и по общимъ слухамъ приближался день, когда самъ донъ Эстебанъ долженъ былъ отправиться изъ Ариспы, чтобы принять начальство надъ экспедиціей, впрочемъ этотъ невѣрный слухъ въ скоромъ времени оправдался ; на одномъ обѣдѣ испанецъ возвѣстилъ своимъ собесѣдникамъ, что чрезъ три дня онъ отправляется въ президу Тубакъ. Во время этого-же обѣда неизвѣстный посланный вручилъ донъ-Эстебану письмо, и сказалъ, что будетъ ожидать отвѣта. Испанецъ извинился предъ гостями и сломалъ печать.

Какъ все въ манерахъ его принимало таинственный характеръ, собесѣдники на минуту смолкли, чтобы слѣдить за состояніемъ и игрою его физиономіи ; но безстрастное лицо донъ-Эстебана, видѣвшаго себя предметомъ общаго вниманія, не измѣнило ни одной изъ его мыслей, правда онъ въ совершенствѣ обладалъ искусствомъ скрывать свои ощущенія и въ этотъ день, быть можетъ, ему нужна была вся сила надъ самимъ собою.

— Хорошо, — спокойно сказалъ онъ посланному. — Вотъ мой отвѣтъ : скажи тому, кто тебя послалъ, что я чрезъ три дня непременно буду на мѣстѣ свиданія.

Затѣмъ онъ снова извинился предъ своими гостями и прерванный обѣдъ продолжался съ прежнею веселостію. Между-тѣмъ испанецъ казался болѣе обыкновеннаго задумчивымъ, и, уходя, его собесѣдники не сомнѣвались болѣе, что онъ получилъ новости въ высшей степени интересныя. Мы оставимъ обитателей Ариспа ихъ догадкамъ, чтобы предупредить донъ-Эстебана на мѣстѣ таинственнаго свиданія, лежащемъ на дорогѣ въ президу Тубакъ.

Но выходя изъ Ариспа, поднимаясь по дорогѣ, ведущей въ президу Тубакъ, кой-гдѣ только встрѣчаются далеко одно отъ другаго бѣдныя жилища, частью разрушенныя, разбросанныя на такомъ огромномъ пространствѣ, которое едва въ сутки можетъ пробѣжать лошадь : они служатъ мѣстомъ роздыха для путешественниковъ, бду-

щихъ къ границъ. Но путешественники немногочисленны и жители этихъ хижинъ проводятъ большую часть своей жизни въ совершенномъ уединеніи. Поле, засыпанное маисомъ, нѣсколько овецъ и коровъ, которыя откармливаются на ароматныхъ пастбищахъ, отчего мясо ихъ получаетъ утонченный вкусъ, все это при необыкновенной умеренности, даетъ возможность дѣтямъ пустыни жить, если не въ изобиліи, то, по крайней мѣрѣ, въ всякой нужды. Чего можетъ желать человекъ, надъ которымъ раскидывается вѣчно голубое небо, который находитъ въ дыму сигаретки предохранительное средство противъ судорогъ голода?

Въ одно утро 1830 года, на разстояніи трехъ-дневнаго пути отъ Ариспы, у дверей одной хижины, сидѣлъ или лучше сказать полулежалъ мужчина на шерстяныхъ одялахъ, называемыхъ загарес. Нѣсколько разбросанныхъ хлѣбовъ, въ совершенномъ заустыніи, показывали одну изъ деревушекъ, обитаемую кочующимъ племенемъ только во время дождя и засухи. Когда колодцы, наполняемые дождевой водой, высохнутъ, эти деревни пустыютъ и не видать жителей, пока резервуары не наполнятся снова. Двѣ едва пробитыя дорожки посреди густаго лѣса, покрывающаго всю окрестность, пересѣкались у того мѣста, гдѣ лежалъ путешественникъ, который, казалось, былъ очень доволенъ своимъ уединеніемъ. Нѣсколько перелетающихъ съ дерева на дерево вороновъ и крикъ *shachalacas* *, прѣтствовавшихъ рождающійся день, одни только прерывали глубокое молчаніе лѣса; хотя солнце распространяло уже нѣкоторую теплоту, но густой туманъ, который обыкновенно, въ этой странѣ, виситъ ночью какъ завѣса, едва только начиналъ разсѣиваться, оставляя густыя клочья на вершинахъ каучуковыхъ деревьевъ. Остатки огромнаго костра, безъ сомнѣнія разведеннаго, чтобы уменьшить ночной холодъ, служили для приготовленія обѣда единственному обитателю этой деревни.

Маленькія лепешки изъ пшеничной муки, и нѣсколько кусковъ вяленой говядины, коробясь, шипѣли на угольяхъ, хотя тотъ, кому назначался этотъ скудный завтракъ, повидимому мало беспокоился о слишкомъ быстромъ успѣхѣ своей стряпни. Не вдалекѣ отъ него па-

* Годъ сорокъ, прекраснаго темно-синяго цвѣта, получившихъ названіе по своему крику.

слась лошадь, щипавшая рѣдкую и увядшую траву, которая росла на прогалинѣ. Противъ принятаго обыкновенія, лошадь ходила свободно.

Нарядъ всадника заключался въ камзолъ безъ пуговиць, надѣваемомъ, какъ рубашка, черезъ голову, и въ широкихъ панталонахъ; все это сдѣлано было изъ кожи кирпичнаго цвѣта. Панталоны доходя только до коленъ, оставляли голыми ноги, обернутыя въ козлиную кожу, дубленную и тисненную. Эти неуклюжіе сапоги были прикрѣплены червленными подвязками; за одной изъ нихъ торчалъ длинный ножъ такимъ образомъ, что сидѣль-ли хозяинъ на землѣ или на лошади, онъ всегда легко могъ его вынуть; поясъ краснаго китайскаго крепа, съ широкими полями шляпа, украшенная лентою, все это вмѣстѣ составляло живописный нарядъ, цвѣтъ котораго гармонически соединялся съ цвѣтомъ загара, служившаго покойнымъ ковромъ незнакомцу.

Этотъ костюмъ указывалъ на человека, привычнаго рыскать между колючими кустарниками въ Американскихъ саванахъ, и который въ своихъ путешествіяхъ, имѣвшихъ цѣлью скитальчество или другую какую-либо причину, равнодушно спалъ, гдѣ приходилось, подъ кровлею или подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу или въ степи. Въ его лицѣ была странная смѣсь грубаго звѣрства и насмѣшливаго добродушія. Въ цѣломъ, его крючковатый носъ, густыя брови, черные глаза, по временамъ сверкавшіе мрачнымъ огнемъ, часто измѣняли мягкое выраженіе его рта и внушали, съ перваго взгляда, живое отвращеніе и страхъ.

Не смотря на наружную крѣпость, на высокій ростъ, могучее выраженіе лица, пѣжныя руки и ноги, что-то туманное во взглядѣ незнакомца обличало природу американскаго креола. Достойно замѣчанія, что одному европейцу, этому вѣчному завоевателю трехъ странъ свѣта, Богъ далъ все то, въ чемъ отказалъ южному американцу, африканцу и азіатцу: испытывающій духъ, соображающій разумъ, гений творчества, и силу исполненія, однимъ словомъ полную организацію, стальную душу въ желѣзномъ тѣлѣ.

Короткій карабинъ, лежавшій около всадника вмѣстѣ съ заткнутымъ въ сапогъ ножомъ, окончательно дѣлали встрѣчу съ такимъ человекомъ въ этой пустынѣ неприятною. По его небрежной позѣ, видно было, что онъ ждалъ кого-то; но какъ въ пустынѣ все принимаетъ широкіе размѣры, по этому бандитъ, какимъ казался этотъ че-

ловкѣ, не испытывалъ того лихорадочнаго ожиданія, которое обыкновенно волнуетъ въ многочисленномъ городѣ человека, прежде прибывшаго на мѣсто свиданія. Въ пустынь тотъ, кто прошелъ сто лѣ, легко можетъ подождать сотню часовъ. Въ большихъ-же городахъ, гдѣ жизнь стремится, какъ сжатый потокъ, часъ пути не допускаетъ болѣе четверти часа спокойнаго ожиданія ... тамъ этотъ путь дѣлается цѣлымъ путешествіемъ, а четверть часа — цѣлымъ вѣкомъ. Потому-когда въ торжественной тишинѣ льса, шумъ шаговъ лошади достигъ слуха незнакомца, онъ спокойно перемѣнилъ только позицію тогда какъ лошадь его, поднявъ голову, радостно заржала. Незнакомецъ прислушался. Шаги уменьшились, какъ-будто всадникъ колебался; наконецъ на точкѣ соединенія двухъ дорогъ показался человекъ высокаго роста, съ густой черной бородой, одѣтый, какъ и первый, въ кожи, на лошади столь-же сильной, какъ и легкой. Оба эти лица, замѣтивъ другъ друга, имѣли одинакую мысль, оправдываемую ихъ подозрительною наругностью.

— Карамба! — прошепталъ прибывшій, — если-бы я не былъ предупрежденъ, что это тотъ самый человекъ, къ которому я посланъ, я бы счелъ это за неприятную встрѣчу.

Лежавшій человекъ повторилъ про себя почти тоже самое:

— Если-бы эти проклятые семь бастосовъ оставилъ въ карманѣ моемъ нѣсколько піастровъ, — сказалъ онъ, — я ихъ считалъ-бы въ опасности.

Между тѣмъ всадникъ, казалось, болѣе не колебался и прищипривъ лошадь, которая взвилась у-самаго костра, вѣжливо приложилъ руку къ шляпѣ.

— Безъ сомнѣнія я имѣю честь говорить съ сеньоромъ донъ-Педро де-Кухилло?

— Вы не ошиблись, сеньоръ! — отвѣчалъ человекъ, названный Кухилло, приподнявшись съ небольшою вѣжливостью.

— А я, посланный сеньора Арехизы, который вслѣдъ за мной сейчасъ будетъ. Имя мое Мануель Бораджа къ вашимъ услугамъ!

— Не угодно-ли вамъ будетъ сойти на землю, — сказалъ Кухилло. Мануель Бораджа не заставилъ себя повторить въ другой разъ приглашенія, потомъ отвязавъ отъ ногъ огромныя шпоры, онъ проворно разсѣдалъ лошадь, привязалъ ей на шею длинный ремень, сильно ударилъ ладонью по бедру и, безъ дальнѣйшихъ церемоній, от-

правиль ее дѣлать скудный запасъ корма съ подругой... Въ это время кусокъ говядины, жарившійся на угольяхъ, началъ издавать запахъ, который можно было только сравнить съ вонью погасающей лампы, Бораджа бросилъ на нее взглядъ умиленія.

— Мнѣ кажется, сеньоръ Кухилло, — сказалъ онъ, — что вы не отказываете себѣ ни въ чемъ. Сигамба! пшеничныя лепешки! *Cecina*! сушеная говядина... да это княжескій обѣдъ!...

— Разумѣется, — съ маленькимъ хвастовствомъ, отвѣчалъ Кухилло, — я живу порядочно; притомъ, — прибавилъ онъ — я очень радъ, что мои кушанья вамъ по вкусу, и отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе.

— Вы слишкомъ добры и я безъ церемоній принимаю такое лестное предложеніе, тѣмъ болѣе, что утренній воздухъ пробудилъ мой аппетитъ.

— Долженъ-ли я вамъ сказать, сеньоръ Кухилло, все то хорошее, что я, при первомъ взглядѣ, подумалъ объ васъ? — произнесъ Бораджа, втыкая кончикъ своего длиннаго ножа въ одинъ изъ кусковъ *cecina*, лежавшихъ на горячихъ угольяхъ.

— Вы возмутите мою скромность, — возразилъ Кухилло; — мнѣ гораздо пріятнѣе будетъ вамъ сказать, что первый взглядъ на васъ предупреждаетъ уже въ вашу пользу.

Два новые друга, помѣнявшись привѣтствіями, принялись ѣсть. Кухилло снова началъ:

— Угодно вамъ будетъ, сеньоръ Бораджа, поговорить немножко о нашихъ дѣлахъ?

— Охотно!

— Донъ Эстебанъ Арехиза получилъ-ли мое письмо?

— Да, онъ получилъ, — отвѣчалъ Бораджа.

— Но, что содержитъ это письмо. Одни вы, да онъ только знаетъ... Не такъ-ли?... — пробормоталъ Кухилло.

— Сеньоръ Арехиза, — продолжалъ посланный, — собирался ѣхать въ Тубокъ, какъ вдругъ получилъ ваше письмо. Я долженъ былъ его сопровождать, но онъ мнѣ приказалъ ѣхать впередъ, сказавъ: въ небольшой деревушкѣ Гуерфано ты найдешь челоуѣка по имени Кухилло, скажи ему, что дѣло, которое онъ предлагаетъ, заслуживаетъ серьезнаго разсмотрѣнія, и какъ мѣсто, гдѣ онъ меня ожидаетъ, лежитъ по дорогѣ въ Тубокъ, я проѣздомъ съ нимъ увижусь. Это происходило, — продолжалъ посланецъ, — наканунѣ отъѣзда донъ-Эстебана;

я поѣхалъ скорѣе, чтобы исполнить его приказанія. И какъ я вамъ уже сказалъ я его предупреждаю здѣсь только нѣсколькими часами.

— Хорошо! — началъ Кухилло. — И такъ, сеньоръ Бораджа, если, въ чемъ я впрочемъ и не сомнѣваюсь, наше дѣло сладится, вы также, какъ и я, будемъ изъ числа членовъ экспедиціи.

Предложенія, сдѣланныя мною ея начальнику, были слѣдствіемъ тѣхъ слуховъ, которые распространились о ней... Но, — продолжалъ бандить, — безъ сомнѣнія васъ удивляетъ странное мѣсто, выбранное мною для свиданія съ сеньоромъ Арехиза.

— Нимало, — отвѣчалъ Бораджа; — я думаю, что вы имѣете свои причины любить уединеніе... Кто не нуждается въ немъ иногда?

Чрезвычайно граціозная улыбка на лицѣ Кухилло выразила, что новый его другъ угадалъ истину.

— Точно такъ... дурной поступокъ моего друга; придирки и неприязнь Ариспасакаго алькада заставили меня искать тихаго и спокойнаго уединенія... И вотъ почему я поселился посреди этой покинутой деревни, гдѣ обо мнѣ никто и не думаетъ.

— Я слишкомъ хорошаго мнѣнія объ васъ, — сказалъ Бораджа, глотая кусокъ подгорѣлой говядины, — чтобы сомнѣваться въ несправедливостяхъ и винъ алькада, а особенно вашего друга.

— Благодарю за хорошее мнѣніе, — отвѣчалъ Кухилло, глотая въ свою очередь съ совершеннымъ равнодушіемъ лепешку, съ одного бока готовую, а съ другаго превратившуюся въ уголь. — Вы сами будете судья...

— Я слушаю, — сказалъ Бораджа, принимая горизонтальное положеніе; — послѣ славнаго объѣда, я ничего такъ не люблю, какъ хорошую исторію.

Послѣ этого, товарищъ Кухилло, казалось, наслаждался совершеннымъ счастіемъ; онъ повернулся лицомъ къ небу, восхищаясь ослѣпительной его лазурью.

— Исторія будетъ не слишкомъ длинна, не слишкомъ интересна, и, что со мной случилось, можетъ случиться со всякимъ. Съ однимъ изъ моихъ товарищей я сталъ играть въ карты. Онъ сталъ утверждать, что я плутую. За тѣмъ мы съ нимъ поговорили...

Разскащикъ остановился, чтобы поднести къ губамъ козій мѣхъ, наполненный водою, потомъ продолжалъ:

— Мой другъ былъ такъ неделикатенъ, что послѣ этого разговора умеръ....

— Какъ! отъ вашихъ словъ?

— Нѣтъ, отъ удара пожемъ, который былъ послѣдствіемъ нашей размолвки,—отвѣчалъ Кухилло съ наполненнымъ ртомъ.

— Видите.... я очень хорошо зналъ, что вина была на сторонѣ вашего друга....

— Алькадъ не такъ думалъ, и надоедалъ мнѣ смѣшнымъ образомъ, впрочемъ я бы ему простилъ, если-бы менѣ былъ огорченъ дурнымъ поступкомъ друга, уважаемаго мною до того времени....

— Всегда можно пожаловаться на друзей,—произнесъ поучительнымъ голосомъ сеньоръ Бораджа, посылая къ нему дымъ своей сигаретки изъ мансовой соломы.

— Какъ бы то ни было,—сказалъ Кухилло,—я далъ себѣ обѣтъ не играть болѣе, потому-что игра была причиной послѣдней исторіи.

— Ваше рѣшеніе очень благоразумно —отвѣчалъ Бораджа,—я также далъ себѣ обѣщаніе никогда не прикасаться къ картамъ съ тѣхъ поръ, какъ игра въ пухъ разорила меня....

— Разорила! такъ стало быть вы были богаты?

— Увы! я имѣлъ гаціенду (hacienda) * и многочисленныя стада; но у меня былъ также прикащикъ; я съ нимъ считался только одинъ разъ, вздохнувъ сказалъ Бораджа, но это было слишкомъ поздно, половина моего имущества принадлежала уже ему....

— Какимъ-же образомъ вы поступили тогда?

— Одно мнѣ оставалось дѣлать,—произнесъ Бораджа тономъ ментора,—я ему предложилъ играть свою половину противъ моей; послѣ нѣсколькихъ отговорокъ онъ согласился.

— Отговорокъ?—перевалъ Кухилло;—смотрите какой шутъ!

— Я очень застычивъ, когда играю предъ обществомъ,—продолжалъ Бораджа;—сверхъ того я люблю свѣжій воздухъ.... Потому я предложилъ прикащику играть въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ не мешала бы мнѣ моя обыкновенная застычивость; вы понимаете, пе правда-ли, если бы я проигралъ и эту послѣднюю часть моего имущества, какую перемену.... какое облегченіе, хочу я сказать, могъ

* Большая ферма преимущественно для воспитанія скота.

принести чистый воздухъ льсовъ.... тишина.... совершенное уединеніе. Но прикащикъ не раздѣлялъ моего вкуса къ чистому воздуху и уединенію и соглашался не иначе играть, какъ при свидѣтеляхъ....

— И вы принуждены были согласиться на это?

— Да.... къ моему величайшему сожалѣнію.

— И вы проиграли, по своей застынчивости передъ обществомъ? — произнесъ Кухилло съ непоколебимымъ хладнокровіемъ.

— Я проигралъ вторую половину, какъ и первую. Изъ всего моего исчезнуваго богатства, мнѣ осталась только вотъ эта лошадь, хотя мой эксъ-прикащикъ претендовалъ, что и она заключалась въ проигранной половинѣ. Нынѣ у меня ничего нѣтъ, кромѣ надежды составить себѣ состояніе послѣ экспедиціи въ Тубакъ, къ которой я принадлежу, а также, какъ самое послѣднее средство, это вступить въ службу къ моему мошеннику прикащику, чтобы, въ свою очередь, вознаградить себя. Съ того времени я поклялся болѣе не играть въ карамбу и сдержалъ клятву.

— Какъ давно съ вами это случилось?

— Вотъ уже пять дней, — отвѣчалъ Бораджа.

— Чортъ возьми! ваша вѣрность клятвѣ заслуживаетъ удивленіе.

Послѣ взаимной откровенности, они начали разговаривать о надеждахъ, которыя основали на будущей экспедиціи, о слышанныхъ чудесахъ страны, куда они отправлялись и объ опасностяхъ, съ которыми неизбежно надо встрѣчаться посреди неизвѣстныхъ пустынь.

— Пусть! — сказалъ Бораджа, — ужь лучше умирать, чѣмъ жить безъ піастра... и съ прорванными локтями на курткѣ...

— Послѣднее еще не бѣда.... — отвѣчалъ Кухилло; — я изъ тѣхъ, которые болѣе предпочитаютъ людей въ лохмотьяхъ, чѣмъ съ деньгами.

Въ это время солнце уже высоко взошло надъ деревнею. Палящій вѣтеръ колебалъ верхушки деревъ, и наклонялъ изсохшую траву. Лошади, мучимыя жаждою, жалобно ржали, между тѣмъ господа ихъ также искали немного тѣни, падающей отъ прозрачныхъ листьевъ Каучука.

Бораджа снова началъ разговоръ.

— Вы будете надо мной смѣяться, сеньоръ Кухилло, — сказалъ онъ, обмахиваясь шляпой; — съ тѣхъ поръ, какъ я не играю, время мнѣ кажется очень долгимъ....

— Это также какъ и мнѣ, отвѣчалъ Кухилло, зѣвая.

— Не угодно-ли будетъ сыграть на слово, на золото, которое мы соберемъ?

— Я не смѣлъ предложить вамъ, сеньоръ Бораджа, но съ удовольствіемъ ... готовъ бы...

Случилось такъ, что оба эти человѣка, отказавшіеся отъ игры, имѣли при себѣ по колодѣ картъ, и игра готова была начаться, какъ вдругъ послышавшееся ржаніе лошадей, шумъ колокольчиковъ, шаги и голоса, по всей вѣроятности возвѣщали прибытіе важнаго лица, котораго ждалъ Кухилло.

V.

У С Л О В І Е .

Оба игрока пріостановили игру, готовую открыться, чтобы повернуть головы въ ту сторону, откуда слышался шумъ.

На пересѣченіи двухъ дорогъ, внезапно поднятая пыль, возвѣстила прибытіе множества лошадей, по обычаю богатыхъ и знатныхъ путешественниковъ Сонорской провинціи. Эти лошади, привыкшія бродить на свободѣ по обширнымъ пастбищамъ, сдѣлавши 20-ть лѣтъ, были также свѣжи какъ будто бы только выпли изъ конюшни. Ихъ сдѣлаютъ попеременно во время самыхъ длинныхъ переездовъ, которые совершаются съ быстротою, равною европейскимъ почтамъ, гдѣ на каждой станціи получаютъ свѣжія лошади. По принятому обычаю кобыла съ колокольчикомъ идетъ впереди и ведетъ подставу, состоящую приблизительно изъ 30-ти лошадей. Всадникъ изъ свиты путешественниковъ, такъ великолѣпно возвѣщавшихъ свое прибытіе, прискакалъ въ галопъ. Онъ обогналъ лошадей, остановилъ кобылицу и все стадо остановилось. Посреди пыли, разносимой вѣтромъ, кавалькада не замедлила показаться. Она состояла изъ пяти всадниковъ. Два изъ нихъ казались главными; остальные три слѣдовали за ними немного позади.

Ъхавшій впереди былъ росту выше средняго. Казалось онъ имѣлъ уже за сорокъ лѣтъ. Низкая сѣрая шляпа съ широкими полями защищала его лицо отъ палящихъ лучей солнца. На немъ былъ доломанъ изъ темно-синяго сукна, богато обложенный шелковымъ гауномъ, сверхъ него наброшенъ былъ бѣлый плащъ, вышитый голу-

бымъ шолкомъ, называемый *pano de sol*. Подъ знойнымъ небомъ Америки бѣлый цвѣтъ плаща служитъ, какъ бурясы у арабовъ, къ отраженію солнечныхъ лучей. Къ ногамъ, обутымъ въ кордовскую кожу рыжаго цвѣта, были прикрѣплены посредствомъ широкаго ремня, украшеннаго серебромъ и золотомъ, желѣзныя шпоры. Ихъ кольца съ пятью длинными зубцами и ихъ звучныя цѣпочки издавали серебристый звукъ, подъ который мексиканскіе всадники, подобно средневѣковымъ рыцарямъ, забавлялись, размѣряя имъ походку лошадей. Его наездническій плащъ (*manga*), богато вышитый золотомъ, висѣлъ по обѣимъ сторонамъ арчака, и закрывалъ своими складками широкіе панталоны, украшенные пуговицами и филигравовымъ серебромъ. Наконецъ его сѣдло, вышитое какъ и подвязки шпоръ, дополняли нарядъ, который, въ глазахъ европейца, напоминалъ давно минувшіе вѣка. Въ вьющихся черныхъ волосахъ всадника начинала проглядывать сѣдина. Его смуглое лицо, какъ у людей давно живущихъ подъ тропическимъ солнцемъ, казалось обладало тою подвижностью, которая обличаетъ бурныя страсти. Онъ имѣлъ носъ легкозагнутый и густые усы, отъвѣнявшіе ротъ. Изъ подъ широкаго, прорѣзаннаго преждевременными морщинами чела, сверкали черные и живые глаза. Однимъ словомъ этотъ всадникъ не имѣлъ надобности въ богатомъ костюмѣ; наружность его сейчасъ обличала, что онъ принадлежалъ къ высшему обществу. Спутникъ его казался моложе и былъ одѣтъ съ большими претензіями; но незначущее лицо и наружность, хотя и нелишенная нѣкотораго изящества не имѣла ничего того аристократическаго, чѣмъ обладала наружность перваго всадника. Три конюха, вѣхавшіе за ними, съ почернѣлыми отъ солнца лицами, ихъ дикая наружность, длинныя копья, съ развѣвающимися значками, свертокъ плетенаго ремня (*cazos*), привѣшанный къ сѣдлу, придавалъ приближавшейся кавалькадѣ особенный видъ, свойственный американскимъ нравамъ. Два мула, навьюченные огромными чемоданами съ заключавшимися въ нихъ матрацами, необходимыми для ночлеговъ, и другими дорожными вещами, слѣдовали за тремя конюхами.

Первый всадникъ, замѣтя Кухилло и Бораджу, остановился, а за нимъ и весь караванъ.

— Это сеньоръ донъ-Этеванъ, — сказалъ въ полголоса Бораджа

— Вот тотъ человекъ, — продолжалъ онъ, представляя бандита всаднику съ плащомъ.

Донъ Эстебанъ, это былъ онъ, устремилъ на Кухилло пронизательный взглядъ, и удивленіе отразилось на лицъ его.

— Честь имью цѣловать ручки вашей милости, — вскричалъ Кухилло, — я тотъ самый, который...

Но не смотря на свою привычную наглость, бандитъ остановился и дрожа, отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ... казалось какія-то неразгаданныя воспоминанія возникли въ его памяти.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ не встрѣчались эти два человека.

— Э! да, если я не обманываюсь, — сказалъ испанецъ съ пронією, — мы съ синьоромъ Кухилло старинные знакомые, хотя тогда онъ и не носилъ этого имени...

— Точно такъ какъ и ваша милость, называлась тогда...

Арехиза нахмурилъ брови, и черныи усь его зашевелился на губѣ: Кухилло не окончилъ фразы; онъ понялъ, что не все то долженъ былъ говорить, что зналъ; однако онъ ободрился.

— Имя въ моихъ глазахъ все равно, что боевая лошадь, — сказалъ онъ съ наглостью; — по мѣрѣ того какъ убиваютъ одну, я беру другую.

Кухилло дѣйствительно былъ изъ числа людей, которые имѣютъ несчастное преимущество прославлять и очень скоро свое имя, какою-нибудь неприятною извѣстностію и потому мѣнялъ ихъ часто.

— Сеньоръ — сказалъ Арехиза, обращаясь къ своему спутнику, — не находите-ли вы это мѣсто удобнымъ, чтобы остановиться и отдохнуть, пока спадетъ немного дневной жаръ.

— Сеньоръ Трагадуръ Деспильфаро найдетъ здѣсь убѣжище отъ жару въ хижинахъ, по своему выбору, чтобы отдохнуть, — произнесъ Кухилло, знавшій уже и члена Ариспскаго Конгресса.

Онъ зналъ, что присталъ къ донъ Эстебану съ отчаянія, чтобы попробовать новаго счастья и поднять снова свое состояніе, поглощенное уже давно. На зло дурному состоянію своихъ финансовъ, сенаторъ тѣмъ не менѣе имѣлъ дѣйствительное вліяніе на конгрессъ Сонореконъ, которое донъ Эстебанъ успѣлъ уже употребить въ свою пользу.

— Отъ всего сердца подчиняюсь вашимъ желаніямъ, — отвѣчалъ

Трагадуръ, — тѣмъ болѣе, что наши пятки чувствуютъ пятичасовое путешествіе.

Два конюха слезли съ лошадей, чтобы принять поводья изъ рукъ господъ, а остальные два принялись развьючивать муловъ. Потомъ слуги постлали въ самой чистой хижинѣ двѣ постели для Трагадура и донъ-Эстевана.

Мы оставимъ Трагадура, бросившагося въ одеждѣ на постель и заснуваго мертвымъ сномъ и последуемъ за Арехизой въ хижину, выбранную имъ недалеко отъ первой.

Кухилло, войдя въ хижину за донъ-Эстеваномъ, по его приглашенію, со вниманіемъ заперъ на ключъ дверь, и ждалъ, что скажетъ ему испанецъ. Последний сѣлъ на приготовленную постель; Кухилло помѣстился на бычачьемъ черепѣ, замѣнявшемъ, по обычаю страны, стулъ и скамью....

— Я полагаю, — началъ Арехиза, прерывая молчаніе, — что у васъ есть тысяча причинъ желать, чтобы я васъ не иначе зналъ, какъ подъ настоящимъ именемъ Кухилло; я-же, безъ сомнѣнія, по другимъ причинамъ желаю быть только донъ-Эстеванъ... и ничего болѣе. И такъ сеньоръ Кухилло, — продолжалъ онъ съ насмѣшливымъ видомъ, — посмотримъ эту важную тайну, которая должна составить мое и ваше состояніе?

— Минуту вниманія и вы узнаете, донъ-Эстеванъ де-Арехиза, — отвѣчалъ Кухилло, почти тѣмъ-же тономъ.

— Я слушаю; но прошу обойтись безъ увертокъ, уловокъ и измѣны... мы здѣсь въ сторонѣ, гдѣ нѣтъ недостатка въ деревьяхъ, — сурово сказалъ испанецъ, — и вы знаете, какъ я наказываю измѣнниковъ. При этомъ намекъ на прошедшее, съ которымъ, вѣроятно, были связаны таинственныя воспоминанія, лицо бандита покрылось смертной блѣдностью....

— Да, я помню, — сказалъ онъ, — вы ни мало не виноваты, что я не былъ пригвожденъ къ дереву.... Быть можетъ было-бы благоразумнѣе не напоминать старинной несправедливости; а вспомнить, что вы не въ покоренной странѣ, и что, какъ вы сами сказали, мы окружены лѣсомъ, но лѣсомъ темнымъ и нѣмымъ....

Въ этомъ отвѣтъ Кухилло было столько явной угрозы, соединенной съ его паружностью, съ его мрачнымъ прошедшимъ, что нужна была известная степень твердости, чтобы не пожалѣть о выз-

ванномъ воспоминаніи такого рода. Отвѣтомъ донъ-Эстевана была только холодная улыбка

— Но въ этотъ разъ я никому не вѣрю наказанія измѣнника, — сказалъ онъ, устремивъ на Кухилло взглядъ, заставившій его потупить глаза. — Что касается до вашихъ угрозъ, поберегите ихъ для людей себѣ подобныхъ и не забудьте, что между моею грудью и вашимъ кинжаломъ всегда будетъ непроходимое пространство.

— Кто знаетъ? — пробормоталъ Кухилло, все-таки подавляя кипѣвшую въ немъ злобу. Потомъ онъ началъ смягченнымъ голосомъ:

— Но я не измѣнникъ, сеньоръ донъ-Эстеванъ, и дѣло, которое я хочу вамъ предложить, прямое и благородное.

— Наконецъ посмотримъ.

— Вы знаете, — началъ Кухилло, — что вотъ уже нѣсколько лѣтъ я посвятилъ себя роли *гамбузино*, и исходилъ всю страну во всѣхъ направленіяхъ, сеньоръ кавалеръ, и видѣлъ, что, быть-можетъ, ни одинъ глазъ человѣческой не видалъ, относительно мѣсторожденія золота...

— Вы видѣли и не взяли! — съ насмѣшливымъ видомъ спросилъ испанецъ.

— Не смѣйтесь, донъ-Эстеванъ, — продолжалъ торжественно Кухилло; — я видѣлъ золотую розсыпь, настолько богатую, что тотъ, кто ею овладѣетъ можетъ вести въ теченіи цѣлаго года игру противъ всѣхъ, довольно богатую, чтобы удовлетворить самое ненасытное честолюбіе, наконецъ довольно богатую, чтобы купить цѣлый городъ.

Донъ-Эстеванъ затрепеталъ при этихъ словахъ, которыя, быть-можетъ, отвѣчали самымъ затаеннымъ въ глубинѣ души его надеждамъ.

— Столь богатая, — продолжалъ бандитъ восторженно, — что я не поколебался-бы отдать въ замѣнъ ихъ даже полжизни...

— Но какъ вы открыли эту розсыпь?

Былъ одинъ гамбузино, знаменитый въ цѣлой Сонорѣ. При жизни онъ назывался Маркъ Арелланосъ. Онъ открылъ ее съ помощію другаго гамбузина, подобнаго ему; но въ минуту, когда они готовились овладѣть по-крайней-мѣрѣ частью, индѣйцы напали на нихъ, соперникъ Арелланоса былъ убитъ и онъ самъ едва, едва спасся. Онъ возвращался домой, когда случай насъ познакомилъ въ Тубокъ. Здѣсь онъ мнѣ предложилъ вторую экспедицію; я согласился и мы отправились. Мы прибыли къ золотой долинь, какъ онъ ее назы-

валъ... Всемогущее небо! — вскричалъ Кухилло, — нужно было видѣть эти глыбы, куски золота, сверкавшіе на солнцѣ, такъ что передъ глазами горѣли тысячи ослѣпительныхъ видѣній, но къ несчастью мы могли только насыщать наши глаза... мы принуждены были также бѣжать; я возвратился одинъ... бѣдный Арелланосъ! я его... очень оплакивалъ! И такъ! я продалъ вамъ секретъ золотой долины.

— Мнѣ продалъ! но кто поручится за твою честность?

— Моя прибыль. Я вамъ продаю секретъ, но не отчуждаю своихъ правъ на этотъ плацеръ. Напрасно я пытался устроить экспедицію, какъ ваша, я не могъ успѣть; но ваши восемьдесятъ человекъ (вотъ причина, почему я къ вамъ одному обратился) обезпечиваютъ вѣрный успѣхъ. Отсчитавши вашу пятую часть, которая вамъ приходится по праву предводителя, это составитъ только часть сокровища... Но сосчитавши все тѣ части, которыя останутся отъ убитыхъ товарищей, каждому достанется на долю столько, что можно въ роскоши окончить остатокъ своихъ дней. И такъ я требую кроме платы за мой секретъ одну десятую добычи въ качествѣ проводника экспедиціи, потому что я въ одно и тоже время буду проводникомъ и заложникомъ.

— Я думаю... а во сколько цѣните вы свое открытіе?

— Бездѣлицу. Десятины, которую вы мнѣ дадите, для меня будетъ достаточно, потому что я-же не могу одинъ захватить эти недоступныя сокровища. Кроме этого за мое вступленіе въ службу вы мнѣ дадите пятьсотъ пиастровъ.

— Вы гораздо благоразумнѣе, — Кухилло, чѣмъ я ожидалъ, отвѣчалъ Арехиза, — согласенъ на пятьсотъ пиастровъ и на десятую часть добычи.

— Какая бы то ни была?

— Какая бы ни была. Теперь вы имѣете мое слово, и остается еще нѣсколько вопросовъ, которые я намѣренъ вамъ сдѣлать. Эта золотая долина лежитъ-ли на той дорогѣ, по которой я думаю отправиться?

— Плацеръ находится по ту сторону Тубока и такъ какъ экспедиція отправляется съ этого мѣста, вамъ не зачѣмъ мѣнять маршрута.

— Хорошо. И вы говорите, что видѣли собственными глазами золотую долину?

— Я ее видѣлъ, не имѣя возможности дотронуться, я ее видѣлъ, скрежеща зубами, — отвѣчалъ Кухилло, весь дрожа и лицо его выражало такую тоску неудавшейся жадности, что нельзя было сомнѣваться въ истинѣ словъ его.

Арехиза слишкомъ хорошо умѣлъ читать на лицахъ сердечныя тайны, и убѣдился въ истинѣ секрета, который передалъ ему Кухилло, притомъ-же пятьсотъ пиастровъ составляли для него весьма незначительную сумму. Онъ всталъ и изъ маленькой чернаго дерева шкатулки, стоявшей у изголовья, досталъ мѣшокъ изъ кабаньей кожи, высыпалъ на руку горсть квадруплевъ : тридцать два изъ нихъ испанецъ отсчиталъ Кухилло, который прежде, чѣмъ положилъ въ карманъ добычу со вниманіемъ перечелъ ее. Было немного лишняго, но онъ не жаловался и, скрестивъ по испанскому обычаю указательный палецъ съ большимъ на правой рукѣ, сказалъ :

— Клянусь, что я желаю сказать истину, и ничего кромѣ истины. Пройдя десять дней по ту сторону Тубокъ, къ сѣверу-западу, мы достигнемъ горной цѣпи. Ее легко узнать по густому туману, покрывающему ее днемъ и ночью ; здѣсь протекаетъ небольшая рѣчка, нужно дойти до впаденія ея въ другую рѣку. Тамъ, гдѣ эти двѣ рѣки, соединяясь, образуютъ земляную косу, возвышается крутой утесъ, вершина, котораго увѣнчана гробницей начальника Апаховъ. Если я тамъ не буду, вы ее легко узнаете по страннымъ украшеніямъ. У подошвы утеса простирается озеро, въ сторонѣ узкая долина.... Это золотая долина, сюда дождевая вода нанесла огромныя сокровища....

— Маршрутъ легко понять, — произнесъ Арехиза.

— Но трудно слѣдовать, — отвѣчалъ Кухилло. — Переходъ черезъ безплодныя пустыни одно изъ самыхъ малыхъ препятствій ; индѣйскія орды всякую минуту пробѣгаютъ по этимъ пустынямъ. Цѣль ихъ поклоненіе гробницъ одного изъ своихъ начальниковъ, которую они окружаютъ суевѣрнымъ обожаніемъ ; въ одно изъ такихъ путешествій, они захватили меня съ Арелланосомъ.

— Но этотъ Арелланосъ открылъ кому-нибудь другому, кромѣ васъ, свою тайну ?

— Вы знаете, — отвѣчалъ Кухилло, — что гамбузины, принимая какую-нибудь экспедицію, клянутся не открывать никому найден-

ныхъ сокровищъ безъ позволенія союзниковъ. Арелланось также поклялся въ этомъ и смерть помъшала ему измънить....

— Не сказали-ли вы мнѣ, что послѣ первой экспедиціи онъ вернулся домой, и что случайно въ Тубокъ вы познакомились съ нимъ? Не имѣлъ-ли онъ жены, которой могъ-бы сообщить свое чудесное открытіе. . . Иначе будетъ невѣроятно.

Вчера одинъ пастухъ, проѣзжавшій здѣсь, сообщилъ, что жена Арелланоса умерла, и если они владѣли этимъ секретомъ, даже если она и передала своему сыну....

— Арелланось оставилъ сына!

— Усыновленнаго, — отвѣчалъ Кухилло — юноша не знаетъ ни своего отца, ни матери. Донъ-Эстеванъ не могъ удержаться отъ невольнаго движенія, но тотчасъ-же подавилъ его.

— Этотъ юноша, вѣроятно, сынъ какого-нибудь бѣдняка здѣшной провинціи, — сказалъ онъ небрежно.

— Напротивъ, онъ родился въ Европѣ и, вѣроятно, въ Испаніи.

Арехиза, казалось, впалъ въ задумчивость, его голова склонилась на грудь, какъ у чловѣка, который старается вспомнить различныя числа.

— По-крайней-мѣрѣ, — продолжалъ Кухилло, — такъ рассказывалъ начальникъ военнаго англійскаго бригга, прибывшаго въ Гвіану въ 1811 году. Это дитя, говорившее по-испански и по-французски, было взято въ плѣнъ, послѣ кровопролитной битвы съ французскимъ судномъ. Матрость, о которомъ дитя всегда плакало, безъ сомнѣнія его отецъ, былъ убитъ, или взятъ въ плѣнъ. Наконецъ начальникъ бригга не зналъ, что дѣлать съ этимъ мальчикомъ, какъ Арелланось принялъ его и образовалъ молодца. Не смотря на молодость, онъ приобрѣлъ уже репутацію непогръшительнаго растреадора * и предпріимчиваго укротителя лошадей. Испанецъ, казалось, не слушалъ Кухилло, между-тѣмъ, какъ не проронилъ ни одного слова; предметъ разговора казался для него неспособнымъ; онъ прервалъ бандита.

— И вы думаете, что этотъ непогръшительный растреадоръ и предпріимчивый укротитель лошадей, зная секретъ своего усыновителя, не можетъ сдѣлаться опаснымъ вамъ соперникомъ?

Кухилло гордо поднялъ голову.

* *Rastreador* открыватель слѣдовъ.

— Я знаю человека, не уступающего ни в чемъ Тибурцію Арелланосу ни в преследованіи, ни в укрощеніи лошадей и между-тѣмъ въ рукахъ его не былъ-ли этотъ секретъ бесполезнымъ, когда онъ пришелъ продать за десятую часть его цѣнности?

Это послѣднее доказательство Кухилло было довольно сильно, чтобы убѣдить донъ-Эстевана въ непреложной истинѣ, что золотая долина, окруженная племенами индѣйцевъ, какъ ихъ описалъ бандитъ, могла быть доступна только довольно значительной силѣ, и что онъ одинъ могъ только располагать числомъ людей, необходимыхъ для победы. Испанецъ былъ задумчивъ. Открытіе Кухилло на счетъ сына Марка Арелланоса пробудило въ немъ новыя мысли, поглотившія все другія. Скажемъ здѣсь, что по причинамъ, которыя не время объяснять, онъ старался угадать не былъ-ли Тибурцію юный Фабианъ де-Медіана. Кухилло, съ своей стороны, размышлялъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, относившихся къ Арелланосу и его сыну, и о которыхъ онъ умалчивалъ по важнымъ причинамъ. Но чтобы рассказъ могъ прямо идти къ цѣли, сколько возможно безъ обращеній къ прошедшему, эти обстоятельства нужно рассказать.

Кухилло, какъ мы уже сказали, часто мѣнялъ имена. Подъ однимъ изъ тѣхъ именъ, которыя онъ такъ скоро изнашивалъ, онъ былъ въ Тубокѣ, гдѣ познакомился съ несчастнымъ Арелланосомъ, и соединился съ нимъ, въ то время, когда первый, прежде чѣмъ отправиться въ новое и опасное путешествіе, пріѣхалъ изъ Президы повидаться съ женой и юношей, котораго любилъ какъ сына. Онъ открылъ жѣнѣ цѣль экспедиціи и даже оставилъ точный маршрутъ предстоящаго пути, впрочемъ Кухилло послѣдняго обстоятельства не зналъ. Но Кухилло осторожно умолчалъ, что онъ увидавши золотую долину, самъ заръзалъ Арелланоса, чтобъ одному завладѣть сокровищемъ. Мы уже знаемъ, какъ онъ, въ свою очередь, принужденъ былъ бѣжать, не потерявъ впрочемъ плодовъ своего преступленія, потому что одинъ воспользовался продажей секрета. Теперь мы предоставимъ самому бандиту пополнить небольшой пробѣлъ и объяснить какимъ образомъ онъ познакомился съ сыномъ Арелланоса.

— Тѣмъ не менѣе, — прерывая молчаніе, началъ Кухилло, — я желалъ имѣть сердце свободное отъ всѣхъ опасеній. По возвращеніи въ Ариспу, я разузналъ жилище Арелланоса, отыскалъ его вдову, чтобы увѣдомить о смерти несчастнаго Марка. Но исключая горести, съ

какою моя вѣсть была принята, я ничего не замѣтилъ, ничего не подозрѣвалъ, чтобы могло меня заставить подумать, что я былъ не одинъ обладатель секрета, проданнаго вамъ.

— Легко взрѣмъ тому, чего желаемъ, — сказалъ Арехиза.

— Слушайте, сеньоръ донъ-Эстебанъ, есть двѣ вещи, которыми я хвастаюсь: это совѣсть, которую легко встревожить и проникательность, которую трудно обмануть.

Испанецъ болѣе не возражалъ, онъ былъ увѣренъ, конечно не въ совѣсти, но въ проникательности бандита. Что касается до Тибурція, мы считаемъ излишнимъ говорить то, о чѣмъ читатель догадался; что этотъ юноша былъ никто другой, какъ Фабианъ, послѣдній потомокъ фамилии Медіана. Кухилло объяснилъ уже какимъ-образомъ англійскій бриггъ, побѣдитель французскаго судна, перевезъ его въ чуждую землю. Тутъ-то безъ руководителя, чтобы отыскать своихъ родныхъ, лишенный имѣній своей богатой и благородной фамилии, сирота владѣлъ, чѣмъ владѣеть всякій бѣднякъ въ этой странѣ: лошадью и бамбуковой хижиной.

VI.

ПОСЛѢДНІЙ МЕДІАНА.

Окончивъ сдѣлку, Кухилло вышелъ изъ хижины, солнце не стояло уже перпендикулярно, а начинало спускаться къ горизонту. Земля, раскаленная дневнымъ жаромъ, выдыхала горячіе пары. Эти пары, волнуемые вѣтромъ, который былъ свѣжѣе, дѣйствіемъ миража, придавали безплоднымъ равнинамъ, окружающимъ лѣсъ, видъ озера, какъ-будто природа хотѣла вознаградить взоръ за эту грустную обнаженность пейзажа. Глухой трескъ, подобный горящему дереву, еще раздавался въ лѣсу. Но деревья, отъ вѣтра зашевеливъ мало-помалу листьями, казалось съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда почной туманъ освѣжитъ ихъ пушистую вершинну. Кухилло свистнулъ и на знакомый свистъ приближала его лошадь. Бѣдное животное сильно страдало отъ жажды. Бандитъ, тронутый сожалѣніемъ, налилъ нѣсколько воды изъ мѣха и хотя это была капля для животнаго, все-таки умирающій взоръ ея оживился. Кухилло зауздалъ, осѣдлалъ

свою лошадь и привязалъ къ ногамъ шпоры. Кончивъ это, онъ позвалъ одного изъ служителей донъ-Эстевапа и отъ имени его приказалъ вычистить муловъ и лошадей и вхвать впередъ, чтобы приготовить ночлегъ, въ мѣстѣ называемомъ *Posa* (цитерна, водохранилище), гдѣ путешественники должны были провести ночь. Владѣтель этой мызы, самый важный между Ариспомъ и границей, былъ извѣстенъ на всемъ пространствѣ за самага гостепрѣимнаго хозяина. Поэтому люди обоихъ путешественниковъ съ удовольствіемъ услышали, что хотя они и долге останутся въ дорогѣ, по-крайней-мѣрѣ выиграютъ нѣсколько дней отдыха въ этомъ гостепрѣимномъ убѣжищѣ. Слуга, получившій приказаніе отъ Кухилло, осѣлавъ свою лошадь поскакалъ къ прогалинѣ въ сосѣдній лѣсъ, при входѣ въ который была привязана кобылица *caponera* или *capitana*. Вокругъ стояли перемѣнные лошади и тѣ, которыя служили въ переходъ до оставляемой деревни *Huerfano*. При видѣ приближающагося всадника съ *lazo* въ рукѣ, страхъ распространился въ этомъ полудикомъ стадѣ. Но въ то мгновеніе, когда слуга вертѣлъ надъ головою лассо, все стадо понеслось вскачь; но было уже поздно и петля окружила шею двухъ изъ лошадей, онъ слишкомъ часто испытывали могущество лассо, чтобы сопротивляться и, повѣсивъ головы, пошли за конюхою, остальные-же собрались снова вокругъ колокольчика *de la capitana*. Осѣлавъ и зануздавъ обѣихъ лошадей, слуга отвязалъ кобылицу и похвхалъ впередъ, сопровождаемый скачущимъ стадомъ, которое скоро исчезло въ облакахъ пыли. До *Posa*, мѣста ночлега, оставалось только нѣсколько часовъ и какъ ничто не торопило прибыть туда до наступленія ночи, то двухъ свѣжихъ лошадей достаточно было для донъ Эстевапа. Послѣдній не замедлилъ скоро явиться на порогъ хижины, гдѣ онъ предавался отдохновенію, которое такъ необходимо въ жаркомъ климатѣ. Въ тоже время вышелъ и донъ-Эстевапъ. Не смотря на душливый жаръ, воздухъ былъ гораздо споснѣе, чѣмъ по утру.

— Карамба! — вскричалъ Трагадуръ, — это не воздухъ, а пламя вдыхаешь въ себя, и еслибы эти хижины не были гнѣздами змѣй и скорпионовъ, я-бы охотнѣе остался здѣсь до ночи, чѣмъ снова броситься въ эту печь. Послѣ этой выходки, сенаторъ съ трудомъ взобрался на лошадь и вмѣстѣ съ донъ-Эстеваномъ отправился впередъ, вслѣдъ за ними Кухилло и Бораджа, пакопецъ слуги и мулы замыкали ше-

ствіе. Впрочемъ свѣжесть лѣса, которымъ проѣзжала кавалькада, дѣлала довольно сноснымъ первый часъ путешествія, но скоро они миновали его и передъ ними открылась безконечная равнина. Трудно представить себѣ что-нибудь грустнѣе этой голой и бѣловатой почвы, на которой умираетъ всякая растительность за недостаткомъ питанія. Время отъ времени встрѣчаются длинные шесты для указанія цистерны.

Горе тому, кто собьется съ дороги въ этой пустынь. Если его мѣхъ не достаточно наполненъ, если онъ колеблется выбрать дорогу, его исторія скоро увеличитъ легенду о путешественникахъ, погибшихъ отъ жажды въ этой пустынь, между небомъ и землей, равно неумолимыми.

— Такъ это правда, какъ утверждали, — говорилъ Трагадуръ донъ-Эстевану, отирая потъ съ лица, — что вы были уже въ этой странѣ?

— Разумется! — отвѣчалъ Арехиза, улыбаясь. — Именно по этому, что я уже былъ, мнѣ и хотѣлось сюда вернуться. Но при какихъ обстоятельствахъ я прибылъ сюда, какая цѣль моего возвращенія, это тайна, которую вы узнаете позже. Эта тайна принадлежитъ къ тѣмъ, отъ которыхъ голова закружится, если узнавшій ее человекъ не имѣетъ довольно рѣшительности и твердости. Будете-ли вы такимъ человекомъ, сеньоръ? — прибавилъ испанецъ, остановивъ на своемъ спутникѣ взглядъ, полный силы и смѣлости, который, казалось, требовалъ того же и отъ другихъ.

Трагадуръ не могъ скрыть легкаго содроганія. Оба всадника вѣхали нѣсколько минутъ, молча. Смущеніе сенатора не ускользнуло отъ глазъ испанца, онъ продолжалъ:

— Между прочимъ, пока я найду возможнымъ вамъ все высказать, рѣшились-ли вы слѣдовать моимъ советамъ, и поднять свое состояніе посредствомъ богатаго брака, который я устрою для васъ, какъ обѣщаль?

— Безъ сомнѣнія, хотя я и не понимаю причины вашего участія ко мнѣ.

— Это мое дѣло и моя тайна, я не изъ тѣхъ, которые продаютъ кожу, не убивъ медвѣдя. Когда я буду въ состояніи вамъ сказать: «Донъ-Висентій Трагадуръ Деспильфаро, у меня есть сто тысячъ піастровъ приданаго, тогда, по одному вашему слову, они въ ва-

шемъ распоряженіи.» Тогда только продиктую мои условія, а вы ихъ подпишете.

— Я не говорю — нѣтъ, — вскричалъ Трагадуръ, — но, признаюсь, мнѣ никакъ не приходитъ въ голову за кого вы меня прочтете?

— Знаете вы дочь богатаго владѣльца гаціенды *del Venado*, гдѣ мы будемъ завтра ночевать, донъ-Августина Пена?

— О! — вскричалъ Трагадуръ — у этой приданого миллионъ, какъ говорятъ; но была бы глупость имѣть на нее виды....

— Э! — возразилъ донъ-Эстебанъ, — это крѣпость, которая при хорошемъ приступѣ такъ-же сдастся какъ, и другая.

— Говорятъ, что она хорошенькая.

— Красавица.

— Вы ее знаете?

— Нѣтъ еще пятнадцати дней, какъ я удостоился чести поцѣловать ея хорошенькую и бѣленькую ручку.

Трагадуръ посмотрѣлъ на донъ-Эстебана съ удивленіемъ.

— И это, быть можетъ, гаціенда *del Venado* была цѣлью этихъ таинственныхъ и періодическихъ вашихъ путешествій, о которыхъ говорили въ Ариспъ?

— Почти.

— А! понимаю, — произнесъ Трагадуръ съ видомъ тонкости. — Прекрасные глаза дочери привлекали васъ къ отцу....

— Вы не угадали; отецъ ничего болѣе какъ мой банкиръ, къ которому я ѣздилъ, почерпнуть въ сундукахъ истощившіеся запасы квадрюплей.

— И теперь эта же причина заставила васъ своротить съ дороги?

— Отчасти, — возразилъ испанецъ, — но есть еще другая цѣль, въ связи съ тѣмъ, о чемъ я съ вами впослѣдствіи буду говорить.

— Вы съ головы до ногъ для меня загадка, — отвѣчалъ Трагадуръ; — но я слѣпо отдаюсь вамъ.

— И вы дѣлаете хорошо; отъ васъ однихъ зависть будетъ возвратить увядшее счастье и прежній блескъ.

Солнце было уже близко къ западу, путешественникамъ оставалось не болѣе двухъ льѣ до *de la Posa*, они только что проѣхали пустынные равнины, описанныя нами. Предъ ними открылись пески

и только кой-гдѣ въ сумеркахъ возвышались деревья; предметы становились менѣе и менѣе различаемы.

Вдругъ лошадь донъ-Эстевана остановилась, настороживъ уши, какъ онъ дѣлаютъ, когда чего-нибудь испугаются.

Но донъ-Этеванъ не замѣчалъ ничего.

— Должно быть трупъ какого-нибудь мула, — сказалъ Мехиканецъ.

Всадники прищипорили коней и заставили ихъ подвинуться впередъ, не смотря на ихъ отвращеніе. Тогда они замѣтили на пескѣ трупъ лошади. Подобная встрѣча очень обыкновенна въ странѣ, гдѣ вода во время жаровъ встрѣчается на очень отдаленныхъ разстояніяхъ. Путешественники не обратили бы вниманія, если бы издохшая лошадь не была осъдлана и запузdana. Это обстоятельство указывало на какое-нибудь необыкновенное происшествіе.

Кухилло приблизился къ путешественникамъ, остановившимся надъ трупомъ лошади.

— А! — сказалъ онъ, — бѣднякъ, который на ней вѣхалъ, долженъ находиться въ большомъ затрудненіи, потерявъ разомъ лошадь и мѣхъ съ водою.

Дѣйствительно, казалось, лошадь такъ внезапно пала, разбитая жаждою, что всадникъ не имѣлъ времени ее поудержать, судя по мѣху, еще привязанному къ арчаку и который былъ раздавленъ при конвульсіяхъ лошади.

— Мы не замедлимъ, быть можетъ, встрѣтить всадника въ такомъ же положеніи, какъ и его лошадь, — произнесъ Кухилло, осмотрѣвъ внимательно трупъ ея. — Это мнѣ напоминаетъ, что меня самого мучитъ жажда!... — продолжалъ онъ. И онъ, съ спокойствіемъ филозофа, проглотилъ нѣсколько глотковъ воды, которая была съ нимъ.

Вдавленные слѣды человека на пескѣ, свидѣтельствовали, что путешественникъ продолжалъ дорогу пѣшкомъ, но что силы, казалось, съ самаго начала измѣняли ему, потому что кромѣ неравности шаговъ, эти слѣды еще показывали человека некрѣпкаго на ногахъ. Эти примѣты не ускользнули отъ глазъ Кухилло, принадлежавшаго къ числу людей, для которыхъ нѣкоторые пѣмые знаки служатъ вѣрными признаками.

— Рѣшительно путешественникъ не можетъ быть далеко.... — Кухилло проглотилъ еще глотокъ воды.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ, путешественники нашли неподвижно лежащаго челоуька на краю дороги. Какъ будто онъ хотѣлъ скрыть свое лицо отъ проходящихъ, широкая соломенная шляпа закрывала его со всѣмъ.

Одежда путешественника показывала бѣдность. Его костюмъ, кромѣ дыривой шляпы, которая закрывала черты, состоялъ изъ индѣйскаго камзола, цвѣтъ котораго полинялъ отъ солнца, и calzongas нанковые съ филиграммовыми пуговицами казались не въ лучшемъ состояніи. Это все можно было замѣтить въ сумеркахъ.

— Бенито, — сказалъ испанецъ одному изъ своихъ слугъ, — сдери копьемъ шляпу, которая закрываетъ лицо этого челоуька, быть можетъ, онъ только заснулъ.

Копюхъ исполнилъ приказаніе господина и, не сходя съ лошади, поднялъ шляпу незнакомца, но послѣдній не показалъ ни малѣйшаго движенія. Лица его не возможно было разглядѣть за темнотою, быстро увеличивавшеюся, какъ обыкновенно бываетъ подъ тропиками.

— Хотя это и не ваше дѣло, — сказалъ Донъ-Эстевапъ, обращаясь къ Кухилло, — но если съумѣете возвратить къ жизни этого бѣдняка, то пріобрѣтете полъ-унціи золота....

— Caspita! Сеньоръ донъ Эстевапъ, вы ошибаетесь на счетъ меня... я самый сострадательный изъ людей, если... имѣю выгоду. Отправляйтесь впередъ, и клянусь, что это будетъ несчастіе для меня, если я сегодня вечеромъ не приведу его добрымъ и здоровымъ на нашъ почлегъ въ Поцу. — Сказавъ это, Кухилло слѣзъ съ лошади и лаская ея шею, примолвилъ :

— Смирный, Тордило! стой здѣсь и не шевелись! Лошадь повниовалась голосу своего господина и, грызя удила, била копытомъ землю.

— Не оставятъ-ли съ вами одного изъ людей моихъ? — спросилъ Трагадуръ.

Кухилло былъ слишкомъ остороженъ, что бы принять помощника, который могъ требовать въ послѣдствіи половину награды, онъ отказался отъ этого милостиваго предложенія и кавалькада удалась.

Оставшись одинъ, бандитъ подошелъ къ лежавшему незнакомцу и заглянулъ въ лице его, желая убѣдиться есть ли какія-нибудь надежды къ его спасенію. При видѣ лица умирающаго, Кухилло вздрогнулъ.

— А ! — вскричалъ онъ, — Тибурціо Арелланось !

Дѣйствительно это былъ пріемный сынъ гамбузина, убитаго Кухилло, или вѣрнѣе предъ его глазами былъ Фабіанъ де Медіана.

— Я не ошибаюсь.... Вѣдь точно—это онъ ! И если онъ не умеръ еще, то отъ этого все-таки... ему не лучше ! — продолжалъ Кухилло.

Адская мысль мелькнула въ его умъ. Тотъ, кто, быть можетъ, раздѣляя съ нимъ секретъ, купленный преступленіемъ, находился теперь въ его власти, въ пустынь, гдѣ не было свидѣтелей, кромѣ совѣсти.... Кухилло могъ сказать, что онъ не успѣлъ спасти несчастнаго... и... кто могъ бы доказать противное ? И не долженъ ли былъ онъ оградить свой секретъ отъ всякихъ случайностей ?

Всѣ звѣрскія наклонности пробудились тогда въ мерзавцѣ ; Кухилло машинально обнажилъ ножъ и приложилъ руку къ сердцу Тибурціо, слабое бѣненіе котораго обнаруживало еще признаки жизни. Бандитъ отнялъ руку и остановился.

— Точно такимъ же образомъ, — подумалъ онъ, — я убилъ того, кого называлъ этотъ юноша отцомъ своимъ.... Я его зарѣзалъ въ ту минуту, когда онъ безъ боязни, доверчиво отдыхалъ подлѣ меня. Вотъ, вотъ я вижу его еще оспаривающимъ остатокъ угасающей жизни.... Я до-сихъ-поръ чувствую на плечахъ моихъ тяжесть трупа, который пелъ къ рѣкѣ и бросилъ въ нее....

И бандитъ, среди мрака и торжественнаго молчанія пустыни, боязливо посмотрѣлъ вокругъ себя. Воспоминаніе объ Арелланось спасло жизнь Тибурціо. Кухилло, молча, съѣлъ около юноши, лежащаго все еще безъ движенія, и рука его опять почти машинально вложила кинжалъ въ ножны. Потомъ другой голосъ еще сильнѣе совѣсти, заговорилъ въ его душѣ — это была личная выгода.

Зная рѣдкія качества Тибурціо, его таланты какъ растреадора, (gastreador), его смѣлость, Кухилло перемѣнилъ намѣреніе и рѣшился завербовать его подъ начальство донъ Эстевана.

— И такъ ! — подумалъ онъ, — если собственные выгоды мои заставятъ позже отнять эту жизнь, которая теперь еще можетъ быть мнѣ полезна, то онъ тогда ничего не будетъ мнѣ долженъ.... впрочемъ мы будемъ квиты !

Кухилло, какъ видимъ, не хвастался щекотливостью совѣсти, и благодаря своимъ расчетамъ, онъ рѣшился спасти умирающаго Тибурціо, тѣмъ болѣе, что за жизнь его обещали еще заплатить.

— Какъ я хорошо сдѣлалъ, что берегъ воду въ мѣхахъ! — подумалъ Кухилло.

Онъ полураскрылъ губы умирающаго и съ осторожностью влил въ ротъ его нѣсколько капель воды. Эта помощь, казалось, оживила Тибурціо, онъ раскрылъ глаза, но ненадолго....

— Это значить, что онъ еще просить пить! — произнесъ сострадательный Кухилло.

И бандитъ два раза повторилъ ту-же операцію, всякій разъ удвоивая приемы. У Тибурціо вырвался вздохъ. Кухилло наклонился надъ молодымъ человѣкомъ, который мало-по-малу возвращался къ жизни и, казалось, былъ погруженъ въ глубокую думу. Наконецъ Тибурціо совершенно очнулся и былъ въ состояніи отвѣчать на вопросы своего спасителя, которые, разумется, относились къ жень покойнаго гамбузина. — Фабіанъ хотя былъ молодъ, но остороженъ и потому рассказалъ Кухилло, только то, что ему было уже известно....

— Цѣлые сутки провелъ я у постели умирающей, — добавилъ Тибурціо, — и истерзанный моимъ горемъ оставилъ хижину навсегда, пустившись въ путь и странствованія... Лихорадка сильно меня мучила, тоска грызла мое сердце... Я былъ такъ опечаленъ и взволнованъ, что даже забылъ напоить мою лошадь.... На другой день измученная и обезсиленная, она пала, увлекши меня въ своемъ паденіи, и раздавивъ привѣшенные къ сѣдлу мѣха... Истомленный трудною ходьбою и бессонными ночами, я потерялъ твердость и силы и упалъ въ изнеможеніи на землю, съ трудомъ добравшись къ этому оврагу, что бы умереть въ немъ....

— Удивительно, — сказалъ Кухилло, — какъ жалуютъ тѣхъ родственниковъ, которые, умирая, не оставляютъ наслѣдства. Я этого, право, не понимаю.

Тибурціо могъ бы сказать, что его мать на смертномъ одрѣ завѣщала мщеніе противъ неизвѣстнаго убійцы Арелланоса, и тайну золотой долины; но ему бы нужно было прибавить, что только подъ условіемъ отыскивать всю жизнь убійцу ея мужа, она вручила послѣднюю тайну.... Тибурціо не прерывалъ размышленій Кухилло. Можно оцнить до какой степени въ этихъ обстоятельствахъ была полезна его скромность.

И такъ Тибурціо, также какъ Кухилло и Донъ-Эстебанъ, зналъ существованіи и положеніи золотой долины; Арелланосъ, какъ увидимъ

посль, не храниль тайны. Но былъ ли опаснымъ соперникомъ юноша безъ средствъ, безъ опоры, который лишился даже своей последней лошади?

Эти послѣднія мысли принадлежали Кухилло, который, сидя на краю дороги, и опустивъ голову на руку, въ раздумь игралъ пожемъ заткнутымъ за подвязку.

— Такимъ образомъ, — сказалъ онъ, — кромъ бамбуковой хижины, которую вы покинули, издохшей лошади и платья, которое на васъ, Арелланосъ и его вдова не оставили вамъ другаго наслѣдства?...

— Ничего, кромъ воспоминаня о ихъ благодѣяняхъ, и уваженія къ ихъ памяти.

— Бѣдный Арелланосъ! Я его очень сожалѣль, — добавилъ Кухилло, котораго лицезрѣе заставило забыть свою осторожность.

— Такъ вы его знали? — вскричалъ Тибурціо, — онъ никогда мнѣ не говорилъ о васъ.

Кухилло почувствовалъ, что онъ сдѣлалъ ошибку и поспѣшилъ отвѣчать:

— Я очень много слышалъ о немъ, какъ о прекрасномъ чловѣкѣ и знаменитомъ гамбузино... И думаю этого достаточно, что бы объ немъ сожалѣть. Притомъ не я ли, случайно узнавъ о его смерти, уведомиль васъ? Не смотря на естественность отвѣта, въ физиономіи Кухилло столько было злобщаго, что въ головѣ Тибурціо мелькнуло подозрѣніе и онъ посмотрѣль на него съ недоувѣрчивостью. Но мало-по-малу мысли Тибурціо приняли другое направленіе. Юноша погрузился въ глубокое забвеніе.

— Не знаю бредъ-ли это лихорадки, — началъ снова Тибурціо, приходя въ себя, — но мнѣ показалось, что во время обморока, когда я ничего не чувствовалъ, кромъ медленно пожиравшаго меня огня, чьето лицо склонилось надо мной и сладкій голосъ произнесъ нѣсколько гармоническихъ словъ, потомъ я почувствовалъ, что пріятная свѣжесть смѣнила во мнѣ лихорадку, которая меня жгла... и съ-тѣх-поръ я болѣе не страдалъ. Вы не замѣтили въ этой пустынѣ кого-нибудь? — перъшително спросилъ юноша, котораго сонъ, казалось, еще продолжался.

— Ба! только то? — равнодушно произнесъ Кухилло.

— Такъ вы ее видѣли? — быстро вскричалъ Тибурціо.

— Кого? женщину? Э! Боже мой, нѣтъ, то что вы думаете ви-

дли и что чувствовали— больше ничего, какъ послѣдній пароксизмъ предъ смертью. Это обыкновенно случается съ умирающимъ отъ жажды.... Человѣкъ въ такомъ состояннн всегда видитъ, что онъ пьетъ въ изобилнн. Тибурціо, казалось, съ сожалнннмъ разставался съ своею поэтическою думою. Въ эту минуту лошадь Кухилло стала показывать очевидные признаки ужаса, шерсть на ней поднялась и она, въ два прыжка, встала подлѣ своего господина, какъ бы ища его защиты. Наступилъ часъ, когда покрытая мракомъ пустыня дышала какою-то торжественностью.... Уже вдали раздавался вой шакаловъ, какъ вдругъ послышался рѣзкій и отрывистый ревъ.... это былъ голосъ африканскаго льва.

— Слушайте, — произнесъ Кухилло. Вой еще пронзительнѣе раздался съ другой стороны.

— Это пума * и ягуаръ, ** которые оспариваютъ трупъ вашей лошади, — сказалъ Кухилло, — и побѣжденный очень легко можетъ прійти, что бы вознаграждать себя на нашъ счетъ. У меня только карабинъ, а у васъ, кажется, нѣтъ никакого оружія...

— У меня есть кинжалъ.

— Этого недостаточно. Садитесь на крупъ моей лошади и поѣдемъ. Тибурціо послѣдовалъ совету и общая опасность разсыла ихъ взаимныя подозрннн. Лошадь, не смотря на двойную тяжесть, быстро понеслась впередъ, какъ между тѣмъ рычаніе двухъ страшныхъ обитателей пустыни, готовыхъ растерзать другъ друга за добычу, становилось все звучнѣе и продолжительнѣе....

VII.

Ночлегъ въ лѣсу.

Еще долго эхо доносило до слуха двухъ всадниковъ могучій ревъ, смѣшанный съ жалобнымъ воемъ шакаловъ, которые съ сожалнннмъ оставили добычу, испуганные приближеніемъ двухъ страшныхъ владѣтелей американскихъ лѣсовъ. Но скоро шумъ другаго

* Такъ называютъ особенную породу американскихъ львовъ безъ гривы.

** Тигръ съ пятнами.

рода возвѣстилъ чье-то вмѣшательство въ эту сцену пустыни. Дѣйствительно завыванія вдругъ умолкли....

— Это выстрѣлъ изъ карабина, — замѣтилъ Тибурціо. — Кто можетъ забавляться охотой въ такой глуши?

— Безъ сомнѣнія какой-нибудь изъ тѣхъ американскихъ охотниковъ, которыхъ время отъ времени, мы видимъ въ Аризонѣ продающихъ свою добычу: кожи бобровъ, выдръ, и которые столько же заботятся о ягуарѣ или пумѣ, какъ о шакалѣ.

Ничто теперь не нарушало торжественной тишины ночи. Звѣзды блистали въ небесахъ и только въ лѣсу вѣтерокъ шелестѣлъ листьями каучука.

— Куда вы меня везете? — послѣ долгаго молчанія спросилъ Тибурціо.

— Въ Поцу, гдѣ меня ожидаютъ нѣсколько друзей, и гдѣ мы проведемъ съ вами ночь; отсюда, если вамъ угодно, отправимся въ Hacienda del Venado.

— Въ Hacienda del Venado! — прервалъ Тибурціо, — я тоже ѣхалъ туда.

Днемъ Кухилло замѣтилъ-бы, что юноша покраснѣлъ, произнося эти слова, потому что сердце противъ воли влекло Тибурціо къ дочери донъ Августина.

— Могу-ли я узнать, — спросилъ Кухилло, — какая причина васъ туда привлекаетъ?

Тибурціо смѣшался при этомъ очень простомъ вопросѣ; и можно было замѣтить, что онъ не выбралъ бы Кухилло своимъ повѣреннымъ.

— Я безъ всякихъ средствъ, — отвѣчалъ онъ съ маленькимъ замѣшательствомъ, — и шелъ просить донъ Августина не приметъ-ли онъ меня въ число своихъ *Vaqueros*?

— Вы выбираете печальное занятіе.... Подвергать каждый день опасности свою жизнь за ничтожную плату, не спать ночей, бѣгать день по кустарникамъ и по равнинамъ, въ солнечный зной и ночной холодъ; такова участь пастуха....

— Что же мнѣ дѣлать? — произнесъ Тибурціо; — къ такой жизни я привыкъ, проводя ее посреди пустыни и лишений.... Эти истасканные *calzoneras* (панталоны) и изорванный камзолъ не все-ли мое богат-

ство? Я теперь не имью даже собственной лошади. Не лучше-ли быть пастухомъ, чѣмъ вицимъ?

— Онъ ничего не знаетъ, — подумалъ Кухилло; — иначе рѣшился-ли бы принять должность такого рода?

— Послушай! — продолжалъ бандить, — у меня есть кой-что получше тебя предложить... Ты въ самомъ дѣлѣ погибшее дитя; кроме меня некому было бы тебя и оплакать, если бы ты умеръ. Ты, вѣроятно, въ своей глуши ничего не слышалъ объ экспедици, которая составила въ Ариснъ?

— Нѣтъ.

— Будь нашимъ. Въ подобной экспедици такой рѣшительный молодецъ, какъ ты, драгоценное приобрѣтеніе; а съ своей стороны такой гамбузинность, какимъ я тебя знаю, потому что ты былъ воспитанъ въ славной школѣ, однимъ разомъ можетъ составить свое состояніе...

— Ну, если не попадется въ эту ловушку, — прибавилъ про себя бандить, — тогда ясный признакъ, что онъ ничего не знаетъ... Кухилло такимъ образомъ преслѣдовалъ двоякую цѣль, попытаться истины, и привязать къ себѣ Тибурціо надеждой добычи. Но какъ онъ не былъ хитеръ, однако же имѣлъ дѣло съ сильнымъ противникомъ.

— Это значить экспедиція золото-искателей? — холодно спросилъ юноша.

— Ты угадалъ; я съ некоторыми изъ моихъ друзей, находящимися въ Hacienda del Venado положили соединиться въ президъ Тубакъ, чтобы идти изслѣдовать Анахерию, въ которой находятся, какъ говорятъ, цѣлыя сокровища. Насъ будетъ около сотни.

Тибурціо хранилъ молчаніе.

— Хотя, — продолжалъ Кухилло, — между нами я могу сказать, что никогда не переступалъ Тубака, но все-таки я буду проводникомъ этой экспедици. Ну, что ты рѣшаешься?

— У меня много есть причинъ не рѣшаться, не подумавъ, — отвѣчалъ Тибурціо; — мнѣ нужно двадцать четыре часа на размышленіе.

Эта экспедиція, о которой Тибурціо такъ внезапно услышалъ, въ самомъ дѣлѣ могла или уничтожить или благопріятствовать его планамъ, и онъ скрылъ свое волненіе, подъ этою благоразумною осторожностью.

— Этотъ юноша не увлекается! И судьба его назначила, кажется,

рѣшительно быть моимъ должникомъ — Такъ думалъ Кухилло, котораго безнокойства и подозрѣнія теперь нѣсколько разсѣялись. Онъ принялся равнодушно свистать, попукая лошадь. Казалось самое лучшее согласіе царствовало между этими двумя людьми, изъ которыхъ каждый имѣлъ причину, но еще неясненную смертельно непавидѣть другаго. Вдругъ лошадь споткнулась на лѣвую ногу и готова была упасть. Тибурціо соскочилъ на землю, съ воспламеннымъ взглядомъ и угрожающимъ голосомъ вскричалъ :

— Ты никогда не переходилъ за Тубакъ, какъ говорилъ ? А съ какого времени принадлежить тебѣ эта лошадь, Кухилло ?

— Тебѣ что за дѣло ? — отвѣчалъ авантюристъ, удивленный вопросомъ, которому нечистая совѣсть придавала опасное значеніе ; — и какая можетъ быть связь между моею лошадью и вопросомъ, который ты мнѣ такъ невѣжливо сдѣлалъ ?

— Клянусь душою Арелланоса, я хочу знать, или...

Кухилло прищипнулъ лошадь, которая бросилась всторону и въ минуту, когда онъ подносилъ руку къ ремню, на которомъ висѣло ружье, Тибурціо быстро бросился на него, сильно сдвинувъ его руку и повторилъ вопросъ :

— Съ какого времени тебѣ принадлежить эта лошадь ?

— Да ! да ! что за любопытство ! — отвѣчалъ Кухилло съ принужденнымъ смѣхомъ. — Ну ! если тебѣ такъ хочется знать, я ее приобрѣлъ... около шести недѣль. Но развѣ ты ее уже видѣлъ гдѣ-нибудь ?

Дѣйствительно Тибурціо въ первый разъ видѣлъ Кухилло на этой лошади, которая несмотря на свой недостатокъ спотыкаться, иногда имѣла превосходныя качества, и господинъ употреблялъ ее только въ важныхъ случаяхъ. Ложь бандита безъ сомнѣнія разсѣяла нѣсколько подозрѣнія въ умъ Тибурціо относительно лошади, потому что онъ пересталъ сжимать руку бандита.

— Извини за это насиліе, — сказалъ Тибурціо, — но позволь сдѣлать еще одинъ вопросъ :

— Говори, — вскричалъ Кухилло, — пока мы вмѣстѣ, что значить между друзьями однимъ вопросомъ болѣе или менѣе ?

— Кто продалъ тебѣ эту лошадь, шесть недѣль тому назадъ ?

— Ея господинъ ! — отвѣчалъ авантюристъ, чтобы выиграть

время, — не.... знакомецъ... который возвращался изъ дальняго путешествія.

— Незнакомецъ! — повторилъ Тибурціо; — еще разъ извини.

— Да не у тебя ли какъ-нибудь ее украли? — произнесъ пронически Кухилло.

— Нѣтъ, но не станемъ больше думать о моихъ глупостяхъ.

— Я тебя ихъ прощаю, — произнесъ Кухилло съ видомъ великодушія; — это такъ же вѣрно, — прибавилъ онъ мысленно, какъ то, что ты дальше не пойдешь, гадина!

Тибурціо, не ожидая нападенія, спокойно стоялъ; бандитъ, воспользовавшись темнотою, отвязалъ ремни своего карабина, и безъ сомнѣнія готовъ былъ привести въ исполненіе свое мщеніе, вдругъ съ противоположной стороны прискакалъ новый всадникъ, ведя за собою другую лошадь, осёдланную и занузданную.

— Вы ли это, сеньоръ Кухилло! — кричалъ всадникъ.

— Къ чорту!... — проговорилъ Кухилло. — А! это вы, Бенито?

— Да; ну что спасли вы человѣка? Сеньоръ донъ Эстебанъ послалъ меня на всякій случай съ запасомъ свѣжей воды и съ лошадью для него.

— Онъ здѣсь, — возразилъ Кухилло; — благодаря меня, онъ живъ и здоровъ, пока я не встрѣчусь съ нимъ одинъ на одинъ.... — прибавилъ онъ тихо.

— И такъ! поспѣшимъ на ночлегъ, произнесъ конюхъ.

Тибурціо сѣлъ на лошадь и всѣ трое, молча, поскакали къ мѣсту, гдѣ остановилась кавалькада. Слуга думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе пріѣхать къ мѣсту, какъ человѣкъ, измученный долгимъ путемъ: Кухилло проклиналъ случай, заставившій его отложить свое мщеніе, а Тибурціо, встревоженный подозрѣніемъ, дѣлалъ напрасныя усилія помириться съ мыслями на счетъ бандита. Въ такомъ расположеніи духа, послѣ четверти часа быстрой вѣды, три всадника увидѣли сверкающіе огни, которые обозначали ночлегъ каравана и наконецъ пріѣхали въ Поцу.

Мѣсто, такъ называемое, было единственное на пространствѣ десяти льѣ; здѣсь находилась цитерна, наполняемая вѣроятно какими-нибудь скрытыми источниками и отверстіе которой было шире, чѣмъ въ другихъ цитернахъ. Она была вырыта въ глубинѣ маленькой долины не болѣе 12 футовъ въ окружности и наклоненные бока

скопляли дождевую воду въ этотъ драгоценный резервуаръ. Эта долина была покрыта деревьями и густота листьевъ защищала цитерну отъ солнечныхъ лучей. Зеленъ, покрывавшая берега, прохлада, производимая перевившимися вершинами деревьевъ, дѣлала Поцу посреди пустыни восхитительнымъ оазисомъ. Въ одно и тоже время это мѣсто служило обыкновенно отдыхомъ для путешественниковъ, и мѣстомъ засады для охотниковъ: на кабановъ и оленей, или чтобы подсторожить ягуаровъ и другихъ дикихъ животныхъ, которыхъ со всѣхъ сторонъ гнала сюда жажда. Высокій шестъ съ прикрепленнымъ рычагомъ помогаль черпать воду посредствомъ привязаннаго кожанаго ведра и наливать въ корыто, чтобы поить лошадей путешественниковъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, густой лѣсъ, чрезъ который пролегала дорога въ *Hacienda del Venado*, бросаль зеленую и свѣжую тѣнь. На пространство между Поцей и этимъ лѣсомъ, путешественники разложили большой костеръ, въ защиту отъ холода, смѣшившаго дневной жаръ, и отъ нападенія ягуаровъ и львовъ, которымъ-бы захотѣлось прійти сюда утолить жажду.

Не далеко отъ костра, слуги поставили походныя кровати для испанца и между тѣмъ полъ барана, жарилось на вертелъ, а мѣхъ съ виномъ былъ поставленъ въ корыто съ водою для прохлажденія. Послѣ цѣлаго дня трудной ходьбы, отдыхъ на берегу Поцы представляль чрезвычайно пріятное зрѣлище для Тибурцію, наконецъ прѣхавшаго въ Поцу съ двумя спутниками.

— Вотъ нашъ ночлегъ, любезный Тибурцію,—произнесъ Кухилло ласковымъ голосомъ, которымъ онъ считаль нужнымъ, прикрыть чувство злобы и свои мрачныя планы.

— Слѣзай съ лошади, пока я пойду предупредить начальника о твоёмъ прибытіи. Вотъ донъ Эстебанъ де-Арехиза, подъ начальство котораго ты вступишь, если тебѣ говоритъ сердце, и между нами, это самое лучшее, что можешь ты сдѣлать.

Теперь Кухилло уже не хотѣль упустить жертвы и болѣе, чѣмъ когда-нибудь желаль присоединить къ себѣ молодаго человека. Онъ указаль пальцомъ Донъ-Эстевана и Трагадура, сидѣвшихъ на походныхъ кроватяхъ, и ярко освѣщенныхъ огнемъ. Между тѣмъ Тибурцію не былъ ими замѣченъ. Самъ-же Кухилло приблизился къ донъ Эстевану.

— Съ позволенія сеньора Трагадура, я бы желаль сказать вамъ

два слова по секрету, — сказалъ онъ испанцу. Донъ-Эстеваъ сдѣлалъ знакъ Кухилло слѣдовать за нимъ въ темную аллею, проложенную въ лѣсу.

— Вы не угадаете, сеньоръ донъ Эстеваъ, что за человекъ, котораго ваше великодушiе спасло, потому что я его привелъ живымъ и здоровымъ, какъ вы видите.

Испанецъ опустилъ руку въ карманъ и далъ обѣщанную золотую монету.

— Ваше человеколюбiе спасло Тибурцио Арелланоса, что касается до меня я слѣдовалъ только своему доброму сердцу; но, быть можетъ, мы совершили великую глупость....

— Это отъ чего? — спросилъ донъ Эстеваъ; — за нимъ тѣмъ легче будетъ наблюдать, чѣмъ ближе онъ будетъ къ намъ.... и я увѣренъ, что онъ рѣшился быть однимъ изъ нашихъ.

— Онъ потребовалъ двадцать четыре часа на размышленiе.

— Думаешь ты, что онъ знаетъ что-нибудь?

— Я этого опасуюсь, — произнесъ Кухилло съ мрачнымъ видомъ. Бандиту ничего не стоило сдѣлать подозрительнымъ въ глазахъ испанца того, въ смерти котораго онъ поклялся. — Впрочемъ во всякомъ случаѣ это для него отсрочка....

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Такъ.... совѣсть меня увѣряетъ, что она была-бы совершенно спокойна, если-бы.... — грубо прибавилъ онъ, — еслибы я отправилъ этого юношу отыскивать своихъ родныхъ на томъ свѣтѣ.

— Богу не угодно! — съ живостью вскричалъ донъ Эстеваъ; — притомъ положимъ, что онъ все знаетъ, но не забывай, что я команду сотнею людей, а онъ одинъ.... Испанецъ, видимо старался обезоружить Кухилло, приписывая одной его жадности желанiе отдѣлаться отъ Тибурцио. — Не заботься вовсе о немъ; я себя считаю довольнымъ, поступи и ты также.... — заключилъ Донъ-Эстеваъ.

— Доволенъ.... доволенъ, — пробормоталъ Кухилло, какъ собака, усмирившая голосомъ хозяина, и которая переставая лаять, старается ухватить его за пятку, — я не знаю теперь ничего.... но потомъ позже....

— Я увижусь съ этимъ юношей — прервалъ донъ Эстеваъ и от-

правился къ бивуаку, за нимъ послѣдовалъ Кухилло, спрашивавшій самъ себя :

— Къ чему ему знать, давно-ли я владѣю лошадыю?... Посмотримъ! помню лошады споткнулась.... Это было въ ту минуту, когда онъ сдѣлалъ мнѣ съ угрозою этотъ вопросъ. .. право, я ничего тутъ не понимаю.... Но крѣпко боюсь того, чего не понимаю.

Когда испанецъ и Кухилло возвратились на мѣсто ночлега, тамъ царствовало сильное движеніе. Распущенныя лошады собрались вокругъ кобылицы *capitana* и пламя освѣщало ихъ испуганныя глаза. Протянувъ шенъ къ своимъ сторожамъ, они, казалось, пришли искать защиты у челоуька. Время отъ времени въ этомъ испуганномъ стадѣ слышалось ржаніе; очевидно было, что инстинктъ предупреждалъ лошадей объ угрожающей, хотя еще и отдаленной опасности.

— Должно быть какой-нибудь ягуаръ бродить здѣсь вокругъ насъ,—сказалъ одинъ изъ слугъ,—наши лошады чуютъ ихъ издали.

— Ба!—возразилъ другой,—ягуары нападаютъ только на жеребятъ и никогда не осмѣлятся напасть на сильную лошады.

— Ты думаешь?—продолжалъ первый;—ну, такъ вотъ спроси у Бенито, что случилось съ его сильною и прекрасною лошадыю, которую онъ такъ любилъ.

Бенито подошелъ въ это время къ разговаривавшимъ.

— Однажды, — началъ онъ, — въ подобную ночь я слишкомъ отдалился отъ гаціенды *del Venado*, гдѣ я тогда служилъ, и рѣшился провести ночь у источника *Ojo de Agua*. Я привязалъ свою лошады въ довольно отдаленномъ мѣстѣ, гдѣ была трава посвежѣе, и самъ заснулъ, какъ спать честные люди, сълавши въ день двадцать лѣе; вдругъ страшный вой и ржаніе разбудили меня. Луна свѣтила такъ, что можно было видѣть, какъ днемъ. Испуганный этимъ я хотѣлъ развести снова огонь, но онъ погасъ, и я дулъ, дулъ, но напрасно.... ни одной искры! Вдругъ вижу моя лошады несется во весь опоръ, она разорвала *reata* (ремень), которымъ я привязалъ ее за шею.... Хорошо, — подумалъ я, — теперь мнѣ нужно будетъ искать лошады, и только, что я успѣлъ подумать, вдругъ вижу при лунномъ свѣтѣ, скачущаго за моей лошадыю превосходнѣйшаго ягуара. Онъ, казалось, едва касался земли и каждый скачекъ переносилъ его на двадцать шаговъ впередъ. Я понялъ, что моя лошады погибла. Съ тоскою сталъ я прислушиваться, но ни чего не было слышно. Толь-

ко, чрезъ четверть часа, которая мнѣ показалась въкомъ, вътеръ донесъ до меня послѣднее ржаніе моего товарища...

Въ это мгновеніе ясно выразившійся ужасъ на лицѣ разскащика прервалъ слова его.

— *Virgen Santa!*—вскричалъ онъ,— слышите! оно было вотъ точно такое, какъ это.

Въ самомъ дѣлѣ сильное хрипѣніе раздавалось недалеко отъ Поцы и прервало рѣчь Бенито. За нимъ послѣдовало глубокое молчаніе, во время котораго ужасъ оцѣпѣнилъ животныхъ и людей.

VIII.

БЕНИТО.

Старый пастухъ могъ-бы продолжать свой разсказъ, съ увѣренностью, что никто его не прерветъ, но также съ увѣренностью, что никто не будетъ слушать. Близость опасности, о которой за нѣсколько минутъ и не думалъ никто, сосѣдство кровожаднаго звѣря остановило кровь въ жилахъ и парализировало языки всей аудиторіи. Пастухъ тоже замолчалъ и, казалось, раздумывалъ о томъ, чего требовало это страшное обстоятельство.

— Беритесь за оружіе!—вскричалъ донъ Эстебанъ.

— Это бесполезно, сеньоръ,—возразилъ разскащикъ, которому привычка къ опасностямъ возвратила все его хладнокровіе.—Самое лучшее, что остается дѣлать, это не дать погаснуть костру.

Связка хворосту, которую онъ бросилъ, произнесъ эти слова, вспыхнула, и яркое пламя облило потокомъ свѣта всѣхъ присутствующихъ.

— Если только жажда его не задушитъ,—возразилъ Бенито,— онъ не осмѣлится переступить этотъ огненный кругъ. Впрочемъ я долженъ прибавить, что жажда часто ихъ удушаетъ и тогда....

— И тогда? прервалъ одинъ изъ собесѣдниковъ тоскливо.

— Тогда,—произнесъ пастухъ,— тогда они не смотрятъ ни на огонь, ни на пламя. И такъ если только не рѣшились твердо защищать приближеніе его къ водѣ, благоразумнѣе всего удалиться съ его дороги. Эти животныя всегда болѣе хотятъ пить, чѣмъ ѣсть....

— А, когда они напились?—спросилъ въ свою очередь Бораджа, у котораго при свѣтѣ огня замѣтно было на лицѣ безпокойство.

— Они ищутъ утолить голодь. Эти ягуары чрезвычайно кровожадны, впрочемъ это очень естественно, какъ мнѣ кажется.

Второе рычаніе, но гораздо отдаленнѣе, показало аудиторіи Бенито, проникнутой ужасомъ отъ его теоріи о тиграхъ, что по-крайней-мѣрѣ этотъ ягуаръ не чувствовалъ еще жажды въ послѣднемъ пароксизмѣ.

Всѣ присутствующіе хранили молчаніе, прерываемое только трескомъ хвороста, который Бораджа съ энтузіазмомъ подбрасывалъ въ огонь.

— Потише, любезный! — вскричалъ Бенито; — если-ты сожжешь весь запасъ дровъ, пойдешь-ли ты за ними въ лѣсъ?

— Нѣтъ, ни за что въ мѣрѣ!

— Такъ побереги ихъ, чтобы мы не очутились въ темнотѣ на произволъ ягуара, котораго жажда еще увеличилась отъ двухъ часоваго воздержанія. Если Бенито имѣлъ намѣреніе испугать своихъ слушателей онъ вполне достигъ цѣли, всѣ съ тоскою посмотрѣли на небольшой остатокъ хворосту, но не смотря на насмѣшливые отвѣты, въ голосѣ стараго пастуха была особенная торжественность, которая показывала глубокое убѣжденіе.

Едва оставалось дровъ на одинъ часъ для поддержанія благотельнаго пламени. Понятно, что донъ Эстебанъ отложилъ до болѣе удобнаго случая распросить Тибурцію. Тѣмъ не менѣе въ эту страшную минуту онъ нѣсколько разъ украдкою бросалъ испытующій взоръ на Тибурцію, но случайно лицо юноши постоянно находилось въ тѣни и оставалось невидимымъ. Съ своей стороны Тибурцію также чувствовалъ, что теперь не время было для разговора съ начальникомъ бивака. Вдали продолжало царствовать прежнее молчаніе. Донъ Эстебанъ и сенаторъ возвратились на свои походныя постели, не выпуская изъ рукъ своихъ ружей. Подлѣ Бенито оставались только Бораджа, Кухилло и Тибурцію. Лошади все-таки продолжали тѣсниться, какъ можно ближе къ костру, и ихъ присутствіе рядомъ съ людьми, шумное дыханіе ихъ ноздрей, указывало, что хотя опасность была нѣсколько отдаленнѣе, тѣмъ не менѣе еще не исчезла.

Такъ прошло еще нѣсколько минутъ и ни одинъ звукъ человѣческаго голоса не нарушалъ глубокой, торжественной тишины лѣса.

Посреди самой страшной опасности въ голосѣ чловѣка есть утѣ-

шительная гармонія, которая какъ будто уменьшаетъ страхъ, поэтому одинъ изъ слугъ попросилъ пастуха продолжать рассказъ.

— И такъ я вамъ уже сказалъ, — началъ Бенито, — что ягуаръ, прыгая, преслѣдовалъ мою лошадь и, что у меня не было огня, какъ теперь, чтобы отогнать звѣря. Вдругъ, при лунномъ свѣтѣ, я снова увидалъ лошадь, которая неслась мимо меня; но судя по страшному всаднику это былъ ея послѣдній бѣгъ! Ягуаръ уцѣпился за ея спину, прильнувъ къ шеѣ бѣднаго животнаго; онъ несся съ нею, и едва она проскакала нѣсколько шаговъ отъ меня, какъ раздался страшный трескъ раздробленной кости; лошадь упала, какъ громомъ убитая; ягуаръ переломилъ ей позвоночный хребетъ около головы. Тигръ и лошадь упали вмѣстѣ... и на другой день я увидалъ только растерзанные куски бѣгуна, который меня такъ долго носилъ. — Ну, что! врите-ли теперь, что ягуаръ нападаетъ только на жеребятъ? — спросилъ старый пастухъ

Никто не отвѣчалъ, но все слушатели обратились къ мѣсту, гдѣ светлый кружокъ отъ огня умиралъ въ густомъ мракѣ, какъ будто оттуда должны были показаться сверкающіе глаза одного изъ этихъ могучихъ звѣрей. Подъ вліяніемъ рассказа пастуха и увѣренность въ несомнѣнномъ присутствіи одного изъ страшныхъ жителей американскихъ лѣсовъ, безмолвіе путешественниковъ продолжалось еще долго. Тибурцію первый прервалъ молчаніе. Привыкшій такъ же какъ и старый пастухъ къ пустынной жизни, онъ менѣе другихъ былъ встревоженъ.

— Впрочемъ, — замѣтилъ онъ, — если-бы у васъ не было лошади, ягуаръ вмѣсто ея сожралъ-бы васъ, слѣдовательно лошадь спасла васъ, а здѣсь мы имѣемъ двадцать лошадей для одного тигра...

— Этотъ юноша, мнѣ кажется, разсуждаетъ не дурно, — вскричалъ Бораджа, ободренный замѣчаніемъ Тибурцію.

— Двадцать лошадей, да правда! — возразилъ Бенито. — Онъ останутся около насъ, пока страхъ не лишитъ ихъ разсудка, а при приближеніи неминуемой опасности, онъ въ ужасѣ разсыплются и разбѣгутся. Ягуаръ, который здѣсь бродитъ, не будетъ ихъ преслѣдовать, потому что инстинктъ лошадей влечетъ ихъ всегда въ противоположную сторону отъ воды, слѣдовательно онъ не захочетъ отдалиться и... можетъ-быть...

— Можетъ-быть? — спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Можетъ-быть, — продолжалъ торжественно Бенито, — можетъ-быть онъ уже попробовалъ человеческого мяса. А, какъ я вамъ только что сказалъ, тигръ страшно кровожаденъ, онъ предпочтетъ одного изъ насъ лошадиному мясу.

— Это утѣшительно! прервалъ Кухилло.

— Конечно, потому что онъ удовольствуется только однимъ, развѣ....

Недомолвки Бенито до-сихъ-поръ были слишкомъ страшны, и потому съ минуту никто не осмѣливался прервать его; но Кухилло, выведенный изъ терпѣнія его молчаніемъ, вскричалъ:

— Договаривай-же, прахъ тебя возьми!

— Я хотѣлъ сказать, — отвѣчалъ старшій пастухъ, — развѣ только съ нимъ его самка, въ такомъ случаѣ.... Но къ чему васъ пугать?

— Да поразить тебя громъ! — вскричалъ Бораджа, — говори-же!

— Въ такомъ случаѣ, онъ сочтетъ своею обязанностью услужить подругъ еще однимъ изъ насъ! — окончилъ Бенито, какъ-бы съ сожалѣніемъ.

— О какъ-бы я желалъ, что бы этотъ тигръ былъ холостякомъ, — съ горячностью произнесъ Бораджа. И онъ судорожно бросилъ на костеръ еще связку хвоста.

— Не торопись-же, — повторилъ Бенито, — намъ остается впереди еще шесть часовъ ночи, а дровъ не болѣе какъ на часъ.

Произнося эти слова, онъ выгацилъ изъ огня часть хвоста, брошеннаго Бораджей.

— И такъ намъ остается три удачи, — продолжалъ онъ, садясь, какъ человекъ, рѣшившійся покорится неизбежной судьбѣ; — первая, что этотъ тигръ не чувствуетъ сильной жажды; вторая, что онъ удовольствуется одною изъ лошадей; и третья, что этотъ тигръ холостякъ, какъ сказалъ нашъ другъ Бораджа.

Никто не смѣлъ подтвердить страшной точности расчета, который имѣлъ впрочемъ свою утѣшительную сторону; но, казалось, было опредѣлено, чтобы ни одна изъ этихъ удачъ не оправдалась до окончанія ночи.

Скоро впрочемъ утѣшительный свѣтъ показался на горизонтъ; взошла луна и ея лучи не замедлили пролить бѣловатый свѣтъ на вершины деревъ, откуда слышался одинъ только погребальный крикъ совъ. Крикъ этотъ, время отъ времени, пронзительно повторялся, на-

рушая ночную тишину вмѣстѣ съ шумомъ огромныхъ крыльевъ ночной птицы; во всей окружающей пустынѣ, казалось, не было живаго существа за исключеніемъ группы лошадей и людей, собравшихся у огня.

— Какъ вы думаете, — спросилъ Тибурціо у Бенито, — не удался ли ягуаръ? Мнѣ часто случалось слышать этихъ животныхъ, воющихъ въ продолженіи цѣлой ночи вокругъ моей хижины и потомъ не возвращавшихся болѣе.

— Да, — отвѣчалъ пастухъ, — если доступъ къ водоюю свободенъ, если они почуютъ вѣрную отдаленную добычу; но здѣсь дорога къ водоюю имъ отрзана, мы въ большомъ количествѣ, а ягуаръ не легко разстанется съ мѣстомъ, гдѣ найдетъ ему, что поѣсть и поить. Всякой другой звѣрь, менѣе кровожадный, чѣмъ ягуаръ, сдѣлалъ-бы тоже самое. Будемъ молить Бога, чтобы онъ былъ здѣсь только одинъ! Но чтобы онъ удался, я этому не вѣрю.

Глухое рычаніе правда отдаленнѣе, чѣмъ первое, которое слышали и ближе втораго, подтвердило разсужденіе стараго пастуха.

— Это знакъ усиливающейся жажды, — началъ онъ, — потому-что ночной воздухъ еще болѣе раздражаетъ ее, донося свѣжія испаренія отъ колодца.

Между-тѣмъ въ это время, мало-по-малу догорающій костеръ бросалъ только слабые отблески, а запасъ дровъ почти весь истощился. Ужасающая пропорція установилась, между увеличеніемъ жажды тигра и уменьшеніемъ дровъ.

Блескъ огня былъ самой неприступной преградой, какую только можно было противопоставить отчаянню свирѣпаго животного.

— Нѣтъ болѣе сомнѣнія, что жажда сильнѣе и сильнѣе давитъ горло ягуара, я боюсь, что одной удачей уже теперь меньше, — проговорилъ съ угрюмымъ видомъ Бенито.

— Замолчишь-ли ты — вскричалъ Кухилло, бросаясь съ ножомъ въ рукъ на Бенито: — Развѣ кромѣ мрачныхъ вѣстей для насъ, у тебя болѣе ничего нѣтъ?

— Что-же я могу сдѣлать? — отвѣчалъ пастухъ, не тронувшись съ мѣста при угрозѣ Кухилло. — Я предполагаю, что говорю людямъ смѣлымъ, а если твой ножъ сдѣлаетъ то, что съ минуты на минуту можетъ сдѣлать ягуаръ, тогда еще одной удачей будетъ меньше въ твою пользу. Вмѣсто восьми, останется ягуару дѣлать выборъ изъ

семи, потому-что это животное не захочетъ унести трупа. Все-таки это благородное животное, которое....

На этотъ разъ недомолвка неисправимаго панегириста тигровъ была невольная. Звучный ревъ, какъ звукъ рога, раздался со стороны противоположной первому реву и прервалъ рчь Бенито.

— *Ave Maria!* тигръ съ тигрицей! — вскричалъ съ тоскою Бораджа.

— Онъ говорить правду, — подтвердилъ Бенито, — потому-что они въ двоємъ, а никогда два тигра мужескаго пола не рыщатъ вмѣстѣ за добычей. Чтобы ты ни говорилъ, Кухилло, вотъ уже двумя удачами меньше; жажда увеличилась и тигровъ удвоилось. Следовательно одинъ къ четыремъ, какъ два къ восьми, то-есть, что.... на четыре...

— Будетъ пять на восемь, — прервалъ Бораджа, у котораго страхъ перемѣшалъ математическія способности.

— *Caramba!* какъ ты спъшишь! — холодно возразилъ старый Бенито. Огъ страха ты заговариваешься. Для двухъ тигровъ не нужно болѣе двухъ человекъ, ты же считаешь пять. Следовательно изъ восьми, сколько насъ здѣсь есть, очень вѣроятно только шесть увидятъ завтра восходъ солнца.

— Пусть меня громъ поразитъ, если я когда-нибудь встрѣчалъ товарища въ несчастіи болѣе неспособнаго! — произнесъ со стономъ Кухилло, который не смотря на свое бѣшенство не былъ болѣе расположенъ уменьшать пропорцію жертвъ для ягуара, и который все-таки уважалъ жизнь стараго пастуха, какъ фетиша.

— Все равно, — произнесъ Бораджа, — пока буду видѣть лошадей вокругъ себя, буду надвѣяться.

— Это послѣдняя удача, которая намъ остается — осмѣлился замѣтить одинъ изъ товарищей Бенито, который зная его долговременную опытность, слушалъ пастуха, какъ оракула.

Къ несчастію и эта послѣдняя надежда не надолго оставалась. При ревѣ, который, казалось, раздался на самой границѣ свѣтлаго кружка, бросаемаго костромъ, лошади, до того времени жавшіяся къ огню, вдругъ разсыпались, въ безумномъ страхѣ. Земля дрогнула подъ ихъ копытами, кустарникъ шумно затрещалъ и скоро все затихло подъ мрачными сводами льса, только луна лила свой свѣтъ, преломляемый въ листьяхъ. Это показывало, что животныя, товарищи человека, передъ возрастающею опасностью, теряютъ довѣріе въ

его покровительство и ищутъ спасенія только въ быстроту своихъ ногъ. Въ ту минуту, когда последнее средство, на которое могли рассчитывать путешественники исчезло, Бенито всталъ и перейдя пространство, отделяющее отъ группы донъ Эстевана и сидѣвшихъ въ сторонѣ, приблизился къ нимъ.

— Благоразуміе требуетъ, — произнесъ онъ, — чтобы вы не оставались такъ далеко отъ насъ, неизвестно, что можетъ случиться. Вы слышали — опасность насъ окружаетъ со всехъ сторонъ, идите въ средину насъ, и мы изъ своихъ тѣлъ сдѣлаемъ вамъ ограду.

Испуганный видъ Трагадура представлялъ разительный контрастъ съ холоднымъ спокойствіемъ испанца.

— Это превосходный совѣтъ, — вскричалъ Трагадуръ, — последуемъ ему. И онъ уже всталъ, готовый воспользоваться преданностью стараго служителя, но донъ Эстеванъ остановилъ его.

— Такъ это не сказки охотника, чтобы напугать новичковъ, которыя ты разсказалъ своимъ слушателямъ? — спросилъ онъ Бенито.

— Боже мой! это истина! — отвѣчалъ послѣдній.

— Такъ въ самомъ дѣлѣ есть опасность.

— Неизбѣжная.

— И такъ! если дѣйствительно это правда, мы останемся на нашемъ мѣстѣ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ хотите этого? — прервалъ Трагадуръ.

— Долгъ начальника защищать своихъ солдатъ, а не у нихъ искать защиты! — гордо возразилъ Арехиза, — и вотъ, что мы сдѣлаемъ: если опасность будетъ съ этой стороны, такъ какъ мы ревъ слышали съ права и съ лѣва, я остаюсь здѣсь ожидать непріятеля, съ ружьемъ въ рукахъ и съ вѣрнымъ глазомъ, твердымъ сердцемъ и съ двумя пулями въ ружьѣ, одинъ ягуаръ не страшень. Вы же, сеньоръ, ступайте дѣлать тоже самое впереди и если ваша... осторожность требуетъ помощи нашихъ людей, я предоставляю это на ваше усмотрѣніе.

Такое распоряженіе, спасавшее всѣ приличія, слишкомъ приходилось по вкусу, чтобы онъ отъ него отказался. На дѣлѣ было то, что Трагадуръ очень мало стремился подвергаться опасности въ своемъ лицѣ будущаго обладателя полу-милліона приданаго, и онъ поспѣшилъ присоединиться къ толпѣ, собравшейся у огня, подъ предлогомъ охранять ее. Едва кончились эти распоряженія, могучій ду-

этѣ, казалось, начался между парой проголодавшихся и утомленныхъ ягуаровъ. То были по временамъ задушаемыя рычанія, то протяжный ревъ, или рвзкія ноты, которыми мѣнялись съ противоположныхъ сторонъ два животныя. Этотъ ужасный оркестръ пробуждалъ эхо, то глухое, то звучное въ лѣсу и долинь и, казалось, населилъ окружающую пустыню дюжиною этихъ страшныхъ гостей. Каждый ревъ отдавался въ груди путешественниковъ. Ружье дрожало въ рукахъ сенатора, какъ былинка, колеблемая вѣтромъ, Бораджа поручалъ себя покровительству неба. Кухилло сжималъ свой карабинъ, съ опасностью его сломать, а Бенито, съ восточнымъ фатализмомъ, спокойно ожидалъ развязки той драмы, прологъ которой уже проревѣли два страшные актера.

IX.

СТЕПНЫЕ ГЕРОИ.

При свѣтѣ огня, бережливо поддерживаемаго Бенито, можно было видѣть донъ Эстевана, съ напряженнымъ вниманіемъ устремившаго взглядъ въ ту сторону, откуда слышался ревъ. Онъ имѣлъ видъ охотника, спокойно поджидавшаго въ засадѣ появленія лани.

При видѣ испанца, Тибурціо почувствовалъ въ себѣ пробужденіе того восторга, который въ извѣстныхъ энергическихъ натурахъ рождается въ минуту опасности. Но, кромѣ кинжала, онъ не имѣлъ другаго оружія. Тибурціо бросилъ взглядъ на двухствольное ружье, изъ котораго сенаторъ сдѣлалъ-бы употребленіе, вѣроятно, болѣе пагубное для своихъ товарищей, чѣмъ для ягуара. Судя по конвульсивному дрожанію его рукъ, можно было заключить, что его помутившійся взглядъ не сыщеть цѣли. Съ своей стороны сенаторъ бросалъ завистливые взгляды на позицію, занимаемую Тибурціемъ въ срединѣ товарищей и взглядъ этотъ не скрылся отъ Тибурціо.

— Сеньоръ, — произнесъ онъ, — не годится, чтобы вы подвергали опасности такую драгоценную жизнь, какъ ваша. Вы имѣете родныхъ, благородную фамилію, меня-же никто не пожалѣетъ.

— Дѣло въ томъ, — отвѣчалъ, — если-бы другіе на половину цѣнили мою жизнь, такъ какъ я ее имѣю цѣню, то моя смерть причинила-бы имъ страшное горе.

— И такъ, сеньоръ, помняемся мѣстами ; дайте мнѣ свое ружье, а я собственнымъ тѣломъ буду служить вамъ оградой противъ когтей и зубовъ ягуара.

Эта попытка Тибурціо происходила въ ту минуту, когда свирѣлая пара мѣялась еще другъ съ другомъ ревомъ.

Но вдругъ оба голоса слились въ одинъ страшный дуэтъ, повторенный въ безчисленныхъ отголоскахъ эха и грозный звукъ долго дрожалъ въ воздухъ надъ вершинами деревь.

Подъ впечатліемъ такой страшной музыки, мѣна, предложенная Тибурціемъ, была немедленно принята. Трагадуръ занялъ его мѣсто, а Тибурціо, съ сверкающими глазами, вышелъ изъ толпы и съ ружьемъ на плечъ ждалъ неизбежной атаки одного изъ тигровъ. Вместе съ донъ Эстевапомъ они казались двумя неподвижными и непоколебимыми статуями. Неровный отблескъ огня освѣщалъ этихъ двухъ людей, такъ странно соединенныхъ случаемъ, и ни одинъ изъ нихъ не уступалъ другому ни въ гордости, ни въ мужествѣ.

Минута становилась болѣе и болѣе критическою. Оба ягуара готовы были стать лицомъ къ лицу съ достойнымъ непріателемъ. Костеръ бросалъ уже только слабый и послѣдній свѣтъ. Въ это время одинъ случай долженъ былъ перемѣнить положеніе дѣла. Но чтобы его понять—необходимо прежде объяснить положеніе людей и мѣстности. Мы уже сказали, что стоянка находилась на пространствѣ, которое съ одной стороны граничило съ долиной, гдѣ лежала Поца, съ другой съ лѣсомъ, чрезъ который пролегалла дорога въ *Hacienda del Venado*, и примыкала ближе къ водоему, чѣмъ къ лѣсу. Довольно высокій кустарникъ окружалъ эту прогалину съ остальныхъ двухъ сторонъ. Ревъ-же раздавался со стороны, лежащей къ Поцѣ и съ противоположной изъ лѣсу. Съ одной стороны, обращенной къ Поцѣ, стоялъ Тибурціо, съ другой донъ Эстевапъ; средину занимали остальные люди.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ страшной тишины, въ которой заключается весь ужасъ неизвѣстнаго, слышался невдалекѣ, въ лѣсу, жалобный крикъ шакала ; какъ онъ не былъ погребаленъ, этотъ визгъ въ сравненіи съ ревомъ ягуаровъ казался сладкою мелодіею.

— Шакалъ осмѣливается бродить такъ близко около тигра ? Это мнѣ кажется страннымъ,—въ полголоса произнесъ старый пастухъ.

— Но я слышалъ, что когда ягуаръ бродитъ за добычей, шакалъ

всегда съ воемъ слѣдуетъ за нимъ. — Отвѣчалъ Тибурціо такимъ-же голосомъ.

— Въ этомъ есть нѣсколько правды, — возразилъ Бенито ; но шакаль осмѣливается визжать близъ ягуара, не прежде того, какъ первый растерзаетъ свою добычу, это покорная просьба оставить ему что-нибудь, но пока ягуаръ рыщетъ за добычей шакаль слишкомъ остерегается подать о себѣ знакъ изъ боязни не сдѣлаться самому его жертвой. Это въ самомъ дѣлѣ странно, — продолжалъ Бенито, какъ-бы разсуждая въ слухъ, — но Боже мой ! съ этой стороны еще другой шакаль.

Въ самомъ дѣлѣ, съ противоположной стороны, посреди тишины тихо послышалась такая-же жалобная мелодія, на тотъ-же размѣръ, какъ и первая.

— Я повторяю, — произнесъ Бенито, — шакалы не осмѣются такъ измѣнять себѣ, это должны быть два творенія другаго рода, которыя не боятся ягуаровъ.

— О комъ вы хотите сказать? — спросилъ удивленный Тибурціо.

— О двухъ существахъ человѣческихъ, о двухъ смѣлыхъ американскихъ охотникахъ, я бьюсь объ закладъ—это они.

— Съверные охотники, вы хотите сказать ?

— Да! Только они одни на столько смѣлы, чтобы охотиться ночью за этими опаснымиживо твыми. Вѣроятноони разлучены и подаютъ условный знакъ, чтобы соединиться въ темнотѣ.

— Впрочемъ, если только это были охотники, они приближались съ удивительною осторожностью, ни маленькая вѣтка, ни листокъ не хруснули подъ ихъ ногами.

— Эй ! вы ! — вдругъ раздался въ темнотѣ голосъ, подобный голосу матросовъ, когда они ночью окликаютъ судно. — мы причаливаемъ, не пугайтесь и не стрѣляйте.

Въ голосъ звучало иностранное произношеніе, что подтверждало предположеніе Бенито, а при взглядѣ уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія.

Здѣсь не мѣсто описывать геркулесовскій ростъ, странную одежду пришлеца, его участіе въ этомъ разсказѣ слишкомъ замѣчательно, чтобы намъ не представился еще случай обрисовать его.

Теперь достаточно сказать, что это былъ великанъ, вооруженный тяжелымъ, длиннымъ карабиномъ.

Американскій охотникъ быстрымъ взглядомъ окинулъ всю группу и съ удовольствіемъ остановился на лицѣ Тибурціо.

— Прахъ поberi вашъ огонь! — произнесъ онъ грубымъ голосомъ, но не лишеннымъ добродушія. — Вы уже цѣлые два часа, пугаете прекраснѣйшихъ тигровъ, какіе когда-либо рыскали въ этой пустынь.

— Пугали! — прервалъ Бораджа; — карамба, напротивъ они насъ заставили порядкомъ струсить....

— Надьюсь, что вы для меня наконецъ загасите огонь, — произнесъ охотникъ.

— Загасить нашъ огонь, нашу единственную защиту! — вскричалъ Бораджа, — и вы въ самомъ дѣлѣ думаете?

— Вашу единственную защиту! — повторилъ американецъ съ удивленіемъ.

И онъ пальцемъ перечелъ вокругъ себя.

— Какъ! восемь человекъ не имѣютъ для своей защиты, кромѣ огня ничего больше! Вы смѣтаетесь надо мною.

— Кто ты такой? — повелительно спросилъ донъ Эстебанъ.

— Охотникъ, какъ вы видите.

— Охотникъ до чего?

— Я и мой товарищъ мы охотимся за выдрой, за бобромъ, за волкомъ, за тигромъ, за индѣйкой, зачѣмъ случится....

— Само небо посылаетъ васъ для нашего спасенія! — вскричалъ Кухилло.

— Вовсе нѣтъ, — отвѣчалъ охотникъ, которому фигура Кухилло безъ сомнѣнія не нравилась; — мы съ товарищемъ въ двухъ мѣ отсюда нашли пуму и пару тигровъ, которые спорили между собой за трупъ лошади....

— Моей! — прервалъ Тибурціо.

— Твоей! бѣдной молодой человекъ! — произнесъ охотникъ тономъ грубаго участія: — теперь я очень радъ встрѣтить тебя здѣсь, потому что я думалъ, что хозяинъ лошади не находится уже въ живыхъ. Итакъ, — продолжалъ американецъ, — мы убили пуму и до этого мѣста шли по слѣдамъ двухъ тигровъ, которымъ вы мѣшаете утолить жажду. Если вы хотите, чтобы мы васъ избавили отъ нихъ, живо погасите огонь и позвольте намъ свободно дѣйствовать.

— А твой товарищъ, — спросилъ удивленный донъ Эстебанъ, желая

привязать къ своей экспедиціи двухъ новичковъ такого рода, — гдѣ онъ?

— Онъ сейчасъ прійдетъ.... И такъ за дѣло, иначе мы васъ самихъ оставимъ выпутываться, какъ знаете.

Въ голосъ охотника было столько силы, столько убѣжденія и непоколебимой увѣренности въ свои распоряженія, что донъ Эсте-ванъ долженъ былъ уступить его желанію. Тогда американецъ испустилъ второй крикъ шакала и не прошло минуты, какъ показался его товарищъ. Хотя послѣдній былъ также высокаго роста, но въ сравненіи съ первымъ онъ казался пигмеемъ. Онъ также странно былъ одѣтъ, но темнота мѣшала различить его костюмъ и черты. Впослѣдствіи мы познакомимся и съ нимъ.

— Наконецъ-то погасилъ свое досадное пламя, — произнесъ онъ, — вѣрно дровъ не хватило.... И ни одинъ изъ васъ не осмѣлился идти за нами....

— Нѣтъ, — отвѣчалъ первый американецъ; — я упросилъ господъ, чтобы они позволили намъ избавить ихъ отъ этихъ двухъ звѣрей, которыми они такъ безчеловѣчно мѣшаютъ напиться....

— Гм! — промычалъ Бораджа, — не знаю благоразумно-ли мы поступили.... А что если вы промахнетесь?

— Промахнуться! Какже это такъ? — возразилъ вновь пришедшій. — Нелегкая побери! если-бы я не боялся убивши одного тигра, прогнать другаго, я нѣсколько разъ имѣлъ одного изъ нихъ подъ самымъ дуломъ моего карабина, и уже готовъ былъ поддаться искушенію, но условный знакъ моего товарища заставилъ меня при-бѣжать сюда.

— Я надѣялся, что наконецъ успокою этихъ господъ и за тѣмъ позвалъ тебя, — произнесъ высокій охотникъ.

— Вы знали, что мы здѣсь? — спросилъ Бораджа.

— Безъ сомнѣнія, вотъ уже два часа, какъ мы, противъ воли, за вами подсматриваемъ. А я знаю мѣста, гдѣ путешественники, если-бы не брали еще болѣе предосторожностей, чѣмъ вы, давно бы увидѣли свои черепа безъ волосъ. Ну, Дормильонъ, давай-ка приниматься за дѣло!

— А если ягуары нападутъ на насъ? — произнесъ Кухилло.

— Они остерегутся этого. Теперь первая ихъ забота утолить жажду. Вы скоро услышите ихъ радостный вой, когда они увидятъ, что

красное пламя не отражается на водопоях... Они только будут думать о томъ, чтобы напиться...

— Я боюсь, что эти тигры слишком выведены изъ терпѣнія, — проговорилъ Бораджа. — Но наконецъ, что вы будете дѣлать?

— Что мы будемъ дѣлать! — отвѣчалъ охотникъ, называемый Дормильонъ или Соня. — Мы станемъ около водопоя; оба ягуара подойдутъ къ нему; мой товарищъ займется однимъ, я другимъ, и отвѣчаю вамъ, что они болѣе не будутъ чувствовать ни голода, ни жажды, притомъ-же, при свѣтѣ луны, хорошо цѣлить.

— А! это вамъ кажется такъ легко! — вскричалъ Кухилло, удивленный такой простотой соображенія.

— Также легко, какъ сказать здравствуй! — отвѣчалъ Дормильонъ.

Два ровныя рычанія и на этотъ разъ выходящія изъ одной и той-же точки зазвучали, какъ самый сильный мѣдный инструментъ. Сви-ръная пара приветствовала возвращеніе темноты пѣсню дикой радости. Слушатели этого ночнаго концерта могли рядомъ съ этой ужасной гармоніей слышать шипѣніе поздрей, которыми тигры съ восторгомъ вдыхали свѣжія испаренія водоема. Путешественники бросили вокругъ себя тоскливый взглядъ; но пока еще своды лѣса и долина вторили рычанію ягуаровъ, оба охотника исчезли, и только видно было, какъ двѣ тѣни пробирались къ Поцъ, еще лучъ луны игралъ на дуль ихъ карабиновъ, потомъ все скрылось въ извилинахъ узкой долины.

Безъ сомнѣнія превосходное зрѣлище представляетъ бой быковъ, когда какой-нибудь быкъ прыгаетъ въ циркъ подъ огнемъ бандерильевъ (Banderillas) или, роя ногой землю, опустивъ рога, съ сверкающими глазами онъ реветъ въ минуту, когда готовъ броситься на матадора; но если бы зрители были отдѣлены отъ бышеннаго животнаго только простыми перилами, безъ сомнѣнія это зрѣлище не потеряло бы для нихъ всей своей прелести. Битвы тигровъ и людей для римскихъ жителей должны были имѣть еще болѣе привлекательности, чѣмъ бой быковъ нашего времени. Но нѣтъ сомнѣнія, что циркъ не менѣе былъ-бы поднятъ, если бы даже желѣзныя рѣшетки и высокія перилы не отдѣляли присутствующихъ отъ людей, обреченныхъ на борьбу съ тигромъ.

Одно только узкое пространство, треть того, которое захватываетъ

въ своемъ скачкѣ тигръ, и рядъ деревьевъ отдѣляли путешественниковъ отъ мѣста предстоящей битвы двухъ охотниковъ съ тиграми. Пусть одинъ изъ актеровъ промахнется и зрители принуждены будутъ занять его мѣсто. Это положеніе исключительно полное ощущеній, и о которомъ мы можемъ говорить съ знаніемъ и по опыту, если только не рассказали уже объ этомъ въ другомъ мѣстѣ *. Въ ту минуту, когда охотники исчезли въ маленькой долинь, посреди которой находился водопой, ревъ восторга прекратился; эхо показывало, что животныя проходили прогалину, приближаясь къ водоему. Путешественники притаили дыханіе и самая глубокая тишина царствовала въ лѣсу, на который луна проливала свой мирный свѣтъ. По этому они могли далеко слышать малѣйшій трескъ кустарника, разрываемаго тиграми, стремившимися къ долинь, потому что хотя огонь и былъ погашенъ, тѣмъ не менѣе инстинктъ ихъ говорилъ имъ о присутствіи челоуька. Американскіе охотники не ошиблись, сказавъ, что первую заботою тигровъ будетъ утолить палящую жажду.

Тигры, казалось, хотѣли избѣгнуть битвы съ челоуькомъ, чтобы послѣ съ большею выгодною начать ее, утоливъ жажду. Въ этомъ не было никакого сомнѣнія, и не смотря на непоколебимую увѣренность, съ которою охотникъ утверждалъ, что тигры не будутъ болѣе чувствовать ни жажды, ни голода, испытаніе присутствующихъ было страшно и опасно. Не смотря на критическое положеніе зрителей, мы должны оставить ихъ и перенести наше вниманіе на охотниковъ, болѣе ихъ подверженныхъ опасности и болѣе заслуживающихъ участія. Луна не поднялась еще на высоту, чтобы ея лучи могли проникать въ глубину маленькой долины, куда сошли охотники и въ сравненіи съ окружностію, ярко освѣщенной луною, дно долины казалось еще болѣе мрачнымъ. Глазъ челоуька едва могъ различить двухъ охотниковъ съ карабиномъ въ рукахъ, съ ножомъ въ зубахъ, ставшихъ на одно колено и прижавшихся спиною другъ къ другу. Это положеніе давало имъ болѣе твердую опору въ случаѣ стремительнаго натиска противниковъ, хотя, сказать по правдѣ, одинъ изъ нихъ, казалось, былъ въ состояніи, не покачнувшись, стоя выдержать напоръ льва; притомъ сомкнувшись спинами, глазами они обнимали все пространство, къ которому тигры должны были подходить, и такимъ-

* Voyage et aventures en Mexique.

образомъ смѣло избѣгали нечаянности. Чрезъ нѣсколько минутъ колеблющаяся толпа зрителей могла видѣть, какъ скользили между деревьями два тѣла съ свѣтящимися глазами, то прыгающія, то ползущія, которыхъ одинъ видъ, безъ привычки, рождаетъ холодъ въ сердцѣ самаго смѣлаго человѣка. Гибкія, какъ лѣсные лѣаны, оба животныя, приблизившись, представили четыре свѣтящіяся точки, четыре огненные шара, постоянно движущіеся, подобно свѣтлякамъ, колеблемымъ вѣтромъ на листьяхъ американскихъ лѣсовъ. Охотники, скрытые въ долину, еще ничего не могли видѣть; только глухое рычаніе гнѣва, вырвавшееся у тигровъ, при видѣ и запахъ людей, и дрожь сладострастія, возбужденная соседствомъ источника, предувѣдомили охотниковъ о присутствіи непріятелей. Не смотря на приближающуюся опасность, ни одинъ изъ охотниковъ не шевельнулся; пушка на своемъ лафетѣ не могла быть тверже, чѣмъ дулы карабиновъ въ ихъ рукахъ. Но при всемъ томъ имъ нужно было все ихъ мужество, вся слѣпая вѣра въ собственную ловкость, чтобы на днѣ узкаго пространства, сжатаго крутыми окраинами, вступить въ смертельный бой лицомъ къ лицу, безъ надежды на бѣгство, съ двумя противниками, бышенными отъ жажды, и въ которыхъ несмертельная рана должна была еще удвоить бышенство.

Въ глубинѣ этой долины нужно было или побѣдить или умереть!

Х.

ДВА ЛИШНІЕ СВИДѢТЕЛЯ.

Зрители приближающейся страшной битвы очень скоро увидѣли, что ягуары вдругъ остановились. Сердитый ревъ вырвался изъ ихъ груди. Они почуяли запахъ двухъ новыхъ непріятелей, которыхъ не слышали до того времени; свирѣлая пара была въ нѣсколькихъ шагахъ отъ водоема.

На минуту самецъ и самка остановились, какъ бы по взаимному согласію, вытянулись во всю длину и ударяя хвостомъ по бокамъ, оба, съ протяжнымъ воемъ, поднялись на двадцать шаговъ отъ земли. Одно мгновеніе, казалось, они нарили надъ долиной. Послышался выстрѣлъ и за нимъ предсмертный вой. Одинъ изъ ягуаровъ, убитый такъ сказать на лету охотникомъ, перевернулся въ воздухъ и безды-

ханный упалъ на дно долины. Другой прыгнулъ полпый бѣшенства и силы. Тогда послѣдовалъ смѣшанный шумъ человѣческихъ головъ и воя, казалось, что оба охотника, сплетясь тѣлами, катались съ непріятелемъ, потомъ раздался второй выстрѣлъ и послѣдній ревъ, сначала рѣзкій, но потомъ мало-по-малу замирающій, окончилъ эту короткую сцену, которую проникнутые ужасомъ слушатели могли только угадать. И только когда высокій охотникъ показался на краю долины, все на перерывъ бросились къ нему.

— Видите, — произнесъ охотникъ, — что значать два кентукскіе карабина и добрый ножъ въ рукахъ, привыкшихъ ими управлять....

Но темнота мешала зрителямъ сейчасъ рассмотреть арену страшной битвы. Только чрезъ несколько времени они увидали трупы ягуаровъ, распростертыхъ на землѣ и другаго охотника, по имени Дормильона. Дормильонъ обмывалъ холодною водою длинный рубецъ, который шелъ у него отъ уха черезъ плечо и оканчивался на груди.

— Это все равно, — говорилъ Дормильонъ, — ножъ во всякомъ случаѣ лучше острыхъ когтей; судите сами.

Въ самомъ дѣлѣ тигръ разорвалъ ему только тѣло, тогда какъ ножъ охотника, прорѣзавъ животъ звѣря, нанесъ ему вѣрный и смертельный ударъ.

— Нѣтъ-ли здѣсь въ близи мѣста, — продолжалъ Дормильонъ, — гдѣ-бы можно было продать эти двѣ славныя шкуры тигровъ, и третью пумы?

— Есть, — отвѣчалъ Бенито, — мы сами отправляемся въ гаціенду *del Venado*, лежащую только въ нѣсколькихъ льѣ отсюда, тамъ кромѣ пяти піастровъ, которые вамъ дадутъ за каждую кожу, вы получите еще десять другихъ въ награду:

— Что ты объ этомъ скажешь, канадецъ, идемъ туда? — спросилъ Дормильонъ

— Отчего же нѣтъ, разумѣется, сорокъ-пять піастровъ стоятъ того.... Уснемъ часъ, другой; да и отправимся въ эту гаціенду. Мы придемъ туда, я думаю, скорѣй, чѣмъ вы, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Бенито, — развѣ только успѣете переловить своихъ лошадей, изъ которыхъ ни одной не осталось къ вашимъ услугамъ.

— Не безпокойся о насъ, — отвѣчалъ пастухъ, — не въ первый разъ мнѣ случается видѣть лошадей, разбѣжавшихся, въ сумасшедшемъ страхѣ по льсу; но я еще не забылъ перваго своего занятія: завтра

съ восходомъ солнца надъюсь ихъ привести, а теперь, съ позволенія донъ Эстевана, я возьму двухъ товарищей и сейчасъ отправлюсь ихъ отыскивать.

Разсвѣтъ былъ не близокъ, — и теперь ничто уже не препятствовало разведенію огня. За тѣмъ начали дѣлать послѣднее приготовленіе къ прерванному ужину. Разведенный костеръ снова сталъ бросать веселый свѣтъ, баранъ на вертелѣ издавалъ возбуждающій запахъ. Тогда испанецъ и Трагадуръ велѣли позвать къ себѣ предприимчивыхъ охотниковъ, оказавшихъ имъ услугу, которую не забываютъ.

— Приблизьтесь, — произнесъ Трагадуръ, — храбрые охотники, мы вполне цѣнимъ вашу неожиданную помощь и предприимчивость; кусокъ жаркаго и стаканъ каталонскаго вина, не будутъ лишними послѣ такихъ трудовъ, какіе вы совершили.

— Э! — произнесъ старшій изъ охотниковъ, приближаясь къ огню, — не велика важность убить двухъ несчастныхъ тигровъ. Если-бы мы вышли изъ битвы противъ дюжины индѣйскихъ куманчей или павнѣвъ, это стоило-бы того, чтобъ объ этомъ говорить. Впрочемъ прежде и послѣ битвы кусокъ жаренаго всегда хорошъ. Нуже, Дормильонъ, иди сюда.... — окончилъ онъ, оборачиваясь къ своему товарищу.

— А ты, молодой человекъ, — произнесъ въ свою очередь испанецъ, дѣлая знакъ Тибурціо, который держался въ сторонѣ, — не хочешь-ли раздѣлить трапезу, съ этими храбрыми охотниками.

Юноша повиновался приглашенію начальника и въ первый разъ, свѣтъ огня упалъ на лицо его. Одну минуту, казалось, донъ Эстеванъ хотѣлъ съѣсть его глазами. Въ самомъ дѣлѣ это была замѣчательная фізіономія. Лицо Тибурціо хотя и выражало тихую грусть, но орлиный носъ, черные глаза не много углубленные подъ густыми бровями, оливковый цвѣтъ лица, черная борода придавала ему матовую бѣлизну, и дрожаніе верхней губы, все обозначало въ немъ бѣшенныя страсти. Темно-каштановые волосы отгнѣяли его чело. Онъ былъ высокаго роста и гибокъ; но его широкія плечи, бѣлыя и сильныя руки обличали могущество европейца, которое должно было въ случаѣ падобности помогать страстямъ, развившимся подъ знойнымъ небомъ нѣжной, испанской Америки. Меланхолія, разлитая въ его лицъ, умѣряла въ это время почти дикую энергію его глазъ.

— Это лицо и станъ донъ Жуана де-Медіаны, — сказалъ самъ себѣ

донъ Эстеванъ Арехиза, стараясь подъ маскою холодности скрыть свои страшныя мысли.—Былъ еще одинъ человекъ, который при видѣ Тибурціо, ярко освѣщеннаго огнемъ, задрожалъ и закрылъ глаза, какъ-бы пораженные ослѣпительною молніею. Онъ готовъ былъ броситься къ нему, но при второмъ взглядѣ, вѣроятно разочаровался, потому что также быстро опустился на землю, какъ быстро поднялся съ нее. Этотъ человекъ былъ старшій изъ охотниковъ. Впрочемъ, по быстрымъ и наблюдательнымъ взглядамъ его можно было замѣтить, что первое движеніе симпатіи, которую онъ почувствовалъ къ Тибурціо, не измѣнилось въ немъ. Потомъ онъ окинулъ взглядомъ всѣхъ собесѣдниковъ, то съ холоднымъ спокойствіемъ наблюдателя, то съ живостью, которая обличала привычку со вниманіемъ изучать людей и вещи, его окружающія.

— Что же ты, Дормильонъ?—сказалъ онъ,—могутъ подумать, что боишься нашего общества, покажи-же, что умѣешь жить съ людьми!

Дормильонъ подошелъ къ огню на зовъ товарища, бормоча слова безъ связи, изъ которыхъ можно было разслышать:

— Конечно.... но то что.... дьяволь....лица....

Приближаясь, онъ надвинулъ мѣховую шапку на глаза; изорваннымъ платкомъ, перевязывавшимъ рану на шеѣ, сдѣлалъ маску, которая открыла только его ротъ, вооруженный зубами, обѣщавшими хорошаго товарища.... Потомъ, какъ будто этихъ предосторожностей было мало, охотникъ занялъ мѣсто у костра такъ, чтобы оставаться совершенно въ тѣни.

— Въ вашей сторонѣ много-ли встрѣчается людей такого роста и силы, какъ ты?—спросилъ Трагадуръ у высокаго охотника, который ѣлъ и пилъ за двухъ.

— Въ Канадѣ, никто меня не замѣтитъ, спросите у моего товарища Дормильона.

— Безъ сомнѣнія, это правда,—пробормоталъ Дормильонъ.

— Но ты развѣ не изъ одной съ нимъ страны?—продолжалъ Трагадуръ.

— Дормильонъ, уроженецъ изъ....

— Ньюрка, — поспѣшилъ Дормильонъ перебить охотника.

Канадецъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— А какое ваше занятіе?

— *Coureur des bois*, — отвѣчалъ канадецъ.

— Что? — спросил Трагадуръ, не понявъ французскихъ словъ.

— Rangers of the woods, — отвѣчалъ канадецъ по-англійски. Последняя фраза также ничего не объяснила сенатору.

— То есть, наша жизнь проходить въ странствованіи по лѣсамъ безъ всякой другой цѣли, лишь-бы только не жить въ душныхъ городахъ... — отвѣчалъ канадецъ. — Люди нашего ремесла начинаютъ исчезать мало-по-малу и когда насъ съ товарищемъ болѣе не будетъ, порода лѣсныхъ странниковъ со всѣмъ исчезнетъ въ Америкъ. Ни я, ни Дормильонъ не имѣемъ дѣтей, которые продолжали-бы занятіе отцовъ.

Въ послѣднихъ словахъ канадца проглядывала грусть, что сильно противорѣчило рѣзкости его языка.

Здѣсь вмѣшался въ разговоръ донъ-Эстебанъ.

— Это весьма печальное ремесло, — замѣтилъ онъ, — и если вы хотите присоединиться къ нашей экспедиціи, я могу изъ общей добычи наполнить ваши шапки золотымъ пескомъ. Говорите, хотите-ли вы этого.

— Нѣтъ! — рѣзко отвѣчалъ товарищъ канадца.

— У каждаго свое ремесло, — подхватилъ послѣдній, — мы не золотоискатели. При томъ мы любимъ идти туда, куда намъ хочется, безъ докучнаго надзора; однимъ словомъ быть свободными, какъ солнце или вътеръ пустыни.

Этотъ сказанный рѣшительнымъ тономъ отвѣтъ далъ понять испанцу, что онъ долженъ отказаться отъ мысли побѣдить твердость незнакомцевъ, которая казалась непоколебимой. И послѣ этого каждый ни о чемъ уже болѣе не заботился какъ-бы спокойно умѣститься на ночь.

Всѣ, кромѣ Тибурціо, скоро уснули. Но Тибурціо былъ молодъ; не прошло еще сутокъ, какъ онъ потерялъ женщину, которую любилъ, какъ мать, и Тибурціо сверхъ того былъ влюбленъ: три основательныя причины для того, чтобы не спать и мечтать. Въ первыя минуты его чувствами овладѣла глубокая грусть. Онъ находился въ странномъ положеніи; прошедшее для него было также таинственно, также непроницаемо, какъ и будущее.

— О! мать моя, думалъ Тибурціо — кто мнѣ теперь скажетъ кто я? — И онъ, казалось, прислушивался, не превратился-ли вътеръ, шумящій въ листьяхъ, въ голосъ отвѣта. Юноша не подозрѣвалъ, что въ

толпъ спавшихъ у огня людей, былъ одинъ, который могъ-бы объяснить ему его минувшее и сказать даже кто онъ. Но вдова Арелланоса, умирая, открыла ему тайну интереснѣе тайны его рожденія. Завѣщаніе спрятаннаго сокровища вдругъ открыло глазамъ Тибурціо цѣлый міръ мечтаній... изъ нихъ одно являлось его глазамъ, какъ блестящая звезда посреди тумана. Видѣніе, которое въ настоящемъ положеніи, онъ осмѣливался ласкать, какъ химеру, вдругъ могло осуществиться... Непроходимая пропасть, казалось, исчезла по мановенію фей... Золото каждый день творить такія чудеса... Не представлялось-ли ему въ перспективѣ обладаніе богатымъ плацеромъ? Тогда Тибурціо продолжалъ прерванную мечту, вспоминая, что онъ знаетъ прошлое и владѣеть будущимъ богатствомъ. Онъ пробѣгалъ въ мечтѣ то время, когда два года тому назадъ еще возвышались преграды, воздвигнутыя сомнѣніемъ и безнадежностью, теперь падающія предъ нимъ, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла. Онъ вспомнилъ ту ночь, когда подъ темными сводами обширнаго лѣса, представились его глазамъ мужчина, молодая дѣвушка, слуги въ безпокойствѣ, запутавшіеся въ непроходимомъ лабиринтѣ лѣанъ, кустарниковъ и привѣтствовали его, какъ добраго охранителя, который долженъ былъ проводить ихъ къ цѣли путешествія.

Мужчина и слуги представлялись въ его воспоминаніи какъ-то неясно, но блѣдныя щеки, черные глаза, черные волосы молодой дѣвушки сверкали тѣмъ чуднымъ блескомъ, который такъ поразилъ его тогда. Какъ два года тому назадъ, Тибурціо опять въ мечтахъ ихъ успокаивалъ, указывалъ дорогу и вѣхалъ съ кавалькадой два дни, которые слишкомъ скоро промчались. Тогда лѣсъ получилъ для него совершенно новый видъ, растенія издавали со всѣмъ другое благоуханіе. Онъ вспоминалъ пурпуровые колокольчики, которые онъ рвалъ, а молодая дѣвушка, возвративъ веселость, украшала ими свои черные волосы, и потомъ съ какой очаровательной простотою отдавала ему обратно эти цвѣты, увядшіе подъ зноемъ ея чела. Онъ вспоминалъ ночлегъ въ лѣсу, ночь полную восторговъ и мученій. Все объято было сномъ: люди на травѣ, она на тигровой кожѣ, онъ одинъ не спалъ тогда. Умирающій огонекъ бросалъ слабый отблескъ... Вся природа была въ молчаніи. Онъ вдыхалъ посреди ночной тишины, дѣвственныя испаренія сассафраса, которыя, казалось, оживленныя ночью свѣжестью, тихо посылали свои дыханія къ не-

бу. Онъ прислушивался къ едва слышному вздоху дѣвушки, который соединялся съ гармоніей льсовъ. И этотъ вѣчный концертъ каждую ночь земля поётъ надзвѣздному міру. Потомъ все исчезло передъ глазами Тибурціо, молодая дѣвушка входила въ свое жилище. Въ этомъ-то жилищѣ провелъ онъ цѣлую недѣлю, полный любви, не смѣя возносить желаній до предмета своей страсти. На сельскихъ соседнихъ праздникахъ онъ ее видалъ сто разъ, не дѣлаясь смѣлѣе; потому-что онъ былъ такъ бѣденъ! но теперь....

Тибурціо видѣлъ себя могущимъ и богатымъ и онъ надѣялся; потомъ глаза его отяжелѣли и онъ заснулъ посреди прекрасныхъ сновъ. Нужно-ли прибавлять, что дѣвушка его мечтаній была дочь Августина де Пена, а воспоминаемое жилище было Гаціенда del Venado.

На разсвѣтъ дня всѣ были пробуждены звономъ колокольчика и стукомъ копытъ отъ Cavallida *. Это былъ Бенито, который привелъ, какъ обѣщалъ, испуганныхъ лошадей. Всѣ путешественники быстро поднялись на ноги, но напрасно искали двухъ охотниковъ, они удалились, такъ, что никто не замѣтилъ ихъ ухода. Осѣлавъ лошадей и навьюча муловъ, кавалькада продолжала свой путь къ Гаціендѣ del Venado. Впереди вхали донъ Эстеванъ и Трагадуръ; за ними Бораджа и Кухилло, Тибурціо былъ принужденъ опять сѣсть на крупъ его лошади, потому что не было теперь лишней.

Такимъ образомъ Кухилло и Тибурціо снова очутились вмѣстѣ, одинъ вспоминая, что онъ купилъ тайну золотой долины торжественнымъ обѣщаніемъ отмстить смерть Арелланоса, другой думая о средствахъ отдѣлаться отъ Тибурціо при первомъ удобномъ случаѣ. День уже смѣнялся ночью, когда, послѣ долгаго пути, передъ ними вдали обрисовались во мракъ зданія Гаціенды del Venado. Кавалькада еще нѣсколько времени слѣдовала по дорогѣ, проложенной въ лѣсу, который покрывалъ равнину на право и на лѣво. Въ ту минуту, когда кавалькада выѣзжала изъ лѣсу и вступала на равнину, посреди которой возвышалась Гаціенда, два челоуѣка съ карабинами въ рукахъ выходили изъ чащи. Это были тѣ два охотника, которые такъ внезапно скрылись по утру.

— Ты обманулся какимъ-нибудь сходствомъ, — говорилъ канадецъ Дормильону.

* Стадо лошадей.

— Я тебѣ говорю, что увѣренъ : это онъ, пятнадцать лѣтъ ничего въ немъ не измѣнили. Звукъ его голоса остался тотъ же, какъ и въ то время, когда я былъ микелетомъ, Пепе Соней. Но въ продолженіи пятнадцати лѣтъ мой слухъ и глаза также ничего не забыли. Клянусь, Буа-Розе, ты можешь быть увѣренъ въ томъ, что я тебѣ говорю.

— Впрочемъ, — отвѣчалъ Буа-Розе (читатели, быть можетъ, не забыли этого имени), — обыкновенно мы чаще встрѣчаемъ пріобрѣтеннаго врага, чѣмъ потеряннаго друга.

Произнося эти слова, канадецъ съ грустнымъ и задумчивымъ видомъ оперся на длинный карабинъ и продолжалъ глазами слѣдовать за путешественниками, которые быстро исчезали за стѣнами Гаціенды.

Заходящее солнце позолотило небосклонъ. Пригорки, на минуту освѣщенные, слились въ общемъ мракѣ и оба охотника, войдя въ чащу, исчезли въ льсной тѣни, сгущенной темнотою ночи.

XI.

Hacienda del Venado.

Гаціенда del Venado, какъ въ строенія этого рода, лежала на индѣйской границѣ и такъ какъ она подвержена была нападеніямъ кочующихъ по этимъ пустынямъ индѣйцевъ, то имѣла въ одно время видъ цитадели и деревенскаго домика. Выстроенная изъ камня и кирпича съ зубчатой терассой, запираемая массивными воротами, она могла выдержать осаду и болѣе искусныхъ въ стратегіи непріятелей, чѣмъ сосѣднихъ племенъ Апаховъ.

На одномъ углу возвышалась трехъ-этажная каменная колокольня, которая вѣчала капеллу, принадлежащую Гаціендѣ. Эта колокольня въ крайнемъ случаѣ, если-бы главное зданіе было взято, могла служить неприступнымъ убѣжищемъ для оборонявшихся. Наконецъ, крѣпкая насыпь, составленная изъ кольевъ и пальмовыхъ пней, окружала все строеніе, равно и всѣ службы, назначенныя для людей, слугъ Гаціенды, пастуховъ и писшихъ посѣтителей, которые въ путешествіи, время отъ времени, заходили просить временнаго гостепріимства. Вокругъ этого привилегированнаго жилища, тѣснилось око-

ло тридцати хижинъ, представлявшихъ родъ деревушки, населенной наемными работниками (peones), съ ихъ семействами и которые, въ минуту опасности, могли найти убѣжище и подкрѣпить жителей Гаціенды. Такой видъ имѣла эта Гаціенда. Владѣтель ея, догъ Августинъ Пена, былъ очень богатъ. Кромѣ золотого прииска, разрабатываемаго имъ не вдалекѣ отъ своихъ владѣній, безчисленныя стада крупнаго и мелкаго скота: лошадей, муловъ, буйволовъ бродили на свободѣ, по обширнымъ саваннамъ и густымъ лѣсамъ, которые покрывали пространство на двѣнадцать лѣ вокругъ Гаціенды. Подобное владѣніе вовсе не рѣдкость въ странѣ, гдѣ нѣкоторыя такъ-же велики, какъ любой французскій департаментъ.

Между тѣмъ отъ Гвианы до самыхъ границъ Гаціенды, только и говорили, что о богатствахъ сеньора донъ Августина, и о томъ огромномъ приданомъ, которое принесетъ его дочь, дона Розарію или нѣжнѣ Розарита *, выбранному ею супругу. По этому-то молодая дѣвушка была цѣлью многихъ честолюбцевъ. Впрочемъ и одной ея красоты достаточно бы было независимо отъ богатства, чтобы объяснить всѣ эти претензіи.

Въ отдаленныхъ провинціяхъ Америки андалузскій типъ вообще ослабленъ, но въ Розаритѣ сохранился этотъ типъ во всей чистотѣ съ примѣсью свѣжести сѣверныхъ женщинъ. Ея розовыя щеки придавали еще болѣе блеска ея чернымъ глазамъ и чернымъ волосамъ и знойное солнце ни мало не лишало бѣлизны этого личика. Однимъ словомъ: ея ручки, ножки, талія и эта турнюра, по андалузскому выраженію, *deggama sal y pelona vidas* **, соединялось у ней съ богатствомъ европейской породы.

Огромная равнина, посреди которой лежала Гаціенда, имѣла двоякій видъ. Сторона, лежащая противъ фасада здація представляла глазамъ слѣды обработки. Безконечныя поля маиса, огромныя плантаціи оливковыхъ деревъ показывали здѣсь присутствіе и трудъ человѣка.

Позади Гаціенды, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны, разработка прекращалась и за нею простирались еще дѣвственные лѣса во всемъ своемъ мрачномъ, первобытномъ величіи.

* Сокращеніе: *María del Rosario*.

** Выраженіе непереводимое, слово въ слово: «разсыпай соль и береги жизнь.» Это происходитъ отъ слова *salgo*, которое служитъ для выраженія дивныхъ и роскошныхъ движеній андалузляки, когда она идетъ.

Въ то время, когда кавалькада находилась еще довольно далеко отъ Гаціенды, то есть за часъ до захожденія солнца, равнина и окрѣжности представляли великолѣпный видъ, особенно для глазъ путешественниковъ, утомленныхъ переходомъ по безплоднымъ пустынямъ.

Золотистые лучи заходящаго солнца играли въ переливахъ на колеблемыхъ вечернимъ вѣтеркомъ зеленыхъ и гибкихъ колосьяхъ маиса. Бѣлый цвѣтъ оливковыхъ деревъ, колыхаемый вѣтеркомъ, опадалъ, какъ клочья снѣгу, на зеленую траву. Поселенцы, послѣ дневныхъ работъ, возвращались въ хижины, одни обремененные земледѣльческими орудіями, другіе вооруженные длинными пиками, которыя служатъ имъ для возбужденія лѣнливыхъ быковъ къ работѣ.

На берегу ручья, воды котораго тихо ласкали длинные стебли водяныхъ растений, тѣснились тысячи животныхъ, приходившія по очереди утолять жажду. То была или длинная нить буйволовъ и коровъ, мычащихъ отъ радости при видѣ своего водопоя, или табуны лошадей скачущихъ на свободу. Земля дрожала подъ быстрымъ бѣгомъ этихъ благородныхъ животныхъ, которыя не смотря на то, что уже привыкли къ виду челоуѣка, все еще сохраняли робкую гордость и смѣлую поступь дикихъ лошадей, и представляли море головъ съ блестящими глазами, съ пылающими ноздрями и развѣвающимися гривами. По мѣрѣ того, какъ они утоляли жажду, безчисленные табуны съ быстротою молніи уносились, дѣлая бышпые прыжки, гордо развѣвая по воздуху роскошные султаны своихъ хвостовъ и скоро исчезали въ облакахъ пыли, поднятой ихъ копытами.

Никогда, ни одинъ самый могущественный глава арабовъ, самый богатый патріархъ древнихъ временъ не владѣли такими превосходными, такими безчисленными стадами, какъ донъ Августинъ на своихъ огромныхъ пастбищахъ.

Въ этотъ часъ, о которомъ мы говоримъ, по равнинѣ вѣхало два челоуѣка по направленію къ Гаціендѣ: одинъ на лошади, другой на мулѣ. Оба животныя были превосходнѣйшей породы. Первый всадникъ былъ хозяинъ Гаціенды: его нарядъ состоялъ изъ соломенной шляпы, рубашки изъ тонкаго бѣлаго батиста, безъ камзола, и изъ бархатныхъ панталонъ, съ золотыми пуговицами. Второй, вѣхавшій на мулѣ, былъ капеланъ Гаціенды, почтенный францисканецъ въ голубой рябѣ, подпоясанный шелковымъ снуркомъ, въ саноглахъ съ

длинными и звянящими шпорами. Широкая сърая шляпа, довольно смело надѣтая на бокъ, окончательно придавала ему видъ болѣе солдата, чѣмъ монаха. Гаціендеро *, казалось, съ гордостью смотрѣлъ на свои обширныя богатства, его окружающія и которыя, по его мнѣнію были, съ чѣмъ мы совершенно согласны, гораздо выше грудъ золота, наваленныхъ въ крѣпкихъ сундукахъ. Что касается до монаха, онъ, казалось, былъ слишкомъ чѣмъ-то занятъ, чтобы обращать вниманіе на роскошный видъ, который представляла долина.

— Клянусь святымъ Іуліаномъ, по тропамъ путешественниковъ, — началъ донъ Августинъ, — что въ продолженіи сутокъ вашего отсутствія, я очень безпокоился, почтенный отецъ, что васъ растерзала какой-нибудь тигръ или вмѣстѣ съ вашимъ муломъ поглотила какая-нибудь пропасть.

— Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, — отвѣчалъ монахъ: — я уѣхалъ, правда, только на нѣсколько часовъ, чтобы похоронить по-христіански бѣднаго Іоахима, которому буйволъ распоролъ животъ, но только что благословилъ его могилу, какъ вдругъ прискакалъ, какъ молнія, молодой человѣкъ съ взволнованнымъ лицомъ, въ беспорядочной одеждѣ и просилъ меня отправиться къ нему выслушать исповѣдь его умирающей матери; это значило, мнѣ предстояло еще 10-ть лѣ лишняго пути. Напрасно я ссылался на важныя занятія, не позволявшія мнѣ отправиться съ нимъ, наконецъ, я принужденъ былъ уступить его настойчивости. Знаете-ли, кто это былъ?

— Почему мнѣ знать!

— Тибурціо, усыновленный сынъ гамбузино Марка Арелланоса.

— Какъ! мать его умерла! Очень жаль, онъ храбрый молодой человѣкъ и я не позабылъ, что безъ него я, моя дочь и люди умерли-бы, можетъ быть, отъ жажды. Не сказали-ли вы ему, что если онъ остался безъ средствъ, такъ въ Гаціендѣ del Venado ему всегда рады?

— Нѣтъ! я долженъ вамъ сказать, что этотъ юноша питаетъ безразсудную страсть къ вашей дочери.

— Что за важность, если моя дочь его не любитъ? — отвѣчалъ донъ Августинъ, — но если-бы она его любила, я считаю себя довольно богатымъ, чтобы ничего не искать въ томъ человѣкѣ, котораго она

* Владѣтель Гаціенды.

избираетъ, кромѣ тѣхъ нравственныхъ и физическихъ качествъ, которыми обладаетъ Тибурціо. Я хочу только имѣть зятемъ, человека красиваго, умнаго, довольно храбраго, чтобы защищать мои владѣнія отъ набѣговъ индѣйцевъ и все это я нашелъ-бы въ немъ.... Но теперь у меня болѣе обширные виды для моей Розариты.

— Можетъ быть вы были и правы, — важно произнесъ монахъ — То что я угадалъ.... что я узналъ.... можетъ сдѣлать Тибурціо зятемъ еще драгоцѣннѣйшимъ, чѣмъ вы и не воображали.

— Теперь уже поздно, мое слово дано, и я его не возьму назадъ.

— Впрочемъ я объ немъ хочу поговорить съ вами, — возразилъ монахъ, — и чтобы тамъ ни было, можетъ быть вамъ непріятно будетъ меня слышать.

Въ это мгновеніе оба всадника, проѣхавъ окопъ, подъѣхали къ крыльцу, которое вело въ широкія сѣни, а оттуда въ залу Гаціенды.

Это была огромная комната, гдѣ, по обычаю жаркихъ странъ, сквозной вѣтеръ поддерживалъ постоянную прохладу. Тонкія китайскіе рогожи, замысловато сдѣланныя, закрывали окна, сложенные изъ широкихъ извѣстковыхъ камней, другія-же рогожи еще, богаче раскрашенныя, служили сторами. Стѣны были выбѣлены извѣсткой, на нихъ висѣли нѣсколько рѣдкихъ гравюръ въ золотыхъ рамкахъ;

Butacas *, кожаныя кресла, серебряная жаровня, стулья, капане изъ индѣйскаго тростника англо-американскаго издѣлія составляли всю мебель комнаты.

На столѣ бальзамическаго дерева, стояли для прохладенія прозрачныя кувшины съ водою. На серебряномъ блюдѣ лежали широкіе куски алаго арбуза, котораго вкусный сокъ струился розовыми каплями. Des pitallas * разсыпали свои темно-пурпуровыя зерна рядомъ съ арбузомъ и полукрѣпкими гранатами. Апельсины, поморанцы, всевозможные плоды южныхъ странъ, соединенные для прохладенія жажлы, свидѣтельствовали о гостепримствѣ донъ Августина.

— Вы ждете гостей? — спросилъ монахъ, при видѣ такихъ приготовленій

— Донъ Эстебанъ де Арехиза предупредилъ меня, что онъ придетъ сегодня вечеромъ съ довольно-многочисленной свитой и я стараюсь достойно принять такого важнаго посѣтителя.

* Большія кресла.

** Плоды.

— Но увидимъ, что вы скажете Фра Жозе — Маріа, я васъ слушаю!

Каждый усвѣлся на кожаныхъ креслахъ, о которыхъ мы уже говорили, и въ то время, когда донъ-Августинъ небрежно раскуривалъ свою сигару, монахъ началъ разсказъ слѣдующимъ образомъ:

— Я нашелъ старую женщину, лежащую на каменной скамьѣ у входа въ хижину, куда она могла еще дотащиться, ожидая моего пріѣзда: «да благословить васъ Господь, отецъ мой,» — проговорила она, — вы поспѣли еще во время, чтобы принять мою исповѣдь, но отдохните, пока я скажу нѣсколько словъ тому, на кого всегда смотрѣла, какъ на своего сына, и которому я хочу завѣщать мѣщеніе, когда меня уже не будетъ.

— Я съѣлъ и сталъ слушать....

— Твой отецъ не былъ жертвою индѣйцовъ, какъ мы думали, — начала умирающая, обращаясь къ Тибурціо, — онъ заръзанъ своимъ спутникомъ, изъ жажды одному овладѣть тайною, которую я тебѣ сейчасъ сообщу... но тебѣ только одному.

— Одинъ Богъ, мать моя, — отвѣчалъ Тибурціо, — можетъ открыть этого человѣка, котораго мы не знаемъ.

— И это говорить мужчина! — вскричала вдова съ презрѣніемъ. — языкъ мужчины? Когда индѣйцы похищаютъ скотъ пастуха, говоритъ-ли онъ: «Одинъ Богъ можетъ мнѣ указать, что съ нимъ сдѣлалось!» Нѣтъ, онъ ищетъ и его глазъ открываетъ слѣды. Сегодня, когда я болѣе не нуждаюсь въ тебѣ, ты поступишь, какъ пастухъ, и ты отыщешь убійцу: это послѣднее желаніе женщины, которая заботилась о тебѣ съ самаго дѣтства и ты исполнишь его.

— Я буду повиноваться, мать моя, — отвѣчалъ юноша.

— Слушай, что мнѣ остается еще тебѣ сказать, — продолжала она. — Убійство Арелланоса не предположеніе, это дѣйствительная правда, и вотъ что мнѣ сообщилъ пастухъ, который возвращался съ той стороны Тубако. Нѣсколько дней тому назадъ онъ повстрѣчалъ двухъ путешественниковъ; одинъ былъ твой отецъ, другаго онъ не зналъ. Пастухъ, будучи обязанъ слѣдовать по дорогѣ, по которой поѣхали они, дошелъ до открытія, которое и мнѣ сообщилъ: около того мѣста, гдѣ оба путешественника останавливались отдыхать, измятая и обрызганная кровью трава, указывала на страшную борьбу. Кровавыя слѣды продолжались до рѣки, куда, вѣроятно, была брошена

жертва... этой жертвой былъ Маркъ ; потому что пастухъ узналъ о направленіи пути принятаго убійцей по лошадинымъ слѣдамъ на песокъ, лошадь же, на которой вѣхалъ этотъ человекъ, по временамъ спотыкалась львой ногой ; сверхъ того въ борьбѣ убійца должно быть также получилъ рану въ ногу, потому что по слѣдамъ видно было, что онъ наступалъ на одну ногу тяжелѣе, чѣмъ на другую, очевидно, что онъ хромалъ.

Гаціендеро со вниманіемъ слушалъ это доказательство чудной пронизательности своихъ соотечественниковъ, въ чемъ онъ имѣлъ случай каждый день убѣждаться. Монахъ продолжалъ свой рассказъ.

— Слушай, — говорила умирающая, — клянись отмстить за Арелланоса, и ты сдѣлаешься довольно богатъ, чтобы заставить согласиться на твои желанія, самую гордую, самую богатую дочь донъ Августина, къ которой твоя страсть отъ меня не укрылась. Теперь ты можешь объ пей думать, потому что ты можешь быть также богатъ, какъ ея отецъ. Скажи-же : клянешься-ли ты преслѣдовать всюду убійцу Арелланоса ? — Клянусь ! — отвѣчалъ Тибурціо.

— Тогда, — окончилъ францисканецъ, — старуха вручила своему сыну бумагу, на которой, увзжая, Арелланосъ начертилъ планъ дороги, по которой самъ намѣревался отправиться.

— Съ сокровищами, которыя тебѣ поможетъ отыскать эта бумага, — проговорила умирающая, — ты будешь въ состояніи просить въ замужество, если захочешь, дочь любого гранда. Теперь, дитя мое, когда я имѣю уже твою клятву, оставь меня съ святымъ пастыремъ.

Потомъ монахъ, въ нѣсколькихъ словахъ, разсказалъ смерть вдовы Арелланоса.

— Вотъ что меня занимало, сеньоръ донъ Августинъ, — заключилъ францисканецъ, — и что заставило вамъ сказать, что хотя Тибурціо и неизвѣстнаго рода тѣмъ не менѣе, онъ могъ-бы составить очень выгодную партію для прекрасной Розарин....

Я согласенъ, но я вамъ уже сказалъ, что мое слово дано донъ-Эстевану де-Арехиза.

— Какъ ! неужели этотъ испанецъ будетъ вашимъ зятемъ ?

Гаціендеро улыбнулся съ таинственнымъ видомъ.

— Онъ ! .. нѣтъ другой ; донъ Эстеванъ не захочетъ такого союза.

— Peste ! — вскричал монахъ, — онъ слишкомъ разборчивъ !

— Можетъ быть онъ имѣетъ право, — отвѣчалъ донъ Августинъ, улыбаясь съ прежнимъ видомъ.

— Но кто-же онъ таковъ ? — снова спросилъ удивленный монахъ. Въ ту минуту, когда донъ Августинъ собирался отвѣчать, слуга вошелъ въ комнату, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ.

— Сеньоръ донъ Августинъ, у дверей стоятъ двое путешественниковъ и просятъ пріюта на ночь. Одинъ изъ нихъ утверждаетъ, что вы его знаете.

— Скажи, чтобы ихъ впустили и что имъ очень рады, два лишніе гостя, знакомые или незнакомые, не могутъ здѣсь быть въ тягость. Черезъ нѣсколько минутъ два всадника подъѣхали къ крыльцу, на которомъ ожидалъ ихъ хозяинъ дома. Одинъ изъ пріѣхавшихъ имѣлъ около тридцати лѣтъ, открытое лицо и высокій лобъ обличали въ немъ много смѣлости и ума. Онъ былъ ловокъ строенъ и одѣтъ щеголемъ, хотя очень просто.

— А ! это вы, Педро-Діазъ, — вскричалъ донъ Августинъ, — развѣ есть здѣсь вблизи индѣйцы, которыхъ вы истребляете, что пріѣхали въ наши пустыни ?

Въ самомъ дѣлѣ Педро-Діазъ былъ извѣстенъ своею ненавистью къ индѣйцамъ, своею дерзостью въ схваткахъ съ ними, и ловкостью, съ какою умѣлъ вывертываться изъ самыхъ затруднительныхъ положеній.

— Прежде, чѣмъ я буду вамъ отвѣчать, позвольте вамъ представить, красу гамбузиносовъ князя музыкантовъ, сеньора донъ Діего Ороха, который чуетъ золото, какъ собака дичь, и который играетъ на мандолинѣ, какъ никто не играетъ.

Незнакомецъ, представленный подъ именемъ Ороха, важно поклонился хозяину.

Но, вѣроятно, чрезъ-чуръ уже давно тонкое чутье, о которомъ говорилъ Діазъ, не имѣло случаевъ упражняться, или карты слишкомъ не благоприятствовали Ороху, потому что его нарядъ не представлялъ большихъ удобствъ. Чтобы поднести руку къ шляпѣ ему не было надобности расправлять складки своего плаща, которымъ онъ артистически драпировался. Ему стоило выбрать только одну изъ многочисленныхъ прорѣхъ, чтобы свободно просунуть свою руку, вооруженную острыми грубыми ногтями, длина которыхъ обличала

игрока на мандолинѣ. И дѣйствительно этотъ инструментъ висѣлъ у него на лентѣ. Въ то время, когда онъ отвѣшивалъ поклонъ богатому владѣльцу, длинныя космы жесткихъ и нерасчесанныхъ волосъ падали ему на лицо, какъ пучки тростника.

Когда они усѣлись въ залъ, Діазъ прервалъ молчаніе.

— Мы услышали, что въ Ариспѣ поговариваютъ объ экспедиціи во внутренность земли Апаховъ, — сказалъ онъ, — и вотъ я съ своимъ товарищемъ немедленно отправился въ путь, чтобы принять въ ней участіе. Мы должны были провзжать вашу Гаціенду, сеньоръ донъ Августинъ, и захвали къ вамъ попросить пріюта на эту ночь, на разсвѣтъ дня мы отправимся въ Ариспѣ.

— Вамъ не зачѣмъ такъ далеко вхаты, — отвѣчалъ, улыбаясь, хозяинъ, — экспедиція готова, и начальникъ будетъ здѣсь нынче вечеромъ. Я надѣюсь, что онъ съ удовольствіемъ пріиметъ ваши услуги и такимъ образомъ избавитъ васъ отъ лишняго пути.

— Это превосходно, — произнесъ Діазъ, — и я благодарю Бога за такой случай.

— Жажда золота овладѣла также и вами? — спросилъ донъ Августинъ у Педро-Діаза.

— Слава Богу пѣтъ! Я представляю работу отыскивать золото такому опытному гамбузипосу, какъ сеньоръ Орохъ. Что же касается до самого меня, вы знаете — моя первая забота давить индѣйцевъ за все то зло, которое они мнѣ сдѣлали, и вотъ почему я съ жаромъ ухватился за первый случай, чтобы еще разъ внести въ ихъ землю огонь и мечъ, такъ часто приносимые ими къ намъ.

— Это очень хорошо, — отвѣчалъ хозяинъ, который какъ всѣ пограничные жители, будучи подверженъ нападеніямъ индѣйцевъ, непримиримыхъ враговъ бѣлаго племени, въ своемъ сердцѣ питалъ къ нимъ ненависть равную ненависти Діаза. — Я одобряю ваши чувствованія, если вы позволите предложить, какъ залогъ моей ненависти, одну изъ лучшихъ верховыхъ лошадей, индѣецъ, котораго вы будете пріслѣдовать на этомъ благородномъ животномъ, чтобы убѣжать отъ васъ — долженъ будетъ нестись на крыльяхъ вѣтра.

— Это будетъ моя боевая лошадь, — произнесъ Діазъ съ глазами блистающими отъ радости. — И я въ память того, кто мнѣ ее далъ, украшу ея гриву волосами индѣйцевъ. Потомъ разговоръ продолжался объ экспедиціяхъ въ родъ тѣхъ, которой предводительствовалъ донъ

Эстеваъ, и о прочихъ вещахъ составляющихъ обыкновенный предметъ разговора мексиканскаго фермера. Между тѣмъ уже ночь наступила, а ожидаемцй гость еще не прїѣзжалъ, донъ Августинъ отдалъ приказъ, чтобы двое слугъ съ факелами, повѣхали ему на встрѣчу.

— Я не знаю, что могло такъ задержать донъ Эстевана, — говорилъ гаціендеро, — если онъ ночевалъ въ Поцъ, что очень вѣроятно, онъ уже два часа долженъ быть здѣсь.

Читатель уже знаетъ, сколько было потеряно времени, чтобы привести разбѣжавшихся лошадей и, что помѣшало донъ Эстевану прїѣхать во время. При послѣднихъ словахъ донъ Августина въ залу явилось граціозное созданіе: это была дочь хозяина, прекрасная Розарита. И какъ будто кавалькада только ждала ея явленія, топотъ лошадей, при свѣтѣ факеловъ возвѣстилъ прїѣзженіе ожидаемыхъ гостей.

ХП.

ДОНЬЯ РОЗАРІА.

Во все продолженіе пути отъ Поцы до Гаціенды оба всадника рѣдко прерывали молчаніе. Хотя Кухилло и не отказался отъ мщенія противъ Тибурціо, однако онъ скрылъ свое намѣреніе подъ видомъ добродушія. Онъ нѣсколько разъ пытался угадать тайныя мысли своего товарища, но послѣдній постоянно былъ на стражѣ, и въ свою очередь самъ хотѣлъ разгадать Кухилло, онъ не забылъ, что убійца Арелланоса былъ раненъ въ ногу. Однако, въ защитѣ Кухилло, было болѣе ловкости, чѣмъ въ нападкахъ Тибурціо, однимъ словомъ это была битва на словахъ, въ которой ни тотъ, ни другой не остался ни побѣдителемъ, ни побѣжденнымъ.

Впрочемъ слѣдствіемъ этого было то, что и инстинктивная недо- вѣрчивость болѣе и болѣе укоренялась въ сердцѣ каждаго, и каждый изъ нихъ предчувствовалъ въ другомъ смертельнаго врага.

Кухилло рѣшился болѣе чѣмъ когда-нибудь отдѣлаться отъ своего спутника безъ предварительнаго изслѣдованія, потому что для него одно лишнее преступленіе ничего не значило; Тибурціо болѣе благородный, хотя и помнилъ завѣтъ матери, но отлагалъ исполненіе мести до той минуты, въ которую совершенно откроетъ истину. Намъ

нѣтъ надобности прибавлять, что мститель Арелланоса въ случаѣ открытія убійцы, не иначе смотрѣлъ на выполнение своего обязательства, какъ въ открытой борьбѣ на смерть лицомъ къ лицу со врагомъ.

Другія мысли также поглощали Тибурціо, каждый шагъ лошади приближалъ его къ той, въ которой соединились все его тайныя мечтанія.

Во время пути, восторженность Тибурціо мало-по-малу утихла, и онъ увидѣлъ невозможность того, что его мечты создали во время ночи, проведенной въ Поцѣ. Юноша принялъ твердое намѣреніе узнать въ этотъ же самый вечеръ, чего ожидать ему.

Съ тѣхъ поръ, какъ Тибурціо, благодаря случаю, встрѣтилъ донью Розарію въ глубинѣ лѣсовъ, заблудившуюся вмѣстѣ съ отцомъ и слугами, когда имѣлъ счастье два дни ѣхать съ нею, онъ заплатилъ красотѣ ея ту дань, которая у молодаго человѣка есть любовь быстрая и глубокая, онъ убаюкивалъ себя сладкими надеждами до той минуты, пока узналъ, что это дочь богатаго донъ Августина, тогда измѣряя разстояніе ихъ отдѣлявшее, онъ понялъ всю безразсудность своихъ надеждъ.

Если при узнаніи тайны Арелланоса въ немъ родилась пламенная надежда, если онъ мучился жаждою богатства, то это не для самаго богатства, а для цѣли, болѣе согласной съ его поэтическимъ характеромъ; онъ только хотѣлъ построить золотой мостъ для достиженія дочери донъ Августина; къ несчастью онъ не могъ болѣе себя обманывать, что не онъ одинъ обладалъ секретомъ существованія таинственнаго плацера.

Вдругъ онъ видитъ себя, противъ воли, привязаннымъ къ экспедиціи, которая не могла имѣть другой цѣли, кромѣ завоеванія этого же самаго сокровища и человѣкъ, который разделяетъ съ нимъ знаніе этой тайны, непременно долженъ находиться въ числѣ людей, слѣдующихъ теперь за донъ Эстеваномъ. Двусмысленные вопросы Кухилло, его объясненія, спотыкающаяся лошадь, какъ у убійцы его отца, все это вмѣстѣ раждало въ душѣ Тибурціо сильное сомнѣніе, но этого для него было недостаточно... Какимъ образомъ достичь до полнаго знанія?

Другое сомнѣніе болѣе горькое заставляло биться его сердце, какой пріемъ готовить ему донья-Розарита, ему бѣдному селянину, безъ средствъ, безъ фамиліи, жалкому солдату смѣлой экспедиціи, смѣ-

иванному съ толпою авантюристовъ, которыхъ жадность гнала въ пустыни? Грустныя предчувствія волновали его душу, когда кавалькада достигла вала, окружающаго Гаціенду.

Ворота были отворены и донъ Августинъ самъ вышелъ на встрѣчу гостямъ, которыхъ ждалъ. Онъ былъ еще въ полной силѣ, смуглое лицо дышало всею деревенскою откровенностью и рѣшимостью, свойственною людямъ, живущимъ среди опасностей. Съ развязанностью въ манерахъ, отличающею его соотечественниковъ, онъ почтительно встрѣтилъ донъ Эстевана и дружески Тибурцію. Такой приемъ показался для него хорошимъ предвозвѣстникомъ. Всѣ путешественники съѣзди съ лошадей; Кухилло остался одинъ подъ предлогомъ заняться своею лошадейю, потомъ велѣлъ себѣ указать комнату двухъ авантюристовъ, прибывшихъ прежде ихъ, и отправился въ конюшню. Что касается до Тибурцію, то какъ у него не было тѣхъ же причинъ, остановившихъ Кухилло, онъ вошелъ вмѣстѣ съ донъ Эстеваномъ и въ общую залу, въ то время, какъ лицо, покрытое блѣдностію, ясно выражало все волненіе сердца.

Зала, куда вошли гости, была та самая, въ которой происходила бесѣда между франциканцемъ и хозяиномъ.

Все исчезло въ глазахъ Тибурцію, при взглядѣ на донью Розарію. Ея шолковая воаль, наброшенная на голову, позволяла видѣть блестящія пряди черныхъ волосъ и складками окружала ея очаровательное лицо. Узкій шарфъ покрывалъ плечи, не спускаясь до талии, роскошный контуръ которой обрисовывался краснымъ пояскомъ; руки ея ослѣпительной бѣлизны получали новый блескъ отъ лазури ея *Robozo*.

Не смотря на граціозную улыбку, брошенную Тибурцію, было что-то высокомерное въ ея привѣтствіи на счетъ счастливаго случая, который привелъ юношу въ домъ ея отца, помниваго вмѣстѣ съ нею его услуги.

Тибурцію тихо вздохнулъ, вспомнивъ, что виною этого случая была смерть его матери, и что эта холодная вѣжливость слишкомъ различалась отъ прежней простоты ихъ отношеній, потомъ онъ бросилъ взглядъ на свое изорванное платье, которое составляло рѣзкій контрастъ съ изящнымъ костюмомъ двухъ другихъ путешественниковъ. Въ то время, когда донъ Эстеванъ разговаривалъ съ хозяиномъ, сенаторъ пожиралъ глазами дочь донъ Августина, и поспѣшилъ присоединить свои напыщенные комплименты къ образованной

въжливости, съ которой обратился донъ Эстевапъ къ дочери хозяйна.

Теперь совершенно другая улыбка обрисовала уста дѣвушки.

Тибурціо съ тоскою замѣчалъ видъ довольства и превосходства тѣхъ, на кого онъ смотрѣлъ уже, какъ на своихъ соперниковъ, а особенно яркую краску на щекахъ Розариты, сіяющіе глазки и неправильныя колебанія ея груди, которыя волновали ея гобою.

Она, казалось, испытывала наивную радость деревенской кокетки отъ комплиментовъ знатнаго господина, когда внутренній голосъ увѣряетъ ее, быть можетъ, что они заслужены. Съ другой стороны донъ Эстевапъ читалъ на выразительномъ лицѣ Тибурціо всѣ ощущенія его сердца, и не разъ невольно сравнивалъ мужественную его красоту съ обыкновеннымъ лицомъ сенатора, и какъ будто опасаясь противорѣчія своимъ тайнымъ намѣреніямъ, его брови хмурились, и глаза сверкали мрачнымъ огнемъ.

Мало-по-малу онъ пересталъ принимать участіе въ разговоръ и, казалось, погрузился въ глубокую задумчивость. Нечувствительно также грусть отразилась и на лицѣ Розариты. Что же касается до Трагадура и донъ Августина, они, казалось, наслаждались совершеннымъ счастьемъ.

Въ эту минуту Кухилло, въ сопровожденіи Бораджи, явился также привѣтствовать хозяевъ Гаціенды. Это явленіе произвело общее замѣшательство. Тогда Тибурціо, пользуясь общимъ движеніемъ, смѣло подошелъ къ Розарить....

— Я готовъ жизнь свою отдать, — произнесъ онъ тихо и умоляющимъ голосомъ, — за минуту, за одну только минуту, что бы поговорить съ вами о чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

Молодая дѣвушка съ удивленіемъ посмотрѣла на него, хотя преженія ихъ отношенія и свобода мекиканскимъ правовъ могли извинять подобную просьбу.

Она сдѣлала презрительное движеніе губами, и казалось, раздумывала, Тибурціо устремилъ на нее умоляющій взглядъ.

— Сегодня вечеромъ, въ десять часовъ, я буду у рѣшотки моего окна.... — отрывисто сказала она.

Пока еще звукъ ея голоса чудно звучалъ въ ушахъ Тибурціо, пришли возвѣстить, что ужинъ готовъ. И всѣ отправились въ другую залу.

Великолепно убранный столъ занималъ средину и пламя многочисленныхъ свѣчей освѣщало старинное массивное серебро, которое блистало всюду; въ произведеніи тамошней кухни въ изобиліи стояли на этомъ столѣ.

Первыя мѣста на самомъ концѣ стола занимали донъ Августинъ, его дочь, Донъ-Эстебанъ, и капеланъ. Тибурціо, Кухилло, Педро Діазъ и Орохъ находились на противоположномъ концѣ стола. Капеланъ прочелъ Benedicite. Его голосъ пробудилъ въ сердцѣ Тибурціо грустныя воспоминанія, подавленные на минуту только новыми и отрадными впечатлѣніями.

Веселость скоро овладѣла всеми собесѣдниками. Говорили объ экспедиціи, и разумѣется желали ей успѣха. Потомъ огромные стаканы, полные виномъ, постепенно обошли всѣхъ собесѣдниковъ.

— Пржеде чѣмъ мы разстанемся, господа, — вскричалъ хозяинъ, — я приглашаю васъ завтра до разсвѣта на охоту за дикими лошадьми.

Всякій изъ собесѣдниковъ принялъ приглашеніе съ готовностью чловѣка хорошо поужинавашаго.

— Карамба! — вскричалъ Кухилло, — я бы отказался отъ экспедиціи, если бы всякій день такъ ужинать.

Это будетъ чортъ знаетъ что, — произнесъ Трагадуръ на ухо донъ-Эстебану, — если чловѣкъ, который такъ угощаетъ своихъ гостей откажется дать мнѣ въ займы тысячу піастровъ.

Тибурціо не говорилъ ни слова, его грызла ревность; во время ужина онъ едва касался до кушаньевъ. Онъ бросалъ на донъ Эстебана, не переставашаго наблюдать за нимъ, взгляды полныя недовѣсти за всѣ любезности, которыми онъ осыпалъ Розариту, и, съ грустію въ сердцѣ, удалился въ назначенную компану.

Скоро затихъ мало-по-малу послѣдній шумъ, самые слуги удалились въ свое жилище и это обширное зданіе, недавно такое шумное, погрузилось въ тишину, какъ будто всѣ населявшіе его погрузились въ глубокій сонъ.

Между тѣмъ никто не спалъ.

XIII.

О ТОМЪ, КАКЪ ТРАГАДУРЪ, РАСЧИТАВШИСЬ РАЗЪ, ПРИ-
НУЖДЕНЪ РАСЧИТЫВАТЬСЯ ВЪ ДРУГОЙ.

Оставаясь въ своей комнатѣ, Тибурціо съ петершнѣемъ ожидалъ часа, который назначила ему Розарита. Изъ своего окна онъ разсѣяно смотрѣлъ на уснувшую деревню. Луна сіяла, освѣщая длинную ленту дороги, по которой онъ ѣхалъ, и которая, извиваясь по равнинѣ, терялась въ глубинѣ лѣса. Самый лѣсъ былъ также погруженъ въ глубокую тишину и только вѣтерокъ колебалъ его вершины, осеребренныя луною. Въ глубинѣ его укрывались лѣсные обитатели и, время отъ времени, слышалось глухое мычаніе, полное тоски, какого-нибудь быка, почувшаго острый запахъ ночныхъ гостей. Эти звуки, соединенные съ звуками мандолины, раздававшимися внутри Гаціенды, одни только нарушали грустную тишину ночи.

Часъ былъ также удобенъ для размышленій о любви, какъ и для важныхъ мыслей : и тѣ и другія толпою тѣснились въ голову Тибурціо.

Какъ всѣ живущіе въ уединеніи, въ глубинѣ души Тибурціо былъ мечтатель, но съ этимъ соединялась у него энергія дѣятельнаго человека, для котораго эта пустыня была населена опасностями. Следовательно его настоящее положеніе согласовалось съ этимъ двойнымъ расположеніемъ. Его любви угрожали, для него было достаточно холодности Розариты ; и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то тайное предчувствіе говорило, что онъ окруженъ врагами.

Посреди такихъ печальныхъ размышленій, одно физическое явленіе привлекло его вниманіе. Вдали, подъ кровомъ лѣса, свѣтился огонекъ. Этотъ огонекъ, сливавшійся нѣсколько съ свѣтомъ луны, таинственно мерцалъ сквозь деревья, но вѣрно было то, что онъ не двигался, следовательно онъ указывалъ ночлегъ какихъ-нибудь путешественниковъ.

— Такъ близко отъ Гаціенды ! — произнесъ онъ, прерывая, при взглядѣ на таинственный огонь, свои собственныя размышленія. — Что это значитъ ? Отчего не прійти сюда попросить гостепрійства... Это путешественники?... должно быть они имѣютъ какія-нибудь причины держаться вдали. Не враги ли это также ? Или не тѣ ли незнакомые

друзья, которыхъ иногда небо посылаетъ нуждающемуся? Кухилло, донъ-Эстебанъ, этотъ напыщенный сенаторъ то же не враги-ли мои? Все они приютились подъ этой кровлей; и отчего же эти люди, предпочитающіе покровъ деревъ, не будутъ скорѣ моими друзьями?

Между тѣмъ время уходило; Тибурціо накинулъ свой *zarade*, привѣсилъ къ поясу ножъ, единственное свое оружіе, и намтривался тихонько выйти, съ взволнованнымъ сердцемъ, какъ чловѣкъ, для котораго нѣсколько минутъ должны рѣшить счастье или несчастье, но уходя, изъ комнаты, онъ еще разъ бросилъ взглядъ на свѣтъ, который все видѣлся на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Въ то время, когда Тибурціо съ величайшею осторожностію проходилъ молчаливый дворъ, и отправлялся къ главному зданію, позади котораго находилась комната Розариты, въ этомъ же приютѣ путешественниковъ совершались другія сцены, о которыхъ также необходимо дать отчетъ.

Съ самага прибытія въ Гаціенду, донъ-Эстебанъ, въ присутствіи гостей, едва имѣлъ время рассказать хозяину результатъ своего договора съ Кухилло. При словѣ золотой плацеръ, у донъ-Августина вырвался жестъ разочарованія, но не имѣя времени сказать что-нибудь болѣе, онъ просилъ испанца отложить до вечера этотъ разговоръ. По этому Арехиза ожидалъ, что бы послѣ ужина все удалились въ назначенныя, комнаты потомъ онъ отвелъ Трагадура въ амбразуру окна и, указывая ему на небесный сводъ, усыянный сверкающими звѣздами, сказалъ:

— Вы видите эту колесницу, которая уже склоняется къ востоку, замѣчаете-ли вы рядомъ съ этимъ созвѣздіемъ едва сверкающую звѣздочку, исчезающую въ туманной дали. Это эмблема вашей звѣзды, блѣдной въ настоящемъ, но которая завтра, быть можетъ, взойдетъ въ большемъ блескѣ, чѣмъ какая-нибудь изъ составляющихъ этотъ свѣтлый кортежъ колесницы.

— Что же мнѣ дѣлать, сеньоръ Арехиза?

— Я вамъ скажу нынче вечеромъ, и быть можетъ минута менѣ удалена, чѣмъ вы думаете, когда вы сдѣлаетесь господиномъ этой Гаціенды чрезъ бракъ съ прекрасною дѣвушкой, ея послѣдницею.

— Ступайте подождите въ моей комнатѣ: теперешній нашъ разговоръ съ донъ-Августиномъ будетъ рѣшительный, и я поспѣшу вамъ его передать.

Произнеся эти слова, донъ-Эстеванъ отпустилъ Трагадура, сердце котораго билось въ одно время надеждою и боязнью, и пошелъ къ донъ-Августину. Мы сказали, что владѣтель Гаціенды принялъ испанца съ величайшимъ уваженіемъ. Все-таки въ его приѣмъ при свидѣтеляхъ было менѣе подобострастія, чѣмъ когда Гаціендеро очутился съ глазу на глазъ съ испанцемъ. Съ своей стороны, донъ-Эстеванъ, казалось, принималъ знаки почтенія отъ донъ-Августина, какъ вещь, которая ему слѣдовала. Въ снисходительной вѣжливости сеньора Арехизы и въ почтительной покорности донъ-Августина было что-то напоминающее отношенія между высокимъ и могущественнымъ повелителемъ и благороднымъ вассаломъ.

Только послѣ настоятельныхъ просьбъ, почти приказаній испанца, донъ-Августинъ согласился състь; между тѣмъ первый безъ церемоній небрежно бросился въ кожаное кресло, сохраняя впрочемъ все величіе своей наружности.

Гаціендеро молча и почтительно ждалъ, когда будетъ угодно донъ-Эстевану начать бесѣду.

— Какъ вамъ показался вашъ будущій зять, — произнесъ испанецъ, — я думаю вы никогда его до-сихъ-поръ не видали?

— Никогда! — отвѣчалъ донъ-Августинъ; — но если бы онъ былъ еще менѣе одаренъ природою, вы знаете, что это не могло бы быть препятствіемъ для нашихъ проэктовъ.

— Я это знаю; тѣмъ болѣе надо сознаться, что въ немъ есть немного дворянскаго, — прибавилъ испанецъ. — Но препятствіе не въ этомъ; главное, что бы ваша дочь согласилась выйти за него.

— Моя дочь поступитъ согласно съ моею волею, — отвѣчалъ Гаціендеро.

— Даже если ея сердце не свободно?

— Сердце Розариты свободно, сеньоръ донъ-Эстеванъ, — возразилъ Гаціендеро. — И не можетъ быть иначе? Ея дѣтство и юность протекли въ глубинѣ нашихъ пустынь.

— А этотъ молодой человекъ въ лохмотьяхъ, этотъ Тибурціо Ареланосъ, съ которымъ вы, кажется, уже знакомы? — сказалъ донъ-Эстеванъ, — онъ любитъ вашу дочь. ..

— Я это знаю только съ сегодняшняго утра?

— Если вы узнали только нѣсколько часовъ тому назадъ тайну

его любви, тайна же доньи Розариты не могла такъ долго отъ васъ скрываться?

— Это правда, — отвѣчалъ донъ-Августинъ, улыбаясь, — хотъ легче идти по слѣдамъ индѣйца, чѣмъ прочесть на лицѣ дѣвушки ея тайные помыслы, я повторяю, у меня есть основаніе думать, что сердце Розариты всегда, даже и въ прошедшемъ, было свободно отъ всякой страсти. Есть препятствіе гораздо важнѣе, сеньоръ донъ Эстебанъ, я не говорю къ предполагаемому нами браку, но къ экспедиціи, которую вы ведете въ глубину пустыни.

Гаціендеро сообщилъ донъ-Эстевану подробности, переданныя ему францискашцемъ на счетъ тайны объ огромномъ плацерь, вървренной юному Тибурціо.

Во всякомъ случаѣ, пока мы умолчимъ о томъ впечатлѣніи, какое произвело на испанца это открытіе.

Разговоръ продолжался еще довольно долго между Гаціендеро и испанцемъ. — Что они говорили? Это мы узнаемъ позже. Пока перейдемъ къ Трагадуру, который, съ тоскою въ сердцѣ, считалъ минуты въ комнатѣ донъ-Эстевана до его возвращенія.

Комната, назначенная донъ-Эстевану, безпорно была самую богатою въ Гаціендѣ, но роскошь на украшенія такъ мало сдѣлала успѣховъ въ Сонорѣ, что богатство этой комнаты скорѣе походило на бѣдность.

Ни одна занавѣска не закрывала крѣпкихъ желѣзныхъ рѣшетокъ, защищавшихъ окно въ первомъ этажѣ. Стѣны были просто выбѣлены известкой, нѣсколько стульевъ, тростниковый диванъ, ящикъ изъ камфорнаго дерева, замѣнявшій шкафъ, — такова была меблировка комнаты. Единственная вещь, нѣсколько изысканная изъ мебели, это была кушетка, окрашенная масляною краскою, лакированная и украшенная золотыми арабесками. Широкое индѣйское одвяло, обшитое въ нѣсколько рядовъ каймою изъ мусселина и кружевъ, покрывало постель. Въ изголовьи лежали три плоскія подушки, у которыхъ, черезъ прозрачный батистъ, просвѣчивалась красная шелковая матерія, и роскошныя кружевныя и мусселиновыя сборки украшали ихъ. Здѣсь мы снова найдемъ испанца Трагадура.

Донъ-Эстебанъ сидѣлъ на софѣ и глазами слѣдилъ за Трагадуромъ, прохаживавшимся въ сильномъ волненіи взадъ и впередъ по комнатѣ.

— И такъ, какъ вамъ показалась дочь нашего хозяина, донъ Ви-сентій?—спросилъ Арехиза, который, казалось, забавлялся его не-терпнiемъ; — скажите: преувеличивалъ-ли я красоту ея?

— О другъ мой!—вскричалъ мексиканецъ съ живостью южной нату-ры, — дѣйствительность превосходить всякое воображенiе, это чудо! Въ нашей странѣ, такъ знаменитой по красотѣ женщинъ, донья-Роза-рита навѣрно была-бы самая красивая.

— И самая богатая! — прибавилъ испанецъ, улыбаясь.

— Кто могъ-бы угадать, что въ глубинѣ этой пустыни скрывается такое совершенство красоты? Столько свѣжести, прелести, юности... Ей только блистать на самой благородной сценѣ. О сеньоръ донъ-Эстебанъ!—вскричалъ Трагадуръ, — не мучьте меня болѣе, ради Бога, скажите: божественная, богатая донья Розарита должна-ли быть моей женой?

— Одно слово съ моей стороны, одно съ вашей покончатъ дѣло. Я уже имѣю честное слово ея отца. Черезъ пятнадцать дней вы бу-дете супругомъ его дочери.

— Это также легко, какъ и прiятно.

— Позже вы будете богаты.

— Это вовсе не лишнее.

— Позже, вы будете знаменитый вельможа.

— О это превосходно, сеньоръ Арехиза! Да это цѣлый каскадъ благополучiя. Не знаешь, какъ скромнѣе начать, чтобы лучше кон-чить. Это сонъ, настоящiй сонъ! — кричалъ Трагадуръ, продолжая бѣгать по комнатѣ.

— Спѣшите-же осуществить его! — вскричалъ донъ-Эстебанъ.

— Развѣ это такое спѣшное дѣло?—спросилъ Трагадуръ, вдругъ остановившись.

— Зачѣмъ этотъ вопросъ? Развѣ можно слишкомъ спѣшить, что-бы быть счастливымъ?

Трагадуръ задумался. Припадокъ недоверчивости, казалось, внезапно высушилъ источникъ его опьяненiя, и съ озабоченнымъ видомъ, въ замѣшательствѣ онъ произнесъ:

— Я приготовился, признаюсь, жениться на наследницѣ, безобра-зiе которой, какъ обыкновенно водится, вознаграждалось-бы богат-ствомъ, а вы меня видите уничтоженнымъ передъ красоюю Роза-риты.

- Ей Богу, вы жестоки, донъ-Эстебанъ, — произнесъ сенаторъ, —
- Быть-можетъ вы сердитесь на это?
- Нѣтъ, но это счастье меня страшить. Мнѣ кажется... сказать вамъ? Что по какимъ-то причинамъ, которыхъ я не хочу про-никать, какое-нибудь грустное разочарованіе скрывается подъ этой обольстительной перспективой.
- Но кто я такой, какъ вы думаете?
- Кто вы такой! Э! чортъ возьми! донъ-Эстебанъ де-Арехиза.
- Вотъ это дѣлаетъ честь вашей проницательности; и такъ! Какъ я уже просилъ руки доньи Розаріи для знаменитаго Трагадура Деспильфаро, я не могу занять теперь его мѣсто.
- Но наконецъ, — возразилъ Трагадуръ, — отчего бы не сдѣлать этой пробы для самого себя?
- Отчего? Потому-что если-бы донья-Розарія была втрое пре-краснѣе, втрое богаче, все-таки была-бы не довольно прекрасна, не довольно богата для меня.
- Деспильфаро подырыгнулъ отъ удивленія.
- Да кто-же вы такой? Спрошу я васъ въ свою очередь, если вы пренебрегаете подобною партією.
- Какъ вы уже сказали: донъ-Эстебанъ де-Арехиза, — отвѣчалъ просто испанецъ.
- Сенаторъ три раза прошелся по комнать, пока собрался съ мысля-ми; по вѣрный своей недоувѣрчивости, которая внезапно въ немъ пробудилась, онъ произнесъ:
- Во всемъ этомъ есть что-то, чего я не могу себѣ объяснить, а когда я не объясню предмета, я его не понимаю.
- Это по логикѣ, — отвѣчалъ донъ-Эстебанъ насмѣшливымъ то-номъ; — по не обманулъ-ли я на вашъ счетъ, любезный другъ? Я считалъ васъ выше нѣкоторыхъ предразсудковъ; и если въ прошед-шемъ прекрасной Розариты, какъ вамъ сказать?... какой-нибудь... какой-нибудь предразсудокъ нужно попать ногами, миллионъ прида-наго и три миллиона въ надеждѣ не будутъ для васъ ничего значить? — продолжалъ онъ, какъ-бы желая испытать нравственность чловѣка, или скорѣе силу орудія, которое онъ хотѣлъ употребить.
- Деспильфаро не отвѣчалъ ничего.
- Посмотримъ, я жду отвѣта, — началъ снова донъ-Эстебанъ, ко-

тому, казалось, доставляло удовольствіе замѣшательство Трагадура.

— Прекрасно, таково ужъ сердце человѣческое, — отвѣчалъ донъ Эстевапъ. — Я предвидѣлъ-бы это возраженіе отъ всякаго другаго, любезный сеньоръ, но я никакъ не думалъ, чтобы вы могли заботиться о прошедшемъ, когда вамъ предлагаютъ такое прекрасное настоящее и будущее. А! а! бѣдный Деспильфаро, — продолжалъ со смѣхомъ испанецъ, — клянусь я ожидалъ отъ васъ болѣе.

— Въ-самомъ-дѣль, — продолжалъ Трагадуръ, думая дать высшее доказательство своей дипломатической способности, — зачѣмъ, такъ сказать, между нами, предлагать другимъ сокровище красоты, не говоря уже о богатствѣ, которымъ это очаровательное созданіе можетъ располагать, когда вы сами...

— Когда я самъ могу жениться, не такъ-ли? Что-же дѣлать? Я не имѣю расположенія къ браку. У меня было прежде это желаніе, какъ и у всякаго. Моя исторія была также похожа на исторію многихъ, моя невеста вышла замужъ за другаго. Правда, что я очень... что я очень скоро утѣшился. . . — окончилъ Арехиза, спохватившись. —

— А... я... Карамба! Это чрезвычайно затруднительно...

Это замѣшательство сказало дону-Эстевану все, что онъ желалъ знать, ироническая улыбка мелькнула на его губахъ, и оставя шуточный тонъ, онъ продолжалъ:

— Послушайте, Трагадуръ, серьезно...: недостойно дворянина продолжать долѣе шутку, въ которой страдаетъ честь женщины, прошедшее доньи Розариты также чисто, какъ ея чело.

Сенаторъ перевелъ дыханіе.

— Впрочемъ, — продолжалъ донъ-Эстевапъ, — я имѣю надобность, чтобъ вы имѣли ко мнѣ безграшную довѣренность; и потому я первый покажу вамъ примѣръ полной откровенности, отъ этого зависить успѣхъ благороднаго дѣла, за которое я взялся. И такъ прежде всего узнайте, кто я такой. Арехиза, — продолжалъ онъ, улыбаясь, — заемное имя, что касается до настоящаго, которое я вамъ сейчасъ скажу, я поклялся, когда былъ еще молодъ, что ни одна женщина, будь она красивѣе и богаче доньи Розариты не раздѣлитъ его со мною. Теперь, когда уже мои виски побѣлѣли, нарушу ли я клятву, которую все заставляетъ меня уважать, потому что, если иногда и случается, что женщина можетъ служить ступенью для честолюбія, то еще чаще она служитъ только препятствіемъ.

Произнося эти слова, донъ Эстеванъ ходилъ по комнатѣ съ взволнованнымъ видомъ, между-тѣмъ остатокъ недоверчивости выражался еще на лицѣ его товарища, Арехиза продолжалъ:

— Вы хотите болѣе точныхъ объясненій, вы ихъ получите....

Донъ-Эстеванъ заперъ окно, чтобы ничего изъ того, что онъ говорилъ сказать, не было слышно извнѣ, потомъ пригласилъ Трагадура сѣсть, и остановился передъ нимъ. Трагадуръ смотрѣлъ на него съ живѣйшимъ любопытствомъ, но онъ скоро опустилъ свои глаза подъ огненнымъ взглядомъ испанца.

Донъ-Эстеванъ, казалось, вдругъ преобразовался и выросъ.

— Я уже вамъ говорилъ о тайнѣ, отъ которой голова закружится у того, кто захочетъ ее узнать.... — произнесъ онъ — И такъ слушайте меня и чтобы ваше сердце не дрогнуло и глаза не потемнѣли отъ головокруженія!...

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ ОПЕРЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

XIV.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ.

Если благородно происхожденіе лирической оперы, если она родилась по волю Людовика XIV, то не такова доля оперы комической: ей нечего хвалиться своимъ происхожденіемъ, она явилась на свѣтъ не при рукоплесканіяхъ маркизь и герцогинь. Каково бы ни было достоинство композиторовъ, посвятившихъ свои труды комической оперѣ, все-таки она отзывается своимъ площаднымъ происхожденіемъ: Гро-Гильомъ и Готье-Гаргиль были ея предками, Кассандръ и Коломбина восприемниками. Въ одинъ прекрасный день родилась она безъ блеска, безъ шума, между пошlostью Пьерро и острою Арлекина. Балаганъ — ея родина, водевилъ — отецъ, а мать, съ сожалѣніемъ говорю, итальянская музыка. Союзъ, какъ видите, неровный, совершенно неприличный благородной музѣ. Правда, дитя лучше своего отца, но все-таки родовое пятно не можетъ изгладиться. Если хотите, я вамъ разскажу исторію ея происхожденія.

Шумень, разнообразень видъ Елисейскихъ полей въ день народнаго праздника. *Показыватели* рѣдкостей громкими криками за-

зываютъ солдатъ и нянекъ, толпящихся около нихъ, предлагаютъ имъ посмотреть женщину-исполина, двухъ-головую собаку, крылатую рыбу; сотни пронзительныхъ инструментовъ, наигрывающихъ каждый свое, наполняютъ воздухъ невыразимымъ шумомъ и трескомъ: турецкій барабанъ перекликается съ визгливою флейтою. Здѣсь фокусникъ глотаеъ шпаги, тамъ паяцъ ходитъ по канату; невыносимый запахъ отъ жаренья и печенья наполняетъ атмосферу и принуждаетъ васъ бѣжать скорѣе, бѣжать на чистый воздухъ, вдаль отъ прощителей и акробатовъ.

Такое-же зрѣлище представляли, въ концѣ XVII вѣка, Сень-Лоранская и Сень-Жерменская ярмарки. Шуты, паяцы, менестрели стекались туда, и понятно, что простой народъ не обходилъ такого соблазнительнаго мѣста. Нѣсколько позже, на этихъ ярмаркахъ начали представлять разные грубые фарсы, которыхъ все остроуміе состояло въ толчкахъ, пощечинахъ и кулачныхъ ударахъ, щедро расточаемыхъ *актерами*. Но все совершенствуется въ мірѣ, даже и ярмарочные спектакли. Смиренные артисты, участвовавшіе въ нихъ, почувствовали въ своемъ сердцѣ зародышъ честолюбія. Они обратились къ оперѣ, которая, какъ добрая и снисходительная властительница, дозволила имъ построить театръ и играть на немъ небольшія интермедіи съ куплетами и танцами. Это было лучшее время Арлекина; онъ сдѣлался главнымъ лицомъ этихъ шутокъ (*parades*), и даже Пьерро занималъ второе мѣсто. Появилось множество пьесъ, въ которыхъ онъ игралъ почетную роль. Самый характеръ позволялъ ему братья за все: то паладинъ, то магикъ, то искатель приключеній, онъ былъ также ловокъ и проворенъ въ кирасѣ героя, какъ въ длиннополомъ платьѣ судьи или въ кафтанѣ крестьянина. *Дикій Арлекинъ* (*Arlequin-sauvage*), *Арлекинъ-Роландъ* (*Arlequin-Roland*), *Арлекинъ-Персей* (*Arlequin-Persée*), *Арлекинъ на лунѣ* (*Arlequin dans la lune*), вотъ удачнѣйшія его воплощенія. Я говорилъ, что Пьерро не могъ тягаться съ Арлекиномъ, однакоже ему удалось затмить своего товарища, затмить въ тотъ день, какъ Пьерро облекся въ вооруженіе Ромула. Успѣхъ *Пьерро-Ромула* (*Pierrot-Romulus*) могъ уморить съ зависти всѣхъ Арлекиновъ Франціи и Итали. Регентъ Филиппъ Орлеанскій присутствовалъ при одномъ представленіи и смѣялся до слезъ этимъ шуткамъ, народіямъ произведеній, представляемыхъ на другихъ, болѣе серьезныхъ театрахъ. Успѣхъ театровъ Сень-Жерменскаго и Сень-Лоранскаго

быстро возрастала. Опера начала раскаяваться въ своемъ великодушіи; она преслѣдовала актеровъ французскихъ и итальянскихъ, и, разумѣется, ея преслѣдованія не остановились передъ болѣе слабымъ соперникомъ. Опера, соединившись съ итальянскими пѣвцами, выхлопотала уничтоженіе ярмарочныхъ театровъ. Итальянцы заняли ихъ мѣсто, но не имѣли большаго успѣха и удалились черезъ нѣсколько лѣтъ. Послѣ многихъ превратностей, ярмарочные актеры снова заняли свою залу и успѣли получить возобновленіе привилегіи.

Мы уже видѣли вторженіе итальянской музыки во Францію въ 1715 году. Партизаны такъ называемой французской музыки, послѣ тысячи просьбъ, тысячи интригъ, успѣли вытѣснить итальянскую труппу, но ея приверженцы не унывали. Воспоминаніе прелестныхъ мелодій Перголезе не выходило изъ ихъ памяти, и они съ сожалѣніемъ смотрѣли на удаленіе изъ Франціи пѣвчихъ птицъ Италіи. Ярмарочный театръ, получивши вновь свои привилегіи, воспользовался этимъ обстоятельствомъ; пошлые водевили были замѣнены переводами любимыхъ нумеровъ Жомелли и Перголезе. Противники французской оперы начали тогда постоянно посѣщать ярмарочный театръ. Они хвастливо предпочитали Арлекина и Марго, распѣвающихъ итальянскія аріи, Ринальду и Арמידъ французскихъ оперъ. Но, увы! все надѣдаетъ, и любимые мотивы, возбуждавшіе прежде пылкій энтузіазмъ, наконецъ сдѣлались утомительными для самыхъ жаркихъ поклонниковъ итальянской музыки. Пришлось возобновить репертуаръ; музыканты, тщательно копируя манеру и формы, принятыя любимыми композиторами, сочиняли небольшіе дуэты или квартеты, замѣнявшіе въ новыхъ пьесахъ старыя нумера. Эта попытка доморощенной музыки, въ соединеніи съ фарсами, произвела комическую оперу, собственно принадлежащую французамъ, но однакоже, какъ видите, не чуждую и итальянской музыкѣ. Въ началѣ, въ комическихъ операхъ выходили только Марго и Бабетъ, теперь же выводятъ маркиза и княгиню. *Миньоны* (Les Troqueurs) Доверня начинаютъ рядъ этихъ комическихъ оперетокъ. Мы упоминаемъ объ этой пьесѣ, ради ея первенства, а не достоинства, потому что трудно вообразить что-нибудь ничтожнѣе и безцвѣтнѣе. Вскорѣ многіе композиторы, отказываясь отъ чести, съ трудомъ пожинаямой на оперной сценѣ, оставили (какъ сказали бы тогда) вершины Парнаса для тропинокъ болѣе низкихъ и не такъ скользкихъ. Дюни, Филлдоръ, Монсиньи,

первые отличались въ этомъ новомъ родѣ. Филидоръ былъ знаменитѣйшій шахматный игрокъ того времени, и лучше было бы для него посвящать болѣе времени музыкальнымъ трудамъ, чѣмъ шахматной игрѣ. Монсиньи, послѣ неуспѣха одной изъ лучшихъ своихъ пьесъ, далъ слово никогда не писать для театра и до самой смерти, въ продолженіи сорока лѣтъ, сдержалъ его. Но замѣчательнѣе ихъ былъ Гретри.

Композиторъ невѣжественный, не смотря на притязанія на ученость, иловкѣ вполне себялюбивый и исключительный, не смотря на притязанія на безпристрастіе, Гретри тѣмъ не менѣе былъ однимъ изъ лучшихъ композиторовъ того времени, по изящному вкусу и по гонкому выраженію чувства. *Говорящая картина* (Le Tableau parlant), *Ричардъ Львиное Сердце* (Richard Cœur de lion), *Земира и Азоръ* (Zémire et Azor) превосходны естественностію, простотою и истинною. Слушая эти прелестныя партитуры, невольно предаешься производимому ими очарованію и не замѣчаешь, что они почти чужды искусству, что въ нихъ бездна ошибокъ противъ гармоніи, что одни и тѣже періоды повторяются до утомленія, что оркестръ играетъ въ нихъ роль докучнаго статиста, который кричитъ, когда долженъ молчать, и молчитъ, когда ему слѣдовало бы говорить.

Заводя рѣчь о комической оперѣ, невольно вспоминаешь имена Фавара и Седена. Фаваръ писалъ легко и остроумно; Седенъ искусно располагалъ пьесу и ловко подготавливалъ интересныя положенія, никогда впрочемъ не заботясь о развязкѣ. На слогъ онъ и не имѣлъ никакихъ притязаній. *Чего нельзя сказать, то поютъ*, вотъ правило, которымъ онъ постоянно руководствовался. Онъ съ трудомъ писалъ стихи и полагалъ, что каковы бы они ни были, все-таки пройдутъ подъ покровомъ музыки Гретри. Вотъ на примѣръ куплеты изъ *Лантей* (Les Sabots) :

L'instant le plus favorable,
Le moment le plus flatteur,
L'à propos le plus aimable
N'est saisi que par le cœur.
Si le cœur peut lui suffire,
En ce jour nous pouvons dire,
Que nous faisons à propos
L'hommage de nos sabots.

Начало и развитие оперы въ Европѣ.

Въ другой пьесѣ, какой-то полководецъ приходитъ къ иноплеменному народу и величественно произноситъ слѣдующее :

Général des Français, arrive sur ces rives,
Je viens vous présenter, avec empressement,
Les assurances les plus vives
De plus sincère attachement.

Гретри упоминаетъ въ своихъ Мемуарахъ о другомъ сотрудникѣ, англичанинѣ Дэлъ, который написалъ либретто *Ревниваго любовника* (l'Amant jaloux).

Множество другихъ писателей трудились для Комической Оперы, но мы ограничимся Фаваромъ, Седеномъ и Далемъ, такъ какъ первые двое заслуживаютъ наше вниманіе своимъ талантомъ и извѣстностію, а послѣдній странностями и оригинальнію характера.

XV.

ОПЕРА ВО ФРАНЦИИ ВЪ КОНЦѢ ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

Христофоръ Глукъ.

Итальянскіе пѣвцы, побѣжденные интригами приверженцевъ Рамо, обратились въ бѣгство, а ихъ почитатели, дезертируя вмѣстѣ съ ними, оставили оперу для ярмарочныхъ театровъ, гдѣ Арлекинъ или Марго распѣвали мелодіи Перголезе. Значитъ Рамо удержалъ свой оперный скипетръ, и долженъ былъ явиться новый, сильный атлетъ, чтобы лишить его этого первенства. Этимъ атлетомъ былъ Христофоръ Глукъ.

Одаренный высокимъ гениемъ, но получивши самое посредственное воспитаніе, Глукъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи и написалъ тамъ нѣсколько оперъ прежде, чѣмъ сдѣлался извѣстнымъ въ своемъ отечествѣ. Эти произведенія даже и теперь неизвѣстны, хотя и достойны вниманія. Съ Глукомъ случилось тоже, что и съ Корнелемъ: поразительное достоинство нѣкоторыхъ его произведеній сдѣлало публику въ отношеніи къ другимъ строгою до несправедливости.

Еще въ это время Глукъ задумалъ написать оперу на французскія слова. Онъ предпочиталъ французскую публику итальянской, и полагаю, что на французской сценѣ можетъ сбросить условныя формы

пѣнія, принятыя въ Италіи и столь-же необходимыя итальянцамъ, какъ воздухъ, которымъ они дышатъ, и *gelati* (мороженныя), которыми прохлаждаются. Одинъ любитель поэзіи, дю-Ролле, соединился съ нимъ и, изуродовавъ прекрасныя стихи Расина, написалъ дрянную пьесу, *Ифигенію въ Авлидѣ* (*Iphigénie en Aulide*), на которую Глюкъ написалъ безсмертную музыку. Призванный въ Парижъ для постановки *Ифигеніи*, этой *милой дочери*, Глюкъ подвергся ненависти и преслѣдованіямъ приверженцевъ Рамо. Только послѣ продолжительныхъ усилій и упорной борьбы успѣлъ онъ познакомить публику съ своимъ любимымъ твореніемъ. Авторитетъ Маріи-Антуанеты, королевы благодѣтельной, не оставявшей въ забвеніи ни таланта, ни несчастія, послужилъ опорой композитору. Дворъ и городъ увлеклись музыкой, которую королева находила прекрасною, тѣмъ болѣе, что тогда ея вкусъ и воля были закономъ. Болѣе непреодолимымъ препятствіемъ для Глука было упорство старыхъ музыкантовъ. Исполнители нарочно испещряли свои партіи фальшивыми нотами, а потомъ провозглашали исполненіе невозможнымъ. Долго господствовало невѣроятное смѣшеніе, но наконецъ этотъ хаосъ озарился свѣтомъ, и опера, на зло музыкантамъ, была принята съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ.

При постановкѣ *Орфея* (*Orphée*) и *Альцесты* (*Alceste*), Глюкъ также испыталъ не мало огорченій. Во-первыхъ, для роли Орфея, вмѣсто контральто, ему дали альту (*haute-contre*) Легро, такъ, что композиторъ долженъ былъ транспонировать на *терцію* или на *кварту* весь нумера партитуры. Потомъ Легро, недовольный множествомъ бѣлыхъ страницъ въ своей роли, принудилъ своимъ надѣжданьемъ композитора ввести въ нее большую арію; но какую арію, праведное небо! Кажется, что Глюкъ, вынужденный пѣвцемъ оскорбить здравый смыслъ, захотѣлъ, чтобы публика почла этотъ нумеръ не за серьезный, а за насмѣшку надъ его преслѣдователемъ.

Послѣ *Орфея* явилась *Альцеста*, подобно *Орфею* переведенная съ итальянскаго. Въ предисловіи къ итальянской партитурѣ, Глюкъ излагаетъ систему, которой-предполагаетъ слѣдовать въ своихъ новыхъ композиціяхъ.

Онъ хочетъ привести музыку къ ея истинному назначенію, то-есть, усилить выразительность поэзіи, не прерывая дѣйствія и не охлаждая его лишними украшеніями... Онъ старается не оставяливать пѣвца среди одушевленнаго разговора для скучной ритурнели...

Мы не намѣрены анализировать партитуры двухъ *Ифигеній*, *Орфея*, *Армиды*, *Альцесты*; геній Глука не легко дается анализу. У него приемы просты до крайности; все — въ вдохновеніи. Читая его широкоабросанную партитуру, и не подозреваешь того эффекта, какой производятъ эти прекрасныя и высокія сцены. Никогда не скажу вамъ: *читайте музыку Глука*, но: *слушайте ее!* Только тогда откроется вамъ геній маэстро. Едва опустился смычекъ капельмейстера, и вы уже чувствуете надъ собою какое-то волшебное обаяніе. Мало-по-малу предметы, окружающіе васъ, блѣднѣютъ, исчезаютъ, разсѣваются, какъ туманъ. Идеальный міръ раскрывается передъ вами; разрывается завѣса прошедшаго, вы переноситесь подъ знойное небо Греціи, на берега Коцита, на очарованный островъ Армиды. Ифигенія, Армида, Орфей, вызванные магическимъ жезломъ чародѣя, являются передъ вами и открываютъ вамъ свои печали и радости, свою любовь и ненависть.

Глукъ пользовался во Франціи неоспоримою славою, прїездъ Пиччини въ Парижъ оживилъ всѣ споры и былъ сигналомъ ожесточенной полемики, пролившей потоки чернилъ, исписавшей груды бумаги, расточившей миллионы остротъ и эпиграммъ, болѣе или менѣе злыхъ, и разумѣется нисколько не пояснившей вопроса. Мы поговоримъ объ этой полемикѣ въ слѣдующей главѣ.

XVI.

ЗНАМЕНИТЫЕ ГЕРМАНСКІЕ КОМПОЗИТОРЫ ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА: ГАЙДНЪ, МОЦАРТЪ, БЕТГОВЕНЪ И ВЕБЕРЪ.

Въ концѣ XVIII столѣтія музыка достигла въ Германіи чрезвычайнаго развитія; она обязана этимъ развитіемъ двумъ гениальнымъ композиторамъ, Гайдну и Моцарту, которыхъ достойными преемниками были Бетговенъ и Веберъ.

Неподражаемый въ выраженіи сильныхъ, трагическихъ положеній, Глукъ не обладалъ нѣкоторыми качествами, правда, второстепенными на сценѣ, но необходимыми для совершенства драматическаго искусства. Гайдну и Моцарту суждено было дополнить это. Гайднъ, въ своихъ квартетахъ, симфоніяхъ, ораторіяхъ, создалъ множество разнообразныхъ рисунковъ, множество новыхъ формъ,

способствовавшихъ успѣхамъ инструментовки, которая долгое время была оставляема безъ вниманія.

Превосходя, можетъ быть, Моцарта въ стилѣ инструментальномъ, Гайднъ ниже его, въ драматической и церковной музыкѣ. Его мысль или вовсе не подчинялась данной программѣ, или подчинялась ей слишкомъ рабски. Такъ, въ *Сотвореніи міра*, не проникнувшись всѣмъ величіемъ сюжета, онъ часто передается дѣтскимъ эффектамъ раздражительной гармоніи. Разумѣется, мы говоримъ не объ интродукціи, этомъ высокомъ изображеніи хаоса, одной изъ прекраснѣйшихъ страницъ музыки XVIII столѣтія.

Моцартъ, менѣе драматическій, чѣмъ Глукъ, музыкаленъ болѣе этого великаго маэстро. Инструментация Глука иногда тяжела; рѣдко попадаютъ въ ней эти граціозныя арабески, обвивающія, подобно гибкой сѣти, упительныя мелодіи *Свадьбы Фигаро* (*Nozze di Figaro*) и *Волшебной флейты* (*Zauberflöte*). Хоры Глука блистаютъ истинною колорита, а не разнообразіемъ; хоры Моцарта отличаются неистощимымъ богатствомъ и рѣдкимъ изяществомъ. Творецъ *Армиды*, занятый величественными размѣрами своего произведенія, располагаетъ огромныя скалы, часто не обтесавъ ихъ; авторъ *Идоменей*, менѣе всеобъемлющій, не пренебрегаетъ никакими подробностями, обдѣлываетъ тщательно каждый камень и мастерскою рукою расточаетъ на нихъ тысячи рисунковъ, разнообразныхъ и прелестныхъ.

Если Глукъ не скоро былъ понятъ во Франціи, то тѣмъ менѣе могъ быть тамъ оцѣненъ Моцартъ. Онъ самъ понялъ это, вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ, и поспѣшилъ удалиться изъ этого общества «безъ сердца и чувства». Впрочемъ, Моцарту также не правился и французскій языкъ; онъ называлъ его довольно рѣзко *hundsflöttische*, и боялся даже писать на французскія слова, полагая, что въ этомъ случаѣ его геній измѣнитъ ему.

Да и теперь оцѣненъ-ли вполне геній Моцарта? Судя по огромному успѣху *Донъ-Жуана*, оцѣненъ; но холодный пріемъ другихъ его произведеній заставляетъ сомнѣваться въ этомъ.

Нѣсколько италянизированный, такъ сказать стилъ *Донъ-Жуана* много способствуетъ успѣху этой оперы. Въ *Идоменей*, въ *Волшебной флейтѣ*, драматическое чувство такъ умерено, такъ воздержно, что дѣйствуетъ на васъ, какъ нѣжное и тонкое благовоніе, а не какъ сильный, провинцающій ароматъ. Но потребность сильныхъ ощущеній

преобладаетъ нынѣ, и потому не мудрено, что теперь не слишкомъ правится эта очаровательная музыка, кажущаяся многимъ холодною.

Моцартъ былъ несчастливъ въ выборѣ либреттъ, за исключеніемъ развѣ *Донъ Жуанъ*, *Идоменей* и *Свадьба Фигаро* слабы и холодны; *Волшебная флейта* есть верхъ нелюбви. Это пьеса въ родѣ *Чартовой жѣ пилулы*, чудовищная амальгама странныхъ сценъ и лицъ; негры, обезьяны являются въ ней вмѣстѣ съ богиней ночи. Въ ней вы найдете и карликовъ, и великановъ, и змѣй, и египетскихъ жрецовъ. Моцартъ, нуждаясь въ деньгахъ, согласился написать эту оперу вмѣстѣ съ Шиканедеромъ и прикрыть пурпурною мантиею генія безобразныя лохмотья своего сотрудника. Это произведеніе имѣло огромный успѣхъ. Вѣнская публика дѣтски забавлялась уродливыми фантазмагоріями Шиканедера.

До Моцарта, модуляція, ограниченная нѣсколькими определенными тонами, не смѣла выходить изъ заветнаго круга, не рѣшалась разрывать цѣпей, которыя композиторы добровольно наложили на себя. Самъ Себастьянъ Бахъ, самый смѣлый изъ музыкантовъ своего времени, рѣдко нарушалъ эти правила и только въ *Хроматической фантазіи* далъ въ этомъ отношеніи полную волю своему воображенію. Моцартъ первый, употребилъ въ драматической музыкѣ эти рѣзкіе переходы тоновъ, по видимому, не соединяемыхъ между собою, но сливаемыхъ композиторами или помощію переходныхъ аккордовъ неопределеннаго характера, или искусно употребленными паузами. Это новое орудіе эффекта, введенное въ музыку Моцартомъ, имѣло двоякое вліяніе на искусство: вліяніе благотворное, потому что оно мощно содѣйствовало драматической истинѣ, и вліяніе зловредное, потому что многіе новѣйшіе композиторы, вмѣсто новыхъ идей, гоняются за новыми модуляціями.

Лудовикъ Бетговенъ, единственный соперникъ Себастьяна Баха по глубинѣ и смѣлости идей, далеко подвинулъ впередъ музыку инструментальную, не сдѣлавъ почти ничего для музыки драматической. Только одна опера, *Фиделио*, вылилась изъ подъ его пера.

Впрочемъ Бетговенъ и не скрывалъ своего отвращенія отъ театральнаго поприща. Для него требованія сценическія и капризы пѣвцовъ были невыносимыми каждами; съ своимъ пылкимъ, нетерпѣливымъ характеромъ, онъ не могъ подчиняться постороннимъ условіямъ или по нѣскольку разъ передѣлывать свои созданія.

Глукъ и Моцартъ обошли весь пути міра дѣйствительнаго, выразили на своемъ языкѣ весь страсти человѣческія. Музыка оставалось только одно завоеваніе — область чудеснаго.

Отличительную черту Германской поэзіи среднихъ вѣковъ составляетъ въра въ таинственное и чудесное, вмѣшательство злаго духа во весь событія міра сего. Въ безчисленныхъ балладахъ передъ нами является цѣлое племя существъ неземныхъ: эльфы, гномы, саламавдры, ундины, духи воздуха, огня и воды. Подобная поэзія чудно согласуется съ живописнымъ характеромъ страны. Въ Италіи, гдѣ все — гармонія и свѣтъ, гдѣ кристально-прозрачное небо вѣчно ясно, вѣчно спокойно, гдѣ весь предметы резко и выпукло выступаютъ въ чистой синевѣ воздуха, въ Италіи нѣтъ мѣста призракамъ. Имъ нужны мрачные лѣса, шумные и пѣнистые водопады, холодный вѣтеръ, свистящій между елями и хлещущій прохожаго вѣтвями березъ. Имъ нужны сумракъ и туманы, прикрывающіе ихъ формы и дѣлающіе ихъ страшными для путника. Одинъ лучъ итальянскаго солнца сожжетъ крылья бѣдныхъ призраковъ, звукъ кастаньетъ разгонитъ цѣлый рой привидѣній.

Это чувство чудеснаго, которымъ запечатлѣны нѣмецкія баллады послѣднихъ вѣковъ, рано проникло въ живопись. Особенно полно, особенно прекрасно выражалъ его Рембрантъ. Не ужасенъ-ли этотъ алхимикъ, окруженный предметами странной и уродливой формы, занятый трудомъ безъименнымъ, сидя въ древней залѣ, погруженной въ гробовой мракъ?...

Музыка гораздо позже подчинилась вліянію чудеснаго; она обязана этимъ Карлу Маріи Веберу. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи онъ былъ творцомъ новаго рода. Можетъ быть, возразятъ, что и до него были фантастическія оперы. Въ *Донъ-Жуанъ*, въ *Волшебной флейтѣ*, фантастическое переплетается съ дѣйствительностію. Такъ, но демоны Моцарта, какъ мнѣ кажется, весьма снисходительны, и подъ бѣлымъ картоннымъ костюмомъ статуи командора слышится біеніе человѣческаго сердца. Я говорю это, не отвергая огромнаго достоинства этихъ образцовыхъ произведеній. Но одному человеку невозможно обладать всеми достоинствами, невозможно исчерпать весь источники искусства.

Фрейшюцъ, *Эврианта* и *Оберонъ* выражаютъ три различныя проявленія фантастическаго: фантастическое адское въ *Фрейшюцѣ*, фан-

тастическое героическое въ *Эврипидъ*, фантастическое граціозное въ *Оберонъ*. Эти тонкіе оттѣнки одного и того-же рода были превосходно поняты и переданы композиторомъ.

Изъ всѣхъ великихъ маэстро, о которыхъ мы говорили, только Глукъ и Гайднъ умерли, не узнавъ бѣдности Гайднъ, отягченный годами, угасъ тихо, во время осады Вѣны французами. Старецъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней произносилъ только слова: «Боже, спаси Императора Франца!» — Патриотизмъ и преданность къ государю пережили въ Гайднъ всѣ чувства, даже гений, столь великій! —

Глукъ умеръ также въ Вѣнѣ, достигнувъ скромнаго довольства. Его соперники не были такъ счастливы. Саккини убилъ себя своими излишествами. Пиччини долго влачилъ жизнь, испытанную многими бѣдствіями. Последнею покровительницею его была Марія Антуанетта. По возвращеніи изъ Варенна, она удостоила принять бѣднаго композитора, просившаго аудіенціи. Пиччини, непоколебимый роялистъ, заплакалъ отъ горести, при видѣ ужаснаго положенія несчастной королевы, еще недавно блиставшей красотой, величіемъ, добротою! Она утѣшала его и вручила ему письмо къ сестрѣ своей, королевы Неаполитанской, въ которомъ просила ее не забывать стараго маэстро.

Это напоминаетъ намъ другой анекдотъ. Моцартъ, еще дитя, игралъ въ Вѣнѣ съ маленькими эрцгерцогинями; играя, онъ упалъ и ушибся. Одна изъ маленькихъ принцессъ со слезами поспѣшила къ нему на помощь и успокоила его своими ласками. Это была Марія Антуанета, которая черезъ пятнадцать лѣтъ, можетъ быть, одна была благосклонна къ нему, во время пребыванія его въ Парижѣ. И такъ, прекрасная счастливая, обожаемая, королева покровительствовала возрастающему, гению; въ несчастіи она забыла свои горести, чтобы утѣшить стараго маэстро, бѣднаго и отчаяннаго, и помочь ему.

XVII.

СОСТОЯНІЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ ВЪ НАЧАЛѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

Россини.

Артеага, знаменитый музыкальный критикъ конца XVIII-го столѣтія, говорилъ, что музыка въ Италіи умерла и что остается только похоронить ее. Артеага былъ плохой предсказатель. Правда, музыка казалась истощенною. Прелестныя, но незрѣлыя произведенія Паиззелло, Чимарозы, Гульельми, Фиораванти, были недостаточны для возбужденія сочувствія въ публикѣ, уже начинавшей замѣчать, что эти хорошенькіе цвѣтки, при всемъ обилии, слишкомъ сходны формою и ароматомъ. Въ эту-то эпоху музыкальнаго междуцарствія родился въ Пезаро композиторъ, озарившій итальянскую драматическую музыку новымъ блескомъ.

Пробѣгая неизслѣдованныя области музыки, мы, подобно старцу, хранителю гробницъ, припоминали имена, нѣкогда знаменитыя, но теперь забытыя; подобно ему, мы оживляли буквы, возстановляли легенды и надписи древнихъ мавзолеевъ. Но теперь читатель скажетъ безъ сомнѣнія, что ему уже не нуженъ путеводитель: *Моисей*, *Отелло*, хитрый *Цирюльникъ*, *Донъ Магницфико*, *Дездемона*, *Нинетта*, игривая *Розина*, знакомы ему; его мнѣніе объ нихъ уже установилось, и онъ возразитъ мнѣ, что Россини не подлежитъ еще суду исторической критики, которой посвященъ этотъ краткій очеркъ; онъ скажетъ, что общій характеръ композитора, подобно гористому ландшафту, становится полнымъ и яснымъ для глаза только въ отдаленіи, когда мелкія возвышенія и неровности исчезаютъ, и глазъ охватываетъ только главныя черты, общій силуэтъ. Всѣ эти причины очень основательны; но известно, что никогда критикъ не убѣждалъ читателя, и на оборотъ, никогда читатель не убѣдитъ критика. Поэтому я рѣшаюсь изложить свое мнѣніе объ одномъ изъ величайшихъ композиторовъ, когда либо посвящавшихъ свои вдохновенія драматической музыкѣ, и это мнѣніе всякой можетъ сличить и сверить съ своимъ собственнымъ убѣжденіемъ.

Многіе смотрятъ на Россини, какъ на творца совершенно новаго рода, какъ на генія, ничего не заимствовавшаго у своихъ предшественниковъ. Легко замѣчая все разстояніе, дѣйствительно суще-

иствующее, между произведеніями Чимарозы, Перголезе, Паизелло, Пера, и твореніями Россини, обыкновенно предполагають, что онъ никому не подражалъ, и изъ толпы композиторовъ стараго времени замѣчаютъ только удивительную личность Моцарта. Правда, нѣтъ ничего общаго между произведеніями Глука, операми старой французской школы и созданіями итальянскаго маэстро. Инструментовка тяжелая, но грандіозная; стиль возвышенный, но лишенный украшеній, характеризуютъ первыхъ; инструментовка блестящая, пѣвіе, испещренное фюритурами и руладами, составляютъ характеристическія черты втораго. Между Россини и этими композиторами нѣтъ ничего общаго. Но между нимъ и Моцартомъ существуетъ сходство поразительное.

Музыка Россини, менѣ чистая, менѣ воздержная, чѣмъ музыка Моцарта, ея источникъ, музыка Россини, по моему мнѣнію есть самое полное выраженіе музыки не духовной. Муза Россини, полная прелести, полная кокетства, увлекаетъ, чаруетъ и прельщаетъ васъ.

Главный недостатокъ итальянской школы, изобилующей живыми и свѣжими мелодіями, обладающей счастливою инструментовкою и искусствомъ пользоваться голосами, составляетъ отсутствіе драматической истинны. Угождая господствующему вкусу итальянской публики, требующей бравурныхъ арій, а не художественной передачи сценическихъ положеній, эти маэстро жертвовали всею для орнаментнаго пѣнія, оставляли существенное для украшеній, часто излишнихъ.

Вильгельмъ Телль составляетъ счастливое исключеніе; эта опера не похожа на другія, даже знаменитѣйшія произведенія Россини. Въмѣсто шумной инструментовки, наскоро набросанной, — партитура пророскошная, цвѣтистая, строго очищенная отъ всехъ *громогласныхъ, оглушающихъ* эффектовъ. Въмѣсто вялыхъ кантиленъ — мелодіи удивительныя по характеру и чувству. Въмѣсто беззаботной расточительности — заботливая воздержность генія, сознающаго свои силы и гнѣющаго остановиться во время. Но не смотря на все свои достоинства, а можетъ быть и по причинѣ ихъ, *Вильгельмъ Телль* былъ охолодно принятъ въ Парижѣ. Съ-тѣхъ-поръ Россини не писалъ ничего, вѣроятно огорченный равнодушіемъ публики къ лучшему своему созданію.

Музыкальная система Россини имѣла огромное влияние на судьбу искусства, какъ въ Итали, такъ и во Франціи. Но къ несчастію,

многочисленные подражатели ухватились только за его недостатки, не понявъ великихъ достоинствъ оригинальнаго маэстро. За исключеніемъ нѣкоторыхъ произведеній Донизетти и Беллини, блещущихъ рѣдкими и оригинальными красотоми, вездѣ мы видимъ или неловкое подражаніе или безстыдное хищеніе. Ни одинъ композиторъ не былъ такъ безсовѣстно обкрадываемъ: цѣлыя темы перешли изъ произведеній Россини въ *композиціи*, въ первоначальномъ значеніи этого слова, его подражателей. Истинное искусство засыпаетъ, и Богъ знаетъ, когда явится смѣлый паладинъ, который разбудитъ музыку отъ очарованнаго сна и дастъ ей новыя силы, новое, болѣе животворное направленіе!...

ХVIII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Это послѣдняя глава, — любезный читатель; соберитесь-же съ духомъ и съ терпѣніемъ, и общими силами сдѣлаемъ заключеніе.

Попынь, говоря языкомъ Божойе (Beaujoueux), я ставилъ въ оградѣ моего памятника прежде статуи великихъ артистовъ, потомъ порядочное количество бюстовъ, потомъ нѣсколько медальоновъ; теперь же я долженъ удовольствоваться только исчисленіемъ еще нѣсколькихъ именъ, забытыхъ моимъ перомъ, или другихъ, болѣе близкихъ къ намъ, произведенія которыхъ вы, читатель, могли уже сами оцѣнить. Во Франціи, я упомяну Николо, автора *Жоконда*, пьесы, которая обошла весь свѣтъ, какъ герой, выведенный въ ней; Кателя, драматическаго композитора, который написалъ трактатъ о гармоніи и былъ членомъ Парижскаго Института; Гаво (Gaveaux), обработавшаго сюжетъ *Фиделіо*, — королекъ предшественникъ орла; Делла Марія, автора *Арестанта*; Шампена, автора *Меломаніи*; Дюни и Дездеа, знаменитыхъ по своимъ сельскимъ аріямъ, какъ говоритъ Гретри; Фонтенеля, ревностнаго ученика Глука, который взялъ себѣ девизомъ портретъ своего великаго учителя съ слѣдующею надписью: *онъ меня путешествитъ и приводитъ въ отчаяніе*. Большихъ трудовъ Фонтенелю стоило поставить на сцену единственное произведеніе свое *Гекубу*: оно заключаетъ въ себѣ много истинныхъ красоть, но пріятный свѣтъ скромнаго спутника теряется въ лучахъ

блестящей звѣзды. Во время болѣе свободное, я, пожалуй, прибавилъ бы еще имена Кино, Демаре и Саломона, самыхъ маленькихъ звѣздочекъ въ плеядѣ Люлли.

Упомяну также два имени, имѣющія точно такую же извѣстность, какъ имя Фонтенеля; имена, дорогія для Комической оперы, которой они подарили много прекрасныхъ произведеній: Боэльдьё (Boieldieu) и Герольдъ, двѣ почтенныя знаменитости, съ которыми, къ несчастію, я боюсь — время строго поступить.

Если, послѣ Вебера, Германія не можетъ похвалиться великимъ драматическимъ композиторомъ, то по-крайней-мѣрѣ, она произвела артистовъ неоспоримо достойныхъ и ученыхъ. Всему свѣту извѣстны имена Мендельсона, Шпора, Винтера, Маршнера, Ливдпайнтера и т. д. Гармоническія изысканія и глубокія сочетанія, которыми изобилуютъ произведенія Нѣмецкой школы должны быть освѣщены истиннымъ вдохновеніемъ, чтобы не показаться холодными нашей публикѣ. Не такъ, какъ въ Германіи, мы требуемъ отъ музыки однихъ ощущеній, не вдаваясь въ анализъ приемовъ музыканта: вотъ почему *Иссонда*, *Валпиръ*, *Фаустъ* и многія другія замѣчательныя произведенія не могутъ пользоваться у насъ успѣхомъ.

Обзоръ итальянскихъ композиторовъ, по ихъ многочисленности, я сокращу: Перъ, авторъ *Агнесы*; Фіорованти, авторъ *Деревенскихъ пѣвицъ* (Santatrici villane), милого и граціознаго произведенія; Цингарелли и Буоноччини, первые приходятъ мнѣ на память.... Я долженъ также упомянуть о Калдоръ, Бернамони, Терраделья, Анфосси, Галупти, Ціани, Майо и др., которые занимались драматическою музыкою и были знамениты въ свое время, чего вы вѣрно не знаете.

Къ этому довольно длинному списку долженъ я присовокупить еще имена многихъ композиторовъ, которымъ скупая природа дала только частицу таланта. Одни изъ нихъ съумѣли собрать нѣсколько хорошихъ цвѣтковъ въ саду мелодій, но въ нихъ не доставало искусства — связать ихъ въ букеты; другіе имѣли мало идей, хотя и умѣли ими пользоваться. Наука дала имъ средства къ развитію, распространенію и оживленію этихъ идей посредствомъ выразительной инструментовки, но за то ихъ собственная природа предоставила имъ ничтожныя средства.

Я уже приближаюсь къ желанному концу. Теперь оглянусь па-

задь, чтобы снова обозреть путь, пройденный мною. Это путешествие, признаюсь, совершилъ я не безъ какой-то тайной грусти.

При отъездѣ сердце радостно бьется, свободно вдыхаетъ грудь въ себя воздухъ и по дорогѣ мы обращаемъ вниманіе на каждую бездѣлку: но къ концу года, когда путь свершенъ, когда энтузіазмъ въ насъ потухъ, усталость замѣняетъ нашу энергію. Въ точно такомъ же состояніи нахожусь я и теперь. Когда мнѣ приходитъ въ голову, что изъ огромнаго числа сочиненій остались только двѣ, три книги, по которымъ мы должны судить объ эпохѣ, въ которой жили ихъ сочинители, когда я подумаю, что публика одной эпохи смѣется надъ произведеніями эпохи ей предшествовавшей; что въ наше время музыкальное сочиненіе въ нѣсколько лѣтъ старѣется болѣе, чѣмъ литературное произведеніе въ сотни лѣтъ; право, невольно начинаешь сомнѣваться въ истинной безусловности того искусства, которому мы обязаны столькими отрадными минутами. Но неужели мы ошибаемся во взглядъ нашемъ на музыку?... И въ-самомъ-дѣль, музыка, которая изъ всѣхъ искусствъ доступнѣе душѣ; музыка, которая — равно, какъ и поэзія — умѣетъ выражать любовь, со всѣми ея радостями; которая, подобно живописи, умѣетъ изображать величественную природу, источники съ ихъ приятнымъ журчаніемъ, грозу съ ея ужасами; — послѣ всего этого, неужели музыка — искусство пустое и ошибочное, а произведенія композиторовъ только одинъ предметъ моды, столь-же долговѣчный, какъ и перо, украшающее дамскую шляпку? Не много размышленія, — и мои тщетныя опасенія исчезаютъ. Известно что есть часть публики, которая три раза въ недѣлю собирается въ одной обширной залѣ, обставленной ложами, и вкусъ которой не можетъ быть оспариваемъ — въ дѣль туалета и моды; я знаю также, что эта публика имѣетъ въ своемъ лексиконѣ только два термина для опредѣленія театральныхъ произведеній: *музыка пѣвучая* и *музыка ученая*. Музыка пѣвучая, то-есть, такая, которую каждый, въ случаѣ нужды, можетъ пѣть; музыка ученая, то-есть, музыка безъ вдохновенія, нелъная и скучная; я знаю также, что эта публика не требуетъ отъ музыки ничего, кромѣ пріятнаго впечатлѣнія на слуховой органъ, и что, если пѣвица кстати разольется въ руладахъ, фіоритурахъ и треляхъ, — эта публика осыпаетъ ее цвѣтами и вызываетъ по восьми разъ и даже больше, забывая, что не

въ этихъ блестящихъ заключается совершенство пѣнія, а въ соответствіи мелодіи страсти, которую композиторъ въ ней выражаетъ... Чтобы эти слова мои подтвердить живымъ примѣромъ, стоитъ только вспомнить пѣніе Джуліи Гризи, которая поняла, что не въ рудахъ заключается вся сила музыки, а въ выраженіи страсти. Вспомнимъ эту гениальную пѣвицу въ *Нормь*: каждый звукъ, исторгающійся изъ ея груди, есть вопль обманутой, покинутой женщины и несчастной матери; она то умоляющая, то угрожающая, то любящая, то ненавидящая женщина! Въ игрѣ и пѣніи Гризи видимъ мы великое торжество драмы и музыки: жизнь сливается съ звуками и выражается въ нихъ со всеми благами, муками, страданіями... Вотъ такой пѣвицѣ бросать цвѣты не стыдно... Но не о Гризи рѣчь! объ ней заговорили мы только потому, что пришлось къ слову...

Есть другіе болѣе серьезные цѣнители музыки, дѣлающіе мнѣ слѣдующія возраженія относительно безусловности музыкальнаго искусства: фрески Рафаэля, говорятъ они, не смотря на удары копій ландскнехтовъ конетабля Бурбона, остались образцомъ всего того, что только искусство можетъ произвести; стихи Горация кажутся еще очень юными и свѣжими для 1800-лѣтнихъ гекзаметровъ, между-тѣмъ какъ музыка Божойе, процвѣтавшая въ эпоху, когда уже Монтанъ и Маро дебютировали на поприщѣ литературы, намъ кажется чѣмъ-то варварскимъ, непонятнымъ, и возбуждаетъ нынѣ не удивленіе, а только смѣхъ.

Я вовсе не ставлю на одну и ту же ступень прозу Монтаня и музыку Божойе (*Beaujoyeux*), которая была ни что иное, какъ безчувственный и совершенно варварскій опытъ, на который должно смотреть — какъ на первый эскизъ, набросанный неопытною рукою. Его можно сравнить съ силуэтомъ юноши, начерченнымъ углемъ на стѣнѣ; этотъ силуэтъ нисколько не похожъ на Эндиміона или Антиноя, и ни одна женщина не влюбилась бы въ оригиналь по портрету. Достоверно также и то, что первыя статуи, которыя древніе народы изсѣкали изъ камня, сначала были грубы и уже въ послѣдствіи приняли изящныя и совершенныя формы Аполлона Бельведерскаго, Венеры Каллипиги. Искусство долго медлитъ въ своемъ развитіи, прежде чѣмъ утвердится на прочномъ основаніи; потомъ уже, послѣ долгой борьбы, начинается оно быстро стремиться къ совершенству, которое также безконечно, какъ и сама природа.

Знаю, что драматическая музыка развивалась слишком медленно. Это дитя родилось слабым! Къ тому-же педанты взростили ее на подобіе ребенка, котораго связываютъ тысячами свивальниковъ: они заключили музыку къ безконечное число правилъ, условій, аксіомъ, которыя мѣшали ей развиваться. Въмѣсто того, чтобы лебедю предоставить свободно плавать по водѣ, эти люди заставляли его ходить. Читая произведенія среднихъ вѣковъ, мы смущаемся при взглядѣ на груды терній и хвороста, которыя загромождаютъ входъ въ музыкальный міръ. Я убѣжденъ, что составители системъ, сборщики парадоксовъ, фабриканты варварскихъ теорій надолго остановили развитіе музыкальнаго искусства.

Когда-нибудь покажу я вамъ, читатель, что начала поэзіи, живописи, были при ихъ зарожденіи менѣе извѣстны, чѣмъ начала музыки: сперва строили дома, рисовали на нихъ плохія фигуры безъ всякихъ теоретическихъ познаній; сочиняли стихи, прежде нежели знали стихосложеніе. Время разрушило и стерло съ лица земли первоначальныя литературныя попытки человечества, и онѣ не сохранились въ такомъ огромномъ количествѣ, какъ начатки архитектуры, поэзіи, живописи, которые дошли до насъ во всей своей оригинальности. Музыка, одно изъ самыхъ неопредѣленнѣйшихъ искусствъ, то искусство, которое больше другихъ удаляется отъ воспроизводимости матерьяльныхъ образовъ, была долгое время жертвою нелѣпнѣйшихъ теорій: подъ влияніемъ философіи, которая включала ее въ свою сферу и которая подчиняла ее такимъ же правиламъ, какъ нравственность и мышленіе, музыка сдѣлалась рабою теорій, которыя замедлили на долго ея развитіе. Законы акустики, хотя не вполне поняты, были первые приняты за основаніе музыки. Потомъ, послѣ философскаго направленія, стали утверждать, какъ многіе и нынѣ, что только ощущеніе, производимое музыкою, можетъ-быть мѣриломъ ея достоинства.... Въ музыкальныя произведенія, основанныя на этихъ жалкихъ данныхъ, къ сожалѣнію, считаются большею частью публики плодомъ науки совершенной. Въ образецъ драматической музыки намъ показываютъ какіе-то отрывки, не имѣющіе ни мысли, ни чувства! Каждая эпоха считала себя достигшею совершенства въ искусствѣ и отвергала всякое нововведеніе. Поэтому многіе, по аналогіи, выводятъ: если произведенія Каччини и Пери казались устарѣвшими Страделль, а созданія Страделлы — Перголезе, который

самъ устарѣлъ послѣ Россіи, — почему-же полагають, что произведенія нашей эпохи не подвергнутся той-же участи? Въ началѣ этой статьи я уже сказалъ, что заставляетъ меня опровергать эту мысль и почему я убѣжденъ, что теперь только настала великая эпоха музыки. Когда поэзія въ упадкѣ, живопись истощена, архитектура направлена только на полезное, то другая муза должна занять ихъ мѣсто и замѣнить эти потери въ области творчества человеческого духа. Въ стихіи, необходимыя къ развитію музыки, достигли возможнаго совершенства. —

Мелодія, долгое время проявлявшаяся только промежутками, эта бѣдная птичка, которой противопоставляли на каждомъ шагу преграды, теперь не ограничена ничѣмъ въ своемъ полетѣ; она облеклась въ самыя разнообразныя формы: легкая или серьезная, бурная и стремительная или спокойная, — она часто теряется, исчезаетъ въ гармоническомъ туманѣ, но только для того, чтобы вновь появиться во всемъ блескѣ. Въ симфоніи мелодія остается господствующею во всѣхъ ея частяхъ, которымъ она придаетъ силу и красоту. Мелодія, принимаемая въ этомъ смыслѣ, есть душа музыки, душа, которая проникаетъ въ звуки и заставляетъ ихъ говорить языкомъ боговъ!

Гармонія переходила отъ успѣха къ успѣху: въ началѣ дѣйствія самыя варварскіе диссонансы, она пріобрѣла наконецъ созвучныя аккорды, а потомъ искусно подготовленные диссонансы; долго гармонія находилась въ рукахъ педантовъ, которые оковывали ее цѣпями, названными ими правилами, но наконецъ она появилась во всемъ своемъ величій: постепенно пріобрѣла она доминанту, модуляціи простыя, сложныя, энгармоническія. Вѣрная подруга мелодіи — гармонія постоянно ей помогаетъ и доставляетъ ей тысячи украшеній, обновляетъ ее и придаетъ ей силу и выраженіе.

Инструментовка также успѣшно развилась: эта вѣтвь искусства усовершенствовалась послѣдняя; но теперь она достигла возможной полноты. Инструменты могутъ сочетаться въ столькихъ отъѣнкахъ и въ такомъ огромномъ разнообразіи, что представляютъ еще самое обширное поприще изобрѣтательности, и совокупно съ гармоніею, мелодіею и ритмомъ, могутъ производить безконечныя впечатлѣнія.

Струнные инструменты съ давнихъ временъ достигли совершенства; инструменты же изъ дерева или металла, при изобрѣтеніи ихъ — глухіе и не звучные, нынѣ могутъ въ легкости и силѣ поспорить со

скрипкой, царемъ всего оркестра, или съ контръ-басомъ, этой царицей подземной и таинственной гармоніи. Смѣлость же ритмическихъ сочетаній достигла своей крайней цѣли.

Благодаря ученымъ и критическимъ изслѣдованіямъ, наконецъ установилась музыкальная логика, и мы можемъ надѣяться на появленіе произведеній, въ высшей степени замѣчательныхъ. Музыкальное искусство осуществило свое назначеніе. Храмъ оконченъ, черты, опредѣляющія его границы, останутся неизблѣмы на вѣки: Глукъ, Моцартъ, Бетговенъ, Веберъ положили ему прочное основаніе.

ГОФМАНЪ И ЕГО ЖИЗНЬ.

=

I.

1776 года, въ одну изъ холодныхъ, зимнихъ ночей, въ Кёнигсбергъ родился ребенокъ, слабое сложеніе котораго никакъ не обѣщало долгой жизни... Ребенокъ этотъ былъ Гофманъ. Судьба бросила его въ одно изъ тѣхъ семействъ, въ которыхъ древніе предразсудки и вѣковыя добродѣтели оставались во всей своей силѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, что могло быть страннѣе этого ребенка въ этомъ семействѣ, этого чуднаго и безпорядочнаго гения посреди порядка самаго строжайшаго, доходившаго до мелочей.

Глядя на всѣхъ членовъ семейства, собравшихся позднимъ вечеромъ у камина, можно было думать, что любишься картиною Фанъ-Гемстерзейда. Таже важность и таже строгость на всѣхъ лицахъ — отъ старика до ребенка. Отецъ Гофмана былъ совѣтникъ Уголовной Палаты и слѣдовательно человекъ важный и серьезный; мать — дочь адвоката и совѣтника Консистоіи, известнаго по уму и знаніямъ, — носила на себѣ также отпечатокъ судебной важности, что еще болѣе усиливало ея меланхолическое и болѣзненное сложеніе. Это было олицетвореніе печали, грусти и спокойствія... Разскащикъ страстный и откровенный, Гофманъ говорилъ о ней рѣдко, но всегда съ чувствомъ глубокаго уваженія... Когда онъ брался за перо, образъ матери почти не покидалъ его — и онъ возсоздалъ ее въ

большей части своихъ прекрасныхъ повѣстей, въ которыхъ всегда вы встрѣчаете женщину слабую, блѣдную, очаровательную, какъ лицо Серафины въ «Майоратствѣ». Она умерла въ 1796 году.

Между многими замѣчательными лицами, въ домъ, гдѣ провель Гофманъ первые дни своей молодости жила еще сестра его матери... Одна только она, женщина добрая, тихая и умная провидѣла въ этомъ ребенкѣ его необыкновенный гений и дивное воображеніе. Она умерла также на глазахъ своего юнаго родственника, любившаго ее до безумія, который часто вспоминалъ въ своихъ сочиненіяхъ о доброй тетушкѣ Софьѣ. Софья играла на лютнѣ, и музыкальная жизнь Гофмана началась еще въ колыбели, подѣ звуки этого инструмента и напѣвъ тетушки Софьи. Замѣьте, что всякій разъ, когда рѣчь пойдетъ о лютнѣ, Гофманъ не можетъ не обратиться къ своей тетушкѣ... Онъ начинаетъ рассказывать вамъ, какъ она брала его на руки, еще трехлѣтняго ребенка, какъ ласкала и напѣвала старинныя мелодическія пѣсни... Онъ не забудетъ при этомъ ни ея высокаго роста, ни стройнаго стана, ни ея зеленаго капота съ розовыми лентами, даже сѣдаго музыканта, съ витыми ногами, который аккомпанировалъ ей, когда она пѣла.

Кромѣ тетушки Софьи, около Гофмана вращались тысячи тетушекъ и дядюшекъ... И всѣ музыканты, артисты, полные жизни и силы, которые собирались въ домъ отца его и разыгрывали самую странную музыку, какой уже не удавалось ему слышать впоследствии, какъ самъ онъ говоритъ; — инструментами этихъ лицъ были виоль-амуръ и виоль Гамбса... «Кто можетъ удержать слезу, слушая игру на старыхъ инструментахъ, — говоритъ онъ въ одномъ мѣствѣ, — тотъ можетъ благодарить Всевышняго за крѣпость сложенія; что до меня, то они воскрешаютъ слишкомъ много воспоминаній и я не могъ-бы не зарыдать, у слышавъ ихъ снова.»

Если вы читаете Гофмановы описанія этихъ дивныхъ музыкантовъ, — вамъ невольно приходитъ на память одна изъ симфоній Гайдна, въ которой исполнители, задувая свѣчу на своемъ пюпитрѣ, удаляются, какъ привидѣнія... Точно такъ исчезли и эти родственники Гофмана, оставивъ по себѣ только одни воспоминанія, только одну память о звукахъ, которые поражали его юный слухъ... Не они ли были первые источники, изъ которыхъ черпало воображеніе генія?... Гофманъ также часто вспоминаетъ, въ своихъ сочиненіяхъ, о дядѣ совѣтни-

къ... Это былъ человекъ точный, который своею любовью къ порядку сильно тяготѣлъ надъ бѣднымъ ребенкомъ, съ его странной артистической организацией. Не будучи врагомъ искусствъ и воображенія, старикъ думалъ, что все это хорошо для послѣ-обѣденнаго отдыха и, что благоразумный человекъ можетъ найти нѣсколько приятныхъ мгновений, въ тѣ минуты, когда совершается пищевареніе; и потому, съ геометрическою точностію, раздѣлилъ жизнь своего племянника: столько-то на сонъ, столько на обѣдъ и прогулку, потомъ на чтеніе, нѣсколько минутъ на музыку, за которой слѣдовалъ опять сонъ, прогулка и обѣдъ... И Гюфманъ никогда не могъ забыть этого чуднаго способа любить и понимать искусство. . .

Прибавьте еще, что Гюфманъ жилъ въ совершенной зависимости отъ этого человека и вы догадаетесь о его неистовыхъ выходкахъ. Старикъ однакоже желалъ ему добра и превосходно воспиталъ-бы всякаго другаго ребенка съ умомъ болѣе спокойнымъ и не столь рвзкимъ... Но судьба, подсунувъ подъ его ферулу Гюфмана, сыграла съ бѣднымъ совѣтникомъ дурную шутку... Племянникъ поступалъ съ дядей точно такъ, какъ съ своимъ готическимъ клавесиномъ, который билъ и потрясалъ безъ милосердія, желая извлечь гармоническіе звуки, никогда въ немъ не существовавшіе... Инструментъ замолчалъ, но не замолчалъ дядя, нерѣдко подвергавшій его наказаніямъ.

Нельзя также забыть двоюроднаго дѣда Гюфмана, о которомъ онъ часто напоминаетъ въ своихъ повѣстяхъ, этого стараго семидесятилѣтняго совѣтника, развѣзжавшаго по замкамъ Пруссіи, гдѣ онъ судилъ и рядилъ съ необыкновенною строгостію и благородствомъ. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ, Гюфманъ, сопровождавшій стараго совѣтника, увидѣлъ на берегу Балтійскаго моря знаменитый замокъ графа Редигера — гдѣ и познакомился съ баронессою Серафимой. Прекрасный портретъ ея, оставленный намъ Гюфманомъ, до того очарователенъ, что право можно думать, что Гюфманъ никогда не видывалъ Серафимы и что на берегахъ Балтійскаго моря никогда не существовало ни барона Редигера, ни замка Ромбурга. Это было не больше, какъ прелестнѣйшее вдохновеніе Гюфмана, сонъ восемнадцатилѣтней души.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ своимъ дѣдомъ, въ 1794 году, въ одно изъ майоратствъ Пруссіи, чтобы привести въ порядокъ дѣла владѣльцевъ. Безъ сомнѣнія онъ нашелъ въ

этомъ замкъ и готизмъ, и позлащенные арабески, и портреты предковъ и фантастическія картины, и разрушенныя стѣны, и старыѣ служителейъ, посядѣвшихъ въ службѣ, полныхъ уваженія къ древности рода своихъ владѣтелей. Все это встрѣчается въ Германіи очень часто; не рѣдкость тамъ и голодные волки, и охота въ снѣжное время, и шумные обѣды охотниковъ и оргіи свѣрнаго дворянства... Но это небесное созданіе, спустившееся въ эти лѣса, въ среду волковъ и охотниковъ, эта женщина, выведенная изъ его мрачныхъ мечтаній, звуками священныхъ кантатъ аббата Стефани, которыя онъ разыгрывалъ на разстроеномъ клавесинѣ, женщина, за которую онъ хотѣлъ умереть, которая оставила ему на память только одинъ продолжительный, жгучій поцѣлуй и окровавленный локонъ волосъ — это женщина мечты, сновидѣніе юношескаго воображенія... Это предметъ его первой любви, какъ многіе полагаютъ, это его первая поэзія... Онъ пополнилъ ее дивнымъ портретомъ дяди и портретъ этотъ доказываетъ, какая глубокая наблюдательность соединялась съ его пламеннымъ, могучимъ воображеніемъ.

Почтеніе, питаемое Гофманомъ къ своему дѣду, основывалось на причинахъ совершенно нравственныхъ.... Уваженіе всего прусскаго и курляндскаго дворянства къ старцу, его энергія и живость сильно подѣйствовали на Гофмана и онъ повиновался ему во всемъ; но то, что онъ чувствовалъ къ своей бабушкѣ, было, напротивъ, слѣдствіемъ вліянія совершенно физическаго. — Надо знать, что все это семейство состояло изъ пигмеевъ, худыхъ, тощихъ, слабыхъ, изнуренныхъ, какъ самъ Гофманъ, тогда какъ эта бабушка возвышалась надъ ними, величественнымъ, краснощекииъ колоссомъ, и господствовала надъ всѣмъ этимъ маленькимъ народцемъ не столько по лѣтамъ, сколько по росту.... Вліяніе ея усиливалось еще болѣе — вѣчною неподвижностію, потому что, не будучи въ состояніи принимать участія въ хозяйственномъ управленіи, по своей увѣчности — она никогда не оставляла своихъ креселъ и только, изрѣдка, протягивала руку и ласкала подборокъ стараго совѣтника, обращаясь съ нимъ, какъ съ ребенкомъ, котораго она называла не иначе, какъ уменьшительнымъ Отхенъ.

Отто былъ человекъ неизмѣнный и аккуратный. Онъ имѣлъ обыкновеніе разъ въ недѣлю посѣщать своихъ городскихъ друзей.... Въ эти то дни Гофманъ вноилъ предавался своему гению. Едва только совѣт-

никъ уходилъ за дверь, — гардеробъ его летѣлъ во всѣ стороны; молодой Теодоръ покрывалъ свою головку огромнымъ парикомъ, по пятамъ его тащилась длинная роба, и вооруженный огромною виоллю Гамбса, онъ спѣшилъ, съ нѣкоторыми изъ сосѣднихъ мальчиковъ въ садъ, гдѣ въ ту же минуту начинался самый чудный концертъ. Всѣ эти дѣти въ напудренныхъ парикахъ, въ черныхъ робахъ, скрипящія, звѣнящія, поющія во всю мочь, осуществляли собою фантастическія арабески осьмнадцатаго столѣтія, въ которыхъ вереницы амуровъ, одѣтыхъ судьями, откупщиками, играютъ, валяются посреди цвѣтовъ.... Шумъ, оргія, насмѣшки — были сферою маленькаго Гофмана.... Его злость и расположеніе ко всему фантастическому, ко всему сатанинскому были изумительны... Гофманъ любилъ мучить животныхъ, казнить ихъ; онъ не упускалъ случая пошутить надъ слабымъ товарищемъ, пугалъ робкихъ. Жесткость его характера возрастала съ лѣтами до того самаго времени, когда онъ началъ писать свои романы и повѣсти. Тогда-то въ немъ замѣчается совершенный переворотъ: онъ сдѣлался добръ, услужливъ, даже рабомъ друзей своихъ и другомъ своего кота, смерть котораго огорчила его сильно.... И къ удивленію, жизнь литературная, ожесточающая такъ часто самыя нѣжные нравы и кроткіе характеры смягчила, напротивъ, характеръ Гофмана; — принявъ на себя ремесло писателя, ремесло, какъ знаете, очень задорное, онъ сталъ добрымъ и миролюбивымъ человѣкомъ.

II.

Два послѣдніе года, проведенные Гофманомъ въ коллегіи, имѣли большое вліяніе на его остальную жизнь. Онъ полюбилъ классическихъ писателей; связь съ Гиппелемъ, съ которымъ, въ продолженіе года, сидѣлъ онъ на одной скамейкѣ, становилась съ каждымъ днемъ тѣснѣе. Способности его обратили на себя вниманіе учителей и особенно Вапуцкаго, который иногда, подъ видомъ шутки, совѣтовался съ нимъ о предметахъ искусства. Что же касается до учениковъ, то онъ неумолимо и безпрестанно преслѣдовалъ ихъ своими ѣдкими сарказмами, а потому рѣдко пользовался ихъ любовью и расположеніемъ. Изъ всѣхъ своихъ товарищей, онъ только жилъ въ ладахъ съ Фаб-

сомъ и Матушевскимъ. Первый, въ послѣдствіи, уже будучи архивариусомъ, ходилъ къ нему на музыкальные вечера, о послѣднемъ Гофманъ вспоминаетъ въ повѣсти «Дворъ Артусъ.»

Университетская жизнь Гофмана въ самомъ своемъ началѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Гиппель оставилъ коллегію гораздо прежде его. На лекціяхъ они не встрѣчались, поступивъ въ разные факультеты, но видѣлись почти каждый день дома.

Лѣтомъ друзья гуляли иногда по окрестностямъ города; зимою назначали разъ въ недѣлю вечеръ для того, чтобы дать другъ другу отчетъ объ употребленіи прошедшихъ дней и разсѣяться въ дружеской бесѣдѣ. На этихъ вечеринкахъ было поставлено строгою обязанностію разговаривать рифмованными стихами. И послѣ, даже, во всемъ блескъ своей славы, Гофманъ всегда съ восторгомъ вспоминалъ объ этихъ счастливыхъ минутахъ.

Къ концу университетскаго ученія, Гофманъ познакомился съ дѣвушкою замѣчательной красоты, умною и страшною къ искусствамъ. Гофманъ давалъ ей уроки музыки. Ученица влюбилась въ своего учителя, и предалась ему со всею безкорыстностію молодаго и нѣжнаго сердца, но ея общественное положеніе громоздило между ними непреодолимую преграду. Она принадлежала ему и не смотря на то онъ никогда не могъ обладать ею; встрѣчаясь каждый день, они тѣмъ живѣе чувствовали всю горечь близкой и непремѣнной разлуки. Это горестное счастье, эти восторги, полные отчаянія — терзали его ужасно; они отозвались даже на его здоровьи и душа его сохранила слѣды глубокихъ ранъ до самаго конца его жизни. Этой связи Гофманъ обязанъ глубокимъ знаніемъ чловѣческаго сердца и тонкостію, съ которой онъ умѣлъ оцѣнивать нравственную красоту женщины, даже и въ ту грустную эпоху, когда грубыя наслажденія притушили его чувство.

Около этого же времени началъ онъ писать. Много было хорошаго и въ первыхъ его попыткахъ, которыя онъ прочитывалъ одному Гиппелю, подчиняясь постоянно его сужденіямъ. Гофманъ сочинилъ романъ «Корнаро» въ трехъ частяхъ, надвѣясь, что это произведеніе принесетъ ему и славу и деньги. Книгопродавецъ, которому онъ отдалъ рукопись, сначала обнадежилъ его, но чрезъ шесть мѣсяцевъ возвратилъ ее подъ предлогомъ, что она не можетъ быть напечатана потому, что авторъ желаетъ остаться неизвѣстнымъ. Хотя это и

огорчило Гофмана, но не помышало ему снова приняться за работу и начать другой романъ подъ заглавіемъ «Таинственный.»

22 Іюня 1795 г. Гофманъ выдержалъ первый экзаменъ — и сдѣланъ былъ аудиторомъ Кѣнигсбергскаго магистрата. .. Но здѣсь его желанія и нетерпѣливая дѣятельность не удовлетворялись. Гиппель, находившійся въ другомъ мѣстѣ, предложилъ ему соединиться съ нимъ, твердо убѣжденный, что положеніе, въ которомъ находился Гофманъ не соответствовало его призванію и не могло сдѣлать его счастливымъ.... Семейство Гофмана совѣтовало ему тоже самое... Но онъ долженъ былъ вынести ужасную пытку: она не хотѣла, что бы онъ уѣхалъ. Наконецъ, въ іюль 1796 г., онъ сдѣлалъ последнее усиліе, разорвалъ всѣ цѣпи его связывавшія и отправился, но не къ другу, а въ Глогау, и опредѣлился въ тамошнемъ магистратѣ, гдѣ одинъ изъ его родственниковъ занималъ должность совѣтника.

III.

Не смотря на милое и доброе семейство этого родственника, на дружескій пріемъ его, Гофману не нравилась жизнь въ Глогау. Его мучили еще неостывшія воспоминанія о ней.... И именно въ эту же самую эпоху онъ познакомился съ дѣвушкою, которая въ послѣдствіи сдѣлалась его женою.

На слѣдующій годъ, весною, онъ былъ въ Кѣнигсбергѣ — и встрѣтился опять съ своею ученицею.... Страсть ихъ снова возрасла до такой степени, что Гофманъ готовъ былъ на битву съ людьми и судьбою, только бы завоевать ее, но по счастью для нихъ обоихъ его намѣренія не имѣли успѣха. Въ эту же повздуку — онъ видѣлся опять съ Гиппелемъ

Въ Глогау, куда онъ снова возвратился, бѣдный мученикъ своихъ страстей и воображенія нашель ту же скуку; но однако пребываніе его въ этомъ добромъ семействѣ имѣло большое вліяніе на его умственное развитіе. Продолжая ревностно заниматься науками, Гофманъ выдержалъ второй экзаменъ и получилъ званіе референдарія. Эта эпоха его жизни важнѣе прочихъ тѣмъ, что уединеніе заставило его углубиться, разсмотрѣть и опредѣлить самого себя.... И собствен-

ныя его сужденія о самомъ себѣ, которыя онъ высказывалъ въ письмахъ изъ Глогау, разительны истинны и вѣрны.

Въ этомъ городѣ Гофманъ познакомился съ Молиарни, съ графинею Лихтенбергъ, съ Гольбейномъ и съ Юліемъ Фоссомъ. — Но все-го рѣшительнѣе подѣйствовала на него въ то время повѣзка съ однимъ изъ друзей его дяди, въ горы Силезіи, откуда онъ отправился потомъ въ Дрезденъ.... Вотъ довольно забавный портретъ его спутника, очерченный самимъ Гофманомъ.

«Я жилъ въ Глогау, пишеть онъ, у стараго дяди для окончанія моего ученія, это вы знаете.... Насмѣшка и бышеная веселость, составлявшія въ то время отличительныя черты моего характера, приобрьли мнѣ особенное расположеніе одного изъ друзей его, оригинальнѣйшаго изъ смертныхъ. Врачный по характеру, мелочный по уму, и, въ добавокъ, съ сильною склонностію къ скупости, онъ не смотря на то любилъ посмѣяться — и остроумная эпиграмма, или ѣдкая выходка приводили его въ восторгъ. Не смотря на лѣта, довольно уже преклонныя, мой оригиналь сохранялъ всю пошлость петиметра и, слѣдуя рабски всѣмъ требованіямъ моды, одѣвался изысканно. Другая странность, дѣлавшая его не менѣе забавнымъ, состояла въ томъ, что онъ гонялся за удовольствіемъ въ потъ лица, силясь съ уморительною жадностію истощать его вполне, если оно однажды представилось ... Двѣ черты этого двойнаго сумасшествія такъ живо представляются, въ это мгновеніе, моему воображенію, что я не могу удержаться, чтобы не рассказать вамъ одного обстоятельства.

«Когда мы были въ Силезіи, то въ одномъ изъ маленькихъ мѣстечекъ ея насъ пригласили посмотреть водопадъ, находившійся въ окрестностяхъ. И вотъ, мой чудакъ, зная, что въ обществѣ будутъ дамы, облачается въ прекрасное, совершенно новое шелковое платье, украшенное блестящими стальными пуговицами, надѣваетъ шелковые чулки, башмаки со стальными пряжками, а пальцы униживаетъ драгоценными перстнями. Въ густомъ сосновомъ лѣсу застигла насъ буря; дождь лилъ ливнемъ; вода текла по всѣмъ дорожкамъ ручьями. После этого вы можете представить положеніе моего несчастнаго спутника.

«Въ другой разъ случилось, что ночью, молнія зажгла колокольню доминиканской церкви. Мой другъ ни чуть не восхищался огромнымъ огненнымъ столбомъ, который, воздымаясь къ мраморному не-

бу, озарялъ всю окрестность какимъ-то магическимъ свѣтомъ. Вдругъ ему впало на умъ, что эта картина, съ высокаго холма, находившагося за городомъ должна имѣть боіе эффекта и онъ отправился туда съ полными карманами сухариковъ, порядочною склянкою хорошаго вина, походнымъ стуломъ и букетомъ цвѣтовъ... И наслаждаясь сухариками и виномъ, всю ночь любовался съ холма великолѣпною картиною пожара.

«Однажды мы отправились съ нимъ на воды... гдѣ въ то время играли въ большую игру. Чудакъ мой не спускалъ глазъ съ кучъ золота, сверкавшихъ на столахъ игроковъ; онъ похаживалъ въ залъ, описывая около стола круги, которые уменьшались съ каждымъ его шагомъ... Вынувъ изъ кармана фридрихсдоръ, онъ повертѣлъ его между пальцами и снова опустилъ въ карманъ... Онъ не вѣрилъ своему счастью, не смотря на то, что у него пошли слюнки при взглядѣ на пригоршни заманчиваго золота... Эта борьба между боязнію и жадностію выросла до того, что холодный потъ выступилъ крупными каплями на лбу его... Наконецъ онъ сунулъ мнѣ въ руку шесть фридрихсдоръ и предложилъ понтировать за него. Я согласился, но съ тѣмъ, что бы онъ не вѣрилъ въ мое счастье и считалъ бы свои деньги потерянными. Однако не смотря на незнаніе игры, къ моему удивленію, судьба мнѣ благопріятствовала до такой степени, что въ короткое время я выигралъ 30 фридрихсдоръ, которые мой другъ положилъ въ свой карманъ съ величайшимъ удовольствіемъ. На другой день онъ попросилъ меня еще разъ попытать счастья. До-сихъ-поръ не понимаю, какимъ-образомъ у меня вырвалось, что я хочу играть для самого себя. Какъ бы то ни было — сказано и сдѣлано. Я подошелъ къ столу, съ рѣшительнымъ видомъ вынулъ изъ жилетнаго кармана два фридрихсдора и поставилъ ихъ на карту.

Если счастье мнѣ благопріятствовало наканунѣ, то нынче, можно было сказать, что оно совершенно меня полюбило. Каждая карта выигрывала... Повременамъ у меня кружилась голова; не разъ, когда золото возрастало передо мною, мнѣ приходило въ голову, что я захожусь подъ вліяніемъ чародѣйственнаго сна — и, что онъ исчезнетъ, когда рука моя коснется моихъ сокровищъ. Въ два часа игра кончилась, какъ обыкновенно. Я уже хотѣлъ оставить залу, какъ

одинъ старый офицеръ, схвативъ меня за плечо и устремивъ на меня строгій и пронизательный взоръ, сказалъ :

— Молодой человекъ, еслибы вы умѣли играть, вы сорвали бы банкъ. Впрочемъ, когда вы свыкнетесь съ вашимъ ремесломъ, дьяволъ овладѣетъ вами точно также, какъ многими другими! Выговоривъ эти слова, онъ удался быстро, не ожидая моего ответа. Представьте себѣ, что долженъ былъ чувствовать молодой человекъ, зависѣвшій отъ своего семейства, отъ котораго получалъ очень не много на содержаніе, увидѣвъ себя вдругъ властелиномъ суммы, которая въ его положеніи должна была показаться огромною! Между тѣмъ, какъ я смотрѣлъ неподвижно на кучу золота, лежавшую на столѣ, какая то невыразимая тоска овладѣла моею душою; я дрожалъ, холодный потъ проступалъ по тѣлу, и тутъ-то я понялъ весь ужасъ страшнаго предсказанія стараго офицера. Мнѣ казалось, что сокровища, блестящія передо мною, были задаткомъ ужаснаго торга, заключеннаго мною съ духомъ тьмы... Я стоялъ уничтоженный, волнуемый ужаснѣйшимъ отчаяніемъ... Я далъ себѣ торжественное обещаніе никогда не прикасаться къ картамъ и сдержалъ его... Выигрывъ тотчасъ далъ мнѣ возможность проститься съ моимъ другомъ, къ крайнему его удивленію и съѣздить въ Дрезденъ, Прагу и Вѣну.»

Въ 1798 Гофманъ занялъ мѣсто референдарія въ Берлинскомъ камеральномъ судѣ... Онъ пріѣхалъ въ Берлинъ — еще полный впечатлѣній путешествія по горамъ Силезіи и въ Дрезденъ. Здѣсь онъ окончилъ свое образованіе, изучилъ живопись страстно имъ любимую. — Въ мартѣ 1800 г. онъ выдержалъ третій и послѣдній *строжайшій экзаменъ*, которому подвергаются, въ Пруссіи, все желающіе занять высшія судебныя мѣста. Экзаменаторы дали Гофману весьма лестное свидѣтельство, какъ человеку способному занять мѣсто во всякой юстицъ-коллегіи...

Чтобы занять такое мѣсто надлежало начать съ ассесора и Гофманъ былъ посланъ въ Позенъ — ассесоромъ.

IV.

Въ польскихъ провинціяхъ того времени служба въ судахъ была опаснымъ подводнымъ камнемъ для всякаго молодаго человека, съ правилами хотя немного шаткими. Работы и денегъ было вдоволь, а потому спѣшили жить, не слишкомъ стѣсняя себя выборомъ удовольствій... Если прибавимъ къ этому—красоту и любезность польскихъ дамъ, то вы поймете, какъ трудно было Гофману не увлечься этимъ вихремъ. По его собственному признанію — онъ вскорѣ дошелъ до того, что началъ вдаваться въ крайности по расчету, систематически; при томъ—же и противоположность его прежней жизни съ позенскою ускорила его паденіе... Здѣсь онъ встрѣтилъ товарищей, жизнь которыхъ проходила вся въ буйствѣ и развратѣ...

Сознаніе умственнаго превосходства надъ другими, преобразовавшееся скоро въ тщеславіе и гордость, заставило Гофмана совершить весьма неосторожный поступокъ, который навлекъ на него тысячу неприятностей и даже высылку изъ Позена.

Гофманъ, превосходно рисовавшій карриатуру, составилъ альбомъ прекрасно раскрашенныхъ рисунковъ, олицетворявшихъ всѣ городскія сплетни и продѣлки; острия надписи внизу этихъ картинокъ и удивительное сходство лицъ говорили прямо, на кого онъ мѣтилъ. Одинъ изъ его пріятелей взялся распушить это въ общество и исполнилъ свое намѣреніе очень ловко. Переодѣтый торгашемъ итальянскихъ картинокъ, онъ явился въ маскарадъ и роздалъ рисунки всѣмъ присутствовавшимъ, наблюдая притомъ, чтобы каждому достался портретъ человека непріязненнаго. Сначала шутка понравилась, и зала огласилась радостными восклицаніями, но не надолго: скоро бѣшенство овладѣло всеми, начали искать злаго торгаша — но онъ уже успѣлъ ускользнуть. Однако автора карриатуръ открыть было не трудно... Во всемъ Позенѣ находился только одинъ человекъ, способный на такую штуку.... и этотъ человекъ былъ Гофманъ!... На него жаловались.... и министръ, желавшій утвердить Гофмана совѣтникомъ Позенскаго Магистрата, отправилъ его въ Плоцкъ.

Къ величайшему удивленію всего семейства, и не смотря на все увѣщанія одного изъ дядей, Гофманъ женился передъ отъездомъ изъ Позена на молодой полькѣ, которая и отправилась съ нимъ въ Плоцкъ.

Жизнь въ этомъ отдаленномъ городѣ показалась Гофману нестерпи-

мою и потому онъ работалъ чрезвычайно много. Онъ жилъ уединенно, посвящая искусствамъ все свободное отъ службы время. Въ эту эпоху, онъ началъ записывать главнѣйшія происшествія своей жизни, въ журналъ, который продолжалъ въ Бамбергъ, Дрезденъ, Лейпцигъ и Берлинъ, до 1815 г. Въ послѣднемъ году положеніе его улучшилось, онъ предался снова разгульной жизни и журналъ его кончился.

Въ Плоцкѣ-же онъ увидалъ себя въ первый разъ напечатаннымъ. По случаю появленія Шиллеровой «Мессинской невѣсты», онъ послалъ въ журналъ *der Freimüthige* очень остроумную статью о введеніи хора грековъ въ германскую трагедію, потомъ издалъ собраніе своихъ сочиненій и напечаталъ первые сцены изъ Фаустины и Ренегата. Въ Плоцкѣ Гофманъ написалъ еще нѣсколько обѣднѣ, и большую сонату для фортепьянъ, въ чрезвычайно странномъ родѣ, по правиламъ двойнаго контрапункта. Кромѣ того онъ писалъ портреты, рисовалъ карикатуры и копировалъ перомъ рисунки атресскихъ воль Гамильтонова собранія.

Всѣ эти разнообразныя работы Гофманъ предпринималъ и оканчивалъ, какъ самъ пишетъ въ своемъ журналѣ, съ цѣлію пріобрѣсти состояніе, которое дало-бы ему возможность посвятить себя рѣшительно однимъ искусствамъ и побывать въ Итали, Швейцаріи и Франціи вмѣстѣ съ другомъ своимъ Гиппелемъ. Онъ началъ уже трывкаться къ своей ссылкѣ, какъ вдругъ въ началѣ 1814 года, перевели его по ходатайству берлинскихъ друзей, совѣтникомъ въ варшавскій магистратъ. Передъ отъездомъ онъ посетилъ Гиппеля въ его имѣніи, и тутъ повѣдка ихъ въ Италію была опредѣлена рѣшительно.

V.

Не смотря на подвластность Пруссіи, Варшава въ 1804 г. ничего не имѣла нѣмецкаго, даже европейскаго. Житель древней Пруссіи, не могъ опомниться отъ изумленія при первомъ взглядѣ на этотъ странный и прихотливый міръ. Улицы ширины необыкновенной, великолѣпные дворцы итальянскаго стиля, подлѣ жалкихъ деревянныхъ лачугъ, готовыхъ, каждую минуту рухнуть на головы прохожихъ; вездѣ самая чудная смѣсь азіатской роскоши съ неопрятностію; населеніе вѣчно

движущееся; жиды съ длинными пейсами, блестящіе рои молодыхъ дамъ, старые польскіе магнаты съ длинными усами, въ шелковыхъ кафтанахъ, молодежь, одѣтая à l'incroyable, по послѣдней парижской модѣ, — турки, русскіе, итальянцы, нѣмцы и французы. Прибавьте къ этому національный театръ, прекрасную французскую труппу, итальянскую оперу, труппу нѣмецкую, маскарады, устроенные на свой собственный манеръ.... Сколько пищи для наблюдательности, для каррикатуръ, для эниграммы Гофмана!

Въ первое время своего пребыванія въ Варшавѣ, Гофманъ жилъ въ совершенномъ уединеніи. Съ Гитцигомъ, вѣрнѣйшимъ изъ друзей его — онъ познакомился уже въ іюнь 1804 г. — Около этого-же времени подружился онъ и съ Вернеромъ.

Музыкальное общество, составленное однимъ страстнымъ любителемъ, дало возможность Гофману показать свои артистическія способности во всемъ блескъ. Основатель общества успѣлъ заинтересовать до того любителей, что въ короткое время ему удалось дать въ палацъ Огинскаго два или три концерта, имѣвшіе чрезвычайный успѣхъ. Дѣла общества шли хорошо. Вскорѣ оно могло купить сильно пострадавшій отъ пожара палацъ Мнишка и поправить его на свой счетъ. Гофманъ взялъ на себя расположеніе комнатъ; сдѣлалъ рисунки для живописцевъ, которымъ были поручены украшенія, и написалъ самъ фрески многихъ комнатъ.

Съ первыхъ дней весны 1806 г. Гофманъ почти не жилъ дома. Кончивъ дѣла въ магистратѣ, онъ каждый день отправлялся прямо въ палацъ Мнишка. Тамъ на подмосткахъ, окруженный горшками, съ бутылкою венгерскаго подъ рукою, въ сѣромъ холщевомъ казакинѣ — онъ писалъ съ такимъ прилежаніемъ, что въ самое короткое время окончилъ залу для бібліотеки и кабинета въ египетскомъ стилѣ.

Третьяго августа 1806 г., въ день рожденія Прусскаго Короля, было открытіе новой залы. Гофманъ дирижировалъ оркестромъ. Публика дивилась спокойствію, точности, съ которыми онъ выполнялъ свою обязанность; не смотря на свою пылкость, онъ владелъ постоянно и оркестромъ и самимъ собою, даже въ самыхъ страстныхъ мѣстахъ. Способности его обнаруживались въ особенности при выполненіи Моцартовыхъ пьесъ. Онъ былъ страстнымъ почитателемъ этого дивнаго генія. Послѣ Моцарта онъ любилъ и уважалъ болѣе Глука и Керу-

бини; и въ религіозной музыкѣ изучалъ преимущественно Гайдна и старыхъ композиторовъ Италиі. Бетховенъ въ то время не былъ еще слинкомъ извѣстенъ; однако-жъ Гофманъ оцѣнилъ, какъ должно глубину этого великаго и мирнаго генія. Онъ заставилъ сыграть одну изъ его симфоній въ концертъ данномъ въ палацѣ Мнишка

Кромѣ этого каждое воскресенье бывали музыкальнныя собранія, въ которыхъ играли лучшіе артисты, а дамы пѣли подъ управленіемъ Мозера, только-что пріѣхавшаго въ Варшаву.

Такъ проводилъ свое время Гофманъ, среди друзей, предаваясь всемъ наслажденіемъ жизни мирной и спокойной, не заботясь о тучахъ, которыя надвигались на политическій горизонтъ. Наконецъ извѣстіе о горестномъ окончаніи Іенскаго сраженія пришло въ Варшаву, но не произвело никакого впечатлѣнія на нашихъ беззаботныхъ музыкантовъ, которые продолжали, по прежнему, давать концерты и разыгрывать квартеты. Ни Гофманъ, ни друзья его не читали журналовъ; имъ и въ голову ни приходило, что этотъ ужасный ударъ, нанесенный Наполеономъ, отразится и на нихъ!...

Вскорѣ русскій авангардъ вступилъ въ Варшаву. Улицы наполнились козаками, кавалеріей, артиллеріей. Гофманъ суетился съ ненасытнымъ любопытствомъ посреди этихъ, для него совершенно новыхъ, военныхъ сценъ. Онъ не пропускалъ ни одного спектакля; во время антракта разговоръ шелъ иногда на десяти языкахъ, онъ былъ какъ въ своей стихіи. Благодаря маленькому росту и удивительной быстротѣ, онъ проскальзывалъ вездѣ, шарилъ по всемъ угламъ залы и возвращался съ огромной добычей замѣчаній, которыми угощалъ друзей своихъ.

Русскіе войска оставили Варшаву; ихъ замѣнили французы. — Авангардъ мюратовской кавалеріи вступилъ въ городъ подъ начальствомъ генерала Мишо.

Президентъ и вице-призедентъ магистрата отправились къ главнокомандующему за приказаніями — и вскорѣ возвратились съ бумагою, въ которой заключался локоническій приказъ:

«Запрещается подъ смертною казнію имѣть сношенія съ непріателемъ.»

Черезъ нѣсколько дней Матье Фавье, главный кригсъ-комиссаръ мюратовскаго корпуса, объявилъ отъ имени императора, что прусскій магистратъ уничтоженъ.

Изъ чиновниковъ магистрата — потеря мѣста для Гофмана была всѣхъ чувствительнѣе, а между-тѣмъ онъ огорчился ею менѣе всѣхъ. Деньги, оставшіяся въ кассѣ, раздѣлили чиновникамъ соразмѣрно жалованью каждаго и это обезпечило его на нѣкоторое время. Избавленный отъ огромныхъ кипъ, всегда тяготившихъ его письменный столъ, отъ обязанности сидѣть цѣлое утро въ магистратъ, теперь онъ могъ гулять цѣлый день по волѣ — и ни что не могло сравниться съ его счастьемъ. Какъ скоро порядокъ поустановился въ городѣ, концерты пошли опять своей чередой, но къ великой досадѣ Гофмана, въ нихъ принялъ участіе капельмейстеръ Наполеона Паеръ, къ которому, какъ и къ сочиненіямъ его, Гофманъ чувствовалъ сильную антипатію.

До-сихъ-поръ все шло хорошо, но наконецъ непріятности военнаго времени коснулись и Гофмана. Онъ долженъ былъ оставить свой прекрасный домъ въ Краковскомъ предмѣстьи и перебраться на чердакъ палаца Мнишка. Тутъ онъ жилъ съ женою, племянницей, которую воспитывалъ и дочерью. Жилище его было не слишкомъ роскошно, будущность не представляла ничего хорошаго, но онъ все-таки чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, владея библіотекой общества — и клавесиномъ, поставленнымъ въ одной изъ концертныхъ залъ.

Вскорѣ, при удобномъ случаѣ, Гофманъ отправилъ жену и дѣтей по домамъ.... Число друзей его уменьшалось; но онъ продолжалъ вести прежнюю веселую и спокойную жизнь, какъ вдругъ захворалъ. Болѣзнь его въ началѣ не важная, вскорѣ приняла характеръ нервной горячки, обнаруживавшійся въ столъ сильныхъ припадкахъ, что друзья его почли за необходимое присматривать за нимъ и день и ночь. Въ жару и бреду онъ нерѣдко жаловался на своихъ друзей, его окружавшихъ, смѣшивая ихъ съ музыкальными инструментами. «Нынче меня замучила флейта», жаловался онъ на одного, который говорилъ тихо и протяжно. — «Цѣлыя послѣ объѣда», говорилъ онъ въ другой разъ, — «меня терзалъ этотъ нестерпимый фаготъ....» Этотъ фаготъ былъ его другъ, говорившій густымъ басомъ....

Благодаря усиліямъ, заботамъ и попеченію друзей, болѣзнь его прошла. Пріятели его разъѣхались. Онъ надѣялся воспользоваться своими артистическими способностями и думалъ сперва ѣхать въ Вѣну, куда отъ Гитцига получилъ нѣсколько рекомендательныхъ

писемъ, но къ сожалѣнію на эту поѣздку у Гофмана не достало денегъ. Въ началѣ 1807 г. онъ оставилъ Варшаву, съ цѣлю повидаться съ своимъ семействомъ въ Позенъ и потомъ отправиться въ Парижъ.

Въ эти три года, которые прожилъ Гофманъ въ Варшавѣ, занимаясь съ успѣхомъ живописью и музыкою, онъ успѣлъ написать музыку для оперъ: «*Шарфъ и цвѣтокъ*» и «*Веселые музыканты*». Последняя опера, сыгранная въ Варшавѣ плохими актерами, не имѣла успѣха; кромѣ того онъ здѣсь окончилъ обѣдню, начатую въ Плоцкѣ и написалъ еще музыку къ «*Кресту на берегу Балтійскаго моря*».

МЕМУАРЫ.

СКАЗКА МОЕЙ ЖИЗНИ, БЕЗЪ ВЫМЫСЛА.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ Г. Х. АНДЕРСЕНА.

I.

Моя жизнь — одна хорошенькая сказочка; такъ она свѣтла, богата и счастлива! Еслибъ мнѣ въ дѣтствѣ, когда я выступалъ въ свѣтъ, бѣденъ и одинокъ, предстала могущественная волшебница, и сказала: «Избери себѣ путь и цѣль, а я буду охранять и вести тебя, согласно твоему умственному развитію и разумнымъ законамъ міра!» — то и тогда удѣлъ мой не могъ бы быть счастливымъ, теченіе моей жизни не могло бы быть разумнымъ и согласнымъ съ ея назначеніемъ. Исторія моей жизни скажетъ міру тоже, что она говоритъ мнѣ: «что есть надъ вселенною Вселгій Отецъ, который все направляетъ къ лучшему.»

Моя родина, Данія, — поэтическая страна, богатая народными преданіями, древними пѣснями, имѣющая любопытную исторію, тѣсно связанную съ исторіею Швеціи и Норвегіи. Датскіе острова покрыты величественными буковыми лѣсами, роскошными полями и пажитями; они представляются взорамъ обширными, воль-

но раскинутыми садами. На одномъ изъ этихъ зеленыхъ острововъ, Фюнень, стоитъ мой родной городъ, Одензе, названный такъ по имени языческаго бога Одина, который, говоритъ преданіе, жилъ въ этомъ мѣстѣ. Одензе главный городъ провинціи и находится въ двадцати-двухъ миляхъ отъ Копенгагена.

Въ 1805 году жила въ Одензѣ, въ тѣсной и бѣдной горенкѣ, молодая нѣжно-любящая чета. Мужъ, лѣтъ двадцати-двухъ, по ремеслу сапожникъ, молодой человѣкъ, надѣленный богатыми и высокими способностями, истинно поэтическая натура, и жена, нѣсколькими годами старше его, незнакомая съ свѣтомъ и жизнью, съ сердцемъ, преисполненнымъ любви. Мужъ самъ сколотилъ себѣ верстакъ и брачное ложе, и на послѣднее употребилъ деревянный катафалкъ, на которомъ незадолго передъ тѣмъ былъ выставленъ парадно гробъ какого-то умершаго графа Трампе; торчавшіе мѣстами клочки чернаго сукна напоминали еще о первомъ назначеніи досокъ. На этомъ ложѣ, вмѣсто графскаго трупа, окруженнаго флеромъ и свѣчами, 2 го апрѣля 1805 года лежалъ живой, плачущій младенецъ: это былъ я, Гансъ Христіанъ Андерсенъ. Мнѣ рассказывали, что въ первые дни, пока я ревѣлъ благимъ матомъ, отецъ мой сидѣлъ у кровати и читалъ вслухъ Гольберга, шутиливо приговаривая: — «Заснешь-ли ты? не то слушай смирно!» Я, однако, продолжалъ ревѣть. Гомаръ, мой крестный отецъ, утѣшалъ матушку, говоря, что чѣмъ громче я буду кричать младенцемъ, тѣмъ лучше буду цѣть, когда подросту.

Первые годы моего дѣтства протекли въ единственной и тѣсной комнаткѣ, которая была почти совершенно загромождена сапожными снарядами, кроватью и моею колыбелью; но по стѣнамъ были развѣшаны картияки, а надъ верстакомъ была полочка съ книгами и пѣснями. Маленькая кухня горѣла блестящими тарелками и мѣдною посудой; изъ нея крутая лѣстница вела на чердакъ, гдѣ, подъ дождевымъ жолобомъ, прислоненный къ стѣнѣ сосѣдняго дома, стоялъ большой ящикъ съ землею, и въ немъ росли разныя кухонныя овощи. Это былъ весь матушкинъ садикъ; онъ цвѣтетъ еще въ моей сказкѣ «Крапивникъ.»

Я былъ единственный сынъ и, слѣдовательно, меня баловали на-пропалую. Матушка говорила при этомъ, что я гораздо счастливѣе, чѣмъ она была сама, что я счастливъ, словно графскій сынокъ; что ее, когда она была еще ребенкомъ, выгоняли просить милостыню, и что она, не будучи въ силахъ на это рѣшиться, однажды цѣлый день просидѣла подъ мостомъ и проплакала. Ее

то изобразилъ я въ двухъ различныхъ видахъ, въ старухѣ Доменикѣ въ «Импровизаторѣ» и въ матерн «Скрипача.»

Отецъ предоставлялъ мнѣ во всемъ полную свободу; онъ любилъ меня до безумія, жилъ мною однимъ; по праздникамъ, онъ раскрашивалъ для меня перспективы, дѣлалъ театры, картинки съ передвиженіями, читалъ мнѣ вслухъ комедіи Гольберга и отрывки изъ «Тысячи одной ночи.» И только въ такія минуты, помню я его веселымъ и разговорчивымъ; потому что его ремесло было ему не на радость. Родители его были зажиточные поселяне; но ихъ постигли несчастія; сначала палъ скотъ, потомъ дворъ выгорѣлъ, наконецъ, дѣдъ лишился разсудка; тогда бабка моя переѣхала съ сыномъ въ Одензе и отдала рѣзваго мальчика въ ученіе къ сапожнику; она принуждена была къ этому необходимостью, хотя ребенку очень хотѣлось посѣщать латинскую школу. Два добрые человека изъявили было однажды желаніе сложиться, чтобы содержать его на свой счетъ и доставить ему возможность учиться; но это осталось при одномъ предположеніи. Отецъ мой долженъ былъ отказаться отъ самаго пламеннаго желанія и никогда не могъ забыть своей обманутой мечты. Я помню, какъ еще ребенкомъ, я видѣлъ однажды слезы на его глазахъ, когда одинъ воспитанникъ латинской школы, зашедши къ намъ заказать новые сапоги, показалъ ему свои тетради и сталъ разсказывать о томъ, чему его учили въ школѣ. — «И мнѣ слѣдовало учиться тому же;» печально сказалъ отецъ, крѣпко обнявъ меня, и потомъ весь вечеръ былъ грустенъ и молчаливъ.

Онъ рѣдко сходился съ людьми. По воскресеньямъ онъ ходилъ обыкновенно гулять въ лѣсъ и бралъ меня съ собою; въ этихъ прогулкахъ онъ почти не говорилъ, а все сидѣлъ, погрузившись въ глубокую думу, между тѣмъ, какъ я бѣгалъ и рѣвился около него, напизывалъ землянику на соломенку или плель вѣтки. Матушка ходила съ нами только разъ въ годъ, въ началѣ мая, когда лѣсъ одѣвался въ первую зелень; для этого торжественнаго случая она наряжалась въ коленкоровое платье, которое выходило изъ шкафа только въ этотъ день и которое было ея параднымъ платьемъ, съ самаго того времени, какъ я себя запомню. Она приносила съ этихъ прогулокъ множество свѣжихъ буковыхъ вѣтвей, которыя втыкались за изразцовую печку; лѣтомъ, между стѣпныхъ бревенъ, втыкались разныя травы, набранныя въ Ивановскую ночь, и мы гадали по ихъ росту, долго ли намъ жить. Зелень и картинки были главнымъ украшеніемъ нашей комнатки, которую матушка содержала въ отличной чистотѣ и опрят-

ности; она полагала всю свою гордость въ томъ, чтобы бѣлье на постели и занавѣски на окнахъ были всегда бѣлы, какъ снѣгъ.

Мать моего отца приходила къ намъ каждый день, хоть на минуту, чтобы поласкать своего внука, которому она не могла нарадоваться. Она была кроткая, необыкновенно добрая и ласковая старушка; ея свѣтло голубые глаза сіали любовью, въ ея осанкѣ и пріемахъ было что то необыкновенно благородное. И для нея жизнь была горькимъ испытаніемъ. Бывъ прежде женою зажиточнаго поселенина, она впала въ крайнюю бѣдность и жила съ слабымъ мужемъ въ тѣсной избушкѣ, которую купила съ публичнаго торгу, на послѣдній скудный остатокъ своего состоянія. Я никогда не видалъ, чтобы она плакала; но тѣмъ глубже проникала мнѣ въ душу тихая грусть, съ которою она вздыхала и рассказывала о своей бабушкѣ съ материнской стороны, которая была изъ богатой дворянской фамиліи, изъ нѣмецкаго города Касселя, но вышла замужъ за комедіянта и бѣжала отъ родныхъ и изъ отечества. «Теперь внуки,—говорила старушка,—несутъ наказаніе за ея проступокъ.» Не помню, чтобы она когда либо говорила намъ имя своей бабушки; собственное же ея имя въ дѣвухахъ было Номезенъ. Ей порученъ былъ уходъ за садомъ при Гошпиталѣ ума лишенихъ и каждую субботу вечеромъ позволялось ей брать букетъ цвѣтовъ, который она приносила намъ; цвѣты эти украшали матушкинъ коммодъ, но принадлежали собственно мнѣ, почему мнѣ позволено было самому ставить ихъ въ стаканъ и перемѣнять воду; а какая это была для меня радость! Бабушка дарила мнѣ все, что только могла; она во мнѣ души не слышала, и я это очень хорошо зналъ и понималъ.

Два раза въ годъ очищала она садъ отъ лишнихъ листьевъ и побѣговъ, и сжигала ихъ; тогда я приходилъ къ ней, чтобы поваляться на кучахъ зеленыхъ листьевъ и вѣтвей и поиграть цвѣтами; но болѣе всего привлекало меня то, что тутъ меня кормили вкуснѣе, чѣмъ дома. Всѣ безвредные сумасшедшіе ходили на свободѣ по двору и въ саду и перѣдко заходили къ намъ; я съ любопытствомъ и не безъ нѣкотораго страха прислушивался къ ихъ рѣчамъ и невольно слѣдовалъ за ними; иногда я осмѣливался даже ходить съ сторожами въ отдѣленіе бѣшеныхъ. Комнаты ихъ были устроены вдоль длиннаго коридора; однажды я отсталъ отъ сторожа и прилегъ къ полу, чтобы посмотреть подъ дверь въ одинъ нумеръ; я увидѣлъ женщину, съ длинными, распущенными по плечамъ волосами, которая сидѣла на соломѣ и что то пѣла чуднымъ, восхитительнымъ голосомъ. Вдругъ она

вскочила и бросилась къ двери; окошечко, въ которое ей подавали пищу, какъ то отворилось, она устремила на меня дикій, яростный взоръ и протянула ко мнѣ длинную, исхудалую руку; я вскрикнулъ отъ страху, почувствовавъ прикосновеніе ея къ моей одеждѣ; на крикъ мой, сторожъ поспѣшилъ ко мнѣ и выручилъ меня, полумертваго отъ испуга, изъ когтей сумасшедшей. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ-поръ, а я не могу еще безъ солроганія вспомнить объ этомъ взорѣ и этомъ прикосновеніи.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ мѣста, гдѣ сожигалось опавшее и срѣзанное ливствіе, находилась придѣлня, учрежденная для бѣдныхъ старухъ; я часто бывалъ въ ней и скоро сталъ любимцемъ ея жительницъ. Я приводилъ всѣхъ этихъ старухъ въ изумленіе своимъ красворѣчіемъ и ученостью предметовъ, о которыхъ заводилъ рѣчь; я случайно слышалъ кое что о внутреннемъ устройствѣ человѣческаго тѣла, ничего, конечно, не понимая; но эта таинственность именно и привлекала меня; я рисовалъ мѣломъ на дверяхъ какіе-то извивы, долженствовашіе представлять внутренности, и слушательницы были вполне убѣждены въ сходствѣ чертежа съ натурою; мое описаніе сердца и легкихъ, въ особенности, производило всегда сильное ощущеніе. Старухи тотчасъ рѣшили, что я удивительный ребенокъ, умень не по лѣтамъ и, слѣдовательно, недолго буду жить. Въ награду за мои объясненія, онѣ разказывали мнѣ сказки, раскрывали мнѣ новый для меня міръ, дѣвный и роскошный, какъ въ «Тысячѣ одной ночи.» Между-тѣмъ эти разказы старухъ и странвые, дикіе образы сумасшедшихъ, бродившихъ вокругъ меня въ госпиталѣ, такъ сильно дѣйствовали на мое воображеніе, что я не смѣлъ выглянуть изъ дому въ сумерки; какъ скоро солнце заходило, я выпрашивалъ позволеніе лечь въ постель родителей, украшенную длинными ситцевыми занавѣсками, съ огромными цвѣтами, — потому что собственной моей кровати не вносили такъ рано, чтобы не загроздить и безъ того уже тѣсной комнаты; — тутъ я предавался своимъ снамъ на яву, уносился въ міръ фантазій, и дѣйствительнаго міра для меня будто не существовало.

Слабоумнаго дѣда я очень боялся; одинъ только разъ онъ заговорилъ со мною, и чрезвычайно поразилъ меня, сказавъ мнѣ «вы.» Онъ рѣзалъ изъ дерева разныя мудренныя фигуры, людей съ звѣринными головами, звѣрей съ крыльями, и тому подобное; укладывалъ это въ корзинку, и отправлялся за городъ, гдѣ всѣ

деревенскія бабы угощали его, потому-что онъ дарилъ ихъ дѣтямъ эти странныя игрушки. Однажды, когда онъ возвращался въ Одензе, я слышалъ, какъ мальчишки на улицѣ кричали ему вслѣдъ и указывали на него пальцами; со страху я стрялся подь лѣтницу.

Все окружавшее меня было словно нарочно прибрано для того, чтобы дѣйствовать на мою фантазію и развивать ее. Самый городъ Одензе, въ тѣ времена, когда не существовало еще пароходовъ, и даже почтовые сношенія были рѣдки и затруднительны, былъ совсѣмъ не то, что нынѣ; живя въ немъ, можно было переноситься мысленно за сто лѣтъ назадъ, потому-что въ немъ сохранялись еще обычаи, въ другихъ мѣстахъ давно перешедшіе въ древность. Ремесленные цѣхи расхаживали по городу торжественными процессіями, предшествуемые арлекиномъ съ жгутомъ и бубенчиками; въ сырнѣй поведѣльщикъ мясники водили по улицамъ откормленнаго быка, разукрашеннаго цвѣтами; мальчикъ, въ бѣлой рубахѣ, съ огромными крыльями за спиною, спдѣлъ на немъ верхомъ. Матросы также ходили по городу съ музыкою и знаменами, и наконецъ двое, самые неустрашимые изъ нихъ, боролись на узкой доскѣ, перекинутой съ одной лодки на другую; которому удавалось не упасть въ воду, тотъ оставался побѣдителемъ. Но что особенно запечатлѣлось въ моей памяти и впоследствии укрѣпилось частыми разказами, это пребываніе испанцевъ на островѣ Фюнень, въ 1808 году. Миѣ былъ тогда только четвертый годъ; однако-же я очень хорошо помню этихъ смуглыхъ чужеземцевъ, шумѣвшихъ по улицамъ; помню также пушечную пальбу; видалъ, какъ эти люди спали на соломѣ, въ полуразвалившейся церкви близъ госпиталя; одинъ солдатъ взялъ меня однажды на руки плясалъ со мною, и цѣловалъ меня со слезами; у него, вѣроятно, у самого были дѣти въ Испаніи. Я видѣлъ также однажды, какъ одного изъ его товарищей вели на казнь за убіеніе одного француза. Много лѣтъ спустя, эти воспоминанія внушили миѣ небольшое стихотвореніе «Солдатъ», которое Шамиссо перевелъ на нѣмецкій языкъ, и которое было потомъ помѣщено въ иллюстрированномъ народномъ сборникѣ, вышедшемъ подь названіемъ «Солдатскія пѣсни.»

Я почти никогда не сходился съ другими дѣтьми; даже въ школѣ я не принималъ участія въ ихъ играхъ и оставался обыкновенно въ комнатѣ. Дома было у меня достаточно игрушекъ, сдѣланныхъ отцомъ; величайшимъ для меня удовольствіемъ было шить платье на куколъ, или взявъ у матушки передникъ,

протягивать его между стѣною и двумя палками передъ сморданнымъ кустомъ, который я посадилъ на дворѣ, и потомъ смотрѣть между освѣщенныхъ солнцемъ листьевъ. Я былъ необыкновенно склоненъ къ мечтанію, и такъ часто ходилъ съ почти закрытыми глазами, что меня наконецъ стали считать подслѣповатымъ, тогда какъ, напротивъ, органъ зрѣнія у меня развитъ наилучшимъ образомъ.

Иногда во время уборки хлѣба, матушка ходила на поле, подбирать оставшіеся колосья, и я отправлялся съ нею. Однажды мы зашли въ поля одного имѣнія, котораго управляющій былъ извѣстенъ по всему околадку своею суровостью и грубостью; завидѣвъ его издали, матушка и другія женщины, бывшія на полѣ, пустились бѣжать; я былъ въ деревянныхъ башмакахъ, на босую ногу; побѣжавъ вмѣстѣ съ другими, я растерялъ свою обувь, а живо такъ искололо и изрѣзало мнѣ подошвы, что я не могъ бѣжать далѣе, и принужденъ былъ остановиться. Управляющій подошелъ ко мнѣ посмотрѣлъ на меня очень кротко, потрепалъ меня по щекѣ, спросилъ, какъ меня зовутъ и далъ мнѣ денегъ. Когда я показалъ подарокъ матушкѣ, она сказала другимъ:

— Мой Гансъ-Христіанъ у меня удивительный мальчикъ; всѣ его любятъ; даже управляющій, и тотъ далъ ему денегъ.

Я былъ воспитанъ въ набожности и въ суевѣріи. Я не имѣлъ понятія о лишеніи или нуждѣ, потому что мои родители, хотя получали только необходимое, чтобы перебиваться со дня на день, мнѣ, однако, ни въ чемъ не отказывали; одна старуха перешивала для меня старое отцовское платье. Изрѣдка водили меня родители въ театръ, и первыя представленія, какія я видѣлъ, были на нѣмецкомъ языкѣ. «Русалка» была въ то время любимую пьесою, на которую сбѣгался весь городъ; прежде «Русалки», я видѣлъ еще Гольбергова «Политика-Оловящика», передѣланнаго въ оперу. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня театромъ и собранною въ немъ массою народа, вовсе не показало во мнѣ поэтическаго элемента. Первымъ моимъ восклицаніемъ, при видѣ такого множества людей, было: — «Еслибъ у насъ было столько кадушекъ масла, сколько здѣсь людей, вотъ набѣлся бы я масла!» Скоро однакоже я страстно полюбилъ театръ, а какъ посѣщать его я могъ только очень рѣдко, то я завелъ дружбу съ разнощикомъ афишъ, который сталъ дарить мнѣ каждый день афишу; я садился съ нею въ уголокъ и, по назва-

нію пьесъ и дѣйствующихъ лицъ, сочинялъ себѣ цѣлыя комедіи. Это было моимъ первымъ, безсознательнымъ творчествомъ.

Отецъ читалъ не однѣ комедіи и сказки; онъ былъ страстный охотникъ и до серьезныхъ книгъ, особенно священнаго содержанія и историческихъ. Все прочитанное онъ передумывалъ въ своей оригинальной, нѣсколько скептической головѣ; но когда онъ высказывалъ свои мысли, матушка его не понимала, и онъ съ каждымъ днемъ становился молчаливѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ и прогулки его по лѣсамъ становились чаще, потому-что онъ нигдѣ не находилъ покоя. Военныя дѣйствія въ Германіи, о которыхъ онъ съ жадностію читалъ въ газетахъ, воспламеняли его душу; Наполеонъ былъ его героемъ, и онъ указывалъ на его быстрое возвышеніе, какъ, на самый славный примѣръ человѣческаго величія. Данія, въ то время, вступила въ союзъ съ Франціею; вездѣ только и было рѣчи о войнѣ; отецъ мой также поступилъ въ военную службу простымъ солдатомъ, въ надеждѣ вернуться изъ похода поручикомъ.

Въ то утро, какъ отрядъ долженъ былъ выйти изъ города, отецъ мой пѣлъ, шутилъ, казался веселъ; но сердце его было сильно взволновано; я замѣтилъ это по судорожному движению, съ которымъ онъ обнялъ меня на прощаніи. Я лежалъ тогда въ корнѣ и остался одинъ въ комнатѣ, когда барабанъ забилъ сборъ, и матушка вышла со слезами провожать отца. Въ отсутствіе ея пришла бабушка: она долго смотрѣла на меня своими кроткими глазами, и потомъ сказала вполголоса, что лучше бы мнѣ умереть, но, впрочемъ, да будетъ воля Господня! Это былъ первый горестный день, какой я могу припомнить.

Полкъ моего отца дошелъ только до Гольштейна; затѣмъ былъ заключенъ миръ, и будущій герой печально возвратился къ своему верстаку. Все повидимому, пришло въ прежній порядокъ; я забавлялся по прежнему куклами, по прежнему разыгрывалъ комедіи, и всегда на нѣмецкомъ языкѣ, потому-что на театрѣ слыхалъ только нѣмецкій языкъ. Впрочемъ мой нѣмецкій языкъ былъ какъ-то нарѣчиемъ собственнаго изобрѣтенія, и въ немъ встрѣчалось одно только чистое нѣмецкое слово, которое я выслушалъ изъ различныхъ рѣченій, вывезенныхъ отцомъ изъ Гольштейна.

— Такъ тебѣ вышелъ прокъ изъ моего похода, — говорилъ отецъ въ шутку; — кто знаетъ, удастся-ли тебѣ пройтись въ такой конецъ? впрочемъ ты самъ долженъ о томъ позаботиться, Гансъ Христіанъ.

Матушка возражала на это, что пока она имѣетъ голосъ въ семействѣ, я не выйду изъ родительскаго дома.

Однажды утромъ отецъ мой проснулся въ сильномъ бреду; ему грезились, Наполеонъ, походы, сраженія, въ которыхъ онъ получалъ приказанія отъ самого героя и самъ командовалъ. Матушка послала меня немедленно не къ врачу, а къ знахаркѣ, жившей въ полумилѣ отъ Одензе. Старуха, распросивъ меня о больномъ, смѣрила мои руки ниткою шерсти, и приложила зеленую вѣтку къ моей груди, — «Теперь, — сказала она, — ступай домой вдоль рѣки, и если отецъ твой долженъ умереть отъ настоящей болѣзни, то ты непременно встрѣтишь его душу.»

Можно себѣ представить, какимъ ужасомъ должно было объять меня такое ожиданіе, при моей живой и исполненной суевѣрныхъ понятій фантазій. — «И ты никого не встрѣчалъ?» спросила матушка, когда я пришелъ домой и рассказалъ ей приказаніе знахарки. Я отвѣчалъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, что не встрѣчалъ никого. На третій день отецъ умеръ. Тѣло его лежало на постели; мы съ матушкою стояли на колѣнахъ у постели и горько плакали, а за печкою всю ночь чирикалъ сверчокъ. — «Онъ умеръ, — сказала матушка, обращаясь къ сверчку; — ужъ незачѣмъ звать его.

Отца моего похоронили на кладбищѣ святаго Капута, передъ лѣвымъ входомъ алтаря; бабушка посадила розовый кустъ на его могилѣ. Съ тѣхъ поръ на томъ же мѣстѣ вырыты двѣ чужія могилы, и всѣ онѣ заросли травою.

По смерти отца я былъ совершенно предоставленъ своей волѣ; матушка ходила по домамъ стирать, а я сидѣлъ одинъ дома съ своимъ маленькимъ театромъ, шилъ наряды своимъ кукламъ и читалъ комедіи. Мои рассказывали, что я былъ всегда одѣтъ опрятно, и даже съ нѣкоторымъ щегольствомъ; былъ, для своихъ лѣтъ, очень высокъ и худощавъ, и бѣгалъ съ непокрытою головою, распустивъ по вѣтру свои длинные, очень свѣтлые, почти желтые волосы. Въ сосѣдствѣ нашемъ жила вдова пастора, г-жа Бункефлодъ, съ сестрою мужа; я часто ходилъ къ нимъ, и домъ ихъ былъ первымъ образованнымъ домомъ, въ которомъ я встрѣтилъ дружескій пріемъ. Покойный пасторъ Бункефлодъ былъ поэтъ; нынче онъ забытъ, но въ то время имя его еще славилось въ датской литературѣ, и его «Пѣсни за прялкою» были въ устахъ народа. Я посвятилъ нѣсколько стиховъ его памяти въ своихъ: «*Виньеткахъ къ датскимъ поэтамъ.*»

У. Въ домѣ г-жи Бункефлодъ въ первый разъ услышалъ я слово

сочинитель; и притомъ его произносили съ такимъ почтеніемъ, очевидно было, что оно означало нѣчто очень высокое. Отецъ много разъ читалъ мнѣ комедіи Гольберга; но здѣсь шла рѣчь не о такихъ сочинителяхъ, а о тѣхъ, которые пишутъ стихи, о поэтахъ. — «Мой братъ, сочинитель,» говорила дѣвица Бункефлодь, и при этомъ глаза ея разгорались, отъ нея узналъ я, что быть сочинителемъ, — завидный, блаженный удѣлъ. Тутъ же, въ первый разъ, попалъ мнѣ въ руки Шекспиръ, конечно въ очень плохомъ переводѣ; однако смѣлыя картины, кровавыя событія, вѣдьмы и привидѣнія были мнѣ, какъ нельзя болѣе, по душѣ; я тотчасъ принялся разыгрывать Шекспира на своемъ кукольномъ театрѣ, бесѣдовалъ съ тѣвью отца Гамлета и бродилъ съ королемъ Лиромъ по лѣсамъ и пещерамъ. Чѣмъ болѣе умирало лицъ, тѣмъ занимательнѣе была для меня пьеса. Въ это же время написалъ я и самъ свое первое произведеніе; это было ни болѣе ни менѣе какъ трагедія, въ которой, само собою разумѣется, всѣ лица умерли, до послѣдняго. Содержаніе я заимствовалъ изъ старинной пьесы о Пирамѣ и Тизбѣ; но ввелъ еще два лица своего сочиненія, пустынноика и его сына, которые оба влюблены въ Тизбу и лишаютъ себя жизни, узнавъ о ея смерти. Въ рѣчи пустынноика я вставилъ многія библейскія изреченія, заимствовавъ ихъ изъ катихизиса и изъ одной книжонки: «Объ обязанностяхъ къ ближнему.» Пьеса называлась у меня «Аборъ и Эльвира.» — «Ужъ лучше ты бы назвалъ ее *аборрой* (шукой) и штокфишемъ!» сказала вдова, когда, съ восторгомъ прочитавъ пьесу всѣмъ сосѣдямъ, я явился и къ ней съ своимъ произведеніемъ. Этотъ отзывъ очень огорчилъ меня, потому что я видѣлъ, что г-жа Бункефлодь хотѣла посмѣяться надо мною и надъ пьесою, которую всѣ другіе очень хвалили. Я рассказалъ свое горе матушкѣ. — «Она говоритъ это потому только, что не сынъ ея сочинилъ!» сказала матушка, и я утѣшился, и принялся сочинять другую пьесу, въ которой должны были явиться король и королева. Читая Шекспира, я былъ очень недоволенъ тѣмъ, что короли и королевы говорятъ у него точно такъ же, какъ и прочіе смертные; это казалось мнѣ не въ порядкѣ вещей. Я сталъ спрашивать мать и всѣхъ знакомыхъ, какъ говоритъ король на самомъ дѣлѣ? Никто не могъ дать мнѣ положительнаго отвѣта, потому что, говорили мнѣ, король столько лѣтъ уже не бывалъ въ Одензе, что никто не упомнитъ, какъ онъ говоритъ; но должно быть, что по иностранному. Вотъ я промыслилъ себѣ какой-то словарчикъ, или скорѣе собраніе нѣсколькихъ нѣмецкихъ,

французскихъ и англійскихъ словъ и рѣченій съ датскимъ переводомъ, и сталъ подбирать изъ него слова на разныхъ языкахъ, и пестрить ими рѣчи короля и королевы; языкъ вышелъ чистый вавилонскій, но мнѣ казалось, что это былъ единственный приличный языкъ для такихъ высокихъ особъ. Сочинивъ трагедію, я счелъ долгомъ читать ее всѣмъ, знакомымъ и незнакомымъ; никому не было отъ меня пощады. Мнѣ чтеніе это доставляло невыразимое наслажденіе, и я заключалъ изъ этого, что оно должно быть столько же пріятно и слушателямъ.

Сынъ нашей сосѣдки работалъ на одной суконной фабрикѣ и каждую недѣлю приносилъ домой небольшую сумму денегъ; обо мнѣ всѣ говорили, что я только бью баклуши, и ничего не дѣлаю путнаго, и что давно бы пора послать и меня на фабрику. Матушка нашла этотъ совѣтъ очень разумнымъ; «не то что бы прельщали ее деньги, говорила она, но по-крайней-мѣрѣ она будетъ всегда знать, гдѣ я и что дѣлаю? И вотъ бабушка отвела меня на фабрику; тяжело было доброй старушкѣ; «она никогда не думала дожить до того, — говорила она, — что внукъ ея долженъ будетъ идти въ работники съ шалунами ребятишками.» На фабрикѣ было множество нѣмецкихъ мастеровъ и подмастерій; они пѣли, болтали отпускали довольно грубыя шутки, поднимавшія всеобщій хохоть; все слышанное мною прошло, не оставивъ никакого слѣда въ моемъ сердцѣ. У меня былъ тогда чрезвычайно звучный и необыкновенно высокій дискантовый голосъ, и я зналъ, что голосъ у меня хорошъ, потому-что когда мнѣ случалось пѣть въ саду у моихъ родителей, всѣ прохожіе на улицѣ остававливались, да и знатные гости въ саду господина совѣтника, смежвомъ съ нашимъ садкомъ, слушали за заборомъ. Поэтому когда меня спросили на фабрикѣ, умѣю-ли я пѣть, я тотчасъ принялся пѣть, не дожидаясь болѣе настоятельнаго приглашенія; всѣ станки остановились, всѣ работники заслушались, и требовали одной пѣсни за другою; меня уволяли отъ работы, передавъ ее другимъ мальчикамъ. Затѣмъ я рассказалъ, что умѣю также играть комедіи, и сталъ читать на память цѣлыя сцены изъ Гольберга и изъ Шекспира. Всѣ полюбили меня, и такимъ образомъ первые дни моего пребыванія на фабрикѣ прошли очень весело и пріятно. Только однажды, я только что успѣлъ распѣться, и всѣ слушатели дивились необыкновенной высотѣ моего голоса, одинъ изъ нѣмецкихъ мастеровъ вскричалъ, что у мальчика не можетъ-быть такого голоса, и что я навѣрное переодѣтая дѣвочка; и съ этими словами взялъ меня за руки. Эта

глупая шутка очень понравилась его товарищамъ и всё бросились ко мнѣ. Вырвавшись изъ рукъ своихъ мучителей, я побѣжалъ домой, къ матушкѣ, которая обѣщала не посылать меня болѣе на фабрику. Я продолжалъ посѣщать г-жу Бункефлодъ, и въ день ея рожденія подарилъ ей бѣлую, шелковую подушечку для булавокъ, которую самъ придумалъ и сшилъ. Черезъ нее познакомился я еще съ другою сосѣдкою, также вдовою пастора, которая заставляла меня читать ей вслухъ романы, получаемые ею изъ общественной библіотеки. Помнится мнѣ, что одинъ романъ начинался въ такомъ родѣ: «Была глухая ночь; на дворѣ свирѣпствовала буря, дождь дробилъ объ стекла оконъ,» и такъ далѣе. — Вотъ отличная будетъ книга! сказала старуха; я простодушно спросилъ, почему она знаетъ это напередъ? — «Это сейчасъ видно по началу, — отвѣчала она; — книга непременно будетъ отличная.» Я довольствовался этимъ объясненіемъ, и подивился необыкновенной прзорливости своей слушательницы.

Однажды матушка, во время жатвы, отправилась со мною за нѣсколько миль, въ одно помѣщичье селеніе, въ сосѣдствѣ ея родины, Богевзе; помѣщица, у родителей которой она когда-то служила, нѣсколько разъ приглашала ее къ себѣ. Для меня это былъ очень далекій путь; мы должны были пройти его пѣшкомъ, и употребили на это, сколько мнѣ помнится, два дня. Деревня произвела на меня такое впечатлѣніе, что я готовъ былъ въ ней остаться и сдѣлаться земледѣльцемъ. Это было въ самое время уборки хмѣля; мы съ матушкою присоединились ко множеству крестьянъ, сидѣвшихъ въ сараѣ вокругъ огромнаго чана, и стали помогать имъ разбирать хмѣль; работники при этомъ разсказывали сказки и разныя диковинки, какія имъ случалось видѣть на своемъ вѣку. Однажды за обѣдомъ особенно поразили меня слова одного старика, что Богу все извѣстно, и совершившееся, и то что еще должно совершиться. Мой дѣтскій разумъ сталъ крѣпко работать надъ этою мыслью; подъ вечеръ, гуляя одинъ по двору, среди котораго былъ прудъ, я сталъ на камни, выдававшіеся изъ воды, и тутъ мнѣ пришла въ голову странная мысль, что неужели Богу дѣйствительно извѣстно будущее? ну что, если онъ опредѣлилъ мнѣ дожить до глубокой старости, а я теперь же брошусь въ воду и утою? И въ это мгновеніе я твердо намѣренъ былъ утопиться, и побѣжалъ уже къ самому глубокому мѣсту; но тутъ другая мысль внезапно мелькнула въ моемъ умѣ: не дьяволь-ли внушаетъ мнѣ такое намѣреніе, чтобъ овла-

дѣть мною? Я ужасно некрикнулъ, побѣжалъ отъ соблазнительнаго пруда, какъ будто кто замною гнался, и со слезами бросился въ объятія матери: и ни она, ни кто другой не могли выпытать изъ меня, что со мною было.— «Должно быть привидѣніе!» сказала одна изъ старухъ, и я самъ повѣрилъ, что мнѣ предстояло привидѣніе.

Матушка вступила во вторичный бракъ съ однимъ молодымъ ремесленникомъ; но его родня, хотя также принадлежала къ ремесленному классу, нашла, что это не по немъ партія, и не хотѣла зваться ни съ матушкою, ни со мною. Отчимъ мой былъ тихій и кроткій молодой человекъ, и не мѣшался въ мое воспитаніе; я возился по прежнему съ своею косморамою и съ кукольнымъ театромъ, и величайшимъ счастіемъ для меня было собирать лоскутья, и кроить и шить изъ нихъ платья для моихъ актеровъ. Матушка смотрѣла на эти занятія, какъ на полезное приготовленіе къ портному мастерству, и убѣдилась, что я рожденъ на то, чтобы быть портнымъ. Я говорилъ, напротивъ, что хочу идти на театръ и быть актеромъ; но матушка сильно противилась этому желанію, не зная другаго театра, кромѣ кочевыхъ балаганныхъ актеровъ и канатныхъ плясуновъ, и рѣшила, что я буду портнымъ. Единственно, что меня утѣшало и мирило съ этимъ назначеніемъ, была мысль, что тогда у меня будетъ множество лоскутьевъ для моего кукольнаго театра.

Моя охота къ чтенію, множество драматическихъ сценъ, которыя я зналъ на память, и въ особенности прекрасный голосъ, возбудили нѣкоторое вниманіе ко мнѣ во многихъ значительнѣйшихъ жителяхъ Одензе; они часто приглашали меня къ себѣ, и всѣ странности моего ума и характера внушали повсюду сильное участіе ко мнѣ. Въ числѣ лицъ, съ которыми я сошелся такимъ образомъ, былъ полковникъ Гегъ-Гульдбергъ; и онъ, и все его семейство оказывали мнѣ всегда самое искреннее участіе; онъ представилъ меня даже принцу Христіану, нынѣ царствующему королю.

Между тѣмъ я сталъ уже большимъ мальчикомъ, которому, говорила матушка, стыдно уже шагаться и ничего не дѣлать. Я посѣщалъ безвозмездную школу для бѣдныхъ, и учился только закону Божію, письму и ариметикѣ; послѣдняя мнѣ не давалась также какъ и правописаніе. Каждый годъ, въ день рожденія учителя, я сплеталъ для него вѣнокъ изъ цвѣтовъ и подносилъ ему стихотвореніе своего сочиненія; онъ принималъ приношеніе съ полублагосклонною, полунасмѣшливою улыбкою; въ послѣдній

разъ даже порядкомъ пожурилъ меня. Уличные мальчишки слышали отъ своихъ родителей о моихъ странностяхъ и о томъ, что я ходилъ къ знатымъ людямъ, и почти каждый день преслѣдовала меня завистливая толпа, насмѣшливо крича мнѣ вслѣдъ: «Сочинитель комедій!» А я прятался въ уголокъ, плакалъ и молился. Матушка говорила, что мнѣ пора готовиться къ конфирмаціи, а потомъ поступить въ ученіе къ портному и перестать бить баклуши; она любила меня до безумія, но не понимала моего назначенія и стремленія; да я и самъ въ то время не понималъ его; а все знакомые кричали, что я только балуюсь, и что изъ меня ничего не выйдетъ путаго.

Мы были приписаны къ приходу святаго Капута, и все готовившіеся къ конфирмаціи могли записываться или у соборнаго пробста, или у капеллана; къ первому ходилъ на ученіе дѣти тѣхъ людей, которые составляли знатный классъ города, и ученики латинской школы; къ послѣднему—дѣти бѣдныхъ родителей. Я однакоже записался у пробста; отказать онъ мнѣ не могъ, но вѣрно смотрѣлъ на мой поступокъ, какъ на примѣръ моего тщеславія, потому что, хотя въ числѣ его учениковъ я долженъ былъ занять послѣднее мѣсто, однакоже, все-таки стать выше учениковъ капеллана. Я могу однако же сказать по совѣсти, что меня къ этому побуждало не одно тщеславіе; я боялся бѣдныхъ мальчиковъ, которые преслѣдовали меня своими насмѣшками, и притомъ, какая-то тайная сила влекла меня всегда къ ученикамъ латинской школы, которыхъ я ставилъ выше всехъ другихъ дѣтей. Когда они играли на погостѣ, я всегда стоялъ за рѣшеткою, смотрѣлъ на нихъ и душевно жалѣлъ, что не принадлежу къ числу этихъ счастливицевъ; и не играмъ ихъ я завидовалъ, а множеству книгъ, и тому, чѣмъ они могли со временемъ быть на свѣтѣ. На урокахъ пробста я могъ сходиться съ ними, быть наравнѣ съ ними; но я не сохранилъ ни одного пріятеля отъ того времени, изъ чего заключаю, что они были не слишкомъ благосклонны ко мнѣ. Мнѣ каждый день давали чувствовать, что я втерся гдуда, гдѣ мнѣ не слѣдовало быть; одна только молодая дѣвушка, считавшаяся самою знатною изъ всехъ, и о которой мнѣ придется еще говорить въ другомъ мѣстѣ, обращалась со мною весьма кротко и дружелюбно; одинъ разъ она даже подарила мнѣ розу, и я возвратился домой въ восторгѣ отъ мысли, что нашелъ хоть одно существо, которое не смотрѣло на меня свысока и не отталкивало меня.

Какая то старуха-портниха перешла мнѣ изъ отцовскаго сюр-

тука фракъ для конфирмація; никогда еще не бывалъ я одѣтъ такъ важно. Тутъ же надѣлъ я въ первый разъ сапоги; это доставило мнѣ невыразимое удовольствіе, и я одного только боялся, что не всё увидятъ, что я въ сапогахъ; по этому я надѣлъ сапоги сверхъ панталонъ, и въ такомъ видѣ вошелъ въ церковь; сапоги скрипѣли, и это меня чрезвычайно радовало, потому что всё должны были узнать, что они новые. Радость не давала мнѣ даже молиться съ надлежащимъ усердіемъ; я это чувствовалъ, и совѣсть мучила меня; я съ искреннимъ умиленіемъ просилъ у Бога прощенія.

Въ предъидущемъ году я успѣлъ скопить небольшую сумму денегъ; сосчитавъ ее, я увидѣлъ себя обладателемъ тринадцати риксбанкталеровъ, и ужасно обрадовался такому несмѣтному богатству; а какъ матушка настоятельно требовала, чтобы я поступилъ въ ученіе къ портному, я сталъ умолять и мучить ее, чтобы она отпустила меня въ Копенгагенъ, бывшій тогда для меня величайшимъ городомъ въ мірѣ. — «Чтожь ты будешь тамъ дѣлать?» спрашивала матушка. — «Я хочу прославиться,» отвѣчалъ я, и рассказывалъ ей все читанное мною о великихъ людяхъ; сначала надо испытать много неприятнаго, и тогда человекъ пріобрѣтаетъ славу.»

Мною овладѣло какое-то необъяснимое влеченіе, я плакалъ, умолялъ, и матушка наконецъ уступила, заплакала и позволила мнѣ ѣхать въ Копенгагенъ. Всѣ сосѣди пустились кричать, что и глупо, и опасно и ни на что не похоже отпускать четырнадцатилѣтняго мальчика одного въ Копенгагенъ, въ такую даль, въ большой, многолюдный городъ, гдѣ нѣтъ у меня ни души знакомой. — «Что жъ мнѣ дѣлать!» отвѣчала матушка; онъ не даетъ мнѣ покоя, я должна была отпустить его, но увѣрена, что онъ не поѣдетъ далѣе Ниборга; какъ увидитъ бурное море, испугается и вернется назадъ.»

Лѣтомъ, передъ моею конфирмаціею, часть оперной и драматической труппы королевскаго театра пріѣзжала въ Одензе и дала нѣсколько оперъ и трагедій. Весь городъ приходилъ въ восторгъ; а я, благодаря своему знакомству съ разнощикомъ афишъ, былъ на всѣхъ представленіяхъ за кулисами, иногда даже самъ выходилъ на сцену пажемъ, пастухомъ, и т. п., и даже говорилъ нѣсколько словъ. Я пылалъ такимъ усердіемъ къ театру, что былъ уже совершенно одѣтъ и готовъ, когда актеры начинали только

сходиться, чтобъ одѣваться. Это обратило на меня ихъ вниманіе, а мое дѣтское простодушіе и восторженность очень забавляли ихъ; они благосклонно и радушно разговаривали со мною, а я смотрѣлъ на нихъ, какъ на людей необыкновенныхъ. Я сталъ припоминать и понимать отчасти все, что слыхалъ прежде о своемъ голосѣ и умѣніи читать стихи; мнѣ показалось, что я рожденъ для театра, что на театрѣ долженъ я стать великимъ человѣкомъ, стяжать славу, и вотъ почему меня такъ влекло въ Копенгагенъ. Я много слыхалъ о Копенгагенскомъ большомъ театрѣ, и о томъ, что тамъ есть какой-то балетъ, не въ примѣръ лучше и трагедіи и оперы; особенно прославляли танцовщицу-солистку, мадамъ Шаль, какъ первѣйшую изъ всѣхъ. Она предстала моему воображенію царицею театральнаго міра, тѣмъ существомъ, которое могло для меня все сдѣлать, если я удостоюсь его покровительства. Съ этою мыслью я отправился къ типографщику Иверсену, одному изъ самыхъ почетныхъ гражданъ въ Одензе; я зналъ, что во время пребыванія актеровъ въ Одензе, онъ былъ съ ними въ короткихъ связяхъ, и заключалъ изъ этого, что онъ долженъ быть знакомъ и съ знаменитою танцовщицею, доставить мнѣ къ ней рекомендательное письмо, и тамъ — что Богъ дастъ.

Старикъ видѣлъ меня въ первый разъ; однако же благосклонно выслушалъ мою просьбу, но положительно отсовѣтовалъ мнѣ идти на театръ, и говорилъ, что гораздо лучше мнѣ учиться какому-либо ремеслу. — «Это будетъ величайшимъ преступленіемъ!» возразилъ я. Старикъ былъ пораженъ силою, съ какою я произнесъ эти слова, и это внушило ему еще болѣе участія ко мнѣ; онъ сказалъ мнѣ, что лично не знаетъ танцовщицы, но, впрочемъ, дастъ мнѣ къ ней письмо. Когда я получилъ обѣщанное письмо, мнѣ показалось, что я уже почти у цѣли.

Матушка завязала мое платье въ узелокъ, и уговорила кондуктора довести меня въ Копенгагенъ сверхкомплектнымъ, въ свою пользу; за это платилось три риксбанталера. Вечеромъ, она печально проводила меня за ворота. Тутъ стояла бабушка, въ послѣднее время чудесные волосы ея совершенно посѣдѣли; увидѣвъ меня, она бросилась мнѣ на шею, горько плакала, и не могла сказать ни слова; мнѣ самому очень было грустно. Такъ мы разстались, и я ее болѣе не видалъ, потому что она умерла въ слѣдующемъ году; даже могилы ея я не знаю, потому что ее похоронили на кладбищѣ немущихъ.

Кондукторъ затрубилъ; вечеръ былъ чудесный, и скоро въ моемъ легкомысленномъ, дѣтскомъ сердцѣ снова засіяло солнышко; я радовался, встрѣчая на пути все новые предметы, да и ѣхалъ я къ цѣли всѣхъ своихъ желаній. Только когда я пріѣхалъ въ Ниборгъ, на берегъ Большаго Бельта, и увидѣлъ корабль, который долженъ былъ унести меня съ роднаго острова, только тогда почувствовалъ, что я одинъ среди міра, всѣми оставленъ, кромѣ Отца Небеснаго. Вышедши на Зеландскій берегъ, я пошелъ за амбаръ, стоявшій въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ моря, палъ на колѣни и усердно помолился Богу о Его защитѣ и руководствѣ; за тѣмъ пустился опять въ путь, съ твердымъ упованіемъ на Бога и на свое счастье. Весь день и всю ночь проѣзжалъ я черезъ города и деревни; а пока мѣняли лошадей, стоялъ одиноко у кареты, грызя кусокъ хлѣба. Мнѣ казалось, что я уже пивѣсть какъ далеко заѣхалъ на широкомъ свѣтѣ.

II.

Утромъ въ понедѣльникъ, пятаго сентября 1819 года, увидѣлъ я въ первый разъ, съ высоты близъ Фридрихсберга, Копенгагенъ. Тутъ я вышелъ, и побрелъ нѣшкомъ въ городъ, черезъ садъ замка, длинную аллею и предмѣстье. Вечеромъ, наканунѣ моего прибытія, разразилась такъ называемая еврейская распря, распространившаяся по многимъ странамъ Европы. Весь городъ былъ въ движеніи; всѣ жители высыпали на улицу; шумъ и суматоха Копенгагена вполне соотвѣтствовали понятію, которое мое воображеніе составило себѣ о немъ, какъ о величайшемъ городѣ въ мірѣ. Имѣя въ карманѣ едва десять талеровъ, я присталъ на одномъ изъ самыхъ скромныхъ постоянныхъ дворовъ. Первый мой выходъ былъ, разумѣется, къ театру; я нѣсколько разъ обошелъ вокругъ зданія, дивясь высотѣ стѣнъ, и гордясь имъ, какъ чѣмъ-то почти роднымъ мнѣ. Одинъ продавецъ билетовъ, скитавшійся каждый день около театра, замѣтилъ меня и спросилъ, не угодно-ли мнѣ билета; я былъ еще до такой степени простъ, что вообразилъ, что онъ хочетъ подарить мнѣ билетъ, и, разумѣется, съ благородностью принялъ предложеніе; но продавецъ вообразилъ, что я дурачу его, разсердился, сказалъ мнѣ какую-то грубость, и я въ испугѣ поспѣшилъ удалиться отъ этого мѣста, которое было мнѣ милѣе всего въ городѣ. Не думалъ я въ то вре-

мя, что черезъ десять лѣтъ на этомъ же театрѣ будетъ представлено первое мое драматическое произведеніе и я представлюсь такимъ образомъ датской публикѣ. На слѣдующій день я нарядился въ свой парадный фракъ, сшитый къ конфирмаціи; не забылъ и новые сапоги, которые, конечно, надѣлъ сверхъ панталонъ; и разодѣтый въ пухъ, въ огромной шляпѣ, падавшей мнѣ на глаза, отправился къ танцовщицѣ, мадамъ Шаль, вручить ей рекомендательное письмо. Прежде чѣмъ дернуть колокольчикъ, я опустился на колѣни передъ ея дверью, и усердно помолился Богу, чтобы онъ не оставилъ меня своею защитою и помощью. Въ это время какая-то служанка входила по лѣстницѣ съ корзинкою въ рукахъ; она привѣтливо улыбнулась мнѣ, сунула мнѣ въ руку шиллингъ, и порхнула далѣе. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я на нее и на шиллингъ; на мнѣ было мое важное платье, слѣдовательно, думалъ я, я одѣтъ очень прилично такъ какъ же могла она вообразить, что я прошу подавнія. Я окликнулъ ее: — «Возьми себѣ, возьми!» отвѣчала она и скрылась. Наконецъ я позвонилъ, и былъ впущенъ къ танцовщицѣ, которая осмотрѣла и выслушала меня съ видомъ чрезвычайнаго удивленія. Писавшій письмо былъ ей вовсе неизвѣстенъ, и моя наружность и появленіе казались ей очень странными. Я высказалъ ей свое непреодолимое влеченіе къ театру, и на вопросъ ея, какія роли я могу занимать, отвѣчалъ, что могу играть Сандрильону. Эта пьеса была играна королевскими актерами въ Одензе, и главная роль такъ поразила меня, что я зналъ всю на память. Затѣмъ я испросилъ позволеніе свять сапоги, чтобы придать себѣ необходимую для роли легкость; схватилъ свою огромную шляпу вмѣсто тамбурина и принялся танцовать и пѣть:

Деньги и высокій санъ

Отъ заботъ не избавляютъ.

Мои странные приемы и быстрота движеній возбудили въ танцовщицѣ подозрѣніе, что я не въ своемъ умѣ, и она поспѣшила выпроводить меня. Я пошелъ къ директору театра, просить его дать мнѣ мѣсто; онъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и сказалъ, что я для театра слишкомъ щедеушевъ. — «О, не безпокойтесь объ этомъ! отвѣчалъ я; дайте мнѣ только сто риксбанкталеровъ въ годъ жалованья, и вы увидите, какъ я поправлюсь.» Директоръ приказалъ мнѣ оставить его въ покоѣ, и сказалъ, что на театрѣ ангажируются только люди, получившіе нѣкоторое образованіе.

Я вышелъ отъ него въ отчаяніи; ни къ кому не могъ я обратиться за утѣшеніемъ или за совѣтомъ; одно оставалось мнѣ, подумалъ я, — умереть; но мысли мои вознеслись къ Богу и привязались къ нему съ твердымъ упованіемъ дитяти на отца. Я заплакалъ свое горе и утѣшился мыслью, что когда всякая надежда будетъ потеряна, тогда Онъ пошлетъ мнѣ помощь; что я читалъ въ книгахъ, что человекъ долженъ сперва многое перетерпѣть и потомъ уже можетъ достигъ почестей и славы. За тѣмъ я пошелъ въ кассу театра и купилъ билетъ въ галерею: давали оперу «Павелъ и Виргинія.» Разлука влюбленныхъ такъ поразила меня, что я заплакалъ навзрыдъ; двѣ старухи, сидѣвшія подлѣ меня, стали меня утѣшать, увѣряя, что это только комедія, а не дѣйствительное происшествіе; одна изъ нихъ дала мнѣ огромный бутербротъ съ колбасою. Я былъ чрезвычайно довѣрчивъ къ людямъ, и потому откровенно сказалъ сосѣдкамъ, что плачу собственно не надъ Павломъ и Виргиніею, а отъ того, что театръ моя Виргинія, съ которою я долженъ разлучиться, и что, слѣдовательно, я самъ также несчастенъ, какъ Павелъ. Онѣ съ любопытствомъ посмотрѣли на меня, но повидимому не поняли меня толкомъ; я разсказалъ имъ, зачѣмъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ, и какъ очутился въ немъ круглымъ сиротою. Старуха дала мнѣ еще бутербротъ, прибавивъ къ нему плодовъ и широжковъ.

На слѣдующее утро я разсчитался съ хозяиномъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что отъ всего моего богатства оставался одинъ риксбанкталеръ; мнѣ надлежало или немедленно взять мѣсто на кораблѣ, чтобы ѣхать домой, или поступить въ ученіе къ какому-нибудь ремесленнику. Послѣдній путь показался мнѣ разумнѣйшимъ; потому что, возвратясь въ Одензе, мнѣ все равно пришлось-бы идти въ ученье; а я предвидѣлъ, какъ-бы стали надо мною смѣяться, если-бъ я возвратился изъ своего великаго путешествія ни съ чѣмъ. Какому ремеслу учиться, — мнѣ было совершенно равно, потому что я пріѣзжалъ къ этому средству единственно за тѣмъ, чтобы какъ-нибудь прокормиться въ Копенгагенѣ. Я купилъ какой-то номеръ газеты, сталъ рыться въ объявленіяхъ, и узналъ, что одному столяру нуженъ былъ ученикъ. Я отправился къ мастеру, который принялъ меня очень радушно, но сказалъ, что не можетъ взять меня въ ученье, пока не получитъ изъ Одензе аттестата и свидѣтельства о моемъ крещеніи; впрочемъ, что я могу переѣхать къ нему и посмотрѣть, какъ поправится мнѣ ремесло. На слѣдующій день, въ шесть часовъ утра, я былъ уже въ мастерской, и нашелъ тамъ нѣсколько подмастерьевъ и учениковъ,

самого хозяина не было дома. Работники бесѣдовали между собою довольно невоздержно и нескромно; я былъ стыдливъ и краснѣлъ, какъ дѣвушка; они это тотчасъ замѣтили, и стали дразнить меня; скоро шутки ихъ дошли до того, что я припомнилъ сцену на фабрикѣ, и рѣшился дня не оставаться въ мастерской. Я тотчасъ сошелъ къ хозяину, со слезами простился съ нимъ, сказавъ, что я не въ силахъ болѣе выдержать; онъ старался успокоить меня, но тщетно; я былъ слишкомъ взволнованъ и поспѣшно удался.

Печально шелъ я по улицѣ; у меня не было ни души знакомой въ городѣ, я былъ совершенно покинутъ. Вдругъ вспомнилъ я, что какъ то читалъ въ газетахъ, въ Одензе, о какомъ-то итальянцѣ Сибони, бывшемъ директоромъ музыкальной консерваторіи въ Копенгагенѣ. Всѣ хвалятъ мой голосъ, думалъ я, можетъ быть онъ приметъ меня. Это была моя послѣдняя надежда; не то мнѣ слѣдовало въ тотъ же вечеръ принскать корабль, который отвезъ бы меня на родину. Мысль о возвращеніи усилила мое горе, и въ этомъ состояніи отправился я къ Сибони. У него въ этотъ день былъ большой обѣдъ, на который были приглашены нашъ знаменитый композиторъ Вейзе, поэтъ Баггезенъ, и нѣкоторые другія лица. Ключница отворила мнѣ дверь; я сообщилъ ей не только цѣль своего посѣщенія, но и всю свою исторію; она выслушала меня съ большимъ участіемъ, и, должно быть, передала весь мой рассказъ, потому что меня заставили прождать довольно долго, наконецъ дверь отворилась, и все общество вышло посмотреть на меня; меня заставили пѣть, и Сибони прослушалъ меня очень внимательно; потомъ заставили меня еще продекламировать нѣсколько сценъ изъ Гольберга и разныя стихотворенія; тутъ чувство моего горестнаго положенія такъ овладѣло мною, что я заплакалъ; всѣ гости аплодировали. — «Говорю вамъ, что изъ него что нибудь выйдетъ, сказалъ Баггезенъ; только ты не забывайся отъ того, когда вся публика будетъ тебѣ аплодировать.» Сибони обѣщалъ заняться моимъ голосомъ и образовать изъ меня хорошаго пѣвца для королевскаго театра. Я былъ въ восторгѣ, смѣялся и плакалъ отъ радости; ключница, выпуская меня и видя мое волненіе, потрепала меня по щекѣ, и велѣла мнѣ на слѣдующее утро побывать у профессора Вейзе, который желаетъ мнѣ добра, и на котораго я могу положиться.

Я пришелъ къ Вейзе; онъ самъ испыталъ борьбу съ жизнью и бѣдностью, и потому мое бѣдственное положеніе глубоко тронуло его; онъ тотчасъ предложилъ складчину въ мою пользу, и со-

бралъ семьдесятъ риксбанкталеровъ. Тутъ я написалъ первое письмо къ матушкѣ; письмо, полное радости, какъ будто все блага міра разомъ обрушились на меня; матушка показала письмо своимъ знакомымъ; одни дивились, другіе недовѣрчиво улыба-лись и покачивали головою, говоря: — «Подождемъ, что еще бу-детъ впереди.» Чтобы понимать наставленія Сибони, мнѣ необ-ходимо было знать немощко по-нѣмецки; одна копенгагенка, прїѣхавшая со мною изъ Одензе и готовая помогать мнѣ во мѣ-рѣ своихъ силъ, уговорила знакомаго ей учителя давать мнѣ уро-ки безденежно; такимъ образомъ я выучилъ нѣсколько нѣмец-кихъ фразъ. Сибони открылъ мнѣ свой домъ, кормилъ и училъ меня. Но черезъ полгода я спалъ съ голосу, отъ того ли, что па-ступило для него время перехода или я его испортилъ, прохо-дивъ цѣлую зиму въ ветхой обуви и безъ теплаго платья. Вся-кая надежда пропала, чтобы изъ меня могъ выйти хорошій нѣ-вецъ; Сибони сказалъ мнѣ это откровенно, и совѣтовалъ мнѣ возвратиться въ Одензе и приняться за какое-нибудь ремесло.

Послѣ того, какъ я описалъ матушкѣ свое счастье въ яркихъ краскахъ фантазій, возвратиться мнѣ на родину, чтобы быть по-смѣшникомъ всему городу! одна эта мысль терзала, давила меня. Однако-же видимое несчастье, постигшее меня, было ступенью къ лучшему. Между тѣмъ, какъ я считалъ себя покинутымъ на произволъ судьбы, и печально задумывался надъ своею горькою долею, мнѣ вдругъ пришло на память, что въ Копенгагенѣ жилъ поэтъ Гульдбергъ, родной братъ полковника Гульдберга, оказав-шаго мнѣ столько расположенія въ Одензе. Онъ жилъ тогда за городомъ, близъ новаго кладбища, которое онъ такъ хорошо вос-пѣлъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Я написалъ къ нему, изложилъ ему свое положеніе, потомъ самъ отправился къ нему и засталъ его зарытаго въ книги и окруженнаго множествомъ трубокъ. Онъ принялъ меня очень любезно, и, замѣтивъ изъ моего письма, что я очень плохъ въ правописаніи, обѣщалъ давать мнѣ уроки въ датскомъ языкѣ; потомъ испыталъ меня въ нѣмецкомъ язы-кѣ и замѣтилъ, что не худо будетъ ему взять меня въ руки и въ этомъ предметѣ. Наконецъ онъ подарилъ мнѣ вырчку отъ одно-го небольшого сочиненія, которое онъ въ то время печаталъ. Это назначеніе скоро стало извѣстнымъ, и, сколько я могу при-помнить, книжка дала болѣе ста риксбанкталеровъ. Добрый Вей-зе и другія лица также помогали мнѣ.

Жить въ гостиницѣ пришлось бы мнѣ слишкомъ дорого, и я долженъ былъ искать себѣ квартиры въ частномъ домѣ. Будучи

совершенно незнакомъ съ свѣтомъ и людьми, я наткнулся на одну вдову, жившую въ одной изъ улицъ Копенгагена, пользовавшихся самою недоброю славою. Это была женщина суровая, но дѣятельная; она описала мнѣ весь городъ такимъ скопищемъ злодѣевъ, что мнѣ показалось, будто я попалъ на самую надежную пристань. Она требовала двадцать риксбанкталеровъ въ мѣсяцъ за комнату, то есть за большой чердакъ безъ оконъ и безъ свѣта, впрочемъ съ позволеніемъ сидѣть въ ея комнатѣ; сначала мы уговорились, что я проживу два дня для пробы, но на слѣдующій день она объявила мнѣ, что я долженъ рѣшиться, или съѣзжать немедленно. По своей склонности привязываться къ людямъ, я успѣлъ уже привыкнуть къ хозяйкѣ; но Вейзе сказалъ мнѣ, что я не могу давать болѣе шестнадцати риксбанкталеровъ въ мѣсяцъ, потому что я получалъ ровно эту сумму отъ него и отъ Гульдберга, такъ что и тутъ мнѣ не оставалось ни гроша на другіе расходы. Это чрезвычайно огорчало меня; и когда хозяйка вышла, я сѣлъ на диванъ и долго смотрѣлъ на портретъ ея покойнаго мужа. Я былъ до того еще ребенокъ, что почувствовалъ слезы, катившіяся по моимъ щекамъ, вздумалъ омочить ими глаза портрета, чтобы покойникъ видѣлъ мое горе и смягчилъ сердце жены. Впрочемъ, она поняла, кажется, что больше отъ меня получить было невозможно; потому что, возвратившись домой, сказала, что, такъ и быть, отдастъ мнѣ квартиру за шестнадцать риксбанкталеровъ, а я благодарилъ Бога.

Я жилъ среди тайнъ Копенгагена, но не умѣлъ еще постичь ихъ. Ребачество доводило меня до того, что я еще игралъ своимъ кукольнымъ театромъ, и шилъ наряды для куколъ; а чтобы добывать для этого лоскутки, ходилъ по лавкамъ и просилъ образчиковъ разныхъ матерій и шелковыхъ лентъ. У меня самого не было ни шиллинга, потому что хозяйка получала всѣ деньги за мѣсяцъ впередъ; только развѣ когда она посылала меня за чѣмъ-либо или давала мнѣ порученіе, то давала мнѣ кое-что за трудъ; но эти деньги тотчасъ выходили на покупку пачечей бумаги и старыхъ книгъ, преимущественно комедій. Между тѣмъ я былъ совершенно доволенъ своею судьбою, особенно когда профессоръ Гульдбергъ представилъ меня первому комику копенгагенскаго театра, Линдгрену, доброму и очень образованному человѣку, и уговорилъ его учить меня. Онъ заставилъ меня выучить нѣкоторыя роли въ Гольберговыхъ пьесахъ, напримѣръ Гендриха и вообще простаковъ, на которыя ему казалось, что умения были нѣкоторыя способности; но мнѣ все хотѣлось играть Корреджіо.

Чтобы утѣшить меня, Линдгрень позволилъ мнѣ выучить и эту роль и комически-серьезно спросилъ меня, какъ же я сдѣлаю, чтобъ придать себѣ наружное сходство съ живописцемъ. Однакожъ я прочелъ монологъ въ картинной галерѣ съ такимъ чувствомъ, что старикъ дружески хлопнулъ меня по плечу и сказалъ : — Чувство у тебя есть, но не актеромъ тебѣ надо быть! Впрочемъ кто знаетъ? поговори объ этомъ съ Гульдбергомъ; да поучись немножко латыни; латынь ведетъ къ учености». — Мнѣ быть ученымъ! Эта мысль никогда не приходила въ голову; театръ былъ мнѣ всего ближе, всего милѣе; однакожъ и латыни поучиться не мѣшало. Прежде всего я заговорилъ объ этомъ съ дамою, доставившею мнѣ нѣмецкаго учителя, но она отвѣчала, что латынь самый дорогой изъ всеѣхъ языковъ, и что едва ли можно научиться латыни безденежно, однакоже Гульдбергъ отпескалъ между своими пріятелями одного, который взялся давать мнѣ одинъ или два урока въ недѣлю.

Танцовщикъ Даленъ, котораго жена была въ то время одною изъ первыхъ артистокъ, на датской сценѣ, также открылъ мнѣ свой домъ; много вечеровъ провелъ я тамъ, съ его доброю, кроткою женою, которая очень полюбила меня; онъ же водилъ меня въ свою танцевальную школу, и это, какъ будто на одинъ шагъ приблизило меня къ театру. Иногда по цѣлому утру стоялъ я съ палкою, вытягивая ноги; но не смотря на все мое усердіе, Даленъ говорилъ, что мнѣ никакъ не идти далѣе фигурантовъ. Я все-таки что-нибудь выигралъ; я могъ во время представленія стоять за кулисами, или даже садиться на послѣдней скамейкѣ въ ложѣ фигурантовъ; мнѣ казалось, что я уже одной ногой на театрѣ, но я ни разу еще не бывалъ на самой сценѣ. Однажды давали оперетку «*Маленькіе савояры*»; въ сценѣ базара позволялось вѣзмъ, даже машинистамъ, выходить на сцену, чтобы только увеличить толпу народа; я воспользовался этимъ, немножко нарумянился и благополучно вышелъ вмѣстѣ съ другими. Нарядъ мой былъ тотъ же, что всегда: мой знаменитый фракъ, который еще существовалъ, но былъ въ самомъ бѣдственномъ состояніи, не смотря на чинку и чистку. Я очень хорошо зналъ недостатки своего туалета и старался скрыть ихъ; но вслѣдствіе моихъ стараній, все движенія мои были уморительно неловки и угловаты; напримѣръ я не могъ держаться прямо, потому что иначе все замѣтили бы несоразмѣрность длины моего жилета съ моей длинной, щедушной особой. Я чувствовалъ, что надо мною будутъ смѣяться; но въ это мгновеніе я ни о чемъ не

хотѣлъ думать, кромѣ счастья выступить въ первый разъ на театральные подмостки. Сердце мое сильно билось, я вышелъ, — тутъ подошелъ ко мнѣ одинъ пѣвецъ, который тогда былъ очень важнымъ лицомъ на театрѣ, а нынче давно забытъ, взялъ меня за руку, и насмѣшливо пожелалъ мнѣ счастливаго дебюта. — «Не представитъ-ли васъ датской націи?» спросилъ онъ и повелъ меня къ рампѣ; я понялъ, что онъ меня дурачить, что меня осмѣютъ, слезы навернулись на мои глаза, я вырвался отъ него, и печально ушелъ за кулисы. Вскорѣ послѣ того Даленъ поставилъ балетъ «Армиду», въ которомъ и мнѣ досталась небольшая роль; я представлялъ демона. Съ этого балета началось мое знакомство съ женою профессора и поэта Гейберга; нынче она одна изъ даровитѣйшихъ артистокъ датской сцены, а тогда была маленькою дѣвочкою и также участвовала въ балетѣ. Наши имена были напечатаны на афишѣ. Никогда не забуду той минуты, когда я въ первый разъ увидѣлъ свое имя въ печати! мнѣ казалось, что около него уже горятъ лучи безсмертія; я читалъ и перечитывалъ напечатанное имя; ложась спать, взялъ балетную программу съ собою въ постель, и при свѣтѣ свѣчи опять перечитывалъ это одно имя. Однимъ словомъ, я тонулъ въ морѣ блаженства!

Другой годъ уже жилъ я въ Копенгагенѣ; собранная для меня сумма вышла, а я стыдился открыть кому-либо свою нужду. Я переѣхалъ къ этому времени къ одной матросской вдовѣ, у которой получалъ только квартиру и кофе по утрамъ. Это время принадлежитъ къ самымъ тяжелымъ днямъ въ моей жизни; хозяйка моя воображала, что я ходилъ обѣдать у знакомыхъ, а вмѣсто того я обыкновенно сидѣлъ на скамьѣ въ королевскомъ саду и грызъ краюшку хлѣба; лишь изрѣдка позволялъ я себѣ входить въ какой-либо трактиръ, изъ самыхъ бѣдныхъ, и садился къ самому отдаленному столу. На самомъ дѣлѣ я былъ въ чрезвычайно жалкомъ положеніи, но не чувствовалъ всей его тяжести. Каждога человека, который встрѣчалъ меня привѣтливо, я считалъ честнымъ человекомъ и готовъ былъ признать другомъ; мысль о покровѣ Божиемъ никогда не покидала меня, и часто, послѣ вечерней молитвы, я вопрошалъ Его съ дѣтскимъ простодушіемъ, когда же настанутъ для меня болѣе свѣтлые дни? Я былъ твердо убѣжденъ, что какъ посчастливится человеку въ новый годъ, такъ будетъ счастливиться и весь круглый годъ; высшимъ же предметомъ всѣхъ моихъ желаній было — получить роль въ какой-либо пьесѣ. Наступилъ новый годъ, театръ былъ

закрѣтъ ; одинъ только старѣй, полуслѣпой сторожъ сидѣлъ у входа пустой сцены ; съ сильно бьющимся сердцемъ прокрался мимо его, между кулисъ и занавѣсовъ, и сталъ противъ пустаго партера. Тутъ я палъ на колѣна, и хотѣлъ декламировать ; но ни одинъ стихъ не приходилъ мнѣ на память, и я могъ только прочесть вслухъ «Отче нашъ.» Затѣмъ я вошелъ, въ твердомъ убѣжденіи, что такъ какъ мнѣ удалось въ новой годъ что-нибудь произнести со сцены, то непременно удастся въ теченіи года произнести и болѣе, даже сыграть цѣлую роль.

Въ два года, которые я уже пробылъ въ Копенгагенѣ, я ни разу не любовался природою въ ея первобытномъ, безыскусственномъ состояніи ; одинъ только разъ какъ-то случилось мнѣ быть въ Зоологическомъ саду, но и тамъ меня развлекали шумъ и пестрота народной жизни. Только на третьемъ году отправился я въ одно ясное весеннее утро, въ первый разъ, за городъ, въ Фридрихсбергскій садъ, лѣтнее мѣстопробываніе Фридриха VI. Я вдругъ очутился среди огромныхъ буковъ, только что начинавшихъ распускаться ; листья казались прозрачными подъ лучами солнца ; воздухъ былъ полонъ невыразимой свѣжести, аромату, птицы щебетали такъ весело, — какая-то безумная радость овладѣла моею душою, я обнялъ одно изъ деревъ, и принялся цѣловать его. — «Вотъ-то сумасшедшій!» сказалъ чей-то голосъ за мною ; я оглянулся, это былъ одинъ изъ дворцовыхъ служителей. Я въ испугъ побѣжалъ прочь, и уже спокойно, отрезвѣвъ такъ сказать, возвратился въ городъ.

Между тѣмъ у меня снова началъ показываться голосъ, и даже звучнѣе, полнѣе прежняго. Учитель хоровъ, услышавъ его, предложилъ мнѣ мѣсто въ своей школѣ, и увѣрялъ, что участіемъ въ хорахъ я приобрѣту болѣе развязности и свободы движеній на сценѣ. Я принялъ предложеніе, видя въ немъ новую надежду къ достиженію цѣли всѣхъ моихъ желаній ; перешелъ изъ танцевальной школы въ школу пѣнія, и скоро сталъ являться въ хорахъ, то настухомъ, то воинномъ. Театръ сдѣлался моею вселенною ; мнѣ позволено было ходить въ партеръ, а латынь отъ того, разумѣется, не мало страдала. Я часто слыхалъ сужденія, что для того, чтобы пѣть въ хорахъ, не нужно латыни, и что и безъ нея можно быть великимъ актеромъ. Я находилъ это сужденіе очень основательнымъ и потому нерѣдко, подъ разными предлогами, благовидными и неблаговидными, отказывался отъ вечернихъ латинскихъ уроковъ. Гульдбергъ узналъ объ этомъ, и въ первый разъ въ жизни пришлось мнѣ выслушать строгій вы-

говоръ, впрочемъ вполне заслуженный, который совершенно уничтожилъ меня. Я думаю, едва ли какой преступникъ, при прочтении ему смертнаго приговора, страдалъ такъ, какъ я въ эту минуту; должно быть, это выразилось въ моемъ лицѣ, потому что Гульдбергъ сказалъ мнѣ: «Пожалуйста не разыгрывай комедій!» Но это была вовсе не комедія. Мнѣ надлежало отказаться отъ латинскихъ уроковъ. До того времени я никогда еще не чувствовалъ въ такой степени своей зависимости отъ людской милости; по временамъ овладѣвали мною грустные, мрачныя опасенія за мою будущность, потому что я нуждался въ самомъ необходимомъ; въ другія минуты я былъ беззаботенъ, безпеченъ, какъ ребенокъ.

Вдова знаменитаго датскаго министра Христіана Кольбюрнсена и ея дочь, были первыми женщинами высшаго сословія, которыя сжалились надъ бѣднымъ юношею, приняли меня съ искреннимъ участіемъ и часто видали меня. Онѣ жили лѣтомъ на Баккехусѣ, гдѣ жилъ также поэтъ Рабекъ съ своею многою женою; самъ Рабекъ никогда не говорилъ со мною, но его живая и любезная жена очень часто со мною бесѣдовала. Я въ то время опять принялся писать трагедію, и прочелъ ей свое произведеніе; она остановила меня на первыхъ же сценахъ восклицаніемъ. — «Да у васъ цѣлыя тирады выписаны изъ Эленшлегера и Ингемана!» — «Правда; но вѣдь эти мѣста превосходны!» отвѣчалъ я простодушно, и продолжалъ чтеніе. Однажды, когда я собирался отъ нея къ г-жѣ Кольбюрнсенъ, она дала мнѣ цѣлую охапку розъ, и сказала: — «Подрудитесь отдать ей; ей безъ сомнѣнія, будетъ особенно пріятно получить эти цвѣты изъ рукъ поэта!» Это было сказано въ шутку; но тутъ я въ первый разъ слышалъ слово *поэтъ*, приставленное къ моему имени; какое-то странное ощущеніе пробѣжало по моимъ жиламъ, овладѣло моею душою, и слезы навернулись на моихъ глазахъ. Съ этого мгновенія пробудилось во мнѣ стремленіе къ литературной дѣятельности, къ творчеству; до тѣхъ поръ писательство было для меня игрушкою, смѣнявшею отъ времени до времени кукольный театръ.

На Баккехусѣ жилъ также профессоръ Тиле; онъ былъ тогда еще только молодымъ студентомъ, но уже издалъ датскія народныя саги, и былъ извѣстенъ, какъ разрѣшитель загадки Баггезена и авторъ нѣсколькихъ прелестныхъ стихотвореній. Въ немъ было много чувства, энтузіазма и любви къ ближнему. Спокойно, но внимательно слѣдилъ онъ за моимъ развитіемъ, и донны-

и мы съ нимъ самые искренніе друзья; онъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ людей, которые въ то время прямо говорили мнѣ правду, тогда какъ другіе только забавлялись на мой счетъ и замѣчали одну смѣшную сторону моего правдиваго существа. Меня въ шутку прозвали маленькимъ декламаторомъ и смотрѣли на меня, какъ на куріозное явленіе въ своемъ родѣ; смѣялись надо мною, а я, въ своемъ простодушіи, каждую улыбку принималъ за улыбку одобренія. Одинъ изъ моихъ позднѣйшихъ друзей, который видѣлъ меня въ первый разъ около этого времени, рассказывалъ мнѣ, какъ однажды, въ домѣ одного богатаго купца, меня для смѣху просили прочесть нѣкоторыя изъ моихъ собственныхъ стихотвореній. Я тотчасъ исполнилъ требованіе, и прочелъ стихи съ такимъ чувствомъ, что смѣхъ обратился въ сочувствіе и искреннее участіе.

Каждый день слышалъ я отзывы, какъ полезно было бы для меня серьезно учиться; меня уговаривали посвятить себя наукамъ, но никто не хотѣлъ шагу сдѣлать, чтобы доставить мнѣ къ тому средства; а могъ ли я самъ пробить себѣ путь? Мнѣ пришло въ голову написать трагедію и отдать ее на королевскій театръ, чтобы на вырученныя отъ нея деньги начать учиться. Еще въ то время, когда Гульдбергъ давалъ мнѣ уроки въ датскомъ языкѣ, я сочинилъ трагедію, заимствовавъ содержаніе изъ нѣмецкаго рассказа подъ названіемъ «Лѣсная часовня.» Но она была сочинена только для упражненія въ языкѣ, и Гульдбергъ настрого запретилъ мнѣ отдавать ее на театръ; да и самъ я о томъ и не думалъ. Я самъ придумалъ сюжетъ, и въ двѣ недѣли моя трагедія была готова; она называлась «Виссенбергскими разбойниками», по имени одной деревушки на островѣ Фюнелѣ. Въ ней почти слова не было, правильно написаннаго, потому что пьеса должна была явиться безъ имени автора и, слѣдовательно, я не могъ просить ничьей помощи. Одна только особа знала тайну; именно та самая молодая дѣвица, съ которою я познакомился въ Одензе, во время приготовленія въ конфирмаціи, и которая тогда одна удостоила меня своего участія и даже дружбы; черезъ нее познакомился я съ г-жею Кольбюрсенъ, и съ прочими домами, которые были все между собою знакомы. Она приняла даже на себя расходы на перепіску чистаго экземпляра трагедіи и доставленіе ея въ дирекцію. Черезъ шесть недѣль рукопись была возвращена мнѣ съ отказомъ и при письмѣ, въ которомъ дирекція покорнѣйше просила автора не утруждать

ея болѣе присылкою пьесъ, изблнчавшихъ въ немъ такое отсутствіе самаго первоначальнаго образованія.

Въ маѣ 1823 года, передъ самымъ концомъ театральнаго сезона, получилъ я повѣстку отъ дирекціи, увольняющую меня изъ танцовальной школы и школы пѣнія, съ замѣчаніемъ, что дальнѣйшее участіе въ нихъ не можетъ принести мнѣ никакой пользы, и что желательно, чтобы многочисленные друзья и покровители мои серьезно позаботились о доставленіи мнѣ средствъ къ образованію, безъ котораго и талантъ ни къ чему не поведетъ. И такъ я былъ опять пушенъ на все четыре стороны, брошенъ среди вселенной безъ опоры и безъ защиты. Во что бы ни стало, долженъ былъ я написать пьесу и добиться ея прнвятія на театръ; это было мнѣ единственнымъ спасеніемъ. Взявъ сюжетъ изъ одного историческаго разсказа, я написалъ трагедію «Альфольдъ»; отъ первыхъ дѣйствій я самъ пришелъ въ восторгъ, и тотчасъ отправился съ ними къ датскому переводчику Шекспира, покойному адмиралу Вульффу, который выслушалъ ихъ свнходительно и со вниманіемъ; впоследствии я былъ прнвнть въ его семействѣ какъ родной. Около того-же времени удалось мнѣ самому, безъ всякаго посредства, познакомиться съ нашимъ знаменитымъ физикомъ Эрстедомъ, и домъ его донынѣ остался какъ-бы родиною, къ которой привязалось мое сердце и которая заключаетъ самыхъ старинныхъ, неизмѣнныхъ моихъ друзей. Въ то время жилъ еще знаменитый проповѣдникъ, прбствъ Гутфельдтъ; и онъ-то всѣхъ усердиѣе сталъ защищать мою трагедію, когда она была окончена; даже самъ отправилъ ее въ театральную дирекцію, съ очень лестнымъ для меня рекомендательнымъ письмомъ. Я колебался между надеждою и страхомъ; лѣтомъ я терпѣлъ крайнюю нужду, но никому не говорилъ о томъ; я увѣренъ, что все особы, оказывавшія мнѣ столько участія, поспѣшили бы помочь мнѣ, но ложный стыдъ не позволялъ мнѣ обратиться къ ихъ состраданію. Однако-же, среди этой нужды я былъ счастливъ; я читалъ въ первый разъ сочиненія Вальтеръ-Скотта, и они открывали мнѣ новый міръ; я забывалъ горькую дѣйствительность и съ радостью отдавалъ за прокатъ книгъ деньги, которыя слѣдовало употребить на обѣдъ.

Въ это время увидѣлся я въ первый разъ съ вышѣшнимъ членомъ совѣта, Коллиномъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ мужей Даніи, соединяющимъ съ высокимъ дарованіемъ самое благородное и любящее сердце; съ человекомъ, къ которому я до-сихъ-поръ во всемъ обращаюсь съ глубокимъ почтеніемъ и неограни-

ченнымъ довѣріемъ, въ которомъ я нашелъ второго отца, и котораго дѣти мнѣ родные братья. Онъ былъ тогда уже директоромъ королевскаго театра, и все говорили мнѣ, что величайшимъ счастьемъ было бы для меня, еслибъ онъ принялъ во мнѣ участіе. Не знаю Эрстедъ ли или Гутфельдтъ первый заговорилъ ему обо мнѣ, и я явился въ домъ, который долженствовалъ сдѣлаться мнѣ столь драгоценнымъ. До перенесенія стѣнъ Копенгагена, этотъ домъ находился за заставою и служилъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ испанскому посланнику; нынче этотъ кривой и угловатый деревянный домъ стоитъ среди одной изъ красивѣйшихъ улицъ; старинная деревянная галлерей ведетъ ко входу, и огромное дерево развѣсило свое зеленое листье надъ дворомъ и надъ остроконечною кровлею. Этотъ домъ сталъ мнѣ отчизною; мудро ли, что я съ любовью останавливаюсь на его описаніи? При первомъ свиданіи, я увидѣлъ въ Коллинѣ только дѣловаго человѣка; рѣчь его была коротка и холодна; я вышелъ, не ожидая отъ него никакого участія, не только помощи; а между тѣмъ Коллинъ всѣхъ пламеннѣе желалъ мнѣ добра; ничего не говорилъ, но тайно дѣйствовалъ ко благу всей моей жизни; таковъ былъ ко всемъ и во все продолженіе своей дѣятельной жизни. Въ то время я не понималъ спокойствія, съ которымъ онъ слушаетъ по видимому несчастнаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ сердце его обливается кровью и онъ только думаетъ о средствахъ подать страдальцу дѣйствительную помощь. О моей трагедіи, которую столь многіе осыпали похвалами, отзывался онъ такъ холодно и такъ воздержно, что я смотрѣлъ на него болѣе какъ на врача, чѣмъ какъ на покровителя. Однако-же черезъ нѣсколько дней я былъ приглашенъ въ театральную дирекцію, и Рабекъ возвратилъ мнѣ рукопись, говоря, что пьеса для театра не годится, но что въ ней есть золотые самородки, которые внушаютъ надежду, что, получивъ надлежащее образованіе, и по изученіи всего необходимаго для избраннаго мною поприща я буду въ состояніи подарить датскую сцену трудами, достойными представленія. А между-тѣмъ, чтобы обезпечить мое существованіе и доставить мнѣ средства къ ученію, Коллинъ походатайствовалъ для меня у короля Фридриха VI ежегодную пенсію на нѣсколько лѣтъ; главное же управленіе вышнихъ школъ, по его же просьбѣ разрѣшило мнѣ поступить безденежно въ латинскую школу въ Слагельзе, въ которую только что передъ тѣмъ былъ опредѣленъ новый ректоръ, человѣкъ очень ученый и дѣятельный. Я совершенно онѣмѣлъ отъ радости; мнѣ нѣкогда

не приходило въ голову, чтобы моя судьба могла принять такой оборотъ; впрочемъ я собственно и не имѣлъ опредѣленнаго понятія о новомъ пути, который открывался предо мною. Мнѣ слѣдовало ѣхать съ первымъ отходящимъ diligencemъ въ Слагельзе; въ двѣнадцати миляхъ отъ Копенгагена, въ школу, изъ которой вышли поэты Баггезенъ и Ингеманъ; каждые три мѣсяца получать деньги отъ Коллина, и въ случаѣ нужды обращаться прямо къ нему, потому что ему было поручено наблюдать за моимъ усердіемъ и моими успѣхами. Я отправился къ Коллину благодарить его; кротко и съ искреннимъ участіемъ сказалъ онъ мнѣ: «Пишите мнѣ откровенно обо всемъ, о вашихъ нуждахъ и положеніи.» Съ этого часу онъ сталъ мнѣ вторымъ отцомъ; никакой отецъ не могъ бы сдѣлать для меня того, что онъ сдѣлалъ, и никто, впоследствии, не принималъ такого теплаго участія въ моихъ успѣхахъ и моемъ счастіи, не дѣлалъ такъ душевно моихъ горестей, какъ онъ; и я горжусь тѣмъ, что могу сказать, что одинъ изъ достойнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ мужей Даніи заботился обо мнѣ, какъ о родномъ сынѣ. И благодѣяніе его не сопровождалось ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ, которые дали бы мнѣ почувствовать тяжесть благодѣянія; а этого я не могу сказать обо всѣхъ, къ кому я долженъ былъ являться съ благодарностью за эту перемѣну въ моей судьбѣ. Другіе увѣщевали меня помнить свою бѣдность и прилежаніемъ заслужить необыкновенное счастье, которымъ меня дарили; въ словахъ Коллина была одна отеческая любовь и заботливость, а между тѣмъ ему одному былъ я всѣмъ обязанъ.

Отъѣздъ мой былъ назначенъ такъ поспѣшно, что я не успѣлъ устроить одного дѣла. У меня былъ одинъ знакомый изъ Одензе, управлявшій небольшою типографією, за вдову хозяйку. Я отдалъ ему своего «Альфоля», надѣясь этимъ пріобрѣсть еще нѣсколько денегъ. Но чтобы напечатать его, слѣдовало сначала собрать извѣстное число подписчиковъ. Я не успѣлъ этого сдѣлать, а когда пришелъ за рукописью, типографія была заперта. Я почти забылъ о ней; но нѣсколько лѣтъ спустя, она вдругъ явилась въ свѣтъ, безъ моего согласія и даже безъ вѣдома, безъ всякихъ измѣненій, но и безъ моего имени.

Въ прекрасный осенній день выѣхалъ я изъ Копенгагена въ diligencemъ, чтобы приняться за ученіе въ Слагельзе. Подлѣ меня сидѣлъ молодой студентъ, только что за мѣсяць передъ тѣмъ выдержавшій экзаменъ, и ѣхавшій на родину въ Ютландъ, показаться роднымъ и друзьямъ студентомъ. Онъ былъ въ восторгѣ

отъ своего новаго званія и увѣрялъ меня, что почелъ бы себя несчастнѣйшимъ изъ людей, еслибъ былъ на моемъ мѣстѣ и только что поступалъ въ латинскую школу. Однако-же я съ радостью ѣхалъ въ маленькій Зеландскій городокъ; и написалъ матушкѣ письмо, въ которомъ каждая строка дышала блаженствомъ. Объ одномъ сожалѣлъ я: что отецъ и бабушка не дожили до того, чтобы видѣть меня въ латинской школѣ.

III.

Пріѣхавъ поздно вечеромъ въ единственную гостиницу города Слагельзе, я спросилъ хозяйку, вѣтъ ли чего замѣчательнаго въ городѣ. — «Какъ-же, отвѣчала она, новая англійская пожарная труба и библіотека пастора Бастгольма.» И дѣйствительно этимъ почти ограничивались всѣ достопримѣчательности города. Два, три уланскихъ офицера составляли весь большой свѣтъ. Каждый зналъ, что дѣлалось въ каждомъ домѣ, даже кто изъ учениковъ латинской школы былъ переведенъ въ высшій или низшій классъ, и т. п. Частный театръ, въ который латинская школа и служанки пускались даромъ на репетиціи, достаточно пробавлялъ разговоры. Съ одной стороны города былъ лѣсъ, но довольно далеко; съ другой, и еще дальше, море; однако черезъ него проходила большая почтовая дорога, и довольно часто раздавались рожокъ кондукторовъ и стукъ проѣзжающихъ дилижансовъ.

Я поступилъ на хлѣбы къ одной вдовѣ, принадлежавшей къ образованному классу, которая отвела мнѣ комнату съ окномъ въ садъ и въ поле. Въ школѣ меня помѣстили въ предпоследній классъ, съ дѣтьми; сказать правду, я зналъ еще меньше ихъ, то-есть ровно ничего.

Я очутился въ положеніи дикой птички, только что пойманной и посаженной въ клѣтку; охота учиться у меня была, но въ первое время я метался во всѣ стороны, хватался за все, какъ-будто меня бросили въ море. Одна волна слѣдовала за другою: грамматика, географія, математика, — меня обдало всеѣмъ этимъ вдругъ и я боялся, что мнѣ никогда не справиться со столькими премудростями. Ректоръ имѣлъ страсть надъ всеѣмъ трунить, и, конечно, не щадилъ и меня. Для меня онъ былъ не простымъ человѣкомъ, а какимъ-то высшимъ существомъ; я безусловно вѣровалъ въ каждое его слово; однажды, когда я не

впопадъ отвѣтилъ на какой-то его вопросъ, онъ сказалъ мнѣ, что я глупъ какъ пень, и я тотчасъ написалъ это Коллину, сообщая ему свое опасеніе, что я не заслуживалъ того, что для меня дѣлали; Коллинъ, однако, успокоилъ меня. Въ нѣкоторыхъ предметахъ я началъ оказывать довольно быстрые успѣхи и всѣ учителя были ко мнѣ хорошо расположены; не смотря на то, однако, я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утрачивалъ довѣріе къ себѣ и своимъ способностямъ. На одномъ изъ первыхъ экзаменовъ я удостоился похвального отзыва ректора, и это было внесено въ мой аттестатъ; съ какимъ восторгомъ поѣхалъ я послѣ этого на нѣсколько дней въ Копенгагенъ. Гульдбергъ, замѣчая мои успѣхи, принялъ меня чрезвычайно радушно и хвалилъ меня за прилежаніе; а братъ его, въ Одензе, доставилъ мнѣ на слѣдующее лѣто средства съѣздить на родину, которой я не видалъ съ самого того времени, какъ отправился искать счастья на свѣтѣ. Я переѣхалъ Бельтъ и потомъ пошелъ въ Одензе пѣшкомъ; по-мѣрѣ того, какъ я приближался, и яснѣе рисовалась передо мною старая, высокая колокольня, какое-то невыразимо сладостное чувство овладѣвало моимъ сердцемъ, и я наконецъ заплакалъ. Матушка не могла мнѣ народоваться; семейства Иверсена и Гульдберга приняли меня какъ нельзя любезнѣе; когда я проходилъ по узкимъ улицамъ, изъ всѣхъ оконъ высовывались головы любопытныхъ, чтобы взглянуть на меня, потому-что по всему городу разнеслась уже молва о томъ, какъ мнѣ прекрасно повезло. Однажды одинъ изъ почтеннѣйшихъ Одензейскихъ гражданъ, построившій высокую башню на своемъ домѣ, повелъ меня туда, чтобы взглянуть на городъ и его окрестности; когда я взшелъ на башню и увидѣлъ оттуда на площади нѣсколько старухъ изъ богадѣльни, которыя знали меня съ дѣтства, и теперь снизу указывали на меня, мнѣ показалось, что я достигъ верха земнаго блаженства. Но едва я возвратился въ Слагельзе, всѣ эти чудныя мечты мгновенно исчезли, не оставивъ даже слѣда по себѣ. Я занимался очень усердно, и при первомъ переводѣ былъ переведенъ въ высшій классъ; но тутъ еще болѣе начала давить меня мысль, что всѣ мои усилія не приносятъ надлежащаго плода. Сколько разъ, по вечерамъ, когда сонъ одолевалъ меня, я обливалъ голову холодной водою или выбѣгалъ въ одинокій садикъ, чтобы освѣжиться и потомъ опять пристаться за книгу. Ректоръ значительную часть своихъ классовъ проводилъ въ кабинетѣхъ, раздачѣ шуточныхъ прозвищъ и въ остротахъ, не всегда удачныхъ; я дрожалъ отъ страха при одномъ его появле-

ніи и оттого въ отвѣтахъ своихъ говорилъ иногда совершенно противное тому, что хотѣлъ сказать; а это еще увеличивало мой страхъ и смущеніе.

Въ минуту ужаснаго унынія я написалъ къ старшему учителю, одному изъ тѣхъ, которые оказывали мнѣ наиболѣе душевнаго участія; въ письмѣ своемъ я говорилъ, что считаю себя совершенно лишеннымъ всякихъ способностей, что не могу учиться, и что деньги, употребляемыя на мое образованіе, просто брошенныя деньги; поэтому я просилъ у него совѣта, что мнѣ дѣлать. Добрый старикъ подкрѣпилъ меня самыми утѣшительными и кроткими словами; говорилъ, что ректоръ принимаетъ во мнѣ большое участіе и желаетъ мнѣ добра, что у него такая уже слабость надъ всѣми подшучивать, что я оказываю всѣ успѣхи, какихъ только можно отъ меня требовать, и что я не долженъ сомнѣваться въ своихъ способностяхъ. Къ этому онъ прибавилъ, что онъ самъ началъ ходить въ школу двадцати-трехъ-лѣтнимъ деревенскимъ парнемъ, слѣдовательно еще старше меня, и что вся бѣда въ томъ, что со мною надлежало бы обращаться не такъ какъ съ другими учениками, но что въ школѣ это дѣло невозможное. — И дѣйствительно, я дѣлалъ большіе успѣхи и былъ на отличномъ счету у учителей и у товарищей.

Каждое воскресенье мы обязаны были ходить въ церковь и слушать проповѣдь, которую говорилъ одинъ старый пасторъ; большая часть учениковъ имѣли обыкновеніе въ это время готовить свои уроки изъ исторіи или математики; но я позволялъ себѣ посвящать это время только Закону Божию, полагая, что оно менѣе грѣшно.

Репетиціи на частномъ театрѣ были главною отрадою моей школьной жизни. Онѣ происходили въ строеніи, примыкавшемъ къ скотному двору, и сопровождались мычаніемъ коровъ; декорация, представлявшая улицу, была снята съ городекой базарной площади, что придавало представленіямъ нѣчто родное; жителямъ невыразимо пріятно было видѣть собственные свои дома.

По субботамъ вечеромъ съ удовольствіемъ ходилъ я къ Антверковскому замку, бывшему нѣкогда монастыремъ, и въ это время разваленному еще только вполовину; я слѣдилъ за раскопкою стариннаго погреба съ такимъ участіемъ, какъ бы это были развалины Помпей. Часто ходилъ я также къ кресту святаго Андерса, деревянному кресту, поставленному на одномъ изъ холмовъ, окружающихъ Слагельзе, и принадлежащему ко временамъ карллицизма въ Даніи. Святой Андерсъ, по словамъ преда-

вія, былъ священникомъ въ Слагельзе, и отправился къ святымъ мѣстамъ; въ послѣдній день онъ слишкомъ долго молился у Святаго Гроба, такъ что корабль отплылъ безъ него. Между-тѣмъ, какъ онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ ходилъ по берегу, ему встрѣтился всадникъ, и посадилъ его на своего осла; онъ въ то же мгновеніе заснулъ, а когда проснулся — услышалъ звонъ Слагельзейскихъ колоколовъ. Онъ лежалъ на Гвилеген (холмъ отдохновенія), гдѣ нынѣ стоитъ крестъ, и былъ перенесенъ на родину цѣлымъ гогомъ раньше, чѣмъ возвратился корабль, отплывшій безъ него. Мнѣ нравилось преданіе, и мѣсто, къ которому оно относится, стало мнѣ мило. Отсюда видны море и островъ Фюнень; тутъ могъ я переноситься въ міръ фантазіи, между-тѣмъ какъ въ школѣ чувство долга приковывало мои мысли къ книгамъ.

Но ничто не сравнится съ тѣмъ счастіемъ, которое испыталъ я, отправившись въ одно воскресенье, когда лѣсъ былъ еще одѣтъ въ густую зелень, за двѣ мили отъ Слагельзе, въ городокъ Сорен, стоящій среди лѣсовъ и озеръ. Тутъ находится дворянскій институтъ, основанный поэтомъ Гольбергомъ. Въ немъ было тихо и уединенно, какъ въ монастырѣ. Я шелъ къ поэту Ингеману, который не задолго передъ тѣмъ женился и взялъ мѣсто учителя при институтѣ. Еще въ Копенгагенѣ познакомился я съ нимъ, и онъ всегда принималъ меня очень ласково; здѣсь же онъ встрѣтилъ меня какъ друга. Чудною сказкою представилось мнѣ его житье; цвѣты и дикій виноградъ видѣсь по его окнамъ; комната была украшена портретами знаменитыхъ писателей и прекрасными гравюрами. Мы проѣхались по озеру съ Золовою арфою, которую привязали къ мачтѣ. Ингеманъ разсказывалъ такъ умно, съ такимъ одушевленіемъ, а добрая, милая жена его обращалась со мною какъ старшая сестра; я отъ души полюбилъ этихъ людей. Съ годами наша дружба еще усилилась, и съ-тѣхъ-поръ не проходило почти лѣта, чтобы я не погостилъ у нихъ; и каждый разъ, прощаясь съ ними, я чувствую, что есть люди, въ обществѣ которыхъ человѣкъ становится добрѣе и лучше; вся горечь жизни исчезаетъ, и міръ является, озареннымъ лучами солнца.

Между воспитанниками дворянскаго института были двое, писавшіе стихи; они знали, что я занимался тѣмъ-же, и старались сблизиться со мною. Одинъ изъ нихъ былъ Петитъ, который впоследствии, можетъ быть очень добросовѣтно, но не совсѣмъ вѣрно перевелъ нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій; другой — поэтъ Карлъ Баггеръ, одинъ изъ даровитѣйшихъ людей, являвшихся на поприщѣ датской литературы, хотя ему не отдана полная спра-

ведливость; стихотворенія его полны свѣжести и оригинальности, а его разсказъ «Исторія моего брата», — гениальная квигга, въ сужденіи которой «Датскій ежемѣсячный литературный листокъ» доказалъ, что онъ понятія не имѣетъ о критикѣ. Эти два воспитанника дворянскаго института представляли рѣзкую противоположность мнѣ: въ нихъ жизнь клокотала, переливала черезъ край; я же былъ мягокъ и тихъ, какъ ребенокъ.

Въ аттестатахъ моихъ я постоянно получалъ за поведеніе отмѣтку «отлично»; одинъ разъ только, не знаю почему, поставили мнѣ только «очень хорошо.» Это такъ встревожило меня, что я написалъ предлинное письмо къ Коллину, увѣряя его, что я рѣшительно не виноватъ тому, что получалъ «очень хорошо», вмѣсто «отлично.»

Между тѣмъ ректору надоѣло жить въ Слагельзе, онъ сталъ хлопотать объ открывшейся тогда вакансіи на мѣсто ректора латинской школы въ Гельсингёрѣ, и получилъ ее. Онъ сообщилъ мнѣ объ этомъ и дружески совѣтовалъ писать къ Коллину, чтобы онъ позволилъ мнѣ ѣхать съ нимъ; говорилъ, что я буду жить у него, стану членомъ его семейства, что онъ самъ будетъ давать приватныя лекціи въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, и что я непремѣнно черезъ полтора года поступлю въ университетъ, тогда какъ это будетъ рѣшительно невозможно, если я предпочту остаться въ Слагельзе. Онъ и самъ написалъ объ этомъ Коллину; въ письмѣ своемъ, которое я читалъ впоследствии, онъ отзывался съ большою похвалою о моемъ трудолюбіи, о моихъ усилкахъ и способностяхъ. А я думалъ, что онъ отрицалъ во мнѣ всякую способность, и самъ столько разъ оплакивалъ ея отсутствіе! Я и не воображалъ, что онъ былъ такого выгоднаго мнѣнія обо мнѣ; знай я это, оно подкрѣпило и одушевило бы меня, тогда какъ постоянное порицаніе приводило меня въ отчаяніе. Коллинъ, разумеется, безъ всякаго затрудненія, позволилъ мнѣ ѣхать съ ректоромъ, и я тотчасъ переселился въ его домъ. Этотъ домъ оставилъ въ моей душѣ только горестныя, мрачныя воспоминанія.

Мы поѣхали въ Гельсингёръ, одно изъ самыхъ дѣвннхъ мѣстъ въ Даніи, на самомъ берегу Эрезунда, который имѣетъ здѣсь не болѣе одной мили ширины, и кажется только широкою, синею рѣкою, протекающею между Даніею и Швеціею. Суда всевозможныхъ націй проходятъ тутъ ежедневно сотнями; зимою ледъ учреждаетъ прочный мостъ между обоими берегами; весною же, когда проливъ вскрывается, онъ точно пловучій горный ледникъ. Эта величественная природа произвела на меня сильное впечат-

лѣніе; но только украдкою могъ я любоваться ею. Какъ скоро классы были кончены, домъ запирался, и я долженъ былъ сидѣть въ душевной учебной комнатѣ надъ латынью, или играть съ дѣтьми, или просто сидѣть въ своей комнаткѣ; я нигде не ходилъ и ни съ кѣмъ не видался. Время, проведенное мною въ этомъ домѣ, до сихъ поръ представляется мнѣ страшнымъ сномъ; я самъ удивляюсь, какъ мнѣ достало силы вынести эту жизнь; каждый вечеръ молилъ я Бога отвести отъ меня эту горькую чашу или послать мнѣ смерть. Я утратилъ всякое довѣріе къ себѣ; въ письмахъ своихъ, не смѣлъ говорить, какъ тяжело мнѣ было, когда ректоръ смѣялся надо мною и особенно надъ моею чувствительностію; я ни на кого не жаловался, кромѣ себя самого, потому что понималъ, что въ Копенгагенѣ подумаютъ, что мнѣ лѣнь заниматься, или что моя мечтательность не можетъ ужиться съ дѣйствительностію. Письма мои къ Коллину были полны такого унынія, такой мрачной безнадежности, что онъ началъ сильно тревожиться обо мнѣ; но чѣмъ было помочь мнѣ? мое душевное состояніе приписывали внутреннимъ, врожденнымъ причинамъ, тогда какъ оно было только слѣдствіемъ вѣшняго вліянія. Я былъ, напротивъ, чрезвычайно воспріимчивъ ко всякой радости; но могъ предаваться ей только въ праздники, когда пріѣзжалъ въ Копенгагенъ.

И какой переходъ, изъ дома ректора въ Копенгагенскій домъ, гдѣ во всемъ проявлялись изящество, опрятность, удобство, даже изысканность образованнаго свѣта. Это было у адмирала Вульфа, котораго жена полюбила меня какъ мать, а дѣти встрѣчали всегда какъ друга и брата. Они занимали часть Амалиенбургскаго замка, и отвели мнѣ комнату на площадь. Никогда не за буду перваго проведеннаго тутъ вечера; у меня не выходили изъ головы слова Аладдина, когда онъ изъ своего великолѣпнаго дворца смотритъ на площадь и говорить: — «Тутъ проходилъ я бѣднымъ мальчикомъ, нищимъ!» — Душа моя, при этой мысли, наполнялась благодарностію.

Во все время моего пребыванія въ Слагельзе, я написалъ всего четыре или пять стихотвореній; изъ нихъ два, «Душа» и «Къ матери», напечатаны въ полномъ собраніи моихъ сочиненій; въ Гельсингёрфѣ же я написалъ только одно стихотвореніе, «Умирающее дитя», которое впоследствии было всѣхъ болѣе читано и признано лучшимъ. Въ Копенгагенѣ я читалъ его знакомымъ, и всѣ обратили на него вниманіе; но многіе замѣтили только мое фюненское произношеніе, отличающееся особенно скрады-

ваіемъ буквы *д*; нѣкоторые хвалили меня; но отъ большей части удостоился я только краснорѣчивыхъ наставленій, о томъ, какъ прилична скромность молодымъ людямъ, и что не должно забирать себѣ въ голову слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ! уже конечно, въ то время не откуда было мнѣ забирать въ голову высокаго мнѣнія о себѣ! Въ домѣ адмирала Вульфа видалъ я нѣкоторыхъ извѣстнѣйшихъ писателей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ Адамъ Эленшлегеръ. На всѣхъ устахъ вокругъ меня раздавалась хвала ему, и я смотрѣлъ на него съ глубокимъ благоговѣніемъ; какое блаженство почувствовалъ я однажды, когда въ большой, ярко освѣщенной залѣ, въ которой я жался въ уголокъ, зная, что я всѣхъ хуже одѣтъ, онъ самъ подошелъ ко мнѣ и подаль мнѣ руку! я почти готовъ былъ пасть передъ нимъ на колѣни. Встрѣчалъ я также у адмирала Вульфа и перваго своего покровителя Вейзе, и слышалъ его дивныя импровизаціи на фортепіано; самъ Вульфъ читалъ свои переводы изъ Байрона, а юная дочь Эленшлегера поражала меня своимъ бойкимъ, веселымъ умомъ.

И нѣсколько дней спустя изъ этого дома долженъ былъ я опять возвратиться къ ректору. Тутъ-то почувствовалъ я все различіе. Онъ самъ также только что возвратился изъ Копенгагена, и слышалъ тамъ, что я читалъ въ нѣкоторыхъ домахъ собственное стихотвореніе, онъ взглянулъ на меня грознымъ, сокрушающимъ взоромъ, и велѣлъ подать стихотвореніе, обѣщая простить меня, если найдетъ въ немъ хоть искру поэзіи. Дрожа со страху, принесъ я ему «Умирающее дитя»; онъ прочелъ, и объявилъ, что все это одна чувствительная чепуха, пустословіе на сахарѣ. Онъ былъ въ ужасномъ гнѣвѣ. Еслибъ онъ такъ поступалъ изъ убѣжденія, что я только убиваю время рифмотворствомъ, или что я изъ такихъ существъ, которыя должно держать въ ежовыхъ рукавицахъ, тогда онъ, пожалуй, былъ-бы правъ; но откуда могъ онъ забрать себѣ въ голову такое убѣжденіе? Съ этого дня положеніе мое стало еще несчастнѣе, и еслибъ оно продолжалось, я не вынесъ-бы этихъ душевныхъ истязаній; это самая мрачная, самая горестная эпоха во всей моей жизни. Къ счастью моему, одному изъ нашихъ учителей случилась нужда съѣздить въ Копенгагенъ; онъ видѣлся съ Коллингомъ и открылъ ему мое положеніе въ настоящемъ видѣ. Коллинъ немедленно взялъ меня изъ школы и изъ дома ректора. Когда я пришелъ проститься съ своимъ учителемъ и поблагодарить его за все добро, какое онъ мнѣ сдѣлалъ, онъ пришелъ въ ужасную ярость, и заключилъ

тѣмъ, что я никогда не буду въ состояніи поступить въ университетъ, что мои стихи будутъ гнить на полкахъ книжныхъ лавокъ, и что я самъ умру въ домѣ сумасшедшихъ. Я вышелъ отъ него, потрясенный до глубины души. Много лѣтъ спустя, когда мои сочиненія уже читались по всей Даніи и вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ моего «Импровизатора», я случайно встрѣтился съ ректоромъ въ Копенгагенѣ; онъ дружески подаль мнѣ руку и сказалъ, что ошибся во мнѣ и обращался со мною совѣтъ не такъ, какъ слѣдовало. Но въ то время я могъ уже хладнокровно вспоминать пытку, которой онъ меня подвергалъ; дни скорби и унынія также принесли свой хорошій плодъ въ моей жизни.

Учителемъ моимъ сталъ одинъ молодой человекъ, который впоследствии приобрѣлъ громкую славу своею ревностью къ изученію сѣверныхъ языковъ и исторіи. Я нанялъ маленькую комнату подъ крышею; она описана въ «Скрипачѣ»; въ «Книги картинъ безъ картинокъ», читатели помнятъ, можетъ быть, что я тутъ часто бесѣдовалъ съ луною. Мнѣ отпускалась небольшая денежная сумма на содержаніе; но изъ этой же суммы должно было платить за уроки, и потому я долженъ былъ придумать средства сократить свои расходы съ другой стороны. Нѣсколько семействъ предложили мнѣ столъ на каждый день недѣли; такъ и нынче живутъ многіе бѣдные студенты въ Копенгагенѣ. Въ этомъ распредѣленіи была своя пріятная и полезная сторона; оно давало мнѣ возможность всмотрѣться въ различныя видоизмѣненія семейнаго быта, а это имѣло на меня впоследствии немалое вліяніе.

Я занимался очень усердно; въ нѣкоторыхъ предметахъ я уже достаточно успѣлъ въ Гельсингерѣ, напримѣръ въ математикѣ; этими предметами я болѣе занимался самъ; главною моею задачею было — по возможности усовершенствоваться въ латинскомъ и греческомъ языкахъ.

Въ это время во мнѣ начало сильно обнаруживаться одно свойство, пожалуй слабость: это была склонность не то чтобы насмѣхаться, но играть своими чувствами, и ставить холодный разумокъ выше всего на свѣтѣ. Ректоръ не понялъ моей мягкой и откровенной души; онъ поднималъ на смѣхъ мою чувствительность, стремившуюся высказаться наружу, подавилъ ее вовнутрь. Послѣдствія этого обращенія со мною обнаружались, когда мнѣ повидимому, возвращена была свобода слѣдовать направленію своей души. Освободившись отъ ярма, насилуовавшаго все мое

нравственное существо, я не далъ воли своей чувствительности, а напротивъ бросился въ ложную стыдливость, перешелъ отъ боязни къ стремленію казаться не тѣмъ, чѣмъ я былъ въ самомъ дѣлѣ; я сталъ шутить надъ своею чувствительностью, и воображалъ, что сбросилъ ее съ себя; а между тѣмъ былъ несчастенъ на цѣлый день, если видѣлъ кислое лицо тамъ, гдѣ ожидалъ дружескаго приѣма. Всѣмъ стихотвореніямъ, которыя я написалъ среди слезъ, придалъ я смѣшные заголовки или забавные припѣвы: одно назвалъ «Плачемъ Котенка», другое «Больнымъ рифмоплетомъ», и т. д. Немногія стихотворенія, написанныя мною въ это время, всѣ были юмористическаго содержанія. Однимъ словомъ, во мнѣ произошелъ совершенный переворотъ; истощенное растеніе, пересаженное на новую почву, стало пускать побѣги совершенно новаго рода.

Старшая дочь Вульфа, необыкновенно умная и живая дѣвушка, понимала и поощряла юморъ, который началъ проявляться въ нѣкоторыхъ моихъ произведеніяхъ. Я имѣлъ къ ней неограниченное довѣріе, а она защищала меня, какъ родная сестра, и имѣла на меня огромное вліяніе. Она пробудила во мнѣ сознаніе комическаго элемента.

Въ это время въ датскую литературу внесена новая отрасль, которую публика встрѣтила съ глубокимъ сочувствіемъ. Гейбергъ, стяжавшій уже громкое имя въ поэтическомъ мірѣ своими прекрасными твореніями «Психея» и «Горшечникъ Вальтеръ», ввелъ на датскую сцену водевилъ, и притомъ водевилъ чисто датскій, кровавый, почему онъ и былъ встрѣченъ всеобщимъ восторгомъ и скоро вытѣснилъ почти все остальное. Талія торжествовала на датской сценѣ, а любимцемъ ея былъ Гейбергъ. Я познакомился съ нимъ у Эрстеда; онъ былъ образованъ, прекрасно говорилъ; всѣ взоры были устремлены на него, какъ на героя своего времени; все это плѣнило меня; а онъ былъ со мною очень любезенъ и я сталъ бывать у него. Прочитавъ нѣкоторыя изъ моихъ юмористическихъ стихотвореній, онъ призналъ ихъ достойными явиться въ превосходномъ еженедѣльномъ листкѣ, который онъ издавалъ подъ названіемъ «Летучей почты». Незадолго передъ тѣмъ мнѣ ужаснаго труда стоило добиться, чтобы мое стихотвореніе «Умирающее дитя» было помѣщено въ одномъ журналѣ. Изъ множества издателей и журналистовъ, помѣщавшихъ въ своихъ изданіяхъ самыя ничтожныя произведенія, ни одинъ не рѣшался взять стихотвореніе, написанное школьникомъ, и мое наиболѣе извѣстное стихотвореніе явилось въ печати въ сопро-

вожденіи нѣсколькихъ словъ отъ издателя въ видѣ извиненія. Гейбергъ замѣтилъ это, и напечаталъ это стихотвореніе у себя въ почетномъ мѣстѣ. Но собственно дебютомъ моимъ въ его журналѣ были два юмористическія стихотворенія, подписанныя одною буквою Н. Помню тотъ вечеръ, когда явилась «Летучая почта» съ моими стихами; я былъ въ одномъ домѣ, гдѣ меня очень жаловали, но считали мое дарованіе весьма посредственнымъ, и находили непростительные недостатки въ каждой моей строчкѣ. Хозяинъ вошелъ въ комнату съ номеромъ «Летучей почты» въ рукѣ и сказалъ: «Въ сегодняшнемъ номерѣ помѣщены два превосходныя стихотворенія, и должно быть Гейберга; никто кромѣ его не въ состояніи писать такихъ стиховъ». Номеръ пошелъ по рукамъ, все читали стихи и ахали отъ удивленія и восхищенія. Хозяйская дочь, одна въ домѣ знавшая мою тайну, съ радостью вскричала, что стихи моего сочиненія. Тутъ надо было посмотреть, какъ все вдругъ умолкло и какъ все лица вытянулись отъ пораженія и неудовольствія! признаюсь, это нѣсколько огорчило меня. Въ другой разъ, одинъ изъ наименѣ замѣчательныхъ нашихъ писателей, но человѣкъ знатный и жившій на большую ногу, позвалъ меня на обѣдъ, и за обѣдомъ рассказывалъ, что къ новому году готовился альманахъ и что его просили принять въ немъ участіе. Я очень простодушно сказалъ, что и у меня издатель взялъ для этого альманаха единственное случившееся у меня въ то время стихотвореніе. — «Такъ для этой книги набираются статьи всехъ и каждаго? сказалъ знатный литераторъ, съ досадою; — въ такомъ случаѣ обойдутся безъ моего участія, я едва ли напишу что-либо въ этотъ альманахъ».

Учитель мой жилъ довольно далеко, а я долженъ былъ ходить къ нему два раза въ день. Идя къ нему, мысли мои были заняты одними уроками; но на возвратномъ пути я дышалъ свободнѣе, и самыя разнообразныя поэтическія фантазіи начинали бродить въ моей головѣ; но я ихъ не писалъ. Въ теченіе этого года я позволилъ себѣ написать только пять или шесть юмористическихъ стихотвореній, и то потому только, что они не давали мнѣ покоя, хранясь въ моей памяти, и я не могъ иначе отвязаться отъ нихъ, какъ повѣривъ ихъ бумагѣ.

Въ Сентябрѣ 1828 года я былъ принятъ студентомъ въ университетъ. По окончаніи экзамена, мысли, тревожившія меня на возвратномъ пути отъ учителя, закопошились въ моей головѣ, какъ пчелиный рой, и стали рваться на свѣтъ. Изъ нихъ роди-

лась первая моя книга «Пѣшеходное странствіе въ Амакъ», оригинальная юморвистическая книга, которая вполне выражает мою личность въ то время, мое стремленіе шутить и играть своими чувствами, тогда какъ на глазахъ не высохли еще слезы, вызванныя тѣми-же чувствами; это пестрый, фантастическій калейдоскопъ. Ни одинъ книгопродавецъ не рѣшался издать моей книжонки, и я долженъ былъ печатать ее самъ; но въ нѣсколько дней все изданіе было раскуплено и книгопродавецъ Рейцель самъ пришелъ ко мнѣ съ поклономъ, чтобы купить второе изданіе; потомъ онъ напечаталъ ее третьимъ изданіемъ и кромѣ того она была еще перепечатана въ Швеціи. Всѣ читали мою книгу, и отовсюду долетали до меня восклицанія удовольствія и одобренія. Я былъ студентомъ, достигъ высшей своей цѣли, — однимъ словомъ я былъ въ какомъ-то чаду блаженства, и въ этомъ состояніи написалъ рифмованными стихами первое свое драматическое произведеніе «Любовь на башнѣ, или, что скажетъ партеръ?» Пьеса была ложна въ самой идеѣ, потому что я вздумалъ написать сатиру на вещь уже не существовавшую, на рыцарскія драмы; сверхъ того я хотѣлъ немножко помѣяться надъ всеобщимъ энтузіазмомъ къ водевилю. Содержаніе ея, вкратцѣ, было слѣдующее. Сторожъ одной башни, выражающійся высокимъ слогомъ бургриттера, хочетъ выдать дочь за сосѣда, сторожа соборной колокольни; но она любить молодаго портнаго, который отправился на могилу Эйленшпигеля и возвращается въ то самое время, какъ отецъ и женихъ его возлюбленной садятся къ дымящейся чашѣ пуншу, чтобы запить свое согласіе. Влюбленная чета скрывается на общую квартиру портнаго цѣха, гдѣ идутъ пляски и пѣніе; но сторожъ уводитъ дочь домой; она притворяется сумасшедшею и увѣряетъ отца, что тогда только возвратится ей разсудокъ, когда ее выдадутъ за портнаго. Старикъ сторожъ рѣшается предоставить рѣшеніе дѣла судьбѣ; но какъ узнать приговоръ судьбы? Вотъ и приходятъ имъ на умъ мысль, избрать въ прорицалища публичку, и просить ея рѣшенія, должна ли дѣвушка выходить за сторожа или за портнаго. Для этого они рѣшаются обратиться къ одному изъ самыхъ юныхъ поэтовъ съ просьбою изложить дѣло въ водевильномъ стилѣ, такъ какъ этой формѣ поэзіи въ настоящее время всего болѣе везетъ; и если публичка этотъ водевиль освищетъ или ошикаетъ, то это не будетъ означать неудачу автора, а только приговоръ судьбы въ пользу сторожа; если же, напротивъ, водевилю будутъ аплодировать, то это будетъ зна-

читать, что руку дѣвушки долженъ получить портной. Последнее, прибавляетъ отецъ, должно быть изложено въ прозѣ, чтобы публика поняла во всей точности. Затѣмъ всѣ дѣйствующія лица мысленно переносятся на сцену, и въ окончательныхъ куплетахъ влюбленные просятъ публику объ одобреніи, а сторожъ уговариваетъ ее порядкомъ освистать, или по-крайней-мѣрѣ ошкаты пьесу.

Мои товарищи приняли пьесу съ восторгомъ; они гордились мною: я былъ второй изъ ихъ соучениковъ, выступившій въ этомъ году на датскую сцену, ибо передъ тѣмъ Арнезенъ, поступившій въ студенты въ одно время со мною, написалъ водевиль «Интрига на народномъ театрѣ», который очень долго держался въ репертуарѣ. Мы оба вмѣстѣ держали экзаменъ, и были изъ шестнадцати поэтовъ, которыхъ долженъ былъ выпустить этотъ курсъ, и которыхъ товарищи въ шутку дѣлили на четырехъ большихъ и двѣнадцать малыхъ.

Я считалъ себя счастливѣйшимъ изъ людей; меня признавали поэтомъ, я былъ молодъ, всѣ дома отворялись передо мною, я переходилъ изъ одного круга въ другой. Не смотря на то, я продолжалъ усердно заниматься, такъ что въ сентябрѣ 1829 года со славою выдержалъ свой филологическій и философскій экзаменъ и вслѣдъ за тѣмъ издалъ первое собраніе своихъ стихотвореній, имѣвшее большой успѣхъ. Жизнь улыбалась мнѣ яснымъ солнышкомъ!

IV.

До этого времени я видалъ только ничтожную частицу своего отечества, именно нѣкоторыя части острововъ Фюнена и Зеланда, и Моэнсъ-Клинтъ; изъ нихъ последнее, безспорно, одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ во всей Даніи; густой буковый лѣсъ развѣсилъ, какъ вѣнецъ, надъ бѣлыми известковыми холмами, съ которыхъ видно на необъятное пространство Балтійское море. Лѣтомъ 1830 года я рѣшился посвятить часть первыхъ моихъ доходовъ отъ литературныхъ работъ на подробное обозрѣніе Ютланда и моего роднаго Фюнена. Я и не подозревалъ, какое важное испытаніе готовила мнѣ это поѣздка, какой переходъ долженствовалъ совершиться въ моей внутренней жизни!

Ютландъ, лежащій между Балтійскимъ моремъ и Нѣмецкимъ, и

оканчивающійся у Скагенскаго рифа косою наноснаго песку, представляет довольно странный характеръ; къ Балтійскому морю большіе лѣса и холмы, къ Нѣмецкому горы и наносы на пески, съ обѣихъ сторонъ дикое уединеніе, а посрединѣ обширная темная равнина съ своими кочующими цыганами, съ жалобнымъ пѣніемъ птицъ, съ своимъ тихимъ одиночествомъ; — прекрасно описалъ эту страну датскій поэтъ Стенъ-Блихеръ, въ своихъ повеллахъ. Я въ первый разъ еще видѣлъ новую природу, не похожую на воспоминанія моего дѣтства, и она произвела на меня сильное впечатлѣніе. Въ городахъ, гдѣ всѣ читали мои «Пѣшеходныя странствія», и юмористическія стихотворенія, меня повсюду принимали съ самымъ восхитительнымъ гостепріимствомъ. На островѣ Фюнелѣ открылась мнѣ и сельская жизнь; я нѣсколько недѣль прожилъ на дачѣ старика Иверсена, въ небольшомъ разстояніи отъ моего роднаго города Одензе, и былъ предметомъ самого лестнаго вниманія. Въ моихъ мысляхъ безпрестанно зарождались новыя стихотворенія; но юмористическихъ было все меньше и меньше; чувство, надъ которымъ я столько разъ шутилъ, начинало мстить за пренебреженіе къ нему.

Въ одномъ изъ самыхъ небольшихъ городишекъ, лежавшихъ на моемъ пути, случайно попалъ я въ одинъ богатый домъ, гдѣ для меня внезапно открылся новый міръ, міръ необъятный, не смотря на то, что онъ весь заключался въ парѣ карихъ глазъ. Въ головѣ моей родились новыя планы жизни; я хотѣлъ бросить писаніе стиховъ, которое ни къ чему не вело, приняться за изученіе Богословія, и идти въ пасторы; она и только она наполнила всѣ мои мысли; но это былъ обманъ моего воображенія; она любила другаго и вышла за него. Только много лѣтъ спустя понялъ и почувствовалъ я, что оно такъ устроилось и къ моему и къ ея добру; она, можетъ быть, и повятія не имѣла о томъ, какъ глубоко было мое чувство къ ней, и какое сильное впечатлѣніе она произвела на меня. Она вышла за честнаго и благороднаго человѣка, стала счастливою матерью, пошли ей Богъ всякаго счастья!

Въ моихъ «Пѣшеходныхъ странствіяхъ» и почти во всемъ, что я писалъ доселѣ, преобладалъ комическій элементъ, склонность къ пародіи. Многіе осуждали это направленіе, говоря, что оно не поведетъ ни къ чему дѣльному. Критика принялась напѣвать мнѣ это на всѣ лады именно въ то время, когда новое, глубокое чувство совершенно вытѣснило изъ моей груди то, въ чемъ меня осуждали. Новое собраніе стихотвореній, «Фантазіи и Эски-

зы», вышедшее къ новому году, достаточно показывало мое сердечное страданіе. Исторія моего сердца послужила содержаніемъ серіозному водевилю, «Разлука и свиданіе», съ тою разницею, что въ пьесѣ я предположилъ взаимную любовь. Пять лѣтъ спустя, этотъ водевилъ явился на сценѣ.

Въ числѣ молодыхъ моихъ друзей въ Копенгагенѣ былъ въ то время и Орла Леманъ, который послѣдствіемъ игралъ такую блестящую роль въ отечественной исторіи и сталъ такъ высоко въ народной любви; онъ кипѣлъ жизнью, былъ краснорѣчивъ, смѣлъ, и обворожилъ меня своимъ характеромъ. Въ семействѣ его нѣмецкій языкъ былъ въ большомъ употребленіи; какъ скоро вышли въ свѣтъ стихотворенія Гейне, они явились въ домъ Лемановъ и увлекли молодаго Орлу. Онъ жилъ на дачѣ близъ Фридрихсберскаго замка: когда я пришелъ къ нему, онъ встрѣтилъ меня, радостно декламируя стихи Гейне: «Thalatta, Thalatta, du ewiges Meer!» Мы принялись вмѣстѣ читать новаго для насъ поэта; день прошелъ за нимъ и вечеръ; я долженъ былъ остаться ночевать; но я былъ доволенъ, потому что узналъ въ этотъ вечеръ новаго поэта, который, какъ мнѣ казалось, пѣлъ пѣсню, родную моей душѣ; онъ вытѣснилъ Гофмана, который, какъ видно въ моихъ «Пѣшеходныхъ странствіяхъ», до-тѣхъ-поръ имѣлъ на меня наиболѣе вліянія, только три писателя въ моей молодости, перешли, такъ сказать, въ мою плоть и кровь: Вальтеръ Скоттъ, Гофманъ и Гейне.

Я все болѣе и болѣе впадалъ въ какую-то болѣзненную меланхолю, чувствовалъ влеченіе отыскивать въ жизни одно печальное, останавливаться на мрачной ея сторонѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ я сталъ раздражителемъ и принималъ къ сердцу всякое осужденіе, оставаясь равнодушенъ къ похваламъ. По позднему и усиленному моему ученію, и по желанію моему, когда я былъ принятъ студентомъ, въ тоже время выступить и писателемъ, вовсе не удивительно, что первая моя книга не обошлась безъ грамматическихъ ошибокъ; мнѣ стоило бы только заплатить кому-нибудь за исправку корректурныхъ листовъ, занятіе для меня новое и непривычное, и никто не могъ бы меня упрекать. Но какъ я этого не сдѣлалъ, то почти все ставили себѣ въ обязанность поднимать на смѣхъ каждую вкравшуюся ошибку, а на хорошее въ моихъ стихотвореніяхъ не обращать никакого вниманія. Я знаю людей, которые читали ихъ за тѣмъ только, чтобы считать ошибки и опечатки; нѣкоторые, напримѣръ, считали, сколько разъ встрѣчалось въ данномъ стихотвореніи то или другое извѣстное слово.

Одинъ человѣкъ, — тогда писавшій водевили и критику, — не посоветился однажды въ обществѣ и въ моемъ присутствіи разбирать такимъ образомъ нѣкоторыя изъ моихъ стихотвореній, пока шестилѣтняя дѣвочка, изумленная тѣмъ, что ни одно слово въ книгѣ не было на мѣстѣ, не взяла книги изъ его рукъ и не сказала ему, указывая на союзъ и: «Вотъ еще словечко, о которомъ вы ничего не сказали!» Онъ понялъ эпиграмму, заключающуюся въ простодушныхъ словахъ ребенка, покраснѣлъ и поцѣловалъ малютку. Мнѣ было чрезвычайно больно видѣть и слышать несправедливости моихъ судей; но я еще не могъ совершенно сбросить съ себя робость, въ которую вогналъ меня Гельснгерскій ректоръ, и потому смотрѣлъ и слушалъ все съ покорностью; я былъ черезъ-чуръ кротокъ, можно даже сказать непростительно слабъ. Всѣ это знали и каждый совался учить меня; всѣ говорили, что я избалованъ чрезмѣрною хвалою, и вотъ *они* станутъ говорить мнѣ правду; и эта правда, отъ которой мнѣ не было проходу, заключалась всегда въ исчисленіи всѣхъ моихъ недостатковъ и слабыхъ сторонъ, дѣйствительныхъ и мнимыхъ. Иногда случалось мнѣ выходить изъ терпѣнія и съ чувствомъ своего достоинства отвѣчать, что и для меня наступить время, когда меня будутъ судить иначе; тогда на меня напускались съ большимъ ожесточеніемъ, и отвѣтъ мой переносился изъ дома въ домъ, какъ пес *plus ultra* нестерпимаго тщеславія и самонадѣянности. Судьямъ моихъ благородно было признавать меня человѣкомъ честнымъ и хорошимъ; но за то они представляли меня тщеславнымъ и самонадѣяннымъ до безумія, тогда какъ я готовъ былъ самъ усомниться въ своихъ способностяхъ, и какъ въ самые тяжелые дни своей школьной жизни, отречься отъ своего таланта, какъ отъ мечты, отъ обмана воображенія. Я готовъ былъ повѣрить своему ничтожеству, но слышать это отъ другихъ, и въ такихъ насмѣшливыхъ, язвительныхъ выраженіяхъ, было иногда выше моихъ силъ; если же чувство оскорбленнаго достоинства вырывало у меня гордое, необдуманное слово, судьи мои подхватывали его, чтобы обратить его въ бѣгъ противъ меня самого, а такой бичъ, въ рукахъ близкихъ намъ людей, становится ядовитымъ скорпіономъ.

Видя мое горестное положеніе, Коляня разсудилъ, что мнѣ нужно отправиться путешествовать, хоть объѣздить только сѣверную Германію, чтобъ разсѣяться и набраться новыхъ впечатлѣній. Весною 1831 года, я въ первый разъ покинулъ Данію; посмотрѣлъ Любекъ и Гамбургъ; все удивляло меня и наполня-

ло мою душу новыми мыслями; когда я увидѣлъ въ первый разъ горы Гарцъ, вселенная вдругъ расширилась передо мною; душевное спокойствіе и веселость начали возвращаться, какъ перелетныя птички; но горестъ — докучливый воробей, который остается и овладѣваетъ гнѣздами отлетѣвшихъ гостей; я не могъ вполне оправиться отъ своихъ страданій. Въ Дрезденѣ я познакомился съ Тикомъ; Ингеманъ далъ мнѣ письмо къ нему, и онъ пригласилъ меня на вечеръ, на которомъ онъ читалъ свой переводъ одной Шекспировой драмы; при прощаніи, онъ пожелалъ мнѣ счастья на трудномъ поприщѣ поэзіи, обнялъ и поцѣловалъ меня. Это произвело на меня сильное впечатлѣніе; никогда не забуду выраженія его взора; я оставилъ его со слезами на глазахъ и душевно молилъ Бога дать мнѣ силу совершить предстоявшій мнѣ путь, силу высказать то, что я чувствовалъ въ своей душѣ, чтобы Тикъ узналъ и оцѣнилъ меня, если судьба сведетъ насъ въ другой разъ. Только много лѣтъ спустя, когда мои позднѣйшіе труды были переведены и благосклонно приняты въ Германіи, увидѣлся я съ нимъ и почувствовалъ сердечноежатіе руки того, который первый привѣтствовалъ меня братскимъ поцѣлуемъ во второмъ отечествѣ. Въ Берлинѣ письмо отъ Эрстеда доставило мнѣ знакомство Шамиссо; задумчивый поэтъ съ длинными кудрями и откровеннымъ взоромъ самъ отворилъ мнѣ дверь; прочелъ письмо, и, не знаю какъ это случилось, но мы тотчасъ поняли другъ друга; я почувствовалъ къ нему неограниченное довѣріе и высказалъ свое сердце на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ. Я подарилъ ему томъ своихъ стихотвореній, и онъ первый перевелъ нѣкоторыя изъ нихъ и познакомилъ со мною Германію. Вотъ какъ онъ отзывался въ то время обо мнѣ въ одномъ журналѣ (*Morgenblatt*): «Одаренный остроуміемъ, веселостью, юморомъ и народною наивною, Андерсенъ обладаетъ сверхъ того звуками, на которые отдаются болѣе глубокіе струны сердца. Особенно умѣетъ онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, посредствомъ немногихъ, легко наброшенныхъ, но паразитическихъ чертъ, рисовать небольшіе образы и картины, полныя жизни, но которые, однако же, слишкомъ отмѣчены мѣстными особенностями, чтобы нравиться тому, кто не знакомъ самъ съ родиною поэта. Можетъ быть тѣ изъ его произведеній, которыя могутъ-быть переведены или уже переведены, наименѣе дадутъ о немъ вѣрное понятіе.» Шамиссо остался мнѣ другомъ до самой кончины; какъ радовался онъ успѣху моихъ позднѣйшихъ

сочиненій можно видѣть изъ письма его ко мнѣ, помѣщенного въ полномъ собраніи его сочиненій.

Поездка въ Германію имѣла на меня сильное вліяніе, какъ убѣдились въ томъ мои копенгагенскіе друзья; я привелъ въ порядокъ свои путевыя впечатлѣнія и издалъ ихъ подъ названіемъ «Тѣней» (Schattenbilder). Я дѣйствительно совершенствовался; но въ моемъ отечествѣ преобладала все та же мелкая страсть откапывать во мнѣ недостатки и ошибки, учить меня, а я былъ довольно слабъ, чтобы терпѣть это отъ людей, къ тому непривычныхъ. Изрѣдка только позволялъ я себѣ отшучиваться, и тогда обвиняли меня въ гордости, тщеславіи, самонадѣянности; говорили, что я не хочу слушать совѣтовъ благоразумныхъ людей. Все это мелкія неурядности, скажутъ читатели; положимъ, что такъ, но это капли воды, которыя подтачиваютъ камень! Мнѣ не слѣдовало бы, можетъ быть, и говорить объ этомъ, но виновать, не могу устоять противъ желанія протестовать противъ обвиненія въ тщеславіи, которое недоброжелательные судьи взводили на меня, не будучи въ состояніи отыскать другаго повода къ осужденію въ моей частной жизни, и которое до-сихъ-поръ еще возобновляютъ отъ времени до времени, чтобы очернить меня.

Съ конца 1828 года до начала 1839 я долженъ былъ содержать себя литературными трудами; Данія страна небольшая, въ Швецію и въ Норвегію вывозилось въ то время мало книгъ, слѣдовательно плата за рукописи не могла быть велика. А мнѣ предстояло тѣмъ больше расходовъ, что я долженъ былъ одѣваться сообразно тому кругу знакомствъ, въ которомъ я находился. Творить все новое да новое было бы изнурительно, да и физически невозможно; по этому я рѣшился приняться за переводы, и перевелъ нѣсколько пьесъ для театра, въ томъ числѣ «Пятнадцатилѣтнюю Королеву» и «Карантинъ». Около того-же времени молодой композиторъ Гартманъ внукъ знаменитаго Гартмана, написавшаго музыку датскаго народнаго гимна «Король Христіанъ», — просилъ меня сочинить для него оперное либретто, на что я, конечно, безъ труда согласился. Сочиненія Гофмана обратили мое вниманіе на комедіи маскъ Гоцци; я прочелъ его «Il sorco», нашелъ, что это будетъ очень хорошимъ сюжетомъ для оперы, и черезъ нѣсколько недѣль либретто «Ворона» было готово. Въ настоящее время странно покажется моимъ соотечественникамъ, что я долженъ былъ рекомендовать Гартмана и въ письмѣ къ театральной дирекціи ручаться въ томъ, что онъ человѣкъ съ дарованіемъ,

способный написать хорошую оперу; нынче онъ считается первымъ между современными датскими композиторами. Для другаго молодого композитора, Бредля, я составилъ либретто изъ Вальтеръ-Скоттова романа «Ламермурская невѣста». Обѣ оперы были приняты на театръ; но я подвергся безпощаднымъ гоненіямъ критики, за то, что дерзнулъ *изуродовать* чужія образцовыя произведенія; всѣ заслуги, найденныя въ моихъ прежнихъ трудахъ были забыты, и мнѣ стали рѣшительно отказывать во всякомъ талантѣ. Композиторъ Вейзе, о которомъ я уже упоминалъ, какъ о первомъ своемъ благодѣтелѣ, былъ, напротивъ, чрезвычайно доволенъ моими передѣлками; онъ разсказалъ мнѣ, что давно уже желалъ написать оперу на сюжетъ Вальтеръ-Скоттова «Кенильворта» и просилъ меня помочь ему въ составленіи либретто. Я не думалъ, что навлеку на себя новый погромъ, ужаснѣе прежнихъ; мнѣ нужны были деньги, а главное, мнѣ лестно было работать съ Вейзе, знаменитѣйшимъ нашимъ композиторомъ, отблагодарить на поприсѣ искусства того, который первый заговорилъ за меня въ домѣ Сябони. Но я не успѣлъ довести своего труда до половины, какъ посыпались на меня опять нарекація за то, что я воспользовался извѣстнымъ романомъ; я хотѣлъ отступить, но Вейзе успокоивалъ меня и настаивалъ. Потомъ, уѣзжая за границу, когда партитура не была еще окончена, я предоставилъ либретто совершенно на волю композитора; онъ вписалъ многіе стихи и совсѣмъ измѣнилъ развязку. Вейзе, какъ извѣстно, былъ страшный оригиналъ; въ числѣ другихъ его причудъ была та, что онъ терпѣть не могъ книгъ съ печальною развязкою; по этому онъ хотѣлъ непременно, чтобы Эми вышла замужъ за Лейстера, а Елисавета за тѣмъ говорила: «Гордая Англія, я твоя!» и прочее. Сначала я хотѣлъ воспротивиться этому измѣненію, но потомъ уступилъ его упорству, тѣмъ болѣе, что либретто было написано для него. Опера была играна, но либретто не явилось въ печати, кромѣ музыкальныхъ нумеровъ. Тутъ послѣдовали безыменные нападенія, глупыя пасквили, присылавшіеся мнѣ по городской почтѣ и въ которыхъ неизвѣстные авторы осмѣивали и топтали меня въ грязь. Между тѣмъ я издалъ въ томъ-же году новое собраніе стихотвореній «Двѣнадцать мѣсяцевъ», которое было встрѣчено насмѣшками и бранью, хотя впоследствии признано, что въ немъ заключались нѣкоторыя изъ лучшихъ моихъ лирическихъ произведеній.

Въ то время былъ въ полномъ блескѣ и славѣ одинъ журналъ, нынѣ давно сошедшій въ могилу: «Ежемѣсячный литературный

листокъ», который въ началѣ считалъ между своими сотрудниками многихъ даровитыхъ писателей. Только не доставало ему людей, способныхъ основательно судить и цѣнить художественныя произведенія. Къ несчастію критики, почти каждый считаетъ себя въ правѣ подавать свой голосъ и судить и рядить обо всемъ; но можно писать превосходныя медицинскія и педагогическія книги, быть весьма ученымъ профессоромъ, и въ тоже время ничего не смыслить въ поэзіи. Появнутый журналъ доказалъ это на дѣлѣ. Съ теченіемъ времени редакціи все труднѣе и труднѣе было приискать надежнаго человѣка для разбора поэтическихъ произведеній, и она предложила эту обязанность человѣку, который, по своей вѣчной готовности разглагольствовать и писать, казался ей пригоднымъ въ это дѣло; это историкъ Мольбехъ, который играетъ слишкомъ важную роль въ исторіи современной датской критики, чтобы не поговорить о немъ подробнѣе. Онъ весьма трудолюбивый собиратель, пишетъ очень чистымъ и правильнымъ датскимъ языкомъ и его датскій словарь, при всѣхъ недостаткахъ, въ какихъ можно его упрекнуть, — трудъ заслуживающій уваженія; но какъ критикъ чисто-литературныхъ произведеній, онъ одностороненъ и пристрастенъ до фанатизма. Къ большому еще несчастію, онъ принадлежитъ къ числу ученыхъ, имѣющихъ почти микроскопическую долю стихотворческой способности, а это самыя дурныя критики; и онъ доказалъ своими критиками на романы Ингемана, какъ мало онъ постигалъ поэзію, о которой брался судить. Онъ самъ издалъ, подъ названіемъ «Прогулки по Даниі», томъ стихотвореній, изъ самыхъ посредственныхъ, писанныхъ безцвѣтнымъ, напыщеннымъ языкомъ того времени, и «Путешествіе по Германіи, Франціи и Италіи,» почерпнутое изъ книгъ, а не изъ жизни. Онъ коптѣлъ въ своемъ кабинетѣ или въ королевской библіотекѣ, при которой онъ служилъ, пока не выкопали его оттуда, чтобы назначить директоромъ театра и цензоромъ поступающихъ въ дирекцію пьесъ. Можно представить себѣ результаты этого назначенія. О первыхъ моихъ стихотвореніяхъ онъ отозвался довольно благосклонно; но скоро вновь взошедшая звѣзда молодаго лирика Палуданъ-Мюллера затмила мою звѣзду. Разлюбивъ меня, критикъ не могъ на этомъ остановиться; онъ долженъ былъ меня возненавидѣть. Вотъ и вся исторія. Въ томъ-же самомъ журналѣ и тѣ же самыя стихотворенія, которыя прежде въ нихъ хвалились, были разбранены въ пухъ тѣмъ-же самымъ критикомъ, когда явились вторымъ нѣсколько

пополненнымъ изданіемъ. На мнѣ оправдалась датская пословица: «куда валится телѣга, туда и сядяшіе въ ней.»

Вскорѣ послѣ того, надъ датскою литературою возшла еще новая звѣзда: Генрихъ Герцъ пустилъ, безъ имени автора, свои «Письма покойниковъ». Это было чѣмъ-то въ родѣ изгнапія недостойныхъ ихъ храма искусства; покойный Баггезенъ прислалъ полемическія письма съ того свѣта, и дѣйствительно они были совершенно въ духѣ и въ манерѣ Баггезена. Авторъ вознесся на облака Гейберга и задѣвалъ, хотя довольно осторожно, Эленслегера и Гауха. Тутъ-же была опять поднята на поги старая исторія о моихъ мнимыхъ погрѣшностяхъ противъ правописанія; однимъ словомъ, я былъ осмѣянъ, или проученъ, какъ говорили мои недоброжелатели.

Книга Герца быстро пронеслась по всей Даниі; только и было рѣчи, что о ней; самая неизвѣстность автора придавала ей особенный интересъ; всѣ восхищались, и справедливо. Гейбергъ, въ своей «Летучей почтѣ», вступился за двухъ трехъ писателей наименѣе важныхъ, — обо мнѣ ни слова: я живо ощущалъ пансенную мнѣ рану, а враги мои считали меня уже окончательно согнанымъ съ поприща духовной дѣятельности. Между тѣмъ я напечаталъ небольшую книжку «Визитки къ датскимъ поэтамъ», въ которой представлялъ коротенькія характеристики умершихъ и живыхъ писателей, но разсматривая ихъ только съ выгодной стороны. Книга возбудила нѣкоторое вниманіе; была признана однимъ изъ лучшихъ моихъ трудовъ, и даже породила подражанія; но критика не коснулась ея; она еще разъ подтвердила то, что показала уже прежде; именно, что она намѣрена была заниматься только тѣми изъ моихъ трудовъ, которые представляли какой-нибудь предлогъ, чтобы бранить меня въ пухъ и прахъ.

Положеніе мое было крайне неутѣшительно, и еще какъ разъ въ тотъ самый годъ, какъ Герцъ объявилъ себя авторомъ «Писемъ покойниковъ» и сталъ ходатайствовать о пособіи на путешествіе. Я самъ только что передъ тѣмъ подалъ прошеніе о томъ же. Всѣ были того мнѣнія, что я достигъ высшихъ степеней своего развитія, и что если мнѣ путешествовать, то слѣдовало ѣхать именно въ это время; и самъ я чувствовалъ, что путешествіе будетъ для меня самою лучшею школою. Однако-же мнѣ было объявлено, что если я желаю, чтобы моя просьба была принята къ разсмотрѣнію, то я долженъ представить рекомендательныя письма, то есть нѣчто въ родѣ *аттестатовъ*, отъ наиболѣе извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ, потому-что въ этомъ году

столько молодыхъ людей съ дарованіемъ просилъ пособія на путешествованіе, что мнѣ трудно будетъ добиться его безъ того. Я представилъ требуемыя свидѣтельства. Кстатн замѣчу, что изъ рекомендовавшихъ меня лицъ, каждый вохвалялъ во мнѣ совершенно противоположныя заслуги; Эленшлегеръ, напримѣръ, хвалилъ во мнѣ лирической талантъ, серьезное направленіе; Ингеманъ, — способность подмѣчать и схватывать черты народной жизни; Гейбергъ объявилъ, что со времени Весселя онъ не зналъ ни одного датскаго поэта, въ которомъ было бы столько юмора, какъ во мнѣ; Эрстедъ замѣтилъ, что всѣ, и противники мои и доброжелатели, сходились въ одномъ пунктѣ, именно въ томъ, что я истинный поэтъ. Тиле съ жаромъ и энтузіазмомъ говорилъ о силѣ дарованія, которую онъ видѣлъ во мнѣ въ моей борьбѣ съ неблагоприятными, подавляющими обстоятельствами вѣшней жизни. Какъ бы то ни было, однако я получилъ пособіе, гораздо меньшее, правда, чѣмъ Герцъ; но это было въ порядкѣ вещей!

— Радуйтесь, говорили мнѣ друзья, поймите все свое счастье, насладитесь вполнѣ этою минутою блаженства, потому что это вѣроятно, единственный разъ, что вамъ удастся быть за границею; послушали бы вы, что говорятъ поэтому поволу, что вы ѣдете путешествовать, и какъ намъ приходится отстаивать васъ, наконецъ самимъ становитесь не подъ силу. Больно было это слушать; я желалъ-бы въ тоже мгновеніе ускокать, чтобы за границу вздохнуть свободнѣе; но отъ заботы не ускокнешь, она ѣдетъ съ тобой за спиною. И не одна забота щемила мое сердце; одну я открылъ публикѣ, но были и другія, которыя я долженъ хранить для себя. Передъ отъѣздомъ, я усердно помоллся Богу, чтобы онъ позволилъ мнѣ умереть далеко отъ Дании или подкрѣпилъ бы мои силы на новые труды, которые могли-бы принести честь и радость мнѣ и моимъ милымъ друзьямъ.

Въ самую минуту отъѣзда, образъ милыхъ живѣе представился моему сердцу, кромѣ нѣкоторыхъ, уже названныхъ мною, были еще два существа, имѣвшія значительное вліяніе на мою поэтическую дѣятельность, и о которыхъ я долженъ здѣсь поговорить подробнѣе. Во-первыхъ госпожа Лассѣ, женщина съ необыкновенно многостороннимъ образованіемъ, открыла мнѣ свой домъ, и скоро сдѣлалась для меня второю матерью; съ какимъ глубокимъ сочувствіемъ дѣлила она мое горе, обращала всегда мой взоръ на красоты природы и на поэтической элементъ во всѣхъ мелочахъ жизни: когда почти никто уже не смѣлъ отстаивать моего поэтическаго дарованія, она ободряла, подкрѣпляла меня, и если

въ томъ, что я писалъ, найдутся мѣста, проникнутыя женственною мягкостью и чистотою, то этимъ я обязанъ преимущественно ей. Другое существо, по своему характеру имѣвшее большее значеніе въ моей жизни, это одинъ изъ сыновей Коллина, Эдуардъ; выросши безъ всякаго стѣненія, въ богатствѣ и счастіи, онъ обладалъ смѣлостью, твердостью, рѣшительностію, которыхъ не доставало во мнѣ. Я чувствовалъ, что онъ душевно любилъ меня, и кротко предавался ему всею душою; онъ былъ смѣлѣе, разсудительнѣе и находчивѣе меня въ практической жизни. Не разъ случалось мнѣ несправедливо судить его, тогда какъ онъ всѣхъ глубже скорбѣлъ за меня и желалъ-бы передать мнѣ, тростинку, гнувшемуся отъ каждаго вѣтра, частицу своего твердаго, энергическаго характера. Хотя моложе меня, онъ былъ мнѣ постоянно, въ практической жизни, дѣятельнымъ помощникомъ и руководителемъ, начиная отъ помощи въ латинскомъ словосочиненіи, до охраненія моихъ выгодъ при изданіи моихъ сочиненій. Никогда онъ не измѣнялся въ своей дружбѣ, и еслибы можно распредѣлять друзей подъ пумера, то его я долженъ-бы назвать первымъ. Только удалившись на нѣкоторое разстояніе отъ горъ, можно видѣть ихъ въ настоящемъ ихъ видѣ; то же самое должно сказать и о дружбѣ.

Я проѣхалъ Кассель, переѣхалъ Рейцъ и скоро достигъ Парижа; видѣнное мною въ этомъ проѣздѣ не оставило во мнѣ сильнаго впечатлѣнія; въ головѣ моей возникла и быстро укрѣплялась мысль одной поэмы; и по мѣрѣ того, какъ она проявлялась въ моемъ воображеніи, я все сильнѣе надѣялся этимъ произведеніемъ обезоружить своихъ враговъ.

Среди шумнаго Парижа я жилъ въ звукахъ датской народной поэзіи. Глубокая благодарность къ Богу наполняла мою душу; я чувствовалъ, что все получилъ я отъ Его благости. Однако-же душа моя не была совсѣмъ закрыта впечатлѣніямъ виѣшней, дѣйствительной жизни. Я видѣлъ одинъ изъ іюльскихъ праздниковъ, въ ихъ первой свѣжести, — это было въ 1833 году; — видѣлъ также открытіе Наполеоновской колонны; видѣлъ маститаго, мудраго старца короля Людовика-Филиппа, видѣлъ его сына, герцога Орлеанскаго, во всемъ блескѣ юности и счастія, весело танцовавшаго на шумномъ народномъ балу въ ратушѣ. Случай свелъ меня въ Парижъ въ первый разъ съ поэтомъ Гейне, который въ то время занималъ первое мѣсто въ моемъ поэтическомъ мірѣ. Когда я сказалъ ему, какъ пріятна мнѣ эта встрѣча и его ласковый пріемъ, онъ отвѣчалъ, что принимаетъ

это за чистый комплиментъ, потому что въ противномъ случаѣ я посѣтилъ-бы его. Я возразилъ, что не посмѣлъ явиться къ нему изъ почтенія къ его высокому дарованію, боясь, чтобы посѣщеніе неизвѣстнаго датскаго литератора не показалось ему смѣшною самопадѣльностью; и прибавилъ, что малѣйшая усмѣшка его огорчила-бы меня. На это онъ отвѣчалъ какою-то любезностью. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда судьба опять свела насъ въ Парижъ, онъ принялъ меня съ радушіемъ стараго друга, и я могъ заглянуть въ свѣтлый, поэтический уголокъ его души. Поль Дюноръ и Викторъ Гюго также приняли меня съ искреннимъ дружелюбіемъ. Во весь свой проѣздъ до Парижа и въ двухмѣсячное пребываніе въ столицѣ Франціи я не получалъ никакихъ извѣстій изъ отечества; можетъ-быть друзья мои не могли сообщить мнѣ ничего радостнаго! Наконецъ получилъ я первое письмо, — письмо тяжеловѣсное и дорогое; сердце мое крѣпко забилось отъ радости и нетерпѣнія. Я распечаталъ пакетъ; въ немъ не было ни слова писаннаго, а только номеръ Копенгагенской газеты, заключавшій пасквильное стихотвореніе на меня; вѣроятно самъ неизвѣстный сочинитель прислалъ его мнѣ въ такую даль, даже не франкировалъ его. Этотъ злобный поступокъ сильно огорчилъ меня; я никогда не могъ узнать виновника его; можетъ-быть, кто-либо изъ тѣхъ, которые впослѣдствіи называли меня другомъ и жали мнѣ руку? у каждаго человѣка бываютъ злобныя мысли, и у меня также, какъ и у другихъ.

У моихъ земляковъ, за границею, водится слабость, что во время пребыванія своего въ большихъ городахъ, они живутъ исключительно между своими; вмѣстѣ обѣдаютъ, вмѣстѣ ходятъ въ театръ, вмѣстѣ осматриваютъ мѣстные достопримѣчательности; сообщаютъ другъ другу получаемыя отъ родныхъ и друзей письма, рассказываютъ о родномъ краѣ; однимъ словомъ переносятъ съ собою всюду свою родину. Я не могъ уйти отъ этой слабости въ Парижъ, и потому передъ отъѣздомъ рѣшился поселиться на мѣсяцъ въ какомъ-нибудь семействѣ въ тихомъ уголку Швейцаріи и имѣть сношенія съ одними французами, чтобы поневолѣ научиться ихъ языку, который былъ мнѣ крайне необходимъ.

Въ небольшомъ городкѣ Локлѣ, въ горной лощинѣ Юры, гдѣ въ августѣ выпадалъ уже снѣгъ, и облака ходили подъ нашими ногами, нашелъ я радушный пріемъ въ миломъ семействѣ одного зажиточнаго часоваго фабриканта. О платѣ они слышать не хотѣли; я долженъ былъ жить въ домѣ какъ родной, и все дѣти плакали, когда пробилъ часъ разлуки; мы успѣли уже подружиться.

ся, не смотря на то, что я не понималъ ни слова въ ихъ мѣстномъ нарѣчїи; малютки кричали мнѣ въ самыя уши, воображая, что я глухъ, потому что я не понималъ ихъ. Никогда не видалъ я такого спокойствїя, такой тишины природы, какъ тамъ по вечерамъ; съ французской границы долеталъ до насъ тихій звонъ колоколовъ. Въ небольшомъ разстоянїи отъ города стоялъ нашъ уединенный домикъ, окрашенный бѣлою краскою; изъ него устроенъ былъ ходъ черезъ два подвала къ потоку, который клокоталъ въ ущельи, сокрытый отъ всего міра и приводилъ въ движеніе фабричныя машины. Часто приходилъ я къ этому мѣсту въ своихъ уединенныхъ прогулкахъ и здѣсь окончилъ стихотвореніе, начатое еще въ Парижѣ.

Окончивъ поэму, я послалъ ее изъ Локля на родину; ни одинъ трудъ мой, ни прежде, ни послѣ, не сопровождался такими надеждами. Однако поэма была принята очень холодно; враги съ усмѣшкою говорили, что я хочу подражать Эленшлегеру, который присылалъ дивныя произведенія изъ за границы. Только въ послѣдніе годы стали болѣе читать это произведеніе, и нашлись ему любители. А между-тѣмъ это былъ огромный шагъ впередъ; это стихотвореніе заключало чисто лирическую ступень моего творчества. Недавно и въ самой Данїи начали признавать, что хотя оно при первомъ своемъ появленїи не возбудило такого вниманїя, какъ нѣкоторые прежніе и менѣе удачныя мои труды, однако въ немъ мое поэтическое дарованіе достигло глубины, полноты и энергїи, которыхъ не было въ прежнихъ моихъ произведенїяхъ. По моему эта поэма заключаетъ одинъ отдѣлъ моей жизни.

А. ГРЕКЪ.

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

=

ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа.)

Хотя между парижскими театрами существуетъ нѣчто въ родѣ іерархіи, дающей первое мѣсто двумъ опернымъ театрамъ — и первому и второму французскому, то есть, собственно Французскому Театру и Одеону, однакоже на нынѣшній разъ мы позволимъ себѣ отступитъ отъ этого общепринятаго порядка и прямо обратиться къ одному изъ бульварныхъ театровъ, а именно къ театру Веселости, потому что онъ одинъ представляетъ новое произведеніе, выходящее изъ разряда посредственностей. Кровавая драма давно уже неограниченно владычествуетъ на бульварныхъ театрахъ, дѣлая даже нерѣдкіе наѣзды и на болѣе аристократическіе театры, и каждый день волнуетъ души пресыщенныхъ парижанъ зрѣлищемъ разбоевъ, злодѣйствъ, привидѣній и прочаго мелодраматическаго хлама. И вотъ женщина грозитъ, кажется, свергнуть мелодраму съ престола, и снова возвести на ея мѣсто драму человѣческаго сердца, а не трескучихъ эффектовъ. Недавно еще она заставляла плакать весь Парижъ простою повѣстью сокрушеннаго сердца деревенской дѣвушки, теперь привлекаетъ восторженную толпу повѣстью сердечныхъ страданій геніяльнаго поэта, Мольера. За то эта женщина принадлежитъ къ числу самыхъ плодотворныхъ дѣятелей современной французской литературы: это Жоржъ Сандъ. И «Мольера» не должно смѣшивать съ тѣмъ родомъ драматическихъ произведеній, въ которыхъ авторы предлагаютъ себѣ задачею прославить поэта или геніяльнаго человѣка; она предложила себѣ другую задачу: представить

Мольера просто, какъ человѣка, человѣка съ нѣжнымъ, любящимъ сердцемъ, который гибнетъ жертвою обманутой любви и дружбы. Въ первомъ дѣйствіи вы видите Мольера директоромъ провинціальной кочевой труппы актеровъ. Они остановились среди открытаго поля, позавтракать и отдохнуть: авторъ мастерски очерчиваетъ племя, съ котораго Скарронъ писалъ свой «Комическій романъ»: вотъ передъ вами забіяка Брекуръ, отставной ратникъ Тюреновыхъ войскъ, готовый при каждомъ удобномъ случаѣ обнажить шпагу; вотъ и шутъ Дюпаркъ, такой веселый и безпечный на сценѣ, брюзга и нелюдимъ въ дѣйствительной жизни; вотъ и Магдалина Бежаръ, которую Мольеръ любитъ, какъ сестру, и молоденькая Арманда, о которой онъ печется, какъ о дочери. На этой беззаботной пирушкѣ, на которую судьба привела и Конде, чтобы дать ходъ поэту и неумышленно положить первое сѣмя недуга, который сведетъ поэта въ могилу, вы уже угадываете, что подъ этою отеческою заботливостью скрывается другое, болѣе пламенное чувство. Во второмъ дѣйствіи Мольеръ уже знаменитость, придворный поэтъ. Арманда Бежаръ въ полномъ блескѣ молодости и красоты; отличія и похвалы кружатъ ей голову; она принимаетъ почести безъ разбору отъ всѣхъ и каждаго; въ числѣ самыхъ пламенныхъ ея поклонниковъ видите вы Конде и Барона, любимаго ученика Мольерова; послѣдній не подозреваетъ любви своего учителя, и не ставитъ себѣ въ грѣхъ подсунуть Армандѣ самую пламенную записку. Однакоже слава Мольера ослѣпляетъ ея юное воображеніе, и она соглашается быть его женою, не заботясь о томъ, будетъ-ли она въ состояніи отвѣчать на его любовь. Что-же до Магдалины, которая искренно любитъ его, ей остается только оплакивать свое горе на груди доброй старухи Лафоре.

Третье дѣйствіе переноситъ васъ въ Отельскій домъ Мольера. Поэтъ исхудалъ, забота и горестъ наложили свою печать на его лицо. Молва доноситъ до его слуха различные толки на счетъ вѣрности его жены; сильные враги не позволяютъ представленія его «Тартюфа.» И въ этомъ горестномъ положеніи только три существа ободряютъ и утѣшаютъ его: покровитель его Конде, Магдалина и вѣрная служанка Лафоре. Четвертое дѣйствіе происходитъ за кулисами театра, во время представленія «Мнимого больного», послѣ роковаго припадка, который долженъ окончить его жизнь. Арманда клянется въ своей невинности, и въ доказа-

тельство представляет записку Барона, на которую она не отвѣчала. Этотъ новый ударъ окончательно поражаетъ поэта. До-сихъ-поръ, только любовь обманула его, теперь онъ видитъ, что и дружба измѣнила ему. Онъ вскакиваетъ, чтобы наказать, прогнать Барона; но успіе истощаетъ его; онъ падаетъ въ изнеможеніи въ кресла, и умираетъ на рукахъ Магдалины и Лафоре; прощая Барона и Арманду.

Какъ видно изъ этого очерка, г-жа Жоржъ Сандъ очень ловко сосредоточила всю драму на любви Мольера къ Армандѣ; поэтому драма ея не имѣетъ обрывчатости, отвлеченности, недосказанности и вмѣстѣ многорѣчія, замѣчаемыхъ во всѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ авторы полагаютъ себѣ цѣлью представить умственную дѣятельность избраннаго героя, и которыя всегда въ нихъ будутъ, потому что драма можетъ представить всего человѣка, соединеніе его мысли и сердца, выражающееся въ осязательной формѣ дѣйствія, а не одну его мысль, которая въ драмѣ не находитъ себѣ другаго способа выраженія, кромѣ слова. Г-жа Жоржъ Сандъ прекрасно понимаетъ, что поэта можно представить на сценѣ, только поставивъ на первый планъ жизнь его сердца, и что это тѣмъ удобнѣе, что жизнь сердца имѣетъ всегда такое огромное вліяніе на его умственную дѣятельность. Посвящая свой новый трудъ Александру Дюма, авторъ излагаетъ свою теорію драмы, и дѣлитъ ее на внутреннюю (драму человѣческаго сердца, чувствъ), и внѣшнюю (драму эффектовъ, хотя г-жа Сандъ не называетъ ее такъ рѣзко), сочетаніе которыхъ, по ея мнѣнію, составило бы верхъ совершенства въ драматическомъ искусствѣ. Себѣ она избираетъ первую долю, предоставляя вторую *больше искуснымъ*. Не иронія-ли это? мы, по-крайней-мѣрѣ, на мѣстѣ Дюма, оцупали бы себѣ щеку послѣ такого комментарія!

Не собираетесь-ли въ Палермо? На всякій случай вотъ вамъ добрый совѣтъ на дорогу: не запасайтесь рекомендаціями и письмами; письма и рекомендаціи вздоръ, купите лучше ящикъ апельсиновъ, разложите свой товаръ на рынокѣ, и вы увидите, какъ заживете! Такой ужъ, говорятъ, обычай въ Палермо! вамъ не вѣрится? мы васъ увѣрить не можемъ, потому-что сами въ Палермо не бывали; но спросите людей бывалыхъ и знающихъ, напримѣръ мосье Скриба, члена Французской Академіи и автора «*Церлины*», новаго произведенія, явившагося на театрѣ Большой Оперы.

*

Что такое Церлина? простая торговка апельсинами, но посмотрите, какъ она всѣми повелѣваетъ, благодаря своимъ апельсинамъ. Надо вамъ сказать, что Церлина была нѣкогда любима какимъ-то синьоромъ Рокканерой; но въ одинъ прекрасный день морскіе разбойники похитили ее и продали на чужбину. Съ-тѣхъ-поръ прошло двадцать лѣтъ; Рокканера женился на очень богатой и знатной невѣстѣ, сталъ первымъ министромъ и выдаетъ Джемму, дочь Церлины, за свою племянницу. Между-тѣмъ, Церлина, освободившись какъ-то изъ неволи, пріѣзжаетъ на родину съ цѣлымъ грузомъ мальтійскихъ апельсиновъ. Прочія торговки крѣпко косятся на новую соперницу, и съ помощью палермскихъ лазарони прогнали-бы ее съ рынка, еслибъ не нашелся ей защитникъ въ лицѣ молодого офицера, Родольфа; одинъ видъ его разгоняетъ толпу. До-сихъ-поръ не много радости доставили Церлинѣ ея апельсины; но вотъ во время гулянія маркиза Рокканера проходитъ мимо лотка и пажъ подаетъ ей записку. Маркиза, прочитавъ ее, беретъ съ лотка апельсинъ и отдаетъ его пажу, а записку рветъ и бросаетъ. Церлина не лишена недостатка, свойственнаго всему женскому полу вообще, и торговкамъ въ особенности, — любопытства; она подбираетъ лоскутки письма, складываетъ ихъ и узнаетъ—(итальянскія торговки вообще читать не умѣютъ, особенно писанное, но Церлина видно исключеніе;)— и такъ она узнаетъ, что нѣкая особа просила у маркизы свиданія, и что апельсинъ долженъ быть знакомъ согласія. Удовлетворивъ свое любопытство, Церлина принимается весьма затѣйливыми руганями и флюритурами восхвалять свои апельсины; и въ первой покупщицѣ, привлеченной достоинствами ея товара, она узнаетъ, кого-бы вы думали? — свою дочь Джемму, мнимую племянницу перваго министра. Видя свою дочь богатую и знатною барышнею, мать не смѣетъ открыться ей, и испрашиваетъ только позволеніе приносить ей каждый день корзинку апельсиновъ. Тутъ то начинаютъ апельсины оказывать свою волшебную силу. При первомъ вступленіи Церлины въ палатцу маркиза Рокканеры, тонкое ухо ея успѣваетъ уловить бесѣду Джеммы съ Родольфомъ; молодые люди жалуются на свою горькую судьбу; они любятъ другъ друга, а маркизь, повинувъсь волѣ своей знатной супруги, прочить племянницу за вельможу. Церлина обѣщаетъ влюбленнымъ свое покровительство и тотчасъ отправляется къ Рокканерѣ, открывается ему и грозитъ отнять у него Джемму,

если предположенный брак не будет отмѣненъ. Рокканера все общаетъ, но не можетъ умиловить властолюбивую супругу, и роковая свадьба назначается на слѣдующій день. Церлина, однако, не унываетъ; вечеромъ маскарадъ при дворѣ, и торговка тутъ-же; узнавъ въ супругѣ маркиза Рокканеры ту же знатную даму, которая назначаетъ свиданія посредствомъ апельсиновъ, она одѣваетъ Джемму простою торговкою, даетъ ей въ руку апельсинъ, и посылаетъ ее шепнуть маркизѣ: «Я все знаю.» Маркиза въ испугѣ соглашается на все, къ не малому изумленію ея супруга; онъ обращается къ Церлинѣ, чтобы она разрѣшила загадку, но та только подаетъ ему апельсинъ, приѣвая: «Когда хочешь быть хозяиномъ въ домѣ, носи всегда въ карманѣ этотъ доводъ.» И маркизъ остается совершенно доволенъ объясненіемъ.

Синьора Альбони, для которой написана новая опера, не можетъ похвалиться, что она очень успѣшно вдохновила г. Скриба. Впрочемъ, Скрибъ написалъ на своемъ вѣку такое множество оперныхъ либретто, что неудивительно, если они ему надобли и онъ валяетъ ихъ подчасъ съ плеча; гораздо удивительнѣе, что Оберъ согласился писать музыку на такую нелѣпую сказку. Добро-бы какой-нибудь новичокъ, который долженъ вымалывать либретто для перваго своего произведенія; а то Оберъ, ветеранъ изъ композиторовъ, котораго партитуры лѣтъ тридцать уже обходятъ всю Европу, — казалось-бы, ему можно и должно-бы быть разборчивѣе и повзыскательнѣе!

Само собою разумѣется, что фантазія композитора не могла разыгратъся въ нелѣпой рамкѣ, въ которую заключилъ ее либреттистъ. Новая партитура Обера принадлежитъ къ слабѣйшимъ произведеніямъ послѣдняго періода его творчества; впрочемъ, она написана, какъ всегда пишетъ Оберъ, съ знаніемъ дѣла и умѣніемъ пользоваться голосами и оркестромъ. Есть въ ней нѣсколько удачныхъ нумеровъ и довольно свѣжія мелодіи, хотя не изъятая отъ общаго недостатка позднѣйшихъ произведеній композитора, манерности. Вообще-же опера очень смахиваетъ на множество другихъ твореній автора, такъ, что нѣкоторые строгіе судьи не хотѣли сначала признать ее за новую партитуру, увѣряя, что это только пастичіо, партитура, составленная изъ нумеровъ другихъ, устарѣлыхъ партитуръ, перекроенныхъ, переплавленныхъ и приложенныхъ къ новому тексту.

Однимъ словомъ, «*Церлина*» не доставила большой чести ни либреттисту, ни композитору, а только г-жѣ Альбони, которая занимаетъ роль Церлины, и которой Оберъ представилъ много случаевъ выказать всѣ достоинства своего дивнаго голоса и все свое умѣніе владѣть имъ.

Комическая Опера не хочетъ отставать отъ Большой Оперы, и также поставила новое произведеніе: «*Раймондъ или тайна*», либретто гг. Левена и Розье, музыка Амбруаза Тома. Хотя современные драматурги уже давно приучили насъ, за отсутствіемъ оригинальности, къ странности въ выборѣ сюжетовъ и къ вычурности исполненія, однако-же, никому еще, вѣроятно, не приходило въ голову, чтобы можно было выкроить комическую оперу изъ трагической исторіи Желѣзной Маски. Честь этого новаго изобрѣтенія принадлежитъ авторамъ «*Раймонда*;» герой ихъ никто иной, какъ знаменитый Желѣзная Маска, столько разъ извлекавшій потоки слезъ изъ глазъ чувствительныхъ зрительницъ. При всей изобрѣтательности гг. Левена и Розье, они не могли, конечно, погнуть исторію такъ, чтобы она уложилась въ рамку предстоявшей имъ задачи, и потому они придумали новую легенду, несогласную ни съ которымъ изъ многочисленныхъ толкованій, порожденныхъ въ ученомъ мірѣ этимъ таинственнымъ лицомъ. Ихъ Раймондъ взросъ въ деревнѣ, въ невѣдѣніи своего происхожденія; живетъ себѣ мужикомъ, имѣетъ хорошую избу и богатые поля, и всѣ его помыслы стремятся къ тому, чтобы жениться на Стеллѣ, такой же крестьянкѣ. Казалось бы и дѣло съ концомъ, оставить его только въ покоѣ въ этой скромной долѣ, которою онъ совершенно доволенъ. Но тогда не вышло бы оперы; поэтому гг. Левенъ и Розье представили къ нему двухъ наблюдателей, какого-то пройдоху кавалера Розарнье, и какую-то молоденькую и хорошенькую баронессу. Хороши наблюдатели. Розарнье шатается по кабакамъ и съ пьяну выбалтываетъ порученную его храненію тайну первому встрѣчному-поперечному, не заботясь о томъ, что его можно подслушать изъ за перегородки. И точно баронесса подслушала его, а какъ для ея цѣлей не должно допустить, чтобы Раймондъ женился на Стеллѣ, то она и предъявляетъ Розарнье подложное предписаніе воспрепятствовать этому браку. Розарнье не находитъ короче средства, какъ поджечь избу Раймонда и пустить его по міру. Баронессѣ, послѣ этого, не трудно уговорить Раймонда

ѣхать съ нею въ Парижъ, куда зоветъ его мать, знатная особа, имѣющая важныя причины, чтобы таить его существованіе. Мать желаетъ удержать его при себѣ; но это желаніе не согласно съ видами другихъ лицъ, интересованныхъ въ тайнѣ, и они придумываютъ разныя средства, чтобы удалить его изъ Парижа, и возвратитъ къ своимъ баранамъ и къ невѣстѣ; но какъ эти средства не удаются, то его арестуютъ и везутъ въ заключеніе на островъ Ре. Баронесса выхлопатываетъ своему мужу мѣсто губернатора этого острова, надѣясь такимъ образомъ способствовать бѣгству несчастнаго; но едва новый губернаторъ пріѣзжаетъ на мѣсто назначенія, онъ узнаетъ, что предмѣстнику его предписано везти плѣнника въ Бастилю. Всякая надежда спасти его потеряна, какъ вдругъ Розарье узнаетъ въ Стеллѣ свою дочь и въ порывѣ великодушія рѣшается пожертвовать собою и заступитъ мѣсто Раймонда, который скрывается тайно за границу и женится на Стеллѣ.

Музыка новой оперы г. Томà, имѣетъ тѣ же достоинства и тѣ же недостатки, какъ и прежнія его партитуры; она плавна, пѣвуча, оркестрована съ умомъ, но не достаетъ ей самостоятельности; вы безпрестанно слышите отголоски Обера, Галеви, иногда даже Франца Шуберта. Самый замѣчательный нумеръ въ партитурѣ, — пасторальная сцена, написанная въ стилѣ Рамбó; зачѣмъ она написана въ устарѣломъ стилѣ Рамбó, а не такъ, какъ пишутъ нынче, мы рѣшительно не беремся разгадать. Вообще, опера имѣетъ успѣхъ.

На Французскомъ театрѣ явилась наконецъ давно обѣщанная комедія г-жи Эмиль-Жирарденъ «*Мужъ виноватъ, или у хорошаго мужа и жена хороша*»; мысль весьма не легкая для мужей, когда подумаешь о множествѣ женъ, къ которымъ званіе хорошихъ не совсѣмъ удобно прилагается, но мысль вовсе не новая, потому-что, не говоря уже о комедіи Ожье, можно указать на добрую дюжину комедій, водевилей, пословицъ, и даже драмъ, въ которыхъ эта мысль развита почти въ такихъ-же формахъ, хотя не всегда изложена въ такихъ прекрасныхъ стихахъ, какъ у г-жи Жирарденъ. Содержаніе ея комедіи, или скорѣе пословицы, можно рассказать въ двухъ словахъ; въ ней представлена молодая женщина, которая была очень расположена любить мужа, но стала равнодушна, потому-что на третій день супружества, онъ изъ любезнаго и пріятнаго молодого человѣка, сталъ букой, ревнивцемъ и брюзгою, подъ тѣмъ предлогомъ, что

семейному человѣку неприлично быть вертопрахомъ. Тутъ подвергается, какъ всегда, влюбчивый кузень, который могъ бы повести дѣло не совсѣмъ пріятнымъ образомъ для мужа, еслибъ пожилая, благоразумная пріятельница не сжалилась надъ бѣдною мадамъ д'Отривъ, не наставила ее уму разуму, и не упрочила, такимъ образомъ, семейнаго спокойствія. Для болѣе подробнаго изложенія пришлось бы выписать всю пьесу, потому-что дѣйствія въ ней почти нѣтъ, и она вся выѣзжаетъ на разговорахъ, въ родѣ пословицъ Альфреда Мюссе.

Кромѣ пословицы г-жи Жирарденъ, Французскій Театръ поставилъ еще новую комедіюку Леона Гозлана: «*Заключение романа*», передѣланную изъ его же всѣмъ извѣстной повѣстухи: *Comment on se débarrasse d'une maîtresse*. Вся пьеса заключается въ нѣсколькихъ сценахъ, очень милыхъ и забавныхъ, пересыпанныхъ парадоксами и остротами, до которыхъ г. Гозланъ такой охотникъ.

Страсть къ воровскимъ драмамъ и комедіямъ начинаетъ распространяться и на театръ Драматической-Гимназіи. Гг. Мелесвиль и Курси не могутъ, правда, взять привиллегіи на представленное ими средство присвоивать чужія деньги, потому-что средство это изобрѣтено уже очень давно; однако мы не слыхали до-сихъ-поръ, чтобы воры и разбойники пользовались имъ по большимъ дорогамъ. Это средство называется *Vol à la goulade*, и заключается въ томъ, что васъ останавливаетъ на большой дорогѣ, человѣкъ прилично одѣтый, съ самыми благородными приемами, настоящій лондонскій джентльменъ, уставишь вамъ въ грудь маленькій пистолетъ, самой щегольской отдѣлки, и попроситъ опорожнить ваши карманы; когда вы это исполните, онъ объяснитъ вамъ, что онъ не воръ какой-нибудь, не разбойникъ; что онъ не имѣетъ противъ васъ никакихъ злыхъ умысловъ, а только взялъ съ васъ плату за мѣсто въ концертъ, который дается въ лѣсу, и на который онъ затѣмъ очень любезно приглашаетъ васъ. Если вы послѣ этого будете еще бояться, и убѣжите, какъ сэръ Френсисъ Гулливеръ, вы и сами очень много потеряете, и очень огорчите своего новаго знакомаго, онъ очень обидится тѣмъ, что вы приняли его за вора. Нѣтъ, идите за нимъ смѣло, какъ этого храбрый французъ, мосье де-Маранъ. За то какъ награжденъ онъ, узнавъ въ дивной лѣсной пѣвицѣ ту самую

прекрасную незнакомку, которая гдѣ-то проѣхала мимо его въ голубой коляскѣ, и за которую онъ съ того времени рыскаетъ по всѣмъ дорогамъ. Мосье де-Марану очень хотѣлось бы разъяснить загадку, какимъ образомъ такая артистка попала въ эту шайку раз... виновать, это не разбойники; право не придумаешь и названія для этихъ новыхъ поощрителей музыки! — Но у учредителей этихъ лѣсныхъ концертовъ заведено такое правило, что какъ вы прослушали, сколько слѣдовало по вашимъ деньгамъ, васъ выводятъ опять на большую дорогу, и очень любезно просятъ удалиться, не то.... Такъ поступаютъ и съ влюбленнымъ мосье де-Мараномъ, и ему только что удается получить отъ пѣвицы букетъ цвѣтовъ на прощаніе и на память. Во второмъ дѣйствіи вы очень удивитесь, встрѣтивъ лѣсную пѣвицу въ домѣ лорда Дурема, бывшего посланника въ Константинополь, и услышавъ, что она дочь благороднаго лорда. Впрочемъ, все объяснится, когда вы вспомните о пожарѣ въ Перрѣ, въ которомъ сгорѣлъ и домъ англійскаго посольства. Леди Анна, бывшая тогда еще ребенкомъ, была спасена однимъ мошенникомъ, который, вмѣсто того, чтобы возвратить ее родителямъ, вздумалъ дать ей самое блестящее воспитаніе, чтобы потомъ обирать прохожихъ съ помощью ея таланта. Лорду Дурему также удалось попасть на лѣсной концертъ, и онъ узналъ дочь по гербу пистолета, приставленнаго къ его горлу. Разумѣется, онъ взялъ дочь, а чтобы избѣжать огласки, взялъ и негодяя Девиса къ себѣ въ управители. Леди Анна помолвлена за сэра Гулливера, который пріѣзжаетъ къ будущему тестю съ однимъ изъ своихъ пріятелей; этотъ пріятель никто иной, какъ мосье де-Маранъ, все еще влюбленный въ лѣсную пѣвицу. Можете себѣ представить его изумленіе, когда онъ встрѣчаетъ ее дочерью богатѣйшаго лорда Англій. Леди Анна клянется, что она отъ роду не пѣла, что она потъ не знаетъ: но букетъ мосье де-Марана уличаетъ ее. Сэръ Гулливеръ, какъ гордый англичанинъ, отказывается отъ руки дѣвушки, бывшей въ шайкѣ разбойниковъ; но мосье де-Маранъ не такъ сѣсивъ и съ радостью заступаетъ мѣсто своего пріятеля. Между тѣмъ, Девисъ, чтобы спасти честь леди Анны, вздумалъ самъ отдаться подъ судъ и нашель себѣ сообщницу въ лицѣ молодой скотницы; а какъ тотъ родъ промышленности, которымъ онъ занимался, не предвидѣнъ англійскими законами, и какъ есть ясныя доказательства, что пистолетъ его ни-

когда не бывалъ заряженъ, то судъ признаетъ и его и мнимую сообщницу не виновными.

Всѣ, видѣвшіе эту пьесу, единогласно утверждаютъ, что гг. Мелесвиль и Курси не украли у нихъ денегъ.

Кромѣ комедіи-водевиля гг. Мелесвиля и Курси, нѣтъ на театрѣ Драматической-Гимназіи ни одной порядочной новости. Двѣ другія пьесы: «*Мой пріятель Баболень*», водевиль г-жи Ашиль Контъ и г. Монроза, и «*Ужинъ у Маркизы*», комедія-водевиль г. Маркъ-Мишеля, ничтожны до крайности, и только благодаря исполненію имѣли нѣчто въ родѣ успѣха. Представьте себѣ почтеннаго холостяка, который любить спокойствіе и уединеніе, и который вдругъ, желая доставить удовольствіе другу, посѣтивъ его на дачѣ, попадаетъ въ интриги, шалости, кутерьму, бѣготню, такъ, что ему не дадутъ даже присѣсть. Такова горькая участь Баболена. Мадамъ Дельмасъ женщина романическая, и находитъ, что мужъ ее не любитъ, потому что не ревнуетъ; а сестра ея проказница, шалунья, и очень занимается однимъ молодымъ блондиномъ, который безпрестанно проходитъ подъ окнами. На самомъ порогѣ дома Дельмаса, Баболень наткнулся на блондина, который оказывается его знакомымъ и требуетъ, чтобы онъ представилъ его мосье Дельмасу. Мадамъ Дельмасъ кокетничаетъ съ блондиномъ, чтобы взбѣсить мужа; а мамзель Марія выдаетъ себя за мадамъ Дельмасъ, чтобы испытать блондина. Баболень чловѣкъ степенный, и не желалъ бы мѣшаться въ эти проказы; но какъ отказать двумъ хорошенькимъ женщинамъ? И ему же достается за свою услужливость; онъ все время на посылкахъ, на побѣгушкахъ, особенно же когда мосье Дельмасъ начинаетъ ревновать, ссорится съ гостемъ и вызываетъ его на дуэль; тутъ его приглашаютъ въ секунданты, тамъ посылаютъ его съ записочкою, хоть тресни! Дѣло, однакоже, кончается благополучно; мамзель Марія сознается въ своей шалости, а мадамъ Дельмасъ перестаетъ кокетничать, какъ скоро видитъ, что мужъ довольно любитъ ее, чтобы ревновать.

Комедія-водевиль г. Маркъ Мишеля, если возможно, еще пошлѣе. Нѣкто Бигаро, плутъ, рѣдкій мастеръ провѣдывать чужія тайны и извлекать изъ нихъ, при случаѣ, пользу, приволакивается къ Рикеттѣ, хорошенькой камеристкѣ одной маркизы, и, сгарая желаніемъ ее видѣть, проникаетъ въ будуаръ ея госпожи. Между тѣмъ, какъ онъ отпускаетъ разна-

го роду любезности своей возлюбленной, является Маркизь ужинать съ своею супругою, и нашъ влюбленный принужденъ спрятаться въ кирасу и завѣситься шивелями, плащами, шляпами и проч. Тяжело ему въ этомъ желѣзномъ платьѣ, но чего не сдѣлаетъ онъ для лукавыхъ глазокъ Рикетты? Онъ все терпитъ, не шевелясь; ему жарко, душно, а передъ нимъ стоитъ бутылка вина; стоитъ руку протянуть; искушеніе превозмогаетъ, Бигаро протягиваетъ руку, маркиза вскрикиваетъ, а маркизь приказываетъ слугамъ отколотить дерзновеннаго и выкинуть его въ окно. Но Бигаро дать только волю говорить, и онъ изъ всего вышутается; онъ знаетъ столько секретцевъ на счетъ маркиза, маркизы, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, что его ужъ не выгоняютъ, а даютъ ему руку Рикетты, и еще съ приданнымъ, только бы онъ молчалъ.

Новости Театра Разнообразія также сильно отзываются лѣтнимъ временемъ, когда каждый директоръ считаетъ обязанностью сбыть залежалый товаръ. Изъ трехъ пьесъ, поставленныхъ на этомъ театрѣ въ послѣднее время, самая удачная, или вѣрнѣе, наименѣе неудачная, водевиль гг. Альбера Монье и Эдуарда Мартена «Откуда молодежь ума набирается.» Хоть мысль не нова, мы помнимъ, что много разъ видали эстампъ, снятый съ чрезвычайно замысловатой картины одного голландскаго художника, однако-же пьеса довольно жива, забавна и довольно ловко ведена. Люсьенъ племянникъ старика Прокопа, занимающаго должность управителя у одной графини. Всѣ называютъ его дикаремъ и медвѣдемъ; вдругъ, откуда ни возьмись, появилась у него небывалая и даже ему самому непонятная охота любезничать, и съ кѣмъ еще?—съ графинею. Разумѣется, что эти любезности возбуждаютъ только смѣхъ. Такая же неудача ему съ плутовкою камеристкою, Сюзеттою. Одна только простодушная Ораншетта, дочь садовника, слушаетъ его, и даже позволяетъ похитить у себя поцѣлуй. Въ этомъ поцѣлуѣ начало ума Люсьена; послѣ него ему ни почему побѣдить спѣсь Сюзетты; но нашъ проказникъ мѣтитъ выше.

Счастіе въ несчастіи, водевиль гг. Дювера, Лозанна и Латруна, ничтоженъ до крайности. Какой-то благодѣтельный водевильной дядюшка завѣщалъ мосье Ригоберу, отставному таможенному приставу, сто тысячъ франковъ годоваго дохода. Съ этимъ богатствомъ онъ былъ бы счастливейшимъ изъ смертныхъ, еслибъ только не былъ влюбленъ,

и влюбленъ еще въ мадамъ де-Моріакъ, въ премилую и прехорошенькую женщину, но которая съ своей стороны любитъ мосье Шарля де-Ферріера. Этотъ Шарль, для Ригобера, камень, о который разбиваются всѣ его надежды. Мадамъ де-Моріакъ доставляетъ Шарлю мѣсто при какомъ то посольствѣ, чтобы испытать его; эти водевильныя невѣсты страшныя охотницы испытывать жениховъ! Шарль, разумѣется, не ѣдетъ, сердится, ревнуетъ, и въ заключеніе предлагаетъ Ригоберу стрѣляться. Мадамъ де-Моріакъ довольна результатомъ испытанія, Шарль убѣждается, что онъ любимъ, и вслѣдствіе того о дуэли нѣтъ больше рѣчи, но Шарль предлагаетъ сопернику другаго рода сдѣлку: у кого хватить терпѣнія считать секунды впродолженіе получасу, тотъ получитъ руку красавицы. Ригоберъ начинаетъ: «разъ два, три».... Шарль любезничаетъ съ мадамъ де-Моріакъ; впрочемъ, онъ имѣетъ на то полное право, потому что въ договорѣ не было сказано, что пока одинъ будетъ считать, другой долженъ звать!... пятьсотъ, пятьсотъ одна, пятьсотъ двѣ, пятьсотъ три».... Шарль не дремлетъ; «пятьсотъ сорокъ, пятьсотъ сорокъ одна».... вотъ идетъ нотариусъ и раскладываетъ контрактъ; «пятьсотъ девяносто, девяносто одна, девяносто двѣ».... Невѣста беретъ перо и подписываетъ; «шестьсотъ пятьдесятъ, пятьдесятъ одна».... нелегкая побори! вотъ и Шарль берется за перо! это ужъ не въ терпѣжъ! Ригоберъ бросается къ нему и хватаетъ его за руку. «Что вы дѣлаете, мосье Ригоберъ? вѣдь вы отъ себя самихъ проиграли невѣсту!» Нашъ миліонеръ бьетъ себя въ лобъ; тутъ только понимаетъ онъ, что его олурачили; впрочемъ онъ утѣшается тѣмъ, что отъ его несчастія будетъ два счастливица; счастье въ несчастія! Очень право-учительно, но чрезмѣрно скучно.

Въ «Бой бабъ», водевилѣ гг. Кармуша и Вандербурка, авторы, для оригинальности, поставили среди сцены огромную клѣтку, которой назначеніе, въ началѣ, очень подстрекаетъ любопытство зрителей. Какую-то птицу или какого звѣря посадятъ въ нее? а вотъ увидите. Толпа мызницъ и поселянокъ, выходящая на сцену съ своею помѣщицею, объясняетъ, что самъ помѣщикъ, мосье де-Керкарадекъ, отправился со всѣми своими вассалами и мызниками на войну, оставивъ женъ скучать въ одиночествѣ. Ни дать, ни взять въ «Графъ Ори». Но Керкарадекъ ревнивъ, какъ бретонецъ; онъ возвращается прежде назначеннаго срока, чтобы убѣ-

даться въ вѣрности жены, и приводитъ съ собой какого-то Геркулеса Шаминайка, чтобы испытать ее. Артемиза принимается кокетничать съ Геркулесомъ, чтобы побѣсить ревнивца ; но когда Геркулесъ считаетъ себя у самой цѣли, ему завязываютъ глаза, будто бы затѣмъ, чтобы вести его въ будуаръ помѣщицы, и сажаютъ въ клѣтку. На то Артемиза и бой-баба ! Керкарадекъ убѣждается въ вѣрности жены, и на радости женить Геркулеса на своей крестницѣ.

Театръ Монтансье подарилъ своимъ посѣтителемъ сказку Лафонтена, «*Бельфегоръ*», передѣланную въ фантастическій водевилъ господами Дюмануаромъ, Сентъ-Ивомъ и Шолеромъ, и дѣтскую сказочку «*Волшебная курочка*», гг. Мелесвиля и Ксавье, для почитателей дѣтскихъ талантовъ.

Въ водевилѣ гг. Мелесвиля и Ксавье главную роль, конечно, играетъ маленькая Селина Монталанъ, которая кружить голову всему Парижу не хуже иной взрослой актрисы. Только ея миловидность, веселость, рѣзвость, постоянно привлекають толпу зрителей, потому что самая пьеса очень незавидна, и едвали имѣла бы успѣхъ безъ ея участія. Мадамъ Бертоленъ — вдова одного овощнаго торговца, самаго сердитаго, самаго капризнаго и брюзгливаго изъ мужей; поэтому она не слишкомъ горюетъ о его смерти, а какъ ея прикащикъ Лонжюмо, котораго она выписала изъ провинціи съ его маленькою сестрою, Лулу, ведетъ ея торговля дѣла очень честно и смѣлливо, то она была бы даже счастлива, еслибъ не два горя ; первое, — потеря, во время пожара, росписки кондитера Антиноя Пилова въ уплатѣ 20,000 франковъ, которыя ему былъ долженъ покойный Бертоленъ, и второе — втораго она сама сказать не смѣетъ, но это то самое горе, которое такъ часто заставляетъ ее вздыхать, поглядывая на прикащика. Но Лонжюмо удивительный простакъ ; онъ никакъ не можетъ смекнуть, что онъ не совсѣмъ безгрѣшенъ во второмъ горѣ вдовы, и что ему нѣтъ никакой надобности такъ трудиться для приисканія ей жениха. Къ счастью, маленькая Лулу умна за всѣхъ, и устроиваетъ все дѣло къ общему удовольствію. Ей подарили хорошенькую книжку, въ красномъ переплетѣ, въ которой она прочитала повѣсть о волшебной курочкѣ, несущей золотыя яйца, и съ тѣхъ поръ она только и бредитъ, что волшебными курочками, и дѣлаетъ курочекъ изъ каждаго клочка бумаги, который попадетъ ей подъ руки. Одна есть у нея любимая курочка, подлѣ которой она каждый день находитъ конфеты, что, конечно, стоитъ

золотыхъ ящъ. И точно оказывается, что эта курочка имѣетъ драгоценныя свойства. Кондитеръ Антиной влюбленъ въ вдову, но какой-же молодой вдовѣ охота идти за стараго франта въ парикъ и съ искусственными зубами? Отказъ только раззадорилъ любовь старика, и онъ предлагаетъ вдовѣ на выборъ, или идти за него, или заплатить 20,000 франковъ, потому-что ему извѣстно объ утратѣ его росписки. Тутъ-то волшебная курочка выручаетъ вдову изъ бѣды; Антиной блѣднѣетъ, узнавъ на ней свою подпись; это его росписка. Между тѣмъ Лонжиомо понялъ наконецъ, что значатъ вздохи и взгляды вдовы, и довершаетъ ея радость, прося ея руки.

Театръ Сенъ-Мартенскихъ воротъ, сострадая къ той части публики, которой денежные или другія обстоятельства не позволяютъ съѣздить въ Лондонъ, посмотрѣть на всемирную выставку, приглашаетъ ее къ себѣ взглянуть на «Кристалльный дворецъ» и всѣ его чудеса, и въ придачу еще даетъ чудеса, придуманныя гг. Клервилемъ и Жюлемъ Кордье. Сочиненіе ихъ принадлежитъ къ разряду *obscures*, и представляетъ только рядъ каррикатурныхъ сценъ, безъ всякой связи между собою, пересыпанныхъ очень крупною солью. Впрочемъ, какъ вся пьеса написана только для декораціи, представляющей лондонскую выставку, а эта декорація сдѣлана очень удачно, то зрители выходятъ изъ театра очень довольные, и перестаютъ завидовать тѣмъ счастливымъ, которымъ судьба позволяетъ любоваться выставкою въ натурѣ.

Еще дается на этомъ театрѣ водевиль какого-то г. Дюбуа, подъ названіемъ «Три сосѣда и три сосѣдки». Изъ этого названія вы видите уже, что были гдѣ-то и когда-то три сосѣда, всѣ трое женатые; слѣдовательно были и трое сосѣдокъ; одна изъ этихъ сосѣдокъ гораздо лучше двухъ другихъ, почему ея два сосѣда вздумали поволочиться за нею; но она, какъ женщина честная и любящая мужа, отвергаетъ ихъ любовь, и проучивъ ихъ порядкомъ, возвращаетъ на путь долга. Средства, которыя прекрасная Маргарита употребляетъ для этого, также новы и оригинальны, какъ основная мысль пьесы, почему мы и не находимъ нужнымъ ихъ исчислять.

Кромѣ драмы Жоржъ-Санда, о которой мы говорили въ началѣ письма, театръ Веселости поставилъ еще чувствительную драму г. Дюпети, «Похожденія Сусанны» — и военную пьесу гг. Комерсона и Фокемона «Военный советъ.»

«*Положенія Сусанны*» — нелѣпный наборъ трескучихъ сценъ, присоединяющій ко-всѣмъ достоинствамъ, свойственнымъ этому роду драматическихъ произведеній, еще достоинство очевиднаго подражанія «*Манонъ Леско*», «*Материнскому благословенію*», «*Парижскимъ Тайнамъ*», и многому множеству другихъ пьесъ и романовъ. Странную мысль возымѣлъ авторъ, соединить въ одномъ лицѣ Манонъ Леско и Фаншону, два характера совершенно несоединимые. Воспоминанія, заимствованныя изъ многого множества драмъ и романовъ, сшитыя на живую нитку, очень эффектно, безъ всякой послѣдовательности, безъ всякой логики, на потѣху отчаяннымъ любителямъ слезно-трескучихъ драмъ, которые и аплодируютъ этой чепухѣ съ неистовымъ восторгомъ.

«*Военный совѣтъ*», представляетъ въ сто первый разъ, какъ французскіе гусары, на досугѣ, между двумя побѣдами, колотятъ пѣмецкихъ бюргеровъ, хитростью заставляютъ скрягу Петермана выкатить имъ бочку вина, и совершаютъ другіе подвиги въ такомъ-же родѣ. Все это происходитъ въ сопровожденіи военныхъ пѣсень, ружейныхъ выстрѣловъ, барабаннаго боя и военныхъ эволюцій, почему пьеса и объявляетъ притязаніе на званіе военно-комической оперы. Г. Ванжель сочинилъ къ ней довольно недурную музыку, которую артисты театра Веселости исполняютъ съ грѣхомъ пополамъ.

Въ прошломъ письмѣ мы говорили о третьей части Монте-Кристо, знаменитой четырехъ-суточной драмы гг. Александра Дюма и Огюста Маке, которые, съ закрытія Историческаго театра, рѣшительно учредили свою главную квартиру въ Амбигю и въ Циркѣ. Нынѣ явилась четвертая и послѣдняя часть, подъ названіемъ «*Вильфоръ*». Эта часть посвящена окончательнымъ расчетамъ Эдмонда Дантеса съ злодѣями, которыхъ наказаніе онъ поставилъ себѣ цѣлью всей своей жизни. Онъ совершаетъ это дѣло съ полнымъ успѣхомъ и можно надѣяться, что послѣ столькихъ трудныхъ и дивныхъ подвиговъ, посвятитъ остальные годы жизни отдыху, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зрителямъ дастъ вздохнуть, послѣ не менѣе утомительнаго труда прослушать на сценѣ десятитомный романъ, почти страницу за страницей.

Вотъ еще драма, или вѣрнѣе драма-водевиль, на театрѣ *Délassemens comiques*, подъ названіемъ «*Люсиенна*», г. Поля

Фуше. Она также представляет мало новаго, тѣ же завязки и развязки, тѣ же пружины и тѣ же типы, которые виданы уже на сценѣ безчисленное множество разъ. Мадамъ де-Бреваннъ вышла, противъ воли, за мерзавца, который не довольствуется тѣмъ, что оскорбляетъ ее и проматываетъ ея имѣніе, но еще пускаетъ въ ходъ фальшивые векселя; — этотъ родъ подлога въ большой модѣ въ драматическомъ и водевильномъ мірѣ. Мосье де-Бреваннъ давно-бы пустилъ жену по міру, а самъ отправился-бы на галеры, еслибъ Леонъ Кандаля, предметъ ея первой любви, не спасалъ ихъ нѣсколько разъ не только своимъ имѣніемъ, но и имѣніемъ своей сестры, Люсиенны, ввѣреннымъ его управленію. По увѣренію автора, Леонъ преблагородный, превеликодушный, пречестный человекъ, хотя, по нашему понятію, такое пользование чужимъ имѣніемъ этого не доказываетъ; дѣло, впрочемъ, не въ томъ, честно-ли и благородно-ли растрачивать имѣніе сестры, а въ томъ, что онъ самъ съ сестрою пошелъ бы по міру, еслибъ не нашелся человекъ еще благороднѣе, еще честнѣе, а главное благоразумнѣе, въ лицѣ мосье Кампредона, типа водевильнаго отставнаго моряка. Кампредонъ платитъ долги Леона и убѣждаетъ его отказаться отъ торговли и отъ вспомоствованія постороннимъ, чтобы хоть, что-нибудь осталось его сестрѣ. Между тѣмъ, мосье де-Бреваннъ догадался, что онъ довольно уже накутилъ на бѣломъ свѣтѣ, и освобождаетъ его отъ своего присутствія, вызвавъ на дуэль какого-то глупаго львенка, который и убиваетъ его. Такимъ образомъ мѣсто мужа мадамъ Бреваннъ дѣлается вакантнымъ, и не трудно угадать, что его получить Леонъ, а Кампредонъ женится на Люсиеннѣ.

Въ заключеніе своего отчета назовемъ еще «*Двоюроднаго брата Паяца*», водевиль гг. Рошфора и Нуазеля, (на театрѣ *Délassemens comiques*) и три пьески театра *Folies dramatiques*: «*Двухъ шутовъ*», водевиль г. Ипполита Леру, «*№ 93*», водевиль гг. Камерсона и Фокемона, и «*Жену на прокатъ*», водевиль г. Гюго, котораго, сказать мимоходомъ, не должно считать сродни Виктору Гюго. Всѣ эти пьесы — прямые фарсы, которые заставляютъ васъ невольно хохотать, пока вы ихъ видите на сценѣ, и удивляться ихъ нечестности, какъ скоро исчезнетъ обманчивая прелесть исполненія и вы станете холоднымъ разсудкомъ давать себѣ отчетъ въ видѣнномъ.

С М Ъ С Ъ .

О ВЛІЯНІИ МУЗЫКИ НА ЧЕЛОВѢКА И НА ЖИВОТНЫХЪ.

Who loves not music, is not fit to live.

Byron.

I.

Многіе писатели старались опредѣлить это вліяніе, но, по несчастію, большая часть ихъ ограничилась только приведеніемъ хоть и довольно замѣчательныхъ, но вмѣстѣ случайныхъ фактовъ, которыхъ никакъ нельзя назвать общимъ правиломъ и еще менѣе основать на нихъ какую-нибудь теорію. Всѣ изслѣдованія до настоящаго времени оказались слишкомъ недостаточными, потому-что производились людьми неспособными проникнуть предмета во всей его глубинѣ. А между тѣмъ строгое и внимательное изученіе дѣйствія музыки на людей и вообще на животныхъ принесло бы величайшую пользу. Теперь задача заключается въ томъ, чтобы объяснить и подтвердить неопровержимыми фактами врачебное свойство музыки, такъ сказать: соединить ее съ терапіей, и указать: какими именно путями музыка дѣйствуетъ на животный организмъ.

Подъ именемъ музыки разумѣется у насъ искусство сочетать и располагать звуки такимъ образомъ, чтобы ихъ, такъ сказать, созвучіе (consonnance), послѣдовательность (succession) и относительная продолжительность производила болѣе или менѣе пріятное впечатлѣніе. Музыка имѣетъ предметомъ звуки, разсмо-

триваемые со стороны ихъ дѣйствія на органъ слуха. Дѣйствіе это обусловливается ихъ величественностію, силою и продолжительностію. Музыка объемлетъ двѣ, совершенно различныя, части. Первая, представляющая послѣдовательность звуковъ болѣе или менѣе величественныхъ (*graves*) или болѣе или менѣе рѣзкихъ (*aigues*) — называется *мелодій*; вторая, состоящая изъ стройнаго сочетанія звуковъ, производимыхъ одновременно, — *гармоніей* или *созвучіемъ*; — кромѣ того въ составъ ея входитъ опредѣленіе воображаемой или положительной длительности звуковъ и молчанія, то есть, мѣры или музыкальнаго *ритма*. Эта первая часть составляетъ искусство композитора; вторая посвящена произведенію звуковъ голосомъ или орудіями, что зависитъ отъ произвола композитора, и составляетъ искусство пѣвца, симфониста. Пифагоръ и Платонъ говорили, что въ природѣ все музыка, и хоть съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться совершенно, по тѣмъ же менѣе нельзя не признать, что оно имѣетъ нѣкоторое основаніе. Вспомнимъ только о свистѣ и завываніи вѣтра, раскатахъ грома, плескѣ моря, шелестѣ листьевъ, о пѣніи и щебетаньи птицъ, ревѣ звѣрей и т. п.

Музыка, естественно, возбуждаетъ то, что хочетъ выразить; но, какъ выражать можно только то, что чувствуемъ, то и пріятно замѣтить, что чувствительность характера или впечатлительность въ особенности располагаетъ къ занятіямъ музыкой и что, обратно, занятіе музыкою всегда содѣйствуютъ развитію чувствительности. Ликургъ, изгнавъ изъ Лакедемоніи толкователей закона и софистовъ, какъ людей занимающихся бесполезными науками, оставилъ тамъ музыкантовъ, ибо ему было извѣстно вліаніе музыки на человѣческія страсти. Полибій приписывалъ крайнюю противоположность въ нравахъ, существовавшую между двумя народами Аркадіи — (одинъ былъ чрезвычайно кротокъ, челолюбивъ и сострадательнъ, а второй жестокъ и кровожаденъ) единственно тому, что первый народъ питалъ большую склонность къ музыкѣ, а второй имѣлъ о ней слабое понятіе.

Музыка, безспорно, можетъ почестъся главнымъ и самымъ вліятельнымъ двигателемъ животной экономіи; господство ея надъ страстями весьма замѣчательно; она имъ и льститъ, и смягчаетъ ихъ, по своему произволу; укрощаетъ самыя свирѣпыя страсти; труса дѣлаетъ отважнымъ и у величайшаго злодѣя исторгаетъ слезы. Живописецъ Теоанъ* умѣлъ воспользоваться этимъ могуще-

* Aelien, lib. 2.

ствомъ музыки: онъ выставилъ свою картину, изображавшую волна, готовящагося броситься на непріятеля и прежде собралъ музыкаптовъ, заставилъ ихъ сыграть воинственную пѣсню, и потомъ, когда зрителя были достаточно возбуждены музыкой, онъ открылъ свою картину, которая чрезвычайно поразила всѣхъ присутствовавшихъ.

Двойное достоинство музыки заключается въ томъ, что она равно дѣйствуетъ, какъ на людей, стоящихъ на самой высокой степени образованности, такъ и на варваровъ. Она пріятно дѣлаетъ и нѣжитъ чувства и, чтобъ наслаждаться ею, нужно имѣть только чувствительность слуха, въ которой отказано весьма немногимъ.

Менагета, врачъ одного германскаго императора, говоритъ, что, зная челоуѣка, который питалъ такое отвращеніе къ музыкѣ, что услышавъ звукъ лютни, непременно дѣлался болѣнъ; тотъ-же самый врачъ указываетъ на крестьянина, у котораго даже при взглядѣ на какой-нибудь музыкальный инструментъ дѣлалась рвота. Имперіалсъ свидѣтельствуетъ, что Юстъ-Лицѣй имѣлъ такую антипатію къ музыкѣ, что если ему случалось слышать звукъ какого бы то ни было инструмента, съ нимъ неминуемо дѣлалась судорога. По счастью примѣры эти очень рѣдки. Замѣчательно, что люди, одаренные неправильно устроенными органами слуха, кромѣ того, что остаются равнодушными къ музыкѣ, сами поютъ непременно фальшиво.

Музыка сообщаетъ дѣятельность разуму; она содѣйствуетъ правильному развитію идей и такъ сказать, оплодотворяетъ воображеніе. Докторъ Галле замѣчаетъ, что люди, имѣющіе склонность къ музыкѣ и особенно композиторы, если не всѣ способны къ глубокому изученію наукъ и не всѣ обладаютъ сильно развитыми умственными способностями, то, по-крайней-мѣрѣ, рѣдко бываютъ рѣшительными глупцами. Квинтиліанъ говоритъ, что образованные народы, занимаясь музыкой, пріучаютъ свой умъ къ размышленію и ученію. Музыка, въ большей или меньшей степени развитія, существуетъ у всѣхъ народовъ: персы, турки, китайцы весьма склонны къ ней. Египетъ имѣлъ своего Меркурія и Трисмегиста, которые своими пѣснями довершили образованіе людей*. Въ Греціи были: Орфей** и Амфіон***. У китайцевъ Лингъ-Лунъ, Куей и Пинъ-Му-Кіа, музыканты-фл-

* Горацій, книга 1.

** Виргилій. Георгики, книга 4.

*** Горацій, книга 3.

лософы, которые могли укрощать дикихъ звѣрей и смягчать нравы людей, иногда превосходившихъ свирѣпостью самыхъ животныхъ. «Когда я ударяю по звонкимъ камнямъ моего кивга (родъ «гармоники»), говоритъ славный Кудей, животные стекаются со всѣхъ сторонъ, окружаютъ меня и трепещутъ отъ восторга*.»

Стройное, гармоническое сочетаніе звуковъ возбуждаетъ идеи, независимо отъ воли, заставляетъ дѣлать тѣлодвиженія. Иногда оно, взятое въ сильной степени, имѣетъ пагубное вліяніе на животную экономію, приводя ея въ раздраженіе. Соважъ утверждаетъ, что въ Донзерѣ чумные нарывы или карбункулы излечивались такимъ образомъ: разрѣзавъ опухоль, клали въ отверстіе: перцу, соли, вливали укеусу и заставляли больного плясать подѣ музыку, до совершеннаго изнеможенія. Подобное леченіе продолжалось обыкновенно не болѣе двухъ дней. Всѣмъ извѣстно, что въ Италіи укушеніе тарантула (нерѣдко причиняющее смерть) излечивается пляскою. Больного или больную окружаетъ толпа молодежи, составивъ хореводъ, и принимается пѣть, сперва тихо и медленно, потомъ громче, и громче. Пѣніе сопровождается мѣрнымъ притопываніемъ ногами. Свойство этого пѣнія таково, что оно невольно сообщаетъ больному какое-то непонятное одушевленіе и онъ принимается плясать вмѣстѣ съ другими, подѣ звуки волюнокъ, скрипокъ и пѣнія. Отсюда получила начало народная итальянская пляска, извѣстная подѣ именемъ тарантеллы (tarantella).

Музыка имѣетъ сильное вліяніе на наши чувства, на воображеніе, на способности разума и вообще на весь нашъ организмъ, въ какомъ-бы состояніи мы ни находились: въ больномъ или здоровомъ. Вліяніе это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, несмотря на то, что древніе уже черезъ-чуръ преувеличивали его и приписывали ему даже сверхъестественность. Разпространеніе области познаній нашихъ, философское направленіе разума, приобрѣтенное изученіемъ точныхъ наукъ, все это способствовало разблаченію музыки отъ тѣхъ качествъ, которыя придавали ей древніе; но, при всемъ томъ, нельзя отнять у музыки ея вліянія, и въ дѣйствіи ея на наше воображеніе, видѣть насильственное впечатлѣніе. Взору внимательнаго наблюдателя ясно обнаруживается могущественное вліяніе музыки на человѣка, въ какихъ бы онъ ни находился физическихъ и нравственныхъ условіяхъ; въ какомъ бы климатѣ ни жилъ, и каковы бы ни были его нравы и образованность. При богослуженіи пѣніе повсюду нераздѣльно съ

* Сочиненія Аміота.

молитвами; богачъ засыпаетъ при сладкихъ переливахъ музыки и пѣннѣя; государственный человѣкъ отдыхаетъ отъ трудовъ, а ученый отъ своихъ изысканій, при звукахъ музыки. Ремесленникъ, крестьянинъ, дикарь воспѣваютъ любовь, побѣду или тишину уединенія. Путникъ, застигнутый ночью въ глубинѣ лѣса поетъ, чтобы разогнать невольный ужасъ, вселяющійся въ него среди безмолвія, царствующаго кругомъ, узникъ въ своихъ оковахъ; изгнанникъ въ своемъ отчужденіи, земледѣлецъ въ полѣ, надъ своей сохой, кузнецъ за наковальней, всѣ поютъ. Наши работники при поднятїи какой нибудь сильной тяжести, также поютъ нарочно сложную для этого пѣсню, подъ названіемъ «Дубинишка.» Одинъ изъ рабочихъ запѣваетъ, а другіе подхватываютъ хоромъ окончаніе каждой строфы и, при послѣднемъ словѣ, дружно принимаютъ тянуть за веревки. Слѣдовательно, музыка сопровождаетъ человѣка во всѣхъ его положеніяхъ въ жизни и, можно сказать, что она повсюду служитъ самымъ дѣятельнымъ и могущественнымъ проводникомъ наслажденія. Замѣчательно, что музыкальный языкъ вездѣ одинаковъ; азбука его состоитъ изъ семи звуковъ, тѣхъ-же самыхъ и у итальяцевъ и у алеутовъ, у гвинейскаго негра и у американскаго дикаря.

Музыка утѣляетъ горе человѣка, подобно тому, какъ горячая ванна унимаетъ головную боль, говоритъ одинъ англійскій писатель*, она прогоняетъ черныя мысли, истребляетъ порочныя наклонности и сообщаетъ разуму необходимое ему спокойствіе. Музыкантъ Демодакъ, своимъ величественнымъ пѣснями, внушилъ Клитемнестрѣ вѣрность къ Агамемнону. Улиссъ ввѣрилъ Пенелопу попеченіямъ Оемія, который звуками лиры возбудилъ въ ней силу одержать побѣду надъ своимъ страстями.

II.

Всѣ народы имѣютъ свои особенныя пѣсни: мирной жизни, военныя и побѣдныя и гуробы, мадекасы, карабы, киргизы, каннибалы, кавказскіе дикари, валахи, кочевые сибирскіе народы. Ихъ музыка, невыносима и утомительна для насъ, но они не могутъ слышать звука треугольника или бубна, не обнаруживъ величайшаго удовольствія, притопываніемъ ногъ, хлопаньемъ рукъ или даже прыжками.

Исторія представляетъ множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о вліяніи музыки на разумную и физическую сторону чело-

* Джонъ Стевенсонъ, книга VI, стр. 554.

вѣка. Тимофей милезіанинъ игрою на флейтѣ, по своему произволу, внушалъ самыя разнообразныя ощущенія своимъ слушателямъ. Онъ приводилъ Александра Великаго въ величайшій гнѣвъ и потомъ, мало-по-малу, сообщалъ ему самое тихое, спокойное настроеніе духа. Плутархъ свидѣтельствуеть, что Терпандръ, вѣлѣніемъ Лемносскаго оракула былъ призванъ въ Лакедемонію, чтобы пѣснями своими утишить происшедшее тамъ возстаніе. Гомеръ представляетъ жестокаго и метительнаго Улисса, смягчающагося звуками лиры Оемія и пощадившаго его одного. Альбертъ Кранцъ упоминаетъ объ одномъ музыкантѣ, который съ такимъ искусствомъ могъ разнообразить звуки своего инструмента, что по своему желанію, внушалъ зрителямъ: печаль, удовольствіе, гнѣвъ, и наконецъ ожесточеніе. Амуратъ IV, осудившій на казнь нѣсколькихъ преступниковъ, внезапно смягчился при звукахъ люти однаго извѣстнаго въ то время музыканта, проникнулся умиленіемъ, простилъ виновныхъ и не могъ удержаться отъ слезъ*. Императоръ Θεодосій, будучи весьма раздражительнаго характера, зналъ, что только музыка можетъ успокоить его, и потому всегда былъ окруженъ нѣсколькими юношами, которые пѣснями своими укрощали его гнѣвъ. Этотъ государь хотѣлъ разрушить городъ, который сопротивлялся ему, но жители выслали къ нему толпу музыкантовъ, которые смягчили его гнѣвъ и онъ даровалъ прошеніе непокорнымъ. Музыкантъ Галліявъ упоминаетъ объ одномъ музыкантѣ, который своей игрой привелъ въ совершенное ожесточеніе толпу молодыхъ людей; по просьбѣ знаменитаго врача Пергама, музыкантъ заигралъ тихую пастушью пѣсню и ожесточеніе этихъ молодыхъ людей мгновенно уступило мѣсто самому кроткому расположенію духа.

Всякому извѣстно въ какой степени звуки органовъ, а у насъ пѣвіе пѣвчихъ, во время священнодѣйствія, настраиваютъ душу къ молитвѣ и наполняютъ ее неизъяснимымъ восторгомъ. Кто не испыталъ на себѣ чувства глубокаго благоговѣнія и не прониклся сознаніемъ присутствія Божія во храмѣ, среди вѣрующихъ, внимая пѣвію церковнаго хора? Въ звукахъ этихъ заключается какая-то непонятная сила, охватывающая исполненную благоговѣнія душу и уносящая ее горѣ! Чье сердце не трепетало и не билось радостно при звукахъ торжественнаго пѣнія каноновъ, во время заутренн свѣтлаго Воскресенія? И кто опять могъ оставаться равнодушнымъ при пѣвіи гимна: *Со святыми*

* Галлеръ, книга 3.

упокой? и въ памяти его не возникала мысль о роковомъ и неизбѣжномъ: *memento mori*?

Почти у всѣхъ народовъ музыка и пѣніе входятъ въ составъ священнодѣйствій. У насъ—пѣвчіе, у католиковъ—органы, у древнихъ евреевъ богослуженіе сопровождалось пѣніемъ псалмовъ и игрой на гусяхъ.* У китайцевъ, индійцевъ и многихъ другихъ народовъ она также нераздѣльна съ моленіями. Послѣдователи ученія Далай-Ламы употребляютъ въ своихъ кумирняхъ роговую музыку.

Эти обстоятельства могутъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ могущественнаго вліянія музыки на человѣка. Она возбуждаетъ мужество, придаетъ силы: вліяніе ея въ этомъ отношеніи бываетъ часто почти сверхъестественно и ему даже трудно было-бы повѣрить, еслибъ множество поразительныхъ случаевъ не доказывали намъ этого каждый день. Киръ, царь персидскій, приказалъ запѣть гимнъ Кастора и Поллукса, чтобы возбудить мужество въ своихъ солдатахъ, оробѣвшихъ при видѣ непріятеля; израильтяне выходили на битву при звукахъ серебряныхъ трубъ, и пѣвцы шли въ главѣ каждаго отряда. Лакедемоняне бросались на враговъ при звукахъ флейты, критяне при звукахъ лры. Атены упоминаетъ, что при осадѣ Аргоса, Димитріемъ Полиорцетомъ, солдаты не могли подвинуть къ городу стѣнобитной машины, для произведенія пролома. Въ войскѣ находился пѣкто Эродотъ Мегарейскій, человѣкъ одаренный необычайной силой; онъ имѣлъ искусство играть на двухъ трубахъ разомъ. Этотъ Эродотъ подошелъ къ городу, затрубилъ и вдохнулъ въ солдатъ такое мужество и силу, что они подхватили стѣнобитную машину и въ одно мгновеніе поднесли ее къ каменной городской стѣнѣ. Маршалъ Саксъ и многіе другіе тактики замѣтили, что барабанный бой и звуки духовой музыки поддерживаютъ веселость и бодрость въ солдатахъ. Это еще болѣе замѣтно въ нашихъ войскахъ, которые прошли отъ Москвы до Парижа съ пѣсенниками, музыкой и барабанами, и прежде нежели всѣ глубокомысленные тактики и стратеги успѣвали обдумывать планъ обороны, наши удалцы распѣвая: Ахъ, на что было капусту садить!» брали города и съ пѣнями прошли чуть не всю Европу. Эти пѣсни, въ незабвенную эпоху 1812 года, наводили величайшій страхъ на непріятеля.

Музыка имѣетъ силу разсѣвать страхъ, боязнь, испугъ, без-

* Книга Левитъ.

спокойство и вообще все, что приводитъ насъ въ волненіе. Сладостная гармонія занимаетъ разумъ и освобождаетъ его отъ мрачныхъ, печальныхъ идей. Ридимеръ, царь вандалскій, проигравъ сраженіе противъ Велларія, былъ принужденъ бѣжать въ горы. Мысль объ ужасной будущности лишала его спокойствія, и онъ послалъ къ врагамъ своимъ просить у нихъ, какъ милости: хлѣба, чтобы не умереть съ голода, губку, чтобы отереть свои слезы и музыкальный инструментъ, чтобы утѣшиться*.

Одинъ полковникъ, раненный осколкомъ гранаты въ ногу и терзаемый невыносимой болью, при перевязкѣ позвалъ музыкантовъ и слушая ихъ, при совершеніи операціи, не обнаружилъ ни малѣйшаго страданія. Еще недавно въ Парижѣ былъ человѣкъ, одержимый ипохондріей и подагрой. Онъ каждый вечеръ съ чрезвычайными усиліями былъ привозимъ въ Оперу. Музыка производила такое удивительное дѣйствіе на его организмъ, что послѣ представленія онъ возвращался домой уже безъ посторонней помощи; подагры какъ не бывало и на нѣсколько часовъ онъ сохранялъ самое веселое расположеніе духа.

Музыка говоритъ Галенъ**, — способна уничтожить опьяненіе. Гомеръ и Плутархъ свидѣтельствуютъ, что древніе имѣли обычай пѣть въ концѣ обѣда, чтобы умѣрить силу винныхъ паровъ.

Человѣкъ, предавннй сухимъ, ученымъ трудамъ, находитъ отдохновеніе въ музыкѣ и въ ней почерпаетъ новую силу. Знаменитый Лагранжъ увѣряетъ, что большую часть трудныхъ задачъ онъ разрѣшилъ, находясь въ состояніи одушевленія, произведеннаго въ немъ музыкой.

Но не одинъ человѣкъ данникъ музыки; она владычествуетъ и надъ животными, не говоря уже о птицахъ. Мнѣзь Орфея, звуками лиры укрощающаго тигровъ, имѣетъ глубокое основаніе. Пифагоръ повѣствуетъ, что въ его время волковъ усмиряли звуками флейты, а слоновъ и медвѣдей пѣснями. Извѣстный музыкантъ Дюверне дѣлалъ опыты надъ слономъ въ парижскомъ Ботаническомъ саду. Онъ заигралъ на своемъ рожкѣ пѣсенку «*Charmante Gabrielle*» и при первыхъ нотахъ, слонъ обнаружилъ удивленіе, мало-по-малу онъ сталъ приближаться къ музыканту и выразилъ

* Проконій, книга 4.

** De tuendâ valetud., cap. 8 — 9.

свое удовольствіе. Дюверне принялся варьировать мотивъ пѣсни, и по-мѣрѣ того, какъ онъ отъ него удалялся, животное обнаруживало равнодушіе и наконецъ обратилось спиной къ исполнителю. Дюверне опять заигралъ мотивъ во всей его простотѣ, словъ воротился и снова съ радостью сталъ его слушать. Львы любятъ барабанный бой, а пѣніе пѣтуха приводитъ ихъ въ бѣшенство. Г. Делакура, во время путешествія своего, видѣлъ, что монгольскіе татары охотятся слѣдующимъ образомъ: «Прійдя въ какой-нибудь лѣсъ, они принимаются играть на инструментѣ, въ родѣ грубой флейты. На звуки музыки являются волки, олени и лани и внимательно слушаютъ.» Многіе охотники увѣряютъ, что при звукахъ барабана заяцъ останавливается на бѣгу и прислушивается; нѣкоторыя животныя дѣлаютъ тоже, слышавъ человѣческой свистъ. Кто не знаетъ исторіи паука Пелпсона? Рожокъ, труба и рогъ, возбуждаютъ силы лошади; часто, когда протрубятъ походъ, кавалеристы съ трудомъ могутъ сдержать своихъ коней. На собакъ музыка имѣетъ самое странное дѣйствіе; они не могутъ не выть, слушая ея. Г-жа Дорюсъ-Гра (Dorus-Gras) имѣетъ собаку, которая съ удовольствіемъ слушаетъ ея игру на фортепьяно. При первыхъ звукахъ этого инструмента, она приходитъ и ложится подъ нимъ, но когда хозяйка ея запоетъ, она обнаруживаетъ видимое безпокойство, ищетъ выхода и принимается выть. Бюргавъ видѣлъ пауковъ и мышей, сбѣгавшихся при звукахъ лютни*. Шатобріанъ, во время своего путешествія въ Верхнюю Канаду, видѣлъ, что гремучая змѣя, заползшая къ нему въ палатку медленно выползла вонъ при звукахъ флейты одного индійца и удалилась за нимъ.

Всѣ приведенные здѣсь случаи могутъ служить подтвержденіемъ того неотразимаго вліянія, которое производитъ музыка на человѣка и животныхъ; намъ остается только пожелать, чтобы спеціальныя люди обратили вниманіе на музыку и разъяснили бы фیزیологически: въ чемъ именно заключается дѣйствіе ея на человѣка и какимъ образомъ можно приложить ее къ терапіи, что по всей вѣроятности, принесло бы неисчислимую пользу человечеству.

А. НИКОЛАЕВЪ.

* Err. popul. Т. 2.

БОЙ БЫКОВЪ ВЪ ПОРТУГАЛИИ И НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЛИССАБОНСКИХЪ ТЕАТРАХЪ

Бой быковъ, любимое зрѣлище португальцевъ, такъ бѣдныхъ общественными удовольствіями, есть очевидный остатокъ мавританскаго варварства и забавъ древнихъ римлянъ. Любовь къ этимъ зрѣлищамъ такъ сильна во всѣхъ классахъ народа, что нѣсколько лѣтъ назадъ трудно было встрѣтить въ Португаліи самый ничтожный городъ, который-бы не имѣлъ особой площади, опредѣленной для травли.

Въ Лиссабонѣ праздники эти обнародывались съ величайшею пышностію и сопровождалсь общимъ восторгомъ, разгульнымъ карнаваломъ, празднествами и дурачествами. — Наканунѣ травли, Королевская площадь наполнялась толпами гуляющихъ и любопытныхъ, которые приходили любоваться приготовленіями къ предстоящему наслажденію. Фасадъ дворца задѣлывался амонтеатромъ: наверху, противъ каждаго окна, устроивались балконы, королевскій, украшенный роскошнымъ балдахномъ, занималъ средину; особы, которыхъ Его Величество желалъ имѣть около себя, смотрѣли изъ его оконъ. Мѣста амонтеатра продавались вообще чрезвычайно дорого и деньги, вырученныя за нихъ, обращались на издержки праздника. Сверхъ первыхъ мѣстъ, безчисленное множество народа помѣщалось на подмосткахъ, въ дверяхъ, окнахъ и на крышахъ окружныхъ домовъ. Вправо отъ королевскаго балкона, мѣста принадлежали членамъ разныхъ совѣтовъ, слѣва магистрату и судьямъ; послы и вностранные министры помѣщались противъ королевской логи. Пестрота роскошныхъ костюмовъ, блескъ и игра драгоценныхъ камней, составлявшихъ украшеніе лиссабонскихъ красавицъ, яркія краски цвѣтовъ, вплетенныхъ въ ихъ волосы—все это представляло видъ торжественнаго праздника.... Появленіе на балконѣ королевской фамиліи служило сигналомъ къ началу зрѣлища. Алебарщики, очистивъ площадь, становились тѣснымъ рядомъ кругомъ арены, въ то время, какъ нѣсколько молодыхъ людей, одѣтыхъ одинаково въ красную тафту, поливали мѣсто сраженія. Затѣмъ, при громкихъ и торжественныхъ звукахъ военной музыки, на арену вступали конные торреадоры, окруженные своими оруженосцами. Послѣдніе, привѣтствуя короля и зрителей имѣли обязанностію просить позволенія начать бой, къ которому допускались исключительно только дворяне. Иногда праздникъ на-

чинался маскарадомъ и пляскою, которую исполняли негры цѣлою труппою, состоявшею изъ толпы мужчинъ и женщинъ.

Теперь зрѣлища эти утратили свою торжественность, но тѣмъ не менѣе составляютъ любимую забаву народа, которая господствуетъ не въ одной только столицѣ; многіе города и мѣстечки, въ праздничные дни, также оглашаются кликами буйной радости отъ подобныхъ кровопролитій.

Бой быковъ въ Лиссабонѣ бываетъ каждое воскресенье — лѣтомъ. Такъ какъ предназначаемые для этого звѣри не такъ дики и битва съ ними менѣе опасна, нежели въ Испаніи, то директоры подобныхъ зрѣлищъ часто должны бывать заботиться о средствахъ къ поддержанію любопытства публики и къ умноженію ея удовольствій.... По этому они безпрестанно придумываютъ что-нибудь новое и разнообразяютъ представленія смѣшными добавленіями, но почти всегда невинными. Здѣсь главное вниманіе бойцевъ обращается на средства, которыми должно привести животное въ ярость. Иногда подъ ноги выпущеннаго на арену быка бросаютъ пробочныя куклы, которыя имѣя на основаніи свинецъ, подъ ударами быка кувыркаются, припрыгиваютъ и снова принимаютъ свое прежнее положеніе.... Если это не взбѣситъ рогатаго дебутанта — на арену выдвигаютъ пирамиды, раскрашенныя яркими красками, и едва звѣрь коснется до одной изъ нихъ, какъ цѣлая сотня испуганныхъ кошекъ, кроликовъ, птицъ и зайцевъ, съ визгомъ бросается подъ ноги страшнаго врага. Этого-то момента никогда не упускаютъ бойцы, съ пронзительнымъ воплемъ они мечутъ въ него небольшие копья, часто начиненныя порохомъ, которыя съ трескомъ лопаются, коснувшись звѣря.... Послѣдній приходитъ въ ярость и, взрывая копытомъ землю, кровавыми глазами ищетъ врага.... Ловкій торреадоръ всегда пользуется этимъ эффектнымъ случаемъ и начинаетъ бой. Товарищи его остаются на своихъ мѣстахъ, готовые всегда на помощь. Торреадоры, по законамъ своего искусства, въ первыя минуты боя должны дѣйствовать только копьемъ и обнажаютъ шпагу — въ крайнихъ случаяхъ. Главное искусство этого поединка заключается въ томъ, чтобы набѣдникъ, направляя копье, одно жемъзо оставлялъ въ тѣлѣ звѣря, а древко въ рукахъ.... Дѣйствуя шпагой, онъ старается вонзить ее между рогами животного. Это смертельный ударъ — и быкъ пораженъ. Зрители вообще бываютъ довольны такою развязкою. Быкъ тотчасъ увозится съ арены, а въ прежнія времена, онъ отдавался въ добычу черни.

Второй выпущенный быкъ, болѣе свирѣпый и сильный, требу-

еть только ничтожнаго раздраженія и избираеть бойца изъ толпы приготовившихся къ сраженію. Ловкіе и смѣлые торреадоры, выставивъ полу красной епанчи, умѣютъ, почти не сходя съ мѣста, избѣгать ударовъ противника. Быкъ бьетъ, зажмурясь, боець отступаетъ на полшага всторону, изгибая тѣло и это повторяется нѣсколько разъ. Потомъ уже, по данному сигналу, торреадоръ, бросивъ копье, обнажаетъ шпагу и идетъ на разевирѣвшее животное. — Если быкъ убитъ, то, по второму сигналу, на арену вводятся четыре лошака и увозятъ его. Настоящія травли быковъ въ Португаліи болѣе кончаются общимъ смѣхомъ и не вызываютъ того вопля ужаса и страха, которымъ, въ былое время, зрители провожали съ арены изувѣченныхъ бойцевъ.

Вотъ, что рассказываетъ одинъ изъ недавнихъ свидѣтелей подобнаго зрѣлища :

«Въ бытность мою въ Лиссабонѣ, я дождался перваго воскресенья и отправился смотрѣть бой быковъ. На этотъ разъ хозяева арены угостили своихъ посѣтителей двумя забавными выходками. Первая состояла въ томъ, что на поприщѣ битвы явился боець на ходуляхъ въ полторы сажени вышиною; а другая въ утвержденіи посреди площади огромной чучелы или африканскаго идола.

Расхаживавшій на ходуляхъ доставлялъ всѣмъ чрезвычайное удовольствіе. Онъ былъ одѣтъ на подобіе португальскихъ капинговъ или испанскихъ бандерильеровъ, выключая длиннаго, бѣлаго исподняго платья, которое скрывало отъ зрителей его ходули. Онъ былъ вооруженъ краснымъ флагомъ и дротикомъ съ крючьями. Въ такомъ нарядѣ и съ такимъ вооруженіемъ онъ сначала обошелъ кругомъ арены, и, поклонившись зрителямъ, остановился, ожидая вмѣстѣ съ другими капингами появленія непріятеля. — Разтворились двери и освобожденный звѣрь яростно устремился на поле битвы, быстро крутыми прыжками обѣжалъ онъ площадь, разбѣкъ ряды Капинговъ и обратилъ ихъ въ бѣгство вмѣстѣ съ бойцомъ на ходуляхъ; потомъ пустился мѣрною рысью и сталъ посреди площади, конечно, съ благоразумнымъ намѣреніемъ оглядѣть странный сбродъ его враговъ. Очень вѣроятно, что это животное не въ первый разъ являлось на битву и слѣдовательно было уже знакомо съ обыкновенными своими мучителями; но такое неполицское, длинноногое животное, въ образѣ человѣческомъ, казалось, произвело въ немъ какое-то странное впечатлѣніе. Звѣрь остобенѣлъ, пришелъ въ раздумье, и повидимому, не зналъ, на что рѣшиться — начать ли бой, или отступить.

Въ этомъ положеніи онъ пребылъ нѣсколько минутъ, не заботясь о томъ, что могло-бы обратить на себя его вниманіе; устремивъ дикіе взоры на новаго, непонятнаго врага, онъ взрывалъ погами песокъ, клубилъ изъ-рта пѣну и выпускалъ глухое, страшное рыканіе. Вдругъ столпообразное существо это двинулось на него съ угрожающимъ видомъ, взмахнуло надъ его глазами своимъ флагомъ и поразило въ шею дротикомъ, что повторилось два, или три раза. Звѣрь, при всей своей ярости, кажется, охотѣе желалъ имѣть дѣло съ знакомымъ непріателемъ и потому весьма былъ доволенъ внезапнымъ появленіемъ другихъ капинговъ, которые исторгли его изъ очарованнаго круга уродливаго привидѣнія и вступили съ нимъ въ битву. Нетерпѣливый и гнѣвный, онъ устремился во все стороны по ристалищу, наводилъ на всѣхъ ужасъ судорожными движеніями своихъ мускуловъ, озирался и дико окидывалъ своихъ непріятелей глазами, полными крови. Во все продолженіе этого времени огромная фигура преслѣдовала его неполными шагами, желая обратить на себя вниманіе; наконецъ схватила его за хвостъ. Звѣрь дрогнувъ, испустилъ ревъ и принявъ угрожающій видъ, потомъ яростно кинулся на великана, какъ былицу сбросилъ его на землю и въ бѣшенствѣ началъ бодать рогами. Мощный великанъ не шевелился, не трогался и не обнаруживалъ ни малѣйшаго признака жизни (политика, необходимая въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ) до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли другіе знаменосцы и не отвлекли отъ него вниманіе звѣря. Великанъ снова приветалъ и какъ будто ничего не случилось, пошелъ опять разгуливать по аренѣ. Быкъ, наконецъ догадавшись, что имѣеть дѣло ни съ какимъ нибудь сверхестественнымъ существомъ, пересталъ его бояться и быстрыми патисками своими разъ за разомъ приводилъ длинноногаго въ весьма опасное положеніе, заставляя его безпрестанно падать на землю, если искусство въ управленіи флагомъ или случай не уничтожали гибельныхъ замысловъ животнаго. Однажды случилось такъ, что рога животнаго попали промежду ногъ противника и бросили его, какъ мѣшокъ или чучелу, на весьма значительное растояніе. После нѣсколькихъ, подобнаго рода воздушныхъ salto mortale, боецъ почелъ наконецъ за лучшее сойти съ своихъ ходулей, а звѣрь, заслужившій одобреніе публики, отведенъ былъ прочь, не потерпѣвъ никакихъ особенныхъ поврежденій, кромѣ довольнаго числа ударовъ дротиками.

Другое зрѣлище, о которомъ я уже упоминалъ, должно быть африканскаго происхожденія. Въ числѣ людей, которые по

прошествіи опредѣленнаго для битвы времени, обыкновенно нападаютъ и пересиливаютъ звѣря, находилось шестеро негровъ, въ одеждѣ своей родины. Эти артисты принесли на ристалище чучелу, въ образѣ женщины, на подобіе американскаго идола, въ голубомъ шелковомъ платьѣ и въ безобразной маскѣ. Эта малорослая и отчасти довольно миловидная заморская красавица помѣстилась прямо противу тѣхъ дверей, въ которыя долженъ былъ войти очередной быкъ. Онъ пробѣжалъ мимо ея и кругомъ всей арены, съ непостоянствомъ преслѣдуя бѣгущихъ *Капинговъ*; но не достигнувъ ни одного изъ нихъ, возвратился къ странному привидѣнію, котораго однако-же не дерзалъ затронуть. Негры дразнили его всеми возможными средствами и старались поудить броситься на чучелу, но старанія ихъ были напрасны.... Рогатый, или слишкомъ раболѣпствовалъ предъ слабостію заморской красавицы, или боялся ея безобразія. Находясь въ, почтительномъ отдаленіи отъ страшнаго чудовища, звѣрь яростно взрывалъ землю, раскидывалъ во все стороны песокъ и каменья, ревелъ и дрожалъ отъ гнѣва; но оставался на одномъ мѣстѣ и не смѣлъ начать битвы съ врагомъ неиспытаннымъ. Наконецъ послѣ продолжительныхъ состязаній и тщетныхъ усилій со стороны бойцевъ и негровъ, его увели съ ристалища, и впустили новаго ратоборца, который также, по единогласному требованію публики, долженствовалъ обнаружить мѣру своего мужества въ борьбѣ съ чудовищемъ. Но и этотъ, подобно своему предшественнику, не дернулъ прикоснуться къ голубому привидѣнію, которое, повидимому, и для него было точно такимъ-же предметомъ состраданія, какъ и страха.

На этихъ битвахъ, въ продолженіе цѣлаго вечера, пали только два быка и тѣ были заколоты довольно грубо и неловко. Нѣсколько разъ бойцы и капинги обнаруживали съ своей стороны удивительное присутствіе духа, чрезвычайную смѣлость и искусство. Такъ одинъ изъ нихъ неоднократно останавливался противъ разъяреннаго звѣря, въ ту самую минуту, когда тотъ готовился сдѣлать на него нападеніе, схватывалъ его руками за рога и обвивался вокругъ шеи; страшное животное, въ пылу гнѣва, носилось съ нимъ по ристалищу, преклоняло его къ землѣ, или грозно вскидывало кверху, какъ ничтожную былвнку; но дерзкій не терялъ духа, и до тѣхъ-поръ съ необыкновеннымъ мужествомъ сносилъ свое мучительное положеніе, пока не былъ освобожденъ подоспѣвающими товарищами. Въ этотъ разъ удовольствіе публики умножено было весьма неожиданнымъ случаемъ: при концѣ

роставія одинъ быкъ перескочилъ черезъ загородку и пробѣжалъ между зрителями!... Къ счастью, онъ не нанесъ никакого вреда и дѣло кончилось однимъ только испугомъ.

Надо замѣтить, что охота смотрѣть и любоваться кровавыми битвами разъяренныхъ животныхъ, въ настоящее время не столь уже общенародна и примѣтно уменьшается въ Португаліи, особенно между высшими сословіями и прекраснымъ поломъ. Тѣмъ болѣе, что съ каждымъ годомъ появленіе новыхъ забавъ и наслажденій, свойственныхъ любопытству и желаніямъ просвѣщеннаго европейца — ясно указываютъ на всю жестокость и грубость воловыхъ травлей. Теперь въ Португаліи даже въ нѣкоторыхъ мелкихъ городкахъ можно встрѣтить балаганы фокусниковъ и странствующихъ артистовъ, — не говоря уже про Лиссабонъ, гдѣ въ настоящее время считается до шести театровъ; одинъ для оперы и балета и пять для драмы, комедіи и водевиля.

Не можемъ не воспользоваться кстати хотя и необширными, но тѣмъ не менѣе любопытными свѣденіями объ этихъ театрахъ, которые рассказалъ весьма недавно одинъ изъ русскихъ путешественниковъ.

Первое мѣсто между Лиссабонскими театрами принадлежитъ театру Сапъ-Карлю. Построенный лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, онъ еще и въ то время могъ назваться однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ. На немъ даются преимущественно оперы, обстановка которыхъ не пышна и не блестяща, по тѣмъ не менѣе составляетъ въ настоящее время вершину лиссабонскихъ наслажденій. Здѣсь же пріютился и балетъ, который, впрочемъ, по скудости средствъ, не составляетъ правильнаго балета. Труппа танцовщиковъ даетъ въ антрактахъ представленія, которыя ограничиваются учеными па или отрывками сценъ изъ извѣстныхъ европейскихъ балетовъ.

Театръ Donna Maria помѣщается въ довольно красивомъ и большомъ зданіи на площади Роціо. Отдѣлка его незыскана, но довольно шеголевата. Сцена его просторна и потому преимущественно избирается для такихъ пьесъ, которыя требуютъ большой обстановки. При немъ есть хористы и балетная труппа. Декорации и костюмировка довольно опрятны.

Театръ Don-Fernanda, довольно красиво отдѣланный, выстроенъ весьма недавно, на немъ преимущественно даются драмы и комедіи, не требующія обширной обстановки.

Крошечный и грязный театръ Gimnasio особенно уважаемъ горожанами, онъ развлекаетъ ихъ водевилемъ и фарсомъ.— На сценѣ его,

въ настоящее время, можно встрѣтить два-три замѣчательныхъ комическихъ таланта.

И наконецъ театръ Salitre, обязанный своимъ учрежденіемъ Маркизу де-Помбалу, знаменитому министру короля Іосифа I. Спектакли даются въ немъ только по воскресеньямъ, труппу составляютъ вольнопрактикующіе актеры изъ рабочихъ и мастеровыхъ, а сборъ обращается для благотворительной дѣли.

«Вообще надо сказать,—говоритъ господинъ Р. К., свѣдѣніями котораго мы пользуемся,—что португальцы въ отношеніи сценическаго искусства нѣсколько поотстали отъ современнаго европейскаго вкуса. Они до-сихъ-поръ еще прельщаются изысканною, вычурною декламаціею, до сихъ-поръ еще требуютъ отъ артистовъ изученныхъ позъ, тѣлодвиженій, походки, что совершенно лишаетъ ихъ игру простоты и естественности».... «И сколько мнѣ казалось водевилъ и комедія у португальцевъ лучше идутъ, чѣмъ драма. Они болѣе отвѣчаютъ ихъ характеру вѣтренному, живому, ихъ поверхностному, переходящему чувству, ихъ темпераменту наиболѣе сангвиническому.... Самый тонъ ихъ рѣчи, всегда опирающійся на первыя слова ихъ фразъ и оттого нѣсколько крикливый, гораздо приличнѣе для комедій, чѣмъ для серьезныхъ пьесъ.»

ТОВАРИЩЪ КАЛИФОРНСКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ.

Авторъ этой статьи или вѣрнѣе книги, которую мы спѣшимъ предложить нашимъ читателямъ въ любопытныхъ отрывкахъ, человѣкъ весьма коротко знакомый съ страной, такъ интересующею теперь Европу. Онъ долго жилъ въ Испанской Америкѣ и наконецъ поселился въ ней навсегда. Цѣль, которая руководила его желаніемъ составить, эту книгу, объясняется слѣдующими его словами :

«Читатель найдетъ въ моей книгѣ совѣты человѣка, испытавшаго ихъ пользу на дѣлѣ. Думаю, что онъ напрасно будетъ искать ихъ въ журналахъ, въ объявленіяхъ компаній и запискахъ путешественниковъ; вторые и третьи пишутъ ихъ для себя, но рѣдко для другихъ, придавая себѣ занимательную роль, они часто искажаютъ событія, при которыхъ были, или какъ

очевидны, или какъ дѣйствующія лица ; они сверхъ того, удаляютъ ся, большею частію, отъ истины ; они и не предполагаютъ, что другіе будутъ изслѣдовать тѣ страны.... Это происходитъ отъ того, что они не хотятъ дать ясныхъ свѣдѣній, ни объ образѣ путешествія, ни о торговлѣ и т. п.

Не одно золото Калифорніи побудило меня написать эту книгу, но и желаніе сдѣлать переселеніе полезнымъ. Постараюсь также опровергнуть заблужденія объ испанской Америкѣ и ея жителяхъ : они слишкомъ распространились и имъ многіе вѣрятъ, а потому, вмѣсто ложныхъ разсказовъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, напишу безпристрастное и простое мое мнѣніе.»

Изъ этихъ то мнѣній, въ которыхъ почтенный авторъ объясняетъ настоящее и гадаеть о будущемъ, легко выводятся самыя вѣрныя заключенія о положеніи дѣлъ въ Калифорніи, о жизни въ ней часто обманутыхъ переселенцевъ и наконецъ о процессѣ добыванія дорогаго металла. Мы уже не говоримъ о томъ, что всякій французъ или германецъ легко расстающийся съ родиною и незнакомый съ русскою пословицею : *«Вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ»* — найдетъ въ этихъ совѣтахъ вѣрныя средства сберечь лишнюю деньгу и, ступивъ на обѣтованную землю, на каждомъ шагу не проронить своихъ выгодъ.

I.

Совѣты отправляющемуся въ путь. — О компаніяхъ и обществахъ колонистовъ.

Когда вы рѣшились ѣхать, то первый предметъ, который встрѣтитъ вашъ вопрошающій взглядъ, говоритъ почтенный авторъ, это объявленія компаній, которыя вызываются доставить въ Калифорнію всякаго за дешевую цѣну, *скоро и удобно, въ мѣста богатая золотомъ и меньше разрабатываемыя*. Кто не обманется этими обольстительными объявленіями и неисполняемыми обещаніями? Цѣль этихъ обществъ — вѣрна и непремѣнна, тутъ дѣлать только барыши, и ничего не теряется отъ несбывшихся надеждъ.

Разсмотримъ тѣ удобства, которыя встрѣчаемъ въ объявленіяхъ компаній товариществъ и компаній па акціяхъ, и тѣ обѣщанія, которыя могутъ быть исполнены.

Нѣсколько спекуляторовъ, нанявъ хорошую квартиру, напол-

пенную картонами и географическими картами, собственно для этой цѣли составленными, публикуютъ, что образовалась такая-то компанія съ запаснымъ капиталомъ для перевозки пассажировъ въ Калифорнію, съ цѣлю облегчить трудности дальняго пути, и рассказываютъ при этомъ объ опасностяхъ, которыя ожидаютъ отдѣльно бѣдущихъ переселенцовъ, неопытныхъ и безпомощныхъ въ странѣ, гдѣ они не знаютъ ни путей сообщенія, ни средствъ къ существованію, ни жителей. Эта компанія столько же имѣетъ понятія о той странѣ, ея путяхъ сообщенія, средствахъ къ существованію, ея жителяхъ, сколько и тѣ, для которыхъ она составила объявленія; въ этомъ можетъ увѣриться всякій, читающій ихъ.

Она говоритъ о всякаго рода бѣдствіяхъ, которымъ подвергаются отдѣльно отправляющіеся путешественники. Она предлагаетъ имъ спутниковъ-братьевъ. Но развѣ компанія не знаетъ объ успѣхѣ колоній въ Коатцакоалько, на мысѣ Граціосъ-а Діосъ въ Абботсвилѣ, въ Санто-Томасѣ въ Гуатемалѣ и другихъ?...

И какъ будто бы въ Калифорніи переселенцы должны завоевывать себѣ мѣста... Полезно взять съ собою оружіе, но неблагоприятно заранѣе приготовляться къ переселенію, какъ къ завоеванію непріятельской земли. Объявленіе французской компаніи устрашаетъ колонистовъ воровствомъ и ловкостью ударовъ бѣдныхъ индійцевъ, не имѣя понятія о характерѣ индійца и о его гостепрѣимствѣ.

Для чего онѣ вооружаютъ искателей золота лопатами, кирками и земледѣльческими орудіями, а не чувствомъ состраданія къ индійцамъ, на которыхъ онѣ клеветаютъ; съ которыми должно обращаться хорошо, безъ слабости, не подвергая нареканію имя французовъ*.

Часто компанія обѣщаетъ послать туда довѣренныхъ людей, чтобъ узнать заранѣе золотonosныя розсыпи и выбрать изъ нихъ тѣ, разработка которыхъ покажется менѣе трудною. Конечно, намѣреніе это весьма благоразумно, но вѣроятно-ли, чтобъ посланные забыли свой собственный интересъ. Безъ сомнѣнія, они изберутъ земли и удержатъ ихъ за собою. Часто компанія предполагаетъ учредить *управленіе*, которое еще не учреждено правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ; но ежедневно полу-

* Французы слишкомъ жестоко обращаются, въ испанской Америкѣ, съ ихъ *товис* (слугамъ), а часто и съ людьми, оказывавшими имъ гостепрѣимство.

чаемымъ нами свѣдѣніямъ, въ Калифорніи нѣтъ ни одной признаваемой власти, и страсть къ золоту тамъ одинакова въ начальникахъ и въ подчиненныхъ.»

Однимъ словомъ, почтенный авторъ сильно возстаетъ на эти компаніи и, обращаясь къ одинокимъ переселенцамъ, предлагаетъ имъ полезныя свѣдѣнія, средства и совѣты — вотъ они :

II.

МЕЛКІЕ ТОВАРЫ. — БАГАЖЪ.

Переселенцы, запасшіея мелочными товарами, съ большою выгодною продадутъ ихъ, если они разнообразны и хорошаго достоинства. Теперь, повидимому, нѣтъ никакихъ средствъ возстановить честность нашей торговли, столь унижившейся, въ послѣднее время, обманомъ *. Мы такъ увѣрены въ худомъ качествѣ привозимыхъ товаровъ, что для униженія цѣны ихъ навываютъ дребеденю (расoille). — Прошло то время, когда мелочные торговцы наживали огромные капиталы, продавая въ различныхъ земляхъ Америки, по невѣроятнымъ цѣнамъ, вещи, которыя сдѣланы были только для вида, но ужъ никакъ не для употребленія. Американцамъ уже наскучило покупать англійскіе издѣлія, и они съ удовольствіемъ бы отдали преимущество французскимъ товарамъ.

Потомъ авторъ указываетъ на тѣ предметы, которые могутъ быть съ успѣхомъ привозимы поселенцами.

Книги привозятся безошливно; печатанныя на языкѣ испанскомъ имѣютъ предъ всѣми другими преимущество, особенно книги духовнаго содержанія. Въ особенности-же и легко сбываются :

Грамматикн и словари для изученію французскаго языка.

Руководства къ изученію физическихъ и естественныхъ наукъ, приравленные къ промышленности и земледѣлію.

Гравюры, литографированныя эстампы, представляющіе предметы изъ Священной Исторіи, не исключая и сюжетовъ изъ событій современныхъ.

Раскрашенныя-изображенія Святыхъ, съ испанскими подписями, церковная утварь, медали, *цвѣтная бумага*, и проч.

* Повѣрятъ-ли въ Европѣ, что вмѣсто Бордосскаго вина, виноторговцы не постыдились прислать въ Центральную Америку, въ 1844 году какую-то подкрашеную жидкость.

Инструменты, машины, снаряды, касающіеся до наукъ, или служащіе къ развитію промышленности и земледѣлія.

Сѣмена, фруктовыя деревья и разныя растенія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ привозъ шерсти и хлопчатой бумаги запрещенъ. Привозъ же готоваго платья запрещенъ только въ Гватималѣ.

Правительство Гватималы, безъ сомнѣнія, купитъ одежду для войска, кѣрис, офицерскіе эполеты и проч.

Тонкія сукна. — Шелковыя ленты съ узорами, вышивныя шали. — Кружева и холсты.

Сѣдла хорошаго достоинства. — Оружіе, пистолеты, охотничьи ружья съ кремнями для индійцевъ.

Стекла для оконъ.

Жестъ.

Музыкальные инструменты, исключая гитаръ; музыкальныя произведенія Россіи, Обера, Беллини и друг. — Военная музыка, вальсы Страуса, мотивы Мюзара, Беріо и другихъ, арабжированные для *banda militar*.

Дѣтскія игрушки (парижской работы).

Мелкіе желѣзные товары и суровскіе (парижской работы).

Кислоты сѣрная, азотная и соляная, толченныя масляныя краски.

Духи. (Флаконы и ярлычки нужно выбирать по красивѣ).

Щетки и т. п.

Сухія конфеты.

Сардинки (побольше), овощи и фрукты въ укусу, оливы, оливковое масло въ бутылкахъ.

Изюмъ, миндаль.

Лучшіе ликеры. — Вина въ ящикахъ, называемыхъ *caisses de bal*, они заключаютъ въ себѣ: 2 бутылки шампанскаго, 2 бут. краснаго, 2 бут. бѣлаго, 2 бут. муската фронтиньякъ, 2 бут. анисовой водки, 2 бут. *egême de café*, алькермесъ или кюрасао. Бордосское вино, дюжина бутылокъ въ ящикѣ.

Горючіе составы. — Бенгальскій огонь разныхъ цвѣтовъ.

Для предметовъ, отправляемыхъ въ дальніе города, ящики должны помѣщать въ себѣ не болѣе 60 килограммъ.

Особенно нужно заботиться объ укупоркѣ. — Жирное и сухое портится отъ сырости*.

*Грубые произведенія, назначаемыя въ Центральную Америку, нужно везти мимо мыса Горна, чтобъ выгрузить ихъ на южномъ берегу.

III.

Продовольствіе на морѣ. — Совѣты пассажирамъ.

Переселенцы, ѣдущіе въ Калифорнію, должны запастись жизненными припасами. Если будутъ слѣдовать мимо мыса Горна, то запасъ долженъ равняться годовому запасу.

Ящики для сухихъ припасовъ необходимо брать непроницаемые, они должны имѣть форму цилиндровъ. Если жестъ будетъ принимать выпуклый неправильный видъ, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ, что припасы начинаютъ портиться; тогда цилиндръ нужно погрузить въ горячую воду и поставить на чистый воздухъ; и если поверхность потеряетъ неправильные выпуклости, то припасы сохранимы, въ противномъ случаѣ, выкиньте ихъ за бортъ.

Живность вообще твердѣетъ на морѣ и для употребленія въ пищу, должно варить ее съ водою и рпеомъ.

Совѣты, которые предлагаетъ авторъ страдающимъ морскою болѣзнію не представляютъ ничего новаго, а потому, пропуская ихъ, мы переходимъ къ предмету болѣе важному, отъ котораго зависитъ здоровье, жизнь и спокойствіе переселенца въ пути.

«Если переселенцы отправляются на купеческомъ кораблѣ, то сперва должно увѣриться, что онъ заключаетъ въ себѣ все требуемое закономъ и представляетъ средство къ безопасности и удобству. Каюты и нижнія палубы должны быть содержимы въ чистотѣ, провѣтриваемы и окуриваемы хлоромъ, по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю. Если нѣтъ особенной необходимости, то не должно герметически закрывать люки: несчастіе не замедлитъ поселиться въ этихъ малыхъ и огражденных отъ притока воздуха мѣстахъ.

Совѣтую пассажирамъ мѣняться между собою во время ночи вахтами на нижнихъ палубахъ, съ немногочисленными матросами, которымъ они могутъ помочь, въ случаѣ надобности, иначе во время штурма и овральныхъ работъ измученный экипажъ мало надеженъ.

Пассажиры должны соблюдать взаимный надзоръ, потому что неблагоразуміе одного, можетъ быть гибельно для всѣхъ. Особенно необходима осторожность съ огнемъ, который распространяется на кораблѣ съ удивительной быстротою, и его почти невозможно потушить.

Неопрятность, лѣнность и пьянство не должно вносить съ собою на корабль.

Пассажиры должны повиноваться хозяину корабля — капитану, *первому на немъ послѣ Бога*; не нужно забывать, что онъ отвѣчаетъ за всѣхъ. Если же онъ дозволитъ себѣ несправедливый, или насильственный поступокъ, то пассажиры могутъ принести на него словесную жалобу правительству новаго отечества.

Согласіе между пассажирами весьма важно.... Известно, что характеръ каждаго особенно выказывается болѣе и сильнѣе въ пути, ошибки каждаго здѣсь увеличиваются, а всего замѣчательнѣе, что является нетерпимость иновѣрія. Дѣлать взаимныя уступки, заниматься чѣмъ-нибудь, писать *дневникъ*, въ которомъ означаются всѣ происшествія, случившіяся во время вояжа, изучать языкъ той земли, въ которую ѣдешь — вотъ средства избѣжать несогласія и раздоровъ.

IV.

О ВЕЩАХЪ, НЕОБХОДИМЫХЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМЪ.

Вещи, необходимыя переселенцу, колонисту или путешественнику, слѣдующія :

Два сундука, могущіе вмѣстить въ себѣ грузъ для одного лошака.

Холстяная палатка ;

Кисейныя занавѣски отъ москитовъ,
и четыре пары сапогъ.

Пара сѣдельныхъ лукъ для пистолетовъ ; двухствольное охотничье ружье ; длинный ножъ, съ ножнами или *machete* (родъ тесака, съ крѣпкимъ и острымъ клинкомъ).

Сѣдло съ подушкой, набитой волосами, узла, шпоры съ крѣпкими звѣздочками и мексиканскій мундштукъ ;

Легкая соломенная шляпа и клеенка для защиты отъ дождя.

Нѣсколько фуфаякъ изъ бѣлой фланели ; шерстяные и нитяные чулки ; цвѣтныя рубашки ; бутылка, обшитая ивовыми вѣтвями ; наконецъ одѣяло, съ отверстіемъ въ срединѣ для головы, оно замѣняетъ ночью плащъ, а во время дождя зонтикъ.

Пара *alforjas* или нитяныхъ сумокъ, которыя привязываются къ сѣдлу съ провизіей, *кофе*, *кофейникъ*, чашка, оловянное блюдо и столовый приборъ ; химическія спички и восковая свѣча.

У.

Гигиеническія предосторожности для переселенцевъ въ новый свѣтъ.

Вступая на почву Америки, переселенцы должны взять нѣкоторыя предосторожности для сохраненія здоровья. Европейцы во время долгаго пути, испытавъ много непріятностей, обыкновенно предаются излишеству. Подъ знойнымъ тропическимъ солнцемъ, они пьютъ неумѣренно, даже воду, которая, разумѣется, послѣ корабельной воды, кажется имъ чуднымъ нектаромъ. Нужно довольствоваться малымъ; первые дни только трудно воздержаться, а потомъ легко привыкнуть. Не мѣшаетъ дѣлать освѣжающій и вмѣстѣ крѣпительный напитокъ, наливъ на одинъ стаканъ воды, ложку кофе съ ромомъ. Мѣста: Шагресъ, Белизъ, Изабаль, Омоа славятся нездоровымъ климатомъ, но онъ вреденъ только тѣмъ иностранцамъ, которые предаются излишеству.

Въ полдень вредно подвергать себя лучамъ солнца. Въ полдень туземцы сидятъ дома и занимаются такъ называемой *siesta*; но французы, въ первый же день ихъ пріѣзда хотятъ обозрѣть всю страну и не слушаютъ ни чьихъ совѣтовъ.

Особенно нужно беречься сырости, перемѣнять намоченную обувь, а если ноги были уже замочены, то до перемѣны чулковъ надобно ихъ вытереть сукномъ или фланелью съ *aquardiente*.

Въ первые дни пріѣзда должно избѣгать употребленія тропическихъ плодовъ. Померанцы, посыпанные сахаромъ и положенные ломтиками, или въ вино, или въ воду, или въ ромъ, не дѣлаютъ вреда. *Mangos, papays, sandias*, арбузы и дыни—вредные фрукты, они часто производятъ кровавый поносъ и лихорадку.

Баканы (*guineo*) не такъ вредны. Баканы (*platano*) употребляютъ вареные, жареные, приготовляя ихъ на тысячу манеровъ. Это здоровая пища, которая однако-же въ первое время должна быть употребляема умѣренно.

Надобно постепенно привыкать къ новой пищѣ. Пусть вспомнятъ, что на кораблѣ они питались солоной вообще горячительной пищей. Въ Америкѣ, пища странъ, лежащихъ между тропиками, расслабляетъ организмъ; потому-то нужно принимать крѣпительныя лекарства, но и тѣ умѣренно.

Лучшій напитокъ для колонистовъ кофе. Мы считаемъ его необходимымъ для путешествующихъ по Испанской Америкѣ. Кофе предохраняетъ отъ лихорадки тогда только, когда онъ употребляется крѣпкимъ. Не забудьте, что кофе, любимый напитокъ *аравитянъ*, которые пьютъ его при первомъ удобномъ случаѣ.

На галютахъ и другихъ судахъ, дѣлающихъ рейсы по Антильскому морю, Мексиканскому и Гондурасскому заливамъ, матросы ежедневно получаютъ двѣ порціи кофе, который разбавляютъ даже водою.

Путешествующій по Центральной Америкѣ, Мехикѣ и Калифорніи, долженъ имѣть съ собою кофе и препараты, необходимые для скорого его приготовления. Горячую воду можно достать во всѣхъ индійскихъ хижинахъ (*ranchos*)*.

Въ Шаграсѣ и Панамѣ, и вообще въ мѣстахъ прибрежныхъ, путешественники должны вставать рано, брать холодныя ванны, и, если жаръ умѣренный, имѣть немного движенія. Почти у всѣхъ европейцевъ, пріѣзжающихъ въ эти земли, появляются на кожныхъ сыпи, которыя производятъ сильный зудъ, называемый испанцами *sarpullido*, а французскими моряками *краснымъ псомъ* (*chien rouge*). Сыпь эта появляется преимущественно на спинѣ, на шеѣ, лбу, плечахъ и рукахъ въ видѣ множества красныхъ прыщиковъ. Частыя ванны, опрятность, правильная діета совершенно вылечиваютъ эту болѣзнь.

Эти страны изобилуютъ москитами (*moscos, moscitos, zancudos*), укушенія которыхъ производятъ воспаление въ рукахъ и ногахъ и превращаются наконецъ въ язвы, которыя излечиваются также холодными ваннами. У бельгійскихъ колонистовъ намъ случилось видѣть раны эти до того запущенными отъ небрежности, что ихъ почти невозможно было вылечить. Отъ укушенія москитовъ не всегда образуются болящія язвы. Путешествующій по этимъ странамъ долженъ имѣть отъ москитовъ кисейныя занавѣски, которыя прикрѣпляются къ кровати (*pavelon*) или къ палаткѣ.

Необходимо взять съ собою стеклянку концентрированнаго летучаго алкали (аммоніака). Укушеніе скорпіона (*alacran*) не такъ опасно, какъ многіе думаютъ. Часто случается, что укушеніе не производитъ ничего, кромѣ слабаго лихорадочнаго припадка и оледенѣлости языка, но эти явленія скоро проходятъ. Если кого укусятъ скорпіонъ, то нужно приложить къ раночкѣ летучей алкали, какъ ѣдкое средство, и выпить стаканъ воды, вливъ въ него капель 8-мь или 10-ть той-же алкали. Отъ ужалѣнія змѣи это-же самое средство.

* *Posada* или гостиница, называется мѣсто, гдѣ останавливаются путешественники. *Dar la posada* значитъ дать квартиру, воду и огонь. *Rancho* — большой шалашъ. *Rancheria* — нѣсколько вмѣстѣ лежащихъ хижинъ.

Во время путешествія болѣе нужно бояться насѣкомыхъ и пауковъ, чѣмъ змѣй. Я уже сказалъ о москитахъ, которыя находятся на берегу моря, рѣкъ, озеръ и вообще въ мѣстахъ влажныхъ и болотистыхъ. Въ мѣстахъ жаркихъ, но сухихъ, путешественника беспокоятъ обыкновенные пауки, которыхъ здѣсь называютъ *garrapatas*; укушеніе ихъ производитъ нестерпимый зудъ. Въ Центральной Америкѣ (Гватималѣ) встрѣчаются *talajes*; они дѣлаютъ на кожѣ красноватые прыщики, которые рождаютъ сильную боль. Пауки эти выползаютъ только по ночамъ и нападаютъ на спящихъ около стѣнъ, сдѣланныхъ изъ *adores* (высушенной на солнцѣ землѣ,) или изъ глины, смѣшанной съ соломой, гдѣ и встрѣчаются эти *talajes*.

Chique или *puce pénétrente* находится въ домахъ неопрятныхъ, гдѣ рѣдко метутъ или въ мѣстахъ, обитаемыхъ свиньями, находятся *нигвы* или *блохи*, которыхъ испанцы называютъ *nigua* *. Нигва есть родъ блохи, которая обыкновенно заводится между ногтями большихъ ножныхъ пальцевъ. Онѣ производятъ жгучій, нестерпимый зудъ и, если онѣ не будутъ уничтожены, то образуютъ подъ кожей бездну яичекъ, находящихся въ мешечкѣ; индійцы, *mosos* истребляютъ нигвъ съ большою ловкостью. Отъ нихъ можно предохранить себя частою перемѣною чулковъ и развѣшиваніемъ сапоговъ на веревку своей палатки. Предосторожность эта необходима, потому что скорпіоны заползаютъ иногда въ обувь **. Если не хотите, чтобъ приготовленный вами къ употребленію въ дорогѣ сахаръ былъ жертвою муравьевъ, самыхъ докучливыхъ насѣкомыхъ, то не кладите его ни въ ваши карманы, ни въ *alforjas*. Сахаръ надо необходимо закрывать герметически, въ жестянки, или привѣшивать къ веревкѣ своей палатки, или къ веревкѣ, которая находится во всякомъ *ranchos*.

Въ Центральной Америкѣ, я видѣлъ краснаго цвѣта паука, величину съ булавочную головку, но который очень опасенъ, и, если вѣрнѣе разскажутъ туземцевъ, то укушеніе его можетъ быть смертельнымъ: его называютъ *casampulga*. Не должно вѣрнѣе

* Въ Пуэблосахъ свиньи живутъ вмѣстѣ съ людьми. Ночью онѣ ходятъ около домовъ и часто располагаются подлѣ своихъ хозяевъ. Путешественнику много надобно собакъ индійцевъ; чистотою онѣ не отличаются отъ свиней.

** Не говорю уже объ обыкновенныхъ блохахъ, которыя размножаются особенно въ мѣстахъ возвышенныхъ. Въ Каракасѣ, Гватималѣ, Мехикѣ отъ нихъ нѣтъ спасенія пріѣзжимъ.

вѣмъ этимъ расскажем: потому-что *деско* (родъ ящерицъ), находясь во многихъ хижинахъ, совершенно безвредное насѣкомое, наводитъ на нихъ ужасъ. Они зовутъ его *escorpion*. Безобразный видъ и ночное появленіе навлекли на *деско* эту клевету. На видъ онъ походитъ нѣсколько на ящерицу, но голова у него сплюснутая, тѣло короче, цвѣта сѣроватаго, а ноги, какъ у паука. Днемъ онъ прячется въ щели и въ старыя обрубки деревьевъ, выходитъ только по ночамъ, для ловли насѣкомыхъ. Въ домахъ, онъ вмѣстѣ съ мышами и муравьями, цстребляетъ съѣстные припасы.

Употребленіе кофе предохраняетъ колонистовъ отъ головной боли, которой напротивъ подвергаются лица, имѣющія обыкновеніе, отправляясь въ дорогу, выпивать стаканъ *aquardiente*, или другаго какого-нибудь ликера. Если начнетъ болѣть голова, то пужно понюхать летучей алкалн, по прибытіи въ посадку взять теплыя ножныя ванны и немного покушать. Дорожная усталость и невольный постъ производятъ иногда головную боль. И потому, чтобы избѣжать истомленія и голода, переходя огромныя и безлюдныя пространства, путешественникъ долженъ взять съ собою немножко сухарей *totoposte* или шеколаду. Во время этихъ переходовъ необходимо вставать рано, а спать ложиться съ первымъ восходомъ луны. Въ четыре часа утра, можно уже отправиться въ дорогу и останавливаться въ посадѣ для отдыха въ десять часовъ.

Знойное время употребить на отдыхъ и пуститься уже снова въ путь, когда спадетъ жаръ, слѣдовательно около 4-хъ часовъ.

Въ сутки можно проѣхать около 12 ти миль.

Въ жаркихъ странахъ колонисты, послѣ долгаго пути не ищутъ средствъ отдохнуть, а бросаются въ первую рѣку. Подобное неблагоразуміе часто имѣетъ слѣдствіемъ сильныя горячки... Если вы остановитесь на нѣсколько времени въ Пуэбло, отъ котораго недалеко вода, то можно искупаться, но не рапѣе, какъ на другой день и то до восхода или послѣ заката солнца. Вредно купаться въ теплой водѣ, а всего здоровѣе въ ручьяхъ.

Желая сохранить силы и дѣятельность, не надо спать днемъ; оставьте испанцевъ слѣдовать этому обыкновенію.

Слишкомъ преувеличено писали о нездоровомъ климатѣ береговъ Южной Америки, а въ послѣднее время то-же самое и о Калифорніи. * Въ этихъ странахъ первыми жертвами лихорадки

* «Теперь вѣмъ извѣстно, что климатъ Калифорніи здоровый; опасѣасть большія опустошенія только между тѣми племенами, у которыхъ

или *calentura* бываютъ прѣзжіе. Особенно во время дождей, въ іюнь, іюль, августъ, сентябрь и октябрь, преимущественно страдаютъ здѣсь перемежающеюся лихорадкою. Не въ одной Америкѣ, но и въ прибрежныхъ частяхъ Франціи (въ Нормандіи, въ западныхъ провинціяхъ, въ Провансѣ и друг.) жители, въ теченіи болѣе полугода, подвергаются лихорадкѣ; въ селахъ Южной Франціи десять процентовъ народонаселенія умираетъ отъ лихорадки. Продолжительныя лихорадки дѣлаютъ женщинъ безплодными.

Гигіеническія предосторожности и лекарства къ изгнанію лихорадки, какъ во Франціи, такъ и въ Америкѣ одиѣ и тѣ-же. Колонистъ непременно долженъ взять съ собою *сѣрно-кислой хинины*.

Опрятность, здоровая пища, особенно такая, которая содержитъ въ себѣ менѣе азота (болѣе всего въ мясѣ), сухое и чаще провѣтриваемое помѣщеніе — лучшія средства предохранить себя отъ этой болѣзни.

Особенно надобно стараться уничтожить лихорадочныя припадки при первомъ ихъ появленіи; пренебрегая ими, трудно будетъ потомъ отъ нихъ избавиться.

Въ Испанской Америкѣ продается хорошая сѣрнокислая хинина въ стеклянкахъ въ унцію, или полуунціи; его продаютъ иногда поддѣльный, по этому необходимо обращать вниманіе на то, чтобъ пробка была съ печатью фабриканта *.

Путешественникъ или колонистъ долженъ имѣть: клистирную трубку, англійскую соль, льняное сѣмя въ порошокъ и немного англійскаго пластыря. — О летучемъ алкали я ужъ говорилъ.

Путешествующій цѣлымъ семействомъ долженъ имѣть аптеку болѣе полную, а если есть притомъ дѣти, то нужно попросить у доктора необходимыя для дороги наставленія, которыхъ не совтую искать въ сочиненіи г. Распайя.

Сочинитель не распространяется болѣе обо всѣхъ предметахъ предосторожности и надѣется, что переселенцы не выйдутъ изъ предѣловъ благоразумія, что послѣдовавъ его совѣтамъ, они не

еще не введено прививаніе ея. Только въ мѣстахъ болотистыхъ страдаютъ перемежающеюся лихорадкою и то въ извѣстное время года, но ее легко вылечить вышесказанными средствами.»

(*Duflot de Mofras*)

* Въ Испанской Америкѣ не трудно достать французскіе медикаменты, именно: сѣрно-кислую магнезію, винную кислоту, соду, кремортарторъ (*cremor*), манну въ капляхъ, сѣрный эфиръ, сладкое миндальное масло, лавандовый цвѣтъ, (*alusema*) и другіе.

будутъ раскаяваться и не дадутся въ обманъ шарлатанамъ, которые занимаются медициною въ большей части прежнихъ испанскихъ владѣній. — И лучше, говоритъ онъ, — за неимѣніемъ средствъ и возможности пригласить доктора по дальности города, — довѣриться искусству индѣйца, чѣмъ бродяжнаго испанца. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки нѣкоторые изъ французовъ, умирая отъ лихорадки и трудовъ, стараніями индѣйцевъ были вылечены. Испанцы не умѣли понять этихъ кроткихъ и простодушныхъ людей!

VI.

О поведеніи европейцевъ въ отношеніи къ жителямъ Испанской Америки.

Отъ мыса Горна до Санъ-Франциско трудно встрѣтить даже различіе въ одеждѣ; нравы, обычаи, образъ жизни однѣ и тѣ же: господствующая вѣра Католическая, богослуженіе совершается съ большимъ великолѣпіемъ, многочисленные праздники строго соблюдаются, жители гостепріимны и любятъ новыхъ пришельцевъ, индѣйцы кротки и послушны. — Иностранцу легко ужиться съ испано-американцами, лишь бы онъ не порицалъ ихъ нравовъ и обычаевъ, не тщеславился превосходствомъ своей націи. — Французы, желая найти Парижъ даже въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, въ особенности подвержены этой слабости. — Во многихъ земляхъ иностранцы не стыдятся вести развратную жизнь, посѣщать игорные дома и другія мѣста, уничтожающія здоровье и опустошающія карманы, быть въ обществѣ *lanasi, zanganas* и т. п. Они даютъ поводъ гнушаться европейцами и въ городахъ, менѣе цивилизованныхъ, французовъ считаютъ за жидовъ и безбожниковъ. Французы стараются не посѣщать церквей, не быть при религиозныхъ церемоніяхъ американцевъ; въ самомъ дѣлѣ праздники и веселія — принадлежность свѣтскихъ людей, но пренебреженіе не должно касаться религіи, догматы которой нѣкоторые хотя и плохо понимаютъ, но за то слѣдуютъ въ нихъ обычаю своихъ предковъ.

Жители Испанской Америки лукавы, немного плутоваты и хитры въ дѣлахъ; но можно повѣрить ихъ честному слову; они никогда не измѣнятъ ему.

Переселенцы, желая заниматься промышленностію, найдутъ

здѣсь помощь и покровительство, но они не должны гордиться знаніемъ дѣла и обѣщать то, чего не въ состояніи исполнить. Если дѣло не удастся въ первый разъ, то стараніемъ можно достигнуть его исполненія. Пусть не забываютъ извѣстную поговорку испанцевъ: *Quien mucho abarca mal aprieta* (кто за многое возьмется, тотъ ничего не сдѣлаетъ).

Европейцы, въ особенности французы, недовольные затрудненіями со стороны туземцевъ, дурно дѣлаютъ, что грозятъ своимъ консуломъ. Они должны знать, что консулы не могутъ то и дѣло вмѣшиваться въ ихъ денежные дѣла и угрожать жалобой правительству своего отечества?

Французы должны поддерживать свою репутацію, но не подавать причины къ порицанію. Если они, подобно испанцамъ, обладаютъ нѣкоторыми недостатками, то должны стараться скрыть ихъ; надо замѣтить, что здѣсь все поступки иностранцевъ строго наблюдаются.

Вездѣ нравы индійцевъ несравненно строже бѣлыхъ, особенно въ Калифорніи, гдѣ миссіонеры занимаются ихъ воспитаніемъ. «Въ этой странѣ—говоритъ одинъ миссіонеръ въ своей проповѣди,—находится два совершенно различныя племена: варвары и полуварвары; полуварвары—наши бѣдные индійцы, а варвары—такъ называемые люди разумные, хотя они и не обладаютъ послѣднимъ качествомъ. Въ самомъ дѣлѣ между туземцами мы находимъ послушаніе и любовь къ труду, между тѣмъ, какъ въ европейцахъ мы видимъ только страсть къ игрѣ, праздности и пьянству.

Достоинно удивленія, что здѣсь, вдали отъ Европы, въ странахъ пустынныхъ и почти неизвѣстныхъ, замѣчается въ высшей степени любовь къ наукамъ и искусствамъ, желаніе всему научиться и множество другихъ похвальныхъ качествъ, которыя искупаютъ нѣкоторые недостатки жителей Испанской Америки, преувеличенные путешественниками.

Французы—народъ не постоянный. Они отправляются въ Америку съ намѣреніемъ снова возвратиться въ отечество, они не имѣютъ отъ поѣздки туда предполагаемой ими пользы, а потому они все почти плохіе переселенцы. Не таковы англичане и нѣмцы, которые, поселившись тамъ, остаются навсегда.

Переходимъ теперь къ предмету весьма интересному, — именно къ добыванію и промывкѣ золота.

А. АЛЫМОВЪ.

МУЗЫКА ВЪ КИТАѢ, ВЪ СЕНЕГАЛИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКѢ.

Въ Европѣ, артисты выходятъ безъ различія изъ всѣхъ классовъ общества; у сенегальскихъ негровъ изящныя искусства представлены особенной кастѣ, отличной отъ другихъ. Всѣ члены этого племени должны родиться поэтами, музыкантами или, по крайней мѣрѣ, комедіантами, и внѣ его — нѣтъ артистовъ. Это привилегированное семейство — *Гриотты*.

Исторія ихъ происхожденія очень странна; если вѣрить стариннымъ хроникамъ, то они ведутъ свое начало по слѣдующей легендѣ:

«Духъ злобы, — говорятъ арабскія легенды, — принявъ человѣческую форму, надѣлалъ столько преступленій, что наконецъ его бросили въ море; но рыбакъ поймалъ и съѣлъ рыбу, проглотившую тѣло злодѣя, и духъ злобы возродился въ человѣкѣ. Рыбакъ былъ побитъ камнями и зарытъ глубоко въ землю; къ несчастію, вепрь разрылъ насыпь и забросилъ нѣсколько кусковъ трупа въ сумку охотника, сдѣлавшагося новымъ демономъ. Люди, въ испугѣ, тотчасъ же рѣшились истребить его: тѣло его истолчено въ мельчайшій порошокъ и развѣяно по вѣтру; но одинъ несчастный поэтъ и музыкантъ подышалъ этимъ зараженнымъ воздухомъ и демонъ снова возродился. На этотъ разъ его уже не трогали болѣе, и Гриотты сдѣлались его потомками.»

Такое происхожденіе вполне подтверждается правами Гриоттовъ. Занимаясь врачебнымъ искусствомъ, они знаютъ множество разныхъ тайныхъ снадобій, приносящихъ, по мнѣнію негровъ, множество различныхъ золъ, такъ что на Гриоттовъ смотрятъ, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ на людей особенныхъ.

Гриотты пользуются всѣми гражданскими правами; занимаютъ самыя важныя должности, даже служатъ секретарями и совѣтниками при владѣтельныхъ лицахъ; но въ религіозномъ отношеніи, они стоятъ внѣ закона и даже лишены погребенія. За то Гриотты, жестоко оскорбленные этимъ отчужденіемъ, стараются перетолковать его въ свою пользу. Они говорятъ, что тѣла ихъ не должны гнить въ землѣ, подобно тѣламъ прочихъ людей, и что Аллахъ посылаетъ за ними ангела, который уноситъ ихъ на крыльяхъ, немедленно послѣ ихъ кончины. Для подтвержденія этого мнѣнія осязательнымъ образомъ, Гриотты, по смерти каждаго своего соплеменника, выкапываютъ его трупъ изъ могилы и кладутъ его въ лѣсу, въ дупло дерева. Я частехонько находилъ такія тѣла въ выдолбленныхъ пняхъ деревь.

Гриотты впрочемъ умѣе прочихъ негровъ. Не удвительно ли встрѣтить, между дикими племенами, людей, одаренныхъ прекрасно развитыми умственными способностями, которыми гордятся образованные народы?... Гриотты, между неграми, похожи на людей, посѣянныя въ крапивѣ.

Когда, проходя по лѣсамъ Сахеля, я случайно замѣчалъ, гдѣ-нибудь подъ деревомъ, Гриотта, погруженнаго въ раздумье и бросающаго тростниковымъ перомъ свои мысли на клочекъ бумаги, я удерживалъ въ груди дыханье, и тихо пробирался, боясь нарушить его думу. Не должно ли чувствовать уваженіе къ этимъ существамъ, блуждающимъ съ кипю рукописей, робко протягивающимъ руку, уступая чувству голода, и уединяющимся въ глубину лѣсовъ, чтобы вызывать къ себѣ геній искусствъ? Самыя драгоценныя произведенія Гриоттовъ — ихъ историческія хронки, продолжаемыя сыномъ послѣ отца, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Какъ звать, можетъ быть, эти народы древнѣ насъ и знаютъ времена, предшествовавшія тѣмъ, о которыхъ упоминаетъ исторія?... Не любопытно ли перебрать ихъ древнія рукописи?...

Поэзія Гриоттовъ живописна, какъ и поэзія арабовъ, и не лишена возвышенности; но преимущественно преобладаетъ въ нихъ музыкальный геній, какъ и должно ожидать. Въ самомъ дѣлѣ, перенеситесь на минуту въ нѣдра пустынь, гдѣ эти люди проводятъ всю свою жизнь, вступите въ оазисъ: здѣсь шорохъ листьевъ, осѣняющихъ васъ, ручей, бѣгущій у вашихъ ногъ, птицы на вѣтвяхъ, — все поетъ вокругъ васъ!... Не ужели вы станете отвѣчать на эту высокую гармонию природы ораторскою рѣчью?... Конечно, нѣтъ: какъ-бы прекрасно ни рѣфовали ваши фразы, хотя-бы вы декламировали ихъ не хуже самого Тальмы, — ваша проза и ваши стихи прогонятъ птицъ, и несколько не будутъ гармонировать съ ихъ щебетаньемъ и шопотомъ листьевъ.

Чтобы лучше понять мою мысль, чтобы вполне убѣдиться въ справедливости истины, на которой основано мое мнѣніе, взгляните на нашихъ деревенскихъ жителей. Занимается ли поэзіей, живописью, архитектурой, пастухъ, который проводитъ всю свою жизнь одиноко, среди полей? Разумѣется, нѣтъ; онъ не имѣетъ самаго простаго понятія объ этихъ искусствахъ; но остановитесь на минуту за деревьями, осѣняющими его хижину, и вы услышите, что онъ поетъ, поетъ безъ умолку. Подъ звуки его пѣсни, стадо пасется мирно, и собака внимательно лежитъ у ногъ хозяина, послушная его волѣ. Не пой онъ — и все окружающее его было бы печально; но его пѣснь прельщаетъ и привлекаетъ всѣхъ,

даже ящерицъ, которыя садятся по вѣтвямъ, надъ самую головою пастуха, чтобы его лучше слышать.

Встрѣчая человѣка, который говоритъ самъ съ собою, вы назовете его помѣшаннымъ; но если вмѣсто того, чтобы говорить, человѣкъ этотъ запоетъ, вы не найдете въ этомъ пѣніи ничего необыкновеннаго. Почему же это?...

Это потому что, во-первыхъ, музыка есть языкъ всего, что находится внѣ человѣчества на землѣ; во-вторыхъ, человѣкъ, проводящій большую часть своей жизни *въ уединеніи*, посреди полей, лѣсовъ, пустынь, естественно долженъ любить музыку и заниматься ею, чтобы стать въ соотношеніе съ существами, постоянно его окружающими. Изъ этого я заключаю, что музыка у всѣхъ народовъ была первымъ искусствомъ, потому что всѣ народы, въ колыбели своей, жили уединенно или вели жизнь пастушескую.

Легко можно доказать, что поэзія соединяется съ музыкой, какъ только человѣкъ начинаетъ жить обществомъ, точно также, какъ архитектура, живопись и скульптура рождаются въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ городами. Но здѣсь не мѣсто разсуждать объ этомъ предметѣ, и я снова принимаюсь за свое путешествіе.

Я не изумился, встрѣтивъ любовь къ музыкѣ у негровъ Сенегалии и Центральной Африки; но, признаюсь, я не предполагалъ, чтобы неразвитыя понятія этихъ народовъ были способны стать такъ высоко въ этомъ искусствѣ.

Съ какимъ бы восторгомъ я привелъ здѣсь нѣкоторыя изъ превосходныхъ музыкальных импровизацій, доставившихъ мнѣ столько наслажденія въ пустынѣ.... Но я слушалъ ихъ такъ внимательно, что мнѣ и не приходило въ голову передать ихъ бумагѣ: пока продолжалось пѣніе, душа моя была какъ бы прикована къ губамъ импровизатора, а когда оно затихало, отъ него оставался только шумъ пріятный, но неопредѣленный, который звучалъ у меня въ ухахъ, раздавался въ душѣ, и который я не могъ ни опредѣлить, ни подвести подъ музыкальныя правила. Это былъ голосъ самой природы; но вѣтеръ тотчасъ же уносилъ его къ небесамъ, оставляя воспоминаніе, неосозаемое даже для самого импровизатора....

Извѣстно, что Поднебесная Имперія представляетъ самое любопытное, самое оригинальное явленіе во всѣхъ отношеніяхъ, въ нравахъ, въ общественномъ устройствѣ, въ наукахъ и искусствахъ. Музыка, разумѣется, не исключается изъ общаго положенія. Ле-зуйтъ Амю, въ своихъ запискахъ объ исторіи, наукахъ и искусствахъ Китая, говоритъ о китайской музыкѣ, какъ о какомъ-то

образцѣ совершенства; это мнѣніе очевидно преувеличено и пристрастно, и совершенно разрушается отзывами повѣйшихъ путешественниковъ. Впрочемъ, и этимъ строгимъ сужденіямъ нельзя вѣрить безусловно; путешественники, кажется, не умѣли вполне постичь національный характеръ китайской музыки, неразрывно связанный съ духомъ народа и его образомъ жизни. Вопросъ же этотъ стоитъ внимательнаго изученія.

Нѣтъ сомнѣнія, что Азія, колыбель человѣчества, первый разсадникъ почти всѣхъ наукъ и искусствъ, была точно также колыбелью первыхъ понятій о наукѣ музыки; извѣстно, что Индія и Китай были уже на высокой степени образованія, когда всѣ остальные части Азіи и вся Африка и Европа коснулись еще въ невѣжествѣ. Изъ всѣхъ музыкальныхъ теорій древности, намъ извѣстна донынѣ одна теорія грековъ, отчасти родственная нашей западной теоріи. Званіе болѣе древнихъ музыкальныхъ системъ объяснило бы намъ, можетъ быть, откуда и какимъ образомъ греки получили первыя начала музыки, которыя они потомъ развили по своему, какъ и всѣ отрасли своихъ знаній.

Изъ единодушнаго отзыва всѣхъ европейцевъ, бывавшихъ въ Китаѣ, видно, что европейская музыка производитъ на китайцевъ непріятное впечатлѣніе, и что они упрекаютъ ее въ отсутствіи мелодіи. Послѣ этого казалось-бы трудно предполагать, чтобы китайцы имѣли вѣрное понятіе о музыкѣ; тѣмъ не менѣе однакоже, ихъ музыкальная теорія поражаетъ истиною и основательностію нѣкоторыхъ своихъ началъ. Отецъ Аміо рассказываетъ, что желая испытать, понравится-ли китайцамъ европейская ученая музыка, онъ сыгралъ имъ два характеристическія сочиненія Рамо: «Дикарей» и «Циклоновъ», и что эти пьесы, не смотря на несомнѣнное ихъ достоинство, не имѣли никакого успѣха. Вотъ что говорили объ этомъ китайцы: «Наши мелодіи черезъ слухъ проникаютъ въ сердце, а изъ сердца переходятъ въ душу. Мы ихъ понимаемъ и чувствуемъ: вашей же музыки мы не понимаемъ. Музыка должна выражать наши ощущенія; каждая страсть у насъ изображается соответствующими ей звуками, и звуки эти должны быть въ тѣсной связи съ чувствами, которыя они должны воспроизводить. Звуки суть слова, а модуляціи — фразы музыкальнаго языка.»

Достоверно, что съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ Поднебесная Имперія, государи ея постоянно обращали особенное вниманіе на музыку: они искони смотрятъ на нее, какъ на науку, имѣющую два главныхъ свойства: во первыхъ, волновать сердце людей раз-

личными ощущеніями, которыя она пробуждаетъ въ ихъ душахъ; во вторыхъ, доставлять удовольствіе ихъ уму. Нигдѣ, можетъ-быть, не пользовалась музыка такимъ уваженіемъ, какъ въ древнемъ Китаѣ, гдѣ она считалась наукою наукъ, дивнымъ источникомъ всякой премудрости. Это можно причислить къ доказательствамъ того, что Китай прежде всѣхъ другихъ странъ достигъ значительной степени образованія, и что изъ него уже просвѣщеніе разлилось на сосѣдніе народы. Хотя мы у всѣхъ народовъ древности находимъ слѣды пѣнія и инструментальной музыки, но въ одномъ Китаѣ, однако же, видимъ музыку, разсматриваемую съ точки зрѣнія науки, и въ немъ же одномъ теорію акустики, заходящую уже въ предѣлы физики и математики, и указывающую на значительные успѣхи во всѣхъ отрасляхъ человеческого знанія.

У китайцевъ, какъ у грековъ и у другихъ народовъ, есть свои мпы; они приписываютъ *Линг-луну*, *Куци* и *Бинму Кип* ту же власть прельщать звуками людей, мотыхъ звѣрей и даже скалы, которую греки приписывали Орфею и Амфіону.

Китайцы признаютъ восемь различныхъ родовъ звуковъ и утверждаютъ, что для воспроизведенія ихъ природа создала восемь звучащихъ тѣлъ: металлъ, камень, шелкъ, камышь, тыкву, глину, кожи животныхъ и дерево.

Металлъ считается у китайцевъ пятою стихіею. Изъ композицій, состоящей изъ фунта жести на шесть фунтовъ мѣди, льютъ они три рода колоколовъ, *по-тунгъ*, *те-тунгъ*, и *пъень-тунгъ*, которые отличаются между собою размѣрами и качествомъ звука. Инструментъ, извѣстный въ Европѣ лѣтъ двадцать-пять подъ названіемъ тамтама, есть видоизмѣненіе одного изъ этихъ трехъ родовъ.

Искусство извлекать изъ камня достаточное количество звука для музыкальнаго инструмента принадлежитъ исключительно китайцамъ; ни одинъ другой народъ не дѣлалъ даже подобныхъ попытокъ. Звукъ этотъ составляетъ средину между звукомъ металла и дерева, но звучитъ послѣдняго. Чтобы придать камню свойство издавать музыкальный звукъ, они сушатъ его на солнцѣ, потомъ соединяютъ шестнадцать такихъ камней и такимъ образомъ составляютъ изъ нихъ инструментъ *Киносъ*, на которомъ они играютъ молоточкомъ, въ родѣ тѣхъ, что употребляютъ для часовъ.

Шелкъ даетъ вѣжный и пріятный звукъ, и употребляется въ инструментахъ *кинъ* и *ке*; *кинъ* имѣетъ видъ лиры о пяти струнахъ, и служитъ для акомпавированія пѣнію; *ке* похожъ нѣсколь-

ко на наше фортепяно, но звукъ его, если вѣрить отцу Амю, гораздо мягче и пріятнѣе; на него навязывается двадцать пять струнъ.

Камышь издаетъ звукъ, рѣзко отличающійся отъ всякаго другаго звука; изъ него дѣлается инструментъ *Ciao*; это собраніе тростниковъ, различной длины, изъ которыхъ каждая даетъ болѣе низкій или высокій тонъ. Звукъ, извлекаемый изъ особой породы тыквы, называемой *пао*, слабъ и неопредѣлительнъ; эту тыкву сушатъ и рѣжутъ пополамъ, и дѣлаютъ изъ нея корпусъ инструмента *гегъ*. Послѣ многихъ усилій, изобрѣтательные китайцы успѣли наконецъ устроить музыкальный инструментъ изъ обожженной глины. Для этого они валяютъ глину въ видѣ пустаго яйца, въ который впускаютъ воздухъ; такъ, послѣ многихъ постепенныхъ усовершенствованій, образовался инструментъ *флоэнъ*, заслуживающій вниманіе уже одною своею древностью, ибо онъ уже былъ въ большомъ употребленіи у племени Гоантъ-ти, за 2637 лѣтъ до Рождества Христова. Кожн разныхъ животныхъ употребляются у китайцевъ, какъ и у насъ, для барабановъ, которые бывають у нихъ восьми разныхъ родовъ.

Изъ дерева они дѣлаютъ три инструмента: *ту*, *у* и *звучную доску*, но это скорѣе дѣтскія игрушки, чѣмъ музыкальные инструменты.

Музыкальными письменами служатъ у нихъ буквы азбуки; они пишутъ свои напѣвы, какъ и рѣчь, въ столбцы, сверху внизъ, и считая столбцы справа влѣво. Для означенія такта употребляются у нихъ барабанные удары или кастаньетки.

Императоръ Кангъ-хи пытался ввести европейскую музыку, съ помощью двухъ португальскихъ іезуитовъ: Брерры и Педрина. Они сочинили даже школу, которая была отпечатана въ императорскомъ дворцѣ и роздана по всей имперіи. Попытка эта была безуспѣшна; многіе, изъ угожденія своему владыкѣ, показывали видъ, будто раздѣляли его любовь къ чуждому искусству, но сила привычки взяла свое; и наконецъ предпочтеніе китайцевъ къ своимъ роднымъ напѣвамъ стало такъ очевидно, что Кангъ-хи отказался отъ своего предпріятія, и ограничился однимъ усовершенствованіемъ китайскихъ инструментовъ. Напѣвы китайцевъ всегда просты и протяжны, и поются въ одинъ голосъ; въ нихъ очень рѣдко встрѣчаются полутоны.

Чтобы объяснить, отчего музыка въ Китаѣ не подвигается впередъ въ продолженіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, надо объяснить сначала, отчего они остановились во всемъ своемъ развитіи, и въ

правственныхъ понятіяхъ, и въ наукахъ, тѣмъ болѣе, что въ Китаѣ, какъ въ Индостанѣ и какъ у всѣхъ народовъ древности, музыка была тѣсно связана съ религіею, и составляла почти неотъемлемую принадлежность обрядовъ богослуженія, и слѣдовательно, должна была развиваться или остановиться вмѣстѣ съ самыми религіозными понятіями и обрядами.

ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Всегда, съ особеннымъ удовольствіемъ, я читаю театральныя рецензіи; думаю, что и мои замѣтки найдутъ себѣ читателей, тѣмъ болѣе, что статьи о Харьковскомъ театрѣ являются весьма рѣдко на страницахъ «Пантеона», а нашъ театръ заслуживаетъ, чтобы о немъ писали болѣе. Безпрерывные водевилы, шутки и фарсы до того утомили насъ, что мы успѣли въ театрѣ — смотрѣть драму: *Скопикъ Шуйскій*, — съ удовольствіемъ путника, посѣщающаго къ оазису, въ безплодной степи.... Драма эга дана была 23 апрѣля, въ день тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны и Ея Высочества Великой Княгини Александры Юсифовны. Роль Лапунова занималъ ангажированный на нѣсколько спектаклей, артистъ *П. В. Самойловъ*, служившій при Императорскихъ Московскихъ театрахъ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ артистѣ, какъ о явленіи весьма замѣчательномъ на нашей сценѣ. Господинъ Самойловъ — родной братъ Петербургскихъ артистовъ, пользующихся болѣе или менѣе заслуженною извѣстностью. Сценическое поприще свое началъ онъ въ 1840 году, дебютами на Александринской сценѣ, въ роляхъ: *Іоанна, Герцога Финляндскаго, Фрица* (Сынъ любви), *Романа Бобра* (Двумужница), и тогда еще замѣтили въ немъ проблескъ драматическаго таланта и пламенную любовь къ искусству. Обладая этими элементами и изучая игру первыхъ столичныхъ артистовъ, господинъ Самойловъ вполне поддерживаетъ славу своего артистическаго семейства. Послѣ дебютовъ на Петербургской сценѣ, онъ игралъ въ Москвѣ, потомъ на разныхъ провинціальныхъ сценахъ. Вездѣ онъ восхищалъ публику своею игрою; о чемъ неоднократно читали мы въ «Репертуарѣ» и въ «Пантеонѣ».

Теперь обратимся къ выполнению пьесы. Вообще, господинъ Самойловъ сыгралъ свою роль отчетливо и хорошо, — чему много способствовали: обработанный и звучный голосъ, правильная дикція и жестикуляція и благородныя позы; — но въ особенностн, онъ былъ очень хорошъ въ минуты раскаянія, (въ первомъ актѣ) когда Ржевскій упрекаетъ мятежниковъ. Съ глубокимъ чувствомъ прочелъ онъ монологъ въ сценѣ, гдѣ Ляпуновъ сознается въ своемъ преступленіи и проситъ у Ржевскаго совѣта: что ему дѣлать? Но, когда, снимая съ себя одежду и мечъ, Ляпуновъ произнесъ:

Долой кафтанъ! обрызганъ братекой кровью,
Ты, какъ ярмо, на плечахъ Ляпунова.

И потомъ:

Прости, мой мечъ, мой удалой товарищъ!
Ты и въ грѣхѣ былъ другомъ безкорыстнымъ..

громкія рукоплесканія раздались въ театрѣ. Прекрасно также выражена господиномъ Самойловымъ готовность Ляпунова идти на смерть. — Съ какимъ непритворнымъ чувствомъ смиренія и сознанія своего преступленія, явился онъ (во второмъ актѣ) съ повинною къ Скопину-Шуйскому, и какъ онъ неподражаемо исполнилъ переходъ отъ униженія къ славѣ, — когда князь, по милости Царской, прощаетъ Ляпунова въ измѣнѣ, свиваетъ съ него опалу и передаетъ забвенью все его дѣла. — Минуты отчаянія Ляпунова (въ четвертомъ актѣ) отъ смерти князя и его слова, сказанныя раздирающимъ душу голосомъ:

Живутъ-же люди вѣкъ чужой,
Ему и своего дожить не дозволяютъ!

навсегда остались въ памяти. Наконецъ мщеніе Ляпунова при видѣ убійцы князя, — ужасно: какъ разъяренный левъ кидается онъ на свою жертву и бросаетъ ее на разстерзаніе свирѣпой толпѣ. Но не таково было мщеніе его Екатерины (въ пятомъ актѣ). Онъ явился къ ней мрачный и грустный; явился, чтобы совершить казнь надъ Екатериной, по необходимости, для избавленія преступницы отъ страшныхъ истязаній свирѣпой толпы. Игра артиста въ этихъ сценахъ показала, какъ онъ глубоко изучилъ благородный и возвышенный характеръ Ляпунова, — за что публика удостоила его троекратнымъ вызовомъ. На нашей сценѣ мы не видѣли еще такого исполненія этой трудной роли; съ нетер-

пѣніемъ ожидаемъ появленія господина Самойлова въ другихъ пьесахъ.

Госпожа Самойлова выполнила роль Екатерины превосходно. Жаль только, что эта даровитая артистка беретъ иногда за ничтожныя роли въ водевиляхъ; только драма и высокая комедія, — могутъ доставить прочаую извѣстность артисту.

Господинъ Толченовъ довольно хорошо сыгралъ роль Скопина Шуйскаго.

Послѣ драмы дана была малороссійская опера: *Москаль-Чаривникъ*. *Господинъ Соленикъ* хорошъ былъ въ *Чупрунъ*; удачно также выполнилъ роль солдата, — *г. Дебуръ*, а *г. Дмитренко* — въ роли Фяитика, — былъ уморителенъ.

Въ заключеніе, мы отъ души благодаримъ господина управляющаго нашимъ театромъ, подполковника *Д. Я. Петровскаго*; за то удовольствіе, которое онъ доставляетъ намъ, — приглашая на Харьковскую сцену извѣстныхъ артистовъ.

Д. Ж.

ВАЛАТУРЪ.

Темною ночью, въ окрестностях Париза, разбойникъ, встрѣтивъ странствующаго англичанина, схватилъ его за воротъ и уставляя пистолеть къ груди. — «Милордъ! — сказалъ онъ, — не купите-ли пистолеть.... Только сто франковъ, — шегольская вещица.... не даетъ осѣчки!»... Англичанинъ понялъ намекъ разбойника и отсчиталъ ему сто франковъ. Получивъ пистолеть, первымъ движеніемъ ограбленнаго было направить его въ голову разбойника.... — «Э... не безпокойтесь, милордъ, — вскричалъ плутъ, — вы не убьете меня — пистолеть не заряженъ! —

— Какая разница между клеветникомъ и любителемъ чужихъ обѣдовъ? спросили какого-то остряка. — Тотъ и другой открываютъ свой ротъ только на счетъ ближняго; отвѣчалъ онъ.

— Слышите-ли, что это?... Никакъ пушки? — сказала хозяйка обращаясь къ гостю, который надоѣлъ ей чрезъ мѣру. — Да-съ... пушки; спокойно отвѣчалъ назойливый гость.

— Батюшка!... да вѣдь это вода на прибыли, а вы живете въ
Отд. VIII. ¼1

Гавани.... бѣгите скорѣй.... бѣда, какъ вода нахлынетъ къ вамъ въ квартиру!... — Э, нѣтъ! вода не попадетъ ко мнѣ: квартира заперта на ключъ, а ключъ у меня въ карманѣ.

Англичанинъ, отобѣдавъ въ одной изъ гостиницъ Парижа, подошелъ къ буфетчицѣ, расплатился за обѣдъ — и подаль при этомъ свой столовый приборъ.... — Что это значитъ? вскричала съ удивленіемъ буфетчица. — «Ничего, я возвращаю вамъ лично мой кувертъ только потому, что не хочу подражать моему сосѣду, который спряталъ его въ карманъ и ушелъ, не простившись съ вами.»

— Нептунъ, я замѣчаю, что ты боишься работы, — замѣтилъ плататоръ своему негру. — Кто, я боюсь, масса?... что вы! я даже всегда ложусь подлѣ нее и сплю, какъ убитый, безъ всякаго страха.

— Ну, дружище, твой воевиль шлепнулся, сказалъ Т. своему пріятелю. — Быть не можетъ!... — Рѣшительно ошпкали....

— Странно, а вѣдь я раздарилъ больше сотни билетовъ.

— Да сдѣлайте милость, садитесь! — вскричалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ стоявшему впереди его провинціалу, и заслонявшему собою сцену на Мнеральныхъ Водахъ. Провинціалъ обернулся, шаркнулъ ножкой и простодушно отвѣчалъ: — Благодарю покорно-съ.... я все сидѣлъ.... не безпокойтесь.

— Милостивый государь! — вскричалъ герой преферанса своему пріятелю, — вамъ слѣдуетъ списать только шесть ремизовъ, а вы ихъ списали двѣнадцать.... Это ви на что не похоже! — Извините, Акакій Акакіевичъ, — отвѣчалъ сконфуженный игрокъ: — это все оттого, что у меня очки скверныя: вдвое уменьшаютъ предметы.

Въ Германіи, гдѣ получившій посылку долженъ самъ расплачиваться за нее, однажды одинъ торговецъ получилъ отъ своего друга эстафету, съ нарочнымъ, она заключалась въ огромномъ листѣ, на которомъ было написано только: *Я здоровъ*. Торговецъ проглотилъ эту горькую пилюлю и съ первою почтою отправилъ къ пріятелю огромный ящикъ, въ которомъ находился булыжный камень съ приклеенною къ нему бумажкою: *Любезный другъ, при полученіи извѣстія о твоёмъ здоровьи, у меня отвалился отъ сердца камень, который тебѣ и посылаю.*

Въ проѣздъ Людовика XIV черезъ Реймсъ, городской мэръ поднесъ ему сушеныя груши и нѣсколько бутылокъ тамошняго вина. «Государь! — произнесъ наивно глава города, — мы приносимъ Вашему Величеству все, что имѣемъ лучшаго: наши груши, наше вино и наши сердца!» — «И ваше самое лучшее пріветствіе! — прибавилъ король, съ улыбкой потрепавъ его по плечу.

Наполеонъ, слушая длинную рѣчь, которую говорилъ предъ нимъ мэръ провинціального городка, наконецъ не вытерпѣлъ, и съ досадою сказалъ ему: «Да кончи, братецъ, въ трехъ словахъ!» — Изумленный мэръ остановился, но не потерялъ присутствіе духа. — «Да здравствуетъ Императоръ!» вскричалъ онъ, а за нимъ и вся толпа присутствовавшихъ.

Луваа, военный министръ Людовика XIV, обѣщалъ старому бѣдняку офицеру, хлопотавшему о пенсіонѣ, представить его королю, съ условіемъ, не говорить предъ нимъ болѣе двухъ словъ. Луваа сдержалъ свое слово и служака выполнилъ условіе. Онъ подалъ королю указъ о производствѣ себѣ пенсіона, сказавъ только два слова: «Государь! подпишите.»

Какой-то тошій піята представилъ папѣ Клименту VII сонетъ своего сочиненія. Папа началъ читать, но нашель, что во второмъ

или въ третьемъ стихѣ не достаеъ одной стопы, и замѣтилъ это безграмотному стихотворцу. — «Извольте, ваше святѣйшество, читать далѣе, — отвѣчалъ, не робѣя, любимецъ Аполлона, — тамъ гдѣ-нибудь найдется лишняя стопа, такъ она и пойдетъ за другую.»

Итальянское *Lazzi* (выговариваемое *ladzi*) означаетъ особенно продѣлки и шутки итальянскихъ буффовъ. Вотъ примѣры, изъ которыхъ можно видѣть, какой смыслъ придаютъ этому слову итальянцы, а за ними и французы.

Мезетинъ, старинный персонажъ Итальянской Комедіи, является на театрѣ въ плащѣ, подъ которымъ у него что-то спрятано. — Что у тебя подъ плащемъ? — спрашиваетъ Арлекинъ. — *Кинжалъ*. — отвѣчаетъ Мезетинъ. — Арлекинъ обыскиваетъ его, находитъ бутылку, выпиваетъ до суха и возвращая ее Мезетину, говоритъ: «Такъ вотъ тебѣ и *ножны!*»

*

Скарамушъ, прійдя къ Арлекину въ библіотеку, находитъ тамъ огромный кругъ сыру. — Дай мнѣ эту книгу? — говоритъ онъ ему. — Нельзя, — отвѣчаетъ Арлекинъ, — это *оригиналъ*, а оригиналы, самъ ты знаешь, не должны никогда выходить изъ библіотеки.

*

Маркиза де Севинье въ одномъ изъ писемъ къ дочери, говоритъ: «Вчера, за ужиномъ, разсказывали, что видѣли на улицѣ Арлекина, въ коротенькомъ плащѣ, подъ которымъ онъ тащилъ пребольшой камень. — На что тебѣ это? — спросили у него. — Хочу продать домъ, — отвѣчалъ арлекинъ, — такъ взялъ нарочно съ собою образчикъ, чтобъ показать желающимъ. — Не вздумаешь-ли и ты, дружокъ мой, употребить подобное средство для продажи своего помѣстья? — прибавляетъ Севинье, обращаясь къ дочери.

—

Непріятна юность оттого, что скоро проходитъ, а старость, что скоро приходитъ.

—

Разорившійся чудакъ зашелъ въ трактиръ. Желудокъ сильно напоминалъ ему о себѣ, а денегъ не было. Но онъ не унывалъ, — давнымъ давно извѣстно, что голъ хитра на выдумки. — Что у васъ готоваго? — спросилъ онъ, обращаясь къ половому. — Московскою селянкой прикажете? — Что стоитъ порція? — Четвертакъ съ! — А хлѣбъ? — Хлѣбъ ничего не стоитъ съ. — Ну, такъ подай мнѣ хлѣба!

Откровенная тетушка говаривала: «Люблю своего старшаго племянника за то, что онъ уменъ, а меньшаго, хоть онъ и глупъ, за то, что онъ мой племянникъ.»

Седенъ говорилъ Гретри, послѣ неудачнаго представленія одной изъ ихъ оперъ: «Другъ мой, мы съ тобою плохо выбрали время, груша еще не созрѣла.» — Однако, это не помѣшало ей упасть! — отвѣчалъ Гретри.

Какой то фатъ, съ претензією на ученость, увидѣлъ въ библиотекѣ литератора латинскую книгу подъ заглавіемъ: «Ciceronis oroga (Творенія Цицерона). — Скажите! — вскричалъ онъ, — вѣдь я до-сихъ поръ и не зналъ, что Цицеронъ сочинялъ оперы!

Послѣ жаркаго морскаго сраженія, матрозъ поднялъ раненаго товарища, готовясь бросить его въ море. — Куда ты меня несешь? спросилъ у него раненный, открывъ глаза. — Въ воду, разумѣется... — Слышишь, да вѣдь я еще живъ! — Врешь! лекарь сказалъ, что ты умеръ, ужъ вѣрно онъ въ этомъ-то больше тебя смыслитъ!

— Нравится вамъ повѣсть Гоголя «Тарасъ Бульба?» спросилъ у простодушнаго любителя чтенія. — Какъ-же! какъ-же! Пожвните, впрочемъ, исторія очень обыкновенная: Тарасъ женится на Бульбѣ, тѣмъ и дѣлу конецъ!

Разсказываютъ, что какой-то плотникъ подверженъ былъ странному припадку ипохондрии. Онъ всегда сходилъ съ ума, когда оставлялъ свою мастерскую, но возвращаясь туда, опять приходилъ

въ себя и работалъ, какъ нельзя лучше. Этотъ случай помѣщенъ въ «*Recherches sur les causes de la mélancholie*, какъ психологическій феноменъ. А сколько ученыхъ умны только въ кабинетѣ!

Вотъ еще анекдотъ въ подтвержденіе предыдущаго. Знаменитый Николь такъ мало занимался свѣтомъ, что во всю жизнь сказалъ единственный комплиментъ дамѣ, да и тотъ — самый неудачный: онъ похвалилъ ее едва *замытые глазки* и *исполинскій ротъ*!

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 7.

ХЛОПЧАТАЯ БУМАГА

или

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ!

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

Соч. Г. Б.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Ивановичъ Странный, пріѣзжій изъ провинціи.

Василиса Гурьевна, жена его.

Полина, дочь ихъ.

Захаръ Захаровичъ Хлопчаткинъ, женихъ Полины.

Василій Ивановичъ Весельчаковъ, влюбленный въ Полину.

Штраухъ, портной.

Матрена, кухарка Страннаго.

Пастынкъ.

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ, въ квартирѣ Страннаго.

Театръ представляетъ комнату, обыкновенно меблированную. На-право, отъ зрителей, окно, подлѣ котораго большой столъ съ полнымъ приборомъ для шитья и сверткомъ ваты, въ срединѣ и на-лѣво двери.

I.

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА и ПОЛИНА, занимаются около стола кроеніемъ бурнуса.

Полина. Нѣтъ, мамá; вы напрасно прибавили вотъ въ этомъ мѣстѣ противъ выкройки: это будетъ пузырится!

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА (*продолжая кроить*). Какая ты, однако, Полинъка, странная: всегда найдешь что-нибудь противъ меня.

Полина. Не потому, мамá, совсѣмъ не потому; еслибъ я не видѣла такого же точно бурнуса у Любиньки, то, повѣрьте, не стала бы вамъ говорить этого. (*Плаксивымъ тономъ*.) Ну, какъ это можно: вы еще прибавляете!...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Ну, ужъ пожалуйста, сударыня, молчи! не твое дѣло!...

Полина. Вотъ вы и сердитесь, мамá!

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Поди-ка лучше сюда, и придержи мнѣ этотъ уголъ.

Полина (*подходя, вытираетъ слезы*). Надо мною будутъ смѣяться, указывать на меня пальцами!...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Не правда, сударыня, не правда; чистый вздоръ: одна матерія стоитъ, безъ малаго, 40 рублей.

Полина. Да не въ томъ дѣло; но какъ бурнусъ будетъ на мнѣ сидѣть?...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Безподобно!

Полина. Я такая худенькая, а вы кроите мнѣ такъ широко, что!...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Ну, да ужъ полно, говорить тебѣ!... Купить мало да сшить узко всякій съумѣетъ; за то и смотреть какими-то!...

Полина. Да это, мамá, теперь въ модѣ.

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Не съ нашимъ карманомъ тянутся за такими глупостями; сегодня у нихъ то, а завтра, смотришь, другое: этакъ-то, матушка, скоро заплачешься!

Полина. Душечка!... Мамашечка!... Убавьте, пожалуйста, съ этого бока!...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Да посуди ты, Полинъка, сама: на что будетъ это походить?... Мнѣ, право, жаль портить матерію!...

Полина (*умоляющимъ тономъ*). Да вы не испортийте, мама,

право, не испортите!... Душечка!... голубушка!... Убавьте хоть на полтора пальца.

Василиса Гурьевна. Да, дружочекъ ты мой, я рада бы тебѣ угодить; но что скажетъ Автопъ Иванычъ, если мы испортимъ?... сама знаешь, сколько хлопотъ и денегъ стоило ему перепроситься сюда въ контору?... Хорошо, что вчера насъ увѣдомили объ его переводѣ: не то бы пришлось ѣхать обратно съ какою-нибудь бездѣлицею денегъ!...

Полина. Да повѣрьте, мамашечка, вы не испортите!...

Василиса Гурьевна. Ну, а если?... Вѣдь совѣстно будетъ передъ отцомъ: онъ, бѣдняжка, съ послѣдняго, на радостяхъ, закупилъ намъ столько обновокъ!...

Полина (*беретъ у матери ножницы и кроитъ по-своему*). Вотъ посмотрите, мамѣ, только чуть чуть....

Василиса Гурьевна (*стараясь отнять у дочери ножницы*). Ради Бога, осторожиѣе!... Ой, ой, ой! много, много! посмотряка, дружокъ, сколько ты выхватила?... Ну, какъ это тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, не стыдно!... Вишь, вслухъ какая! Подай, подай ножницы! (*Отнимаетъ ножницы.*)

Полина (*довольная*). За то, посмотрите, какъ онъ будетъ на мнѣ сидѣть: прелесть!...

II.

ТѢ-ЖЕ и ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ, изъ среднихъ дверей.

Весельчаковъ. Здравствуйте, Василиса Гурьевна!.. Мое почтеніе, Полина Автоновна!

Василиса Гурьевна. Здравствуйте, батюшка Василій Иванычъ, здравствуйте!

Вмѣстѣ { Полина. Здравствуйте, Василій Иванычъ! Вы меня чрезвычайно обрадовали вашимъ неожиданнымъ приходомъ.

Весельчаковъ. Серьезно?... Я въ восторгѣ!...

Полина. Убѣдите, пожалуйста, мамѣ, что бурпусы шьются обыкновенно, какъ можно уже въ плечахъ; не такъ-ли?

Весельчаковъ. Бурпусы.... а! да, да, да! это въ родѣ мапталли?

Полина. Да, только съ длинными полами.

Весельчаковъ. Какъ же, какъ же съ, Василиса Гурьевна, Полина Автоновна совершенно правы. И оно, знаете, гораздо красивѣе,

если сначала, вотъ тутъ, идетъ узко, и уже потомъ.... право, не припомню теперь хорошенько, — но какъ-то, этакъ, очень мило.

Василиса Гурьевна. Ну, и вы за тоже!!... Полноте говорить вздоръ: черезъ годъ выростеть, такъ ничего и не впору.

Весельчаковъ. О, къ этому времени мода изобрѣтетъ что-нибудь болѣе изящное....

Василиса Гурьевна (*смѣясь*). Ужъ вы мнѣ только, оба, безденежные модники!... Нѣтъ, батюшка Василій Ивановичъ: не съ нашими карманами тянутся за модами!

Весельчаковъ. Вы справедливы, Василиса Гурьевна, — но къ чему же отчаяваться? помилуйте!.. Развѣ мы не можемъ разбогатѣть въ теченіи года, какъ.... какъ.... да какъ бы хоть мой знакомый?... Однако-жь, виноватъ: я имѣю къ вамъ порученіе, Полина Антоновна; пришелъ съ депешамп-съ.... (*вынимаетъ письмо и передаетъ ей.*)

Полина. Отъ кого это?

Весельчаковъ. Отъ Любови Андревны; просили вамъ кланяться и.... и.... (*въ пол-голоса*) и поцѣловать вашу ручку.

Полина (*смѣясь*). Покорно васъ благодарю!... (*распечатывая письмо*) Интересно, что бы она могла мнѣ писать?... (*Отходитъ всторону.*)

Василиса Гурьевна. А слышали вы, Василій Ивановичъ, о нашей радости?...

Весельчаковъ. Какой-съ, если смѣю спросить?

Василиса Гурьевна (*торжественно*). Мой Антоша переведенъ сюда: вчера получено о томъ извѣстіе.

Весельчаковъ. Я очень, очень радъ!

Василиса Гурьевна. Не говорите: мы всѣ въ восторгѣ.

Полина (*подбѣгая къ матери*). Мама! знаете ли, что пишетъ Любимька? — чтобъ я неоторопилась управиться съ своимъ нарядомъ: въ субботу у нихъ балъ, и папа ея будетъ къ намъ сегодня же, чтобъ пригласить всѣхъ!

Василиса Гурьевна. Вотъ какъ!... Наконецъ-то подумался!

Полина (*весело*). Она пишетъ мнѣ о всѣхъ дѣвицахъ, которыя будутъ у нихъ: все мои подруги!... Будете вы такъ добры, Василій Ивановичъ, передать Любимькѣ небольшую записочку? Я сей-часъ напишу....

Весельчаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ, Полина Антоновна; повѣрьте, мнѣ особенно пріятно заслужить это довѣріе.

Полина. Секретовъ у насъ нѣтъ....

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ. Хотя бы, по все же....

ПОЛИНА. Такъ сдѣлайте одолженіе! (*весело убѣгая въ дверь на льво.*) Я сію-же мнунту напишу!

III.

ТЪ-ЖЕ, безъ ПОЛИНЫ.

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА (*накладываетъ на выкроенную матерію кату*). Экія радости подумашь: благо въ-доставъ натапцуется, ха, ха, ха!...

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ. Чтожъ, Василиса Гурьевна, па то молодость! съ лѣтами все пройдетъ....

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Да, да, да!... Не говорите, не говорите!... Чтожъ это вы, однако, не покурите?... (*зоветъ.*) Матрена, Матрена!... Подай огня!..

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ. Не безпокойтесь, — я п самъ бы сбѣгалъ па кухню. (*Вынимаетъ porte-cigares.*) А, что Антонъ Иванычъ?...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Въ хлопотахъ все, да въ разьѣздахъ: то, знаете ли, къ тому, то къ другому, — ну, а сегодня ужъ отправился благодарить за переводъ. Однако-жъ, никакъ третій часъ?... Куда жъ это онъ запропастился?... Видно опять забѣжалъ въ гостиницу. Какая это у васъ здѣсь, въ Питерѣ, гостиница?...

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ. О, ихъ много!

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Что вы это?... Нѣтъ, онъ говорилъ мнѣ, что ходитъ къ какому-то... я бы его палками оттуда! сорить, да мотаетъ деньги!... Да повадился еще выныче читать газеты: придетъ домой, да и несетъ чистый вздоръ пзъ нихъ!... Впрочемъ, Богъ съ нимъ: я душевно рада, что онъ повеселѣлъ по-крайней мѣрѣ; а то былъ такой скучный, угрюмый, воркливый!...

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ. А вы, Василиса Гурьевна, не изволили еще говорить обо мнѣ съ Антономъ Иванычемъ?...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Нѣтъ, голубчикъ, не говорила, нельзя было; вы знаете, что онъ также упрямъ, какъ и добръ: надо улучшить добрый часъ, когда онъ будетъ въ духѣ.

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ. Конечно-съ; я полагаю только....

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Вы видите, кажется, что я васъ люблю и, признаюсь вамъ откровенно, очень желала бы видѣть Полинку за вами; но вы знаете, что онъ далъ слово Захару Заха-

ровичу. Конечно, ему она не пара: ужъ онъ, благодаря Бога, пожилъ на своемъ вѣку; могъ бы приискать себѣ невѣсту по-старше Полинки. Она можетъ быть для него дочерью, а ужъ никакъ не женою, — все это такъ, да подите же, сговорите съ Антономъ Иванычемъ!...

IV.

ТЪ-ЖЕ и МАТРЕНА.

МАТРЕНА (*со свѣчою*). Сударыня, вамъ, что-ли, огня?

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Поставь на столъ! (*Матрена исполняетъ.*)

МАТРЕНА. Что будешь дѣлать, сударыня: вѣтъ сѣрипокъ! не изволили купить; а теперь, что будешь дѣлать? вотъ послѣднюю извела, завтра и огня нечѣмъ будетъ развести.

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Ну, наколи лучинокъ да возьми на грошъ сѣры; и безъ того, матушка, въ Питерѣ дорогое житье! (*Матрена уходитъ.*)

V.

ТЪ-ЖЕ, безъ МАТРЕНЫ.

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Ну, ужъ люди же здѣсь у васъ, Василь Иванычъ! Имъ только дай да подай: ничего хозяйскаго не пожалбуютъ!... Давно-ли тому, какъ я отдала ей полную коробочку спичекъ, — глядъ: и нѣтъ ни одной!... А вѣрно, отсыпала половину какому-нибудь племянничку!...

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ. Да, Василиса Гурьевна, вы совершенно справедливы: таковъ ужъ нынѣшній избалованный народъ!...

Это, какъ-то, нынче въ модѣ,
Трудно горю пособить,
Всѣ живутъ вотъ въ этомъ родѣ
Лишь себя бы не забыть!
Словомъ, съ малымъ исключеньемъ,
Всякій выгоды любя,
Съ безотчетнымъ предпочтеньемъ
Радъ на все — но, для себя!...

VI.

ТѢЖЕ И ПОЛИНА.

Полина. Вотъ, я и кончила! (*передаетъ письмо*). Такъ вы потрудитесь, Василій Ивановичъ?...

Весельчаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ, Полина Антоновна. Это одно изъ отраднѣйшихъ порученій для меня. Я вижу въ немъ довѣріе, которымъ пользуюсь въ вашемъ мнѣніи.

Полина. Пожалуйста, безъ комплиментовъ!... Пособите-ка намъ лучше въ кроеніи моей маркизы....

Весельчаковъ. Извольте, я готовъ; но, думаю, буду совершенно бесполезенъ въ этомъ случаѣ.

Полина. Не отговаривайтесь!... Мама, мы съ Васильемъ Ивановичемъ желаемъ помогать вамъ.

Василиса Гурьевна. Желаете? Да этого мало, другъ мой: дѣлайте что нибудь, чтобъ я, по крайней-мѣрѣ, видѣла вашу помощь. Возьми-ка, Полинъка, примѣчи мнѣ эту половинку. А вы, господиный помощникъ, придержите мнѣ этотъ уголъ выкройки.

Весельчаковъ. Слушаю-съ, радъ стараться! (*исполняетъ*).

Полина (*принимаясь за дѣло*). Вотъ и прекрасно; такъ мы скорѣе поправимся съ нашей работою.

Василиса Гурьевна. Но только, друзья, не суетитесь!

Весельчаковъ (*оборачиваясь, чтобъ сдуть пепелъ съ папироски*). Помилуйте; мы народъ опытный, осторожный....

Полина (*вскрикнувъ*). Ой!

Василиса Гурьевна. Что такое?...

Полина. Да вотъ, Василій Ивановичъ: вы только умѣете толковать объ осторожности, а на дѣлѣ показываете совершенно противное! (*показывая ему палецъ*.) Посмотрите, какой вы кроважный....

Весельчаковъ. Чѣмъ-же я-то виноватъ?... Помилуйте!

Полина (*съ живостію*). А тѣмъ, милостивый государь, что вы изволили неосторожно дернуть конецъ выкройки, и я, по вашей милости, уколола себѣ палецъ. (*Колетъ его въ руку иголкою*) Вотъ вамъ за это! (*Весельчаковъ дѣлаетъ бользненную гримасу*.)

Василиса Гурьевна. Шалишь, Полинъка!... Однакожь, кланяюсь; спасибо за вашу помощь: вы и мнѣ изволили сбить съ мѣста выкройку.

Весельчаковъ. Виноватъ, Василиса Гурьевна, тысячу разъ виноватъ!

Василиса Гурьевна. Долго-ли было-бы тутъ испортить матерію!

Весельчаковъ. Это-бы еще ничего : бѣда поправная ; но труды ваши, главное, труды....

Василиса Гурьевна. Что и говорить !

Полина. Ови, мама, всегда такіе. Въ послѣдній разъ, когда мы были на балѣ у Якова Алексѣича, Любимыкъ оторвалъ кто-то фалбалу у платья, а Василій Ивановичъ и говоритъ пренасмѣшливо : это ничего !

Весельчаковъ. Позвольте : вы начинаете клеветать....

Полина. Пожалуйста : я не стану говорить пустяковъ !

VI.

ТѢЖЕ и СТРАННЫЙ, испугавшись, останавливается на минуту въ дверяхъ.

СТРАННЫЙ (*быстро перебѣжавъ отъ дверей къ стѣнѣ, противуположной той, у которой стоитъ столъ и дѣйствующія лица; громко.*) Дѣти ! душка ! спасайтесь ! !..

(*Василиса Гурьевна и Полина съ крикомъ и визгомъ бросаются къ нему ; онъ обнимаетъ ихъ, суетится, топаетъ ногами, не спуская при этомъ глазъ со стола, на которомъ лежитъ разбросанное шитье ; Весельчаковъ, показывая видъ изумленія, отходитъ въ глубину сцены. Пьяная сцена.*)

СТРАННЫЙ (*тарачась на столъ и лаская жену и дочь*). О дѣти мои, дѣти !.. Такъ ноги и подкашиваются !.. Этакой страшной гибели подвергались вы, а !.. Сердце мое, словно предчувствовало, такъ и погнало домой !.. Эй ! кто тамъ ?!.. Люди !.. Матрена !.. народу, народу, Матрена !.. Посылай скорѣй !..

Василиса Гурьевна (*едва говоря отъ испуга*). Что это, Антошечка ? Что съ тобой ?.. Ты до смерти насъ перепугалъ !.. Уфъ !!! Привнесите намъ воды, Василій Ивановичъ ; ужасно перепугалась !.. Уфъ !!! Вонъ, и Полинъка поблѣднѣла !..

СТРАННЫЙ. Что жъ, чортъ возьми, кто тамъ ?! Эй ! народъ !.. люди ! Матрена !..

VIII.

ТѢЖЕ, МАТРЕНА, вбѣгаетъ опрометью.

МАТРЕНА. Ой, батюшки ! пожаръ, что-ли, случился ?!

Странный. Дурища! типунъ тебѣ на языкъ!... Пошла мигомъ на улицу, да смотри: бѣгать живо... однимъ духомъ валай!... Понимаешь?... Маршъ!...

МАТРЕНА (*въ попыхахъ*). Понимаю, батюшка; бѣгу, живо побѣгу! (*Блѣжитъ къ дверямъ.*)

Странный. Да куда-жъ ты побѣжишь, ничего не выслушавъ? Стой!... Вишь, розвия какая!... Пошла на улицу, говорятъ тебѣ...

МАТРЕНА (*хочетъ блѣжать*). Да понимаю, батюшка!

Странный. Стой! И приведи какого-нибудь дворника, или тамъ мужика, что ли. Понимаешь?

МАТРЕНА. Понимаю, Антонъ Ивановичъ.... Да я и въ окно киньчу.... (*Подбѣгаетъ къ окну, мимо стола.*)

Странный (*затопавъ ногами*). Что ты! ни, ни! не подходить!... Убейся: такъ я-жъ тебя вотъ!... (*Матрена убѣгаетъ въ среднія двери.*)

IX.

ТѢЖЕ, безъ МАТРЕНЫ.

Странный. Вѣдь это, рѣшительно, только ихъ счастье! (*показывая на столъ*) ну, взгляните, ради Бога!...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Да что-жъ это такое, Антонъ Ивановичъ, скажи намъ?

ПОЛИНКА. Ахъ, папаша, какъ вы насъ перепугали!...

Странный (*все въ той-же позиціи, попеременно цѣлуя то дочь, то жену*). Благодарите, дѣти, Провидѣніе, что оно еще спасло васъ! (*Взглянувъ на столъ и потомъ отвернувшись.*) Бррръ! Страшно даже смотрѣть!...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Что-жъ тутъ такого? развѣ мы были въ опасности?...

ПОЛИНА. Развѣ мы могли умереть?...

Странный. Хуже!... Вы могли лопнуть, какъ начиненныя бомбы.

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Что ты говоришь!...

ПОЛИНА. Ухъ, какъ страшно!... Слышите, мама: мы могли лопнуть, какъ бомбы.

Странный. Хуже, гораздо хуже!... Вы могли-бы, Богъ знаетъ куда улетѣть. Экъ, чѣмъ выдумали шутить: по смотрите!...

X.

ТѢЖЕ И МАТРЕНА СЪ ПЛОТНИКОМЪ.

МАТРЕНА. Привела, батюшка ; насилу вѣдь дозволась. Скажи мнѣ, окаяннымъ, на что, да про что, да зачѣмъ ?

СТРАННЫЙ. Подойди-ка ко мнѣ, голубчикъ.

ПЛОТНИКЪ (*подходя*). Здравствуйте ! что милости вашей угодно ?

СТРАННЫЙ. Да ничего, братъ, особеннаго. Вишь, народъ-то у меня въ водѣ весь переполошился. Возьми-ка, любезный, вонъ со стола, свѣчу, да подай-ка ее ко мнѣ. (*Плотникъ исполняетъ, Странный прячетъ дочь и жену за себя.*)

ПЛОТНИКЪ. Что-жъ тутъ, сударь, такого боязнаго ? дѣло, кажись, плевое.

СТРАННЫЙ (*показывая на жену и дочь*). Поди-жъ ты вотъ съ ними ! И меня-то не отпускаютъ !... А теперь, того, возьми вотъ ту вату, скатай ее и неси поскорѣй вонъ отсюда.... брось ее куда-нибудь въ воду.

ПЛОТНИКЪ. Ладно ; значится, что вамъ нетутки нужды въ ней ?

СТРАННЫЙ. Нѣтъ, братъ ; въ томъ-то и дѣло. Бери, бери ! (*Плотникъ исполняетъ.*)

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Что ты это, Антошечка ? въ умѣ ли ? зачѣмъ ты велѣлъ взять вату ?... Оставь, оставь, не бери.

СТРАННЫЙ. Бери, бери : слушай, что я говорю.

ПОЛИНА. Но какъ-же это, однако, можно, папа ? Что вы дѣлаете ?... (*со слезами*). Когда поспѣетъ теперь мой бурнусъ ? онъ его перемнетъ, перепачкаетъ !...

СТРАННЫЙ. Замолчите-ли вы, наконецъ ?... Жужжать подъ ухо, какъ шмели, не понимая въ чемъ дѣло !... (*Плотнику*). Да ты, братъ, оторви и подстеганную вату : она намъ не нужна, очищай до чиста. (*Плотникъ исполняетъ*). Вотъ такъ ; хорошенько. Ай, да молодецъ !... Спасибо, любезнѣйшій, спасибо. На же вотъ тебѣ за труды (*даетъ ему мелкую монету*).

ПЛОТНИКЪ (*взявъ деньги*). Покорнѣйше благодаримъ, сударь ! желаемъ здравствовать !... (*Плотникъ уходитъ ; Странный провозжааетъ его до дверей, и возвращается довольный.*)

XI.

ТѢЖЕ. безъ ПЛОТНИКА и МАТРЕНЫ.

Странный. Ну, слава Богу!... Отдѣлались!... (*береть графинъ воды и поливаетъ ею все кроеніе жены и дочери*). Чтобъ и слѣдовъ не было: мохъ этотъ, говорить, также опасенъ.

Василиса Гурьевна (*почти сердито*). Нѣтъ, ужъ это изъ рукъ вошь. Угорѣлъ — ты что-ли, Антонъ Ивановичъ?..

Полина (*со слезами*). Какія вы только, папа!... Подарили и портите теперь все, безъ прищипъ!..

Странный. Не плачь, дружокъ: куплю получше этой дрянн!.. (*Жень.*) Не сердись, душка, не сердись: я дѣлаю дѣло, доброе дѣло для васъ и всѣхъ насъ.

Василиса Гурьевна (*отнимая отъ него графинъ*). Поди пожалуйста, какъ не сердиться! Вѣдь этого и полуумный не сдѣлаетъ; шуточное-ли дѣло: безъ мала на полсотню напустилъ!... Скажите пожалуйста, Василий Ивановичъ, что съ нимъ сдѣлалось?... Не послать-ли за докторомъ?..

Странный (*только что замѣтивъ Весельчакова*). А, и вы здѣсь? очень радъ! (*Хочетъ взять его за руку; увидѣвъ въ рукахъ папироску, быстро отступаетъ назадъ*.) Что это у васъ?

Весельчаковъ. Папироска.

Странный. И курите?... (*Отступаетъ еще дальше*.)

Весельчаковъ (*поспѣшно раскуривая папиросу*). Прикажете огня?..

Странный (*громко*). Несчастнѣйшій изъ молодыхъ людей! бросьте, потушите ее, пока она васъ не изуродовала!..

Весельчаковъ. Помилуйте, почему вы полагаете?..

Странный. Да, сдѣлайте милость, не разсуждайте!... (*Весельчаковъ исполняетъ*). Нечего упрячиться, если вамъ даютъ дѣльный совѣтъ!..

Охъ, ужъ эти вертопрахи,

Не разсудить ни одинъ...

Я не даромъ въ этомъ страхѣ:

Есть достаточно причинъ!

Стойте смирно, не шумите,

Я вамъ дѣло разъясню:

Только прежде, погодите,

Я страшилище золью... (*Заливаетъ окурки папиросы, брошенной Весельчаковымъ*.)

Вѣдь выдумали-же набивать эти дрянныя бумажонки ватую!..

Василиса Гурьевна (*въ испугъ и недоумьнїи смотритъ на мужа*). Что съ нимъ сдѣлалось, Василий Ивановичъ?... О чемъ онъ бредитъ?...

Весельчаковъ. Отчего это вы боитесь ваты? чѣмъ она васъ пугаетъ?...

Странный. И вы не знаете этого? вы, здѣшній, столичный житель, а требуете объясненія отъ провинціала?... Хороши пѣтерскіе!... Да знаете-ли вы, милостивый государь, какимъ ужасамъ можно подвергнуть себя отъ этой ваты, именно, то-есть, отъ хлопчатой бумаги?...

Василиса Гурьевна. Антошечка, другъ мой, скажи хоть одно толковое слово: что съ тобой? въ чемъ дѣло?

Странный. Пожалуйста, не беспокойся: вы, можетъ статья, думаете, что у меня умъ за разумъ зашелъ, — нѣтъ, други, нѣтъ; будьте спокойны.

Василиса Гурьевна (*нѣсколько успокоенная*). Такъ объясни-же, по-крайней-мѣрѣ, въ чемъ дѣло, что случилось?

Странный. Да случилось-то многое, всего не перечтешь. Слушайте. Только ужасно, я вамъ говорю, подумать, что просвѣщеніе нашего вѣка довело насъ до такого непріятнаго положенія; вѣдь ужъ нынче нѣтъ ваты, того, ни-ни!... за миліоны не достанешь!...

Полна (*наивно*). Полноте, папа: мы вчера еще купили цѣлый свертокъ.

Странный. Знаю, что вы купили; да въ томъ-то и штука, что вы купили не вату....

Василиса Гурьевна. А что-же такое?

Странный. А что-же!... порохъ!

Василиса Гурьевна. Въ умѣ-ли ты....

Странный. Да полно, пожалуйста, глупить: въ умѣ-ли, да въ умѣ-ли, — только и вертится на языкѣ. Говорятъ тебѣ, что въ умѣ, такъ и баста!

Не слышали вы, конечно,

Какъ опасна вата намъ;

Но любя васъ всѣхъ сердечно,

Объяснить я долженъ вамъ,

Только вы не возражайте:

Молча слушайте рассказы!

Ваты, ваты избѣгайте....

Тѣмъ творитъ она проказъ!...

Помнишь, матушка-супруга,

Мой изношенный халатъ?...
 Я любилъ его, какъ друга...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА.

Онъ ужъ брошень...

СТРАННЫЙ.

Очень радъ!

ПОЛННА.

Онъ былъ, папенька, на ватѣ;

Вы могли-бы умереть....

СТРАННЫЙ. Хуже, гораздо хуже:

Я-бы могъ въ своемъ халатѣ —

Въ поднебесье улетѣть!

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ. Я понялъ васъ теперь, Антонъ Ивапычъ; изъ ваты точно дѣлають порошокъ. Однако-жъ, изъ этого еще не слѣдуетъ....

СТРАННЫЙ. Не слѣдуетъ вамъ, сударь, говорить о томъ, чего сами не понимаете. Я, батюшка, почище васъ знаю, какова нынѣшняя вата: бѣда, просто бѣдовое дѣло!.. Другой, съ досады, можетъ теперь сыграть такую шутку, что выше Ивана Великаго взлетитъ!..

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Ахъ, батюшки мои свѣты!... А мы-то, дуры, съ Полннькой шуткали около нея повозились!..

СТРАННЫЙ. Тото-же вотъ и есть; я вѣдь вотъ какъ затрясся, когда увидѣлъ васъ за столомъ: тутъ и вата, и свѣча, и паппросы.... да тутъ, Богъ знаетъ, что могло-бы выйтя: фэфф! и помпай, какъ звали!

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ (*про себя*). Чудакъ! онъ не въ шутку болтаетъ ваты!..

СТРАННЫЙ. Теперь по всему Петербургу только и толковъ, что про вату; а несчастій, несчастій сколько случилось!..

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Съ нами крестная сила! страсти-то какія!..

СТРАННЫЙ. И это не то, чтобъ слухи одни, толки городскіе; какой: въ газетахъ, печатно объявлено обо всѣхъ несчастіяхъ, да и картинки къ нимъ приложены, чтобъ всякій могъ видѣть, и читать, и предостерегать себя отъ подобныхъ случаевъ. Вотъ вы, папримѣръ, изволили давеча курить паппросу на ватѣ; но предупреди я васъ — право, не мудро, что вы-бы себя изуродовали также, какъ одинъ молодой человекъ на дняхъ.

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ (про себя). Его теперь не урезонишь : буду поддакивать ! (Ему) Какимъ это образомъ ?

СТРАННЫЙ. Самымъ простымъ.... Папироса его была на ватѣ, то есть, понимаете, на порохѣ. Вотъ онъ и курить.... (показываетъ примѣрно, говоря сквозь зубы) огонь добрался, добрался до хлопчатой, да какъ вспыхнетъ — пафъ!... губы отлетѣли, носъ своротило на сторону и все лицо оконтузило ! Вошь оно, шутки-то каковы !...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Ахъ, какое несчастье !...

ПОЛИНА. Бѣдненькій, какъ мнѣ его жаль !...

СТРАННЫЙ. Да я вамъ говорю, бѣдовое дѣло ! Не припомню теперь хорошенько, съ какимъ именно портнымъ случилось подобное же несчастье. Онъ разутюживалъ фракъ, и какъ добрался вотъ до этихъ мѣстъ — бацъ ! — такъ съ утюгомъ и полетѣлъ къ потолку : куда ноги, куда голова !...

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ. Признаюсь : не интересное путешествіе.

СТРАННЫЙ. Какое тутъ путешествіе, помилуйте ! Вѣдь онъ убился не то, чтобъ какъ-нибудь, а то до смерти, что называется !...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Да не лжешь-ли ты, Антоша ?...

СТРАННЫЙ. Лгу !... страшные вы, братецъ, люди : что ни скажи поумиѣ, у васъ тотчасъ и лжешь. Говорятъ тебѣ, что не лгу : правда, чистѣйшая правда. Вотъ хоть-бы этакой случай. Писецъ какой-то занимался переписываніемъ бумагъ. Дѣло подошло къ вечеру ; онъ засвѣтилъ свѣчу, да и придвинулъ ее къ себѣ поближе, чтобъ очинить перо. Вдругъ брухъ ! — слышнѣйшій взрывъ, и онъ остался на мѣстѣ.

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Это какимъ образомъ ?

СТРАННЫЙ. Да такимъ-же : порохомъ. Онъ страдалъ стрѣльбою въ ухахъ, и послѣ въ нихъ вату.

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Какой ужасъ !...

СТРАННЫЙ. Да я вамъ говорю, бѣдовое дѣло. А жепщпы — несчастныя женщины ! сколько онѣ пострадали !... Не перечестъ !

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Да имъ-то отчего бы кажется ?...

СТРАННЫЙ. Да какъ отчего ? мало-ли около нихъ ваты !

ПОЛИНА. Расскажите-же намъ, хоть одинъ случай.

СТРАННЫЙ. Да всѣхъ и не припомню. Дама какая-то, полная, видная изъ себя — словомъ : почтенная такая женщина, имѣла неосторожность подойти къ свѣчкѣ и закурить папиросу....

ПОЛИНА. Какъ, дама ?

СТРАННЫЙ. Да, Полнцка ; это по здѣшнему, по петербургскому, не новость. Ну-съ, вотъ, и закурила ; курить, вдругъ : зо-

да съ огнемъ падаетъ къ ней на грудь... послѣдовалъ взрывъ, отъ той-же хлопчатой бумаги, и теперь, говорятъ, у нее ракъ въ груди.

Полина. Ай, мама! Я сейчасъ-же выпорю изъ корсета всю вату!... *(Убѣгаетъ въ дверь нальво.)*

ХII.

ТѢЖЕ, безъ ПОЛИНКИ.

Странный. А съ другой госпожей случилась штука поинтереснѣе этой. Я и не зналъ до-сихъ-поръ, что у нихъ бываетъ этакъ вата....

Василиса Гурьевна. Ну, да ладно; говори скорѣй.

Странный. Слушай. Она была на вечеръ, въ большомъ обществѣ, и имѣла необдуманность подойти къ топившемуся камину. Не прошло пяти минутъ, что она простояла въ такомъ положеніи, какъ вдругъ выстрѣлъ, да такой, что изъ твоей мортиры, — и ее отбросило сажень на пять. Вотъ, право, не лгу....

Василиса Гурьевна. Нѣтъ, это дѣло, видно, опасное. Выпороть-же и мнѣ поскорѣй, до грѣха!... *(Убѣгаетъ въ дверь нальво.)*

ХIII.

СТРАННЫЙ и ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ.

Весельчаковъ *(смѣясь)*. Къ чему это вы пугаете дамъ подобными пустяками; онѣ вѣдь повѣрятъ этому.

Странный. Да съ чего вы взяли говорить мнѣ такіе пустяки?

Весельчаковъ. Съ того, Антопъ Ивановичъ, что знаю весьма достоверно, что опыты надъ производствомъ огнестрѣльной хлопчатой бумаги вовсе излишны, и не употребляются.

Странный. Да что вы мнѣ толкуете!

ХIV.

ТѢЖЕ и ШТРАУХЪ, съ узломъ готоваго платья.

Штраухъ. Здравствуйте-съ! какъ поживаете-съ?...

Странный *(отступая)*. Добро пожаловать, господишъ Штраухъ!

ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ (про себя). Какая счастливая мысль!... Побѣгу, расскажу имъ все до подробностей, и выдумка моя увѣнчается полнымъ успѣхомъ, если получу ихъ согласіе!...

(Убѣгаетъ въ дверь нальво.)

XV.

ТѢЖЕ, безъ ВЕСЕЛЬЧАКОВА.

СТРАННЫЙ. Вы, никакъ, принесли мое платье?

ШТРАУХЪ. Та-съ; я такъ торопясь зебя, Антопъ Иванышъ, чтобъ вамъ у праздника обновкамъ щеголяйтъ!... (Подходитъ къ нему съ шинелью.)

СТРАННЫЙ (отступая отъ него, прячется за столъ). А, что вы подложили мнѣ подъ шинель: ваты?...

ШТРАУХЪ. Какъ-же-съ; ватгъ на клей: будетъ держать крѣпко, не падетъ внизу. Ви знайтъ, я не люблю дѣлать какъ nicht-ist: ви скажетъ мнѣ спасибо!

СТРАННЫЙ. Ну, ужъ нѣтъ-съ, позвольте! Ни спасибо не скажу, ни платья у васъ не возьму. Вотъ вамъ!...

ШТРАУХЪ. Я вазъ не поймай карашенько.

СТРАННЫЙ. Я говорю вамъ, что не возьму у васъ платья: *nicht-съ гутъ* ваше платье; вездѣ вата.

ШТРАУХЪ. *Nicht gut?*... Но ви попробуйте, какъ взе аккуратъ на вазъ зядетъ.... (Хочетъ ему подать шинель.)

СТРАННЫЙ (прячется въ попыхахъ). Боже васъ оборони!... Ихъ тапкенъ.... ихъ тапкенъ!... Лучше не подходите: Я вѣдъ того.... самъ не знаю, что надѣлаю!...

ШТРАУХЪ (про себя). *Gott im Himmel! der Kerl ist ganz auf'n Kopf gefallen!*... (Ему). Што зъ вамъ дѣлается, Антопъ Иванышъ?...

СТРАННЫЙ. Ужъ не ваше дѣло: убирайтесь вошъ!... Приходите въ другой разъ.... мнѣ теперь некогда.... недосугъ съ вами говорить. Да выпорите мнѣ изъ шинели всю вату, чтобъ и слѣдовъ ея не было!...

ШТРАУХЪ. Ви хочетъ поставить мѣхъ?...

СТРАННЫЙ. Да, пеньковый.... да убирайтесь, когда говорить!...

ШТРАУХЪ (про себя). *Es muß mit ihm nicht Wichtig sein....* (прячетъ шинель въ узелъ). Когда прикажитъ принести платье?...

Странный. Да ужъ я къ вамъ пришло: жена вамъ послѣ все растолкуетъ. Зейнъ зо гутъ, убирайтесь только!...

Штраухъ. Прошайтъ!... (*Про себя.*) Wahrscheinlich hat der Kerl einige zwölf Duzend Pfannkuchen auf der Butterwoche aufgefressen! (*Уходитъ.*)

XVI.

СТРАННЫЙ одинъ.

Ну, на силу выпроводилъ этого человѣка!... Присталъ, какъ бѣльмо на глазу!... А, что ни говори, право, досадно за эту глупую выдумку!... Придумали же употребить это полезное, созрѣвающее вещество на огнестрѣльный снарядъ?... Преобидная выдумка!... Ну, что прикажете теперь носить?... Мѣхъ — не по карману; безъ ваты, на легкѣ — холодно!... просто, хоть плачь!... Вотъ вамъ и просвѣщеніе: разоритъ нашего брата въ конецъ, да и только!...

XVII.

СТРАННЫЙ и ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА; потомъ ПОЛИНА и ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ.

Василиса Гурьевна (*поспѣшно въбѣгая*). Антоша, голубчикъ, послушай!...

Странный. Что такое... что такое?...

Василиса Гурьевна. Знаешь ли что?...

Странный (*робля*). Ну, ну, ну! говори, говори!...

Василиса Гурьевна. Я бы и думать не хотѣла!...

Странный (*нетерпѣливо*). Что?... Тѣфу! да говори-же!...

Василиса Гурьевна. Слушай!

Странный. Ну?

Василиса Гурьевна. Знаешь-ли!...

Странный. Говорятъ тебѣ, не знаю!

Василиса Гурьевна. Захаръ Захаровичъ бѣдовый человѣкъ!...

Странный (*строго*). Что?...

Василиса Гурьевна. Самый опасный человѣкъ!... не совѣтую тебѣ знаться съ нимъ!...

Странный. Отчего?... почему онъ опасный, бѣдовый человѣкъ?...

Василиса Гурьевна. Хуже, Антоша, гораздо хуже!...

Странный. Хуже? почему хуже?...

Василиса Гурьевна. Спроси вотъ Василья Иваныча.

Полина (*подбѣгая къ отцу*). Да, папаша, послушайте, что вамъ расскажутъ про вашего хваленнаго Захара Захарыча!...

Странный. Да что это за ералашъ?... Слушайте да послушайте, а сами ничего не говорятъ!... Растолкуйте пожалуйста, Васильи Иванычъ, въ чемъ дѣло?...

Весельчаковъ. Въ Захаръ Захарычъ!...

Странный. Слышу, слышу; да что-жъ такое, чѣмъ онъ опасенъ?...

Весельчаковъ. Рѣшительно всею своимъ существомъ. Одно присутствіе его можетъ погубить все ваше семейство.

Странный. Это какимъ манеромъ?

Весельчаковъ. Самымъ обыкновеннымъ, по нынѣшнему положенію дѣлъ. Вѣдь онъ, нужно вамъ сказать, прехудошавый!...

Странный. Во-первыхъ, это вздоръ; ну-съ, а во-вторыхъ?...

Весельчаковъ. А во вторыхъ, для прикрытія своей ужасной худобы приличною полнотою, онъ, рѣшительно-таки весь начиненъ ватою.

Странный (*пораженный*). Что вы говорите: ватою?

Весельчаковъ. Да съ, ватою, огнестрѣльною, хлопчатою бумагою.

Странный (*въ испугѣ*). Боже праведный!... Да такимъ манеромъ онъ можетъ нанести ударъ всему обществу?...

Весельчаковъ. Непремѣнно. И, посмотрите, когда-нибудь да взорветъ всѣхъ на воздухъ.

Странный. Да вѣдь это ужасно, я вамъ говорю!...

Василиса Гурьевна. Еще бы, посуди самъ!...

Странный. Бѣдовое дѣло!...

Полина. Какъ-же! А вы, папá, прочили его еще въ мужья!...

Странный. Да можно-ли было думать, что этотъ человѣкъ хуже всякой мортиры?...

Весельчаковъ. Онъ совершенный подкопъ, какъ мина, подведенная подъ крѣпость.

Странный. Хуже, я вамъ говорю, гораздо хуже.

Василиса Гурьевна. Разумѣется!... Ужъ если такой клочекъ, какъ ты говорилъ, можетъ надѣлать столько ужасовъ, такъ чего-же нужно ожидать отъ него?... Вѣдь на немъ, поди-ка, пудовъ съ пять этой окаянной ваты?...

Странный. Да, да, да! никакъ не меньше.

Полина. Съ нимъ страшно даже говорить : въ особенности вечеромъ, при свѣчахъ !...

Странный. Брррръ !!! Не говори : просто ужасъ !

Весельчаковъ. Нѣтъ, я серьезно бы вамъ совѣтовалъ, отстранить себя отъ знакомства съ подобнымъ страшилищемъ.

Странный. Да я такъ и сбѣаю ; помилуйте : можно ли водить компанію съ такимъ человѣкомъ !... Да онъ, ни за что, ни про что, съ разу насъ уморить. Надо сказать Матрени, чтобъ она его не впускала въ комнату....

Василиса Гурьевна. Непремѣнно ; да я и дворнику накажу, чтобъ и во дворъ его не впускали....

Странный. Да, да, да ! Такъ-таки и сказать рѣшительно : дома-съ, да сказываться не велѣли : я думаю, пойметъ ? какъ вы думаете, Василій Ивановичъ ?...

Весельчаковъ. Ха, ха, ха ! разумѣется пойметъ !...

XVIII.

ТѢЖЕ и ХЛОПЧАТКИНЪ, изъ среднихъ дверей.

Хлопчаткинъ (*ударивъ Страннаго по плечу*). Здравствуйте, Антошъ Ивановичъ !... (*Общая суматоха. Весельчаковъ отступаетъ въ глубину сцены, Странный бросается опрометью въ сторону и беретъ, для защиты, стулъ ; женищины, съ визгомъ, бѣгутъ на другую сторону сцены, такъ что Хлопчаткинъ, изумленный приемомъ, остается одинъ по срединѣ*). Что это, господа ? чего вы испугались ?... Неужели печальность прихода вамъ коротко знакомаго человѣка могла васъ обрадовать до испуга ?...

Странный. О !... охъ !... Фу !... Уфъ !... Едва перевожу дыханіе !... Этакая глупая Матрена : впустила-таки !... (*Женищины обтѣгаютъ сцену и прячутся за Страннаго.*)

Хлопчаткинъ (*подходя къ нимъ*). Скажите, пожалуйста, что съ вами ?...

Странный. Сдѣлайте милость, не подходите ! пожалуйста, поосторожнѣе около стола : на немъ стояла недавно зажженная свѣча....

Хлопчаткинъ. Такъ что-же ?

Странный. А то, сударь, что разогрѣтый воздухъ можетъ имѣть вліяніе на вашу тучность и подвергнуть всѣхъ насъ неминуемой гибели.

Хлопчаткинъ. Ничего не понимаю !...

Странный. Пожалуйста, не притворяйтесь!

Хлопчаткинъ. Да въ чемъ-же, растолкуйте?...

Странный. Нечего толковать по пустому: сами знаете. А я еще, дурень, принялъ васъ въ домъ, какъ роднаго!..

Хлопчаткинъ. Развѣ я провинился въ чемъ? расскажите: что за гнусная клевета, которою меня очернили въ вашихъ глазахъ?...

Странный. Нѣтъ, сударь, васъ не очернили, а вывели на свѣжую воду. Этакъ не поступаютъ съ честными людьми!... Хотѣлъ еще породниться со мною, безсовѣстный!... (*Плачетъ*). Погубилъ бы мое единственное сокровище, мою Полинку, да и насъ всѣхъ вмѣстѣ!... Стыдно, сударь, гадко, неблагородно!...

Хлопчаткинъ. Помилуйте, Антонъ Ивановичъ! что съ вами? Вы въ какомъ-то болѣзненномъ припадкѣ: вамъ нуженъ докторъ....

Странный. Тѣмъ лучше; а ужъ мортпирою для васъ не хочу служить: ихъ данкенъ!

Хлопчаткинъ. Право, я будто какъ не туда зашелъ!

Странный. И мнѣ это такъ кажется: напрасно трудились....

Хлопчаткинъ. Совершенно, какъ на *девятой*!

Странный. Ну, ужъ атанде-съ: не на девятой веретѣ, куда бы васъ слѣдовало запрятать, а въ домѣ Антона Ивановича Страннаго....

Хлопчаткинъ. И подлинно, что *страннаго*.

Странный. Да ужъ пожалуйста, не остритесь, а убирайтесь-ка, по добру по здорову, вонъ.

Хлопчаткинъ. Нѣтъ, это черезъ-чуръ. Да вы вправду сердитесь?...

Странный. Сердиться мнѣ нечего; но подвергать свою жизнь опасности я не хочу и не долженъ: у меня жена, дѣти!

Хлопчаткинъ. Да чѣмъ же вы подвергаете свою жизнь опасности, желалъ бы я знать?...

Странный. А тѣмъ, сударь, что по добротѣ своего сердца не гоноу васъ отсюда вонъ.

Хлопчаткинъ. Покорно васъ благодарю!

Странный. Не за что; сдѣлайте одолженіе!... Обижаться вамъ нечего, потому что:

Судите самъ: я-ль не вправѣ,
Васъ опасаться, какъ чумы,
Не только васъ во всемъ составѣ,
Клочка отъ васъ страшимся мы!

хлопчаткинъ, подходя къ нему.

И, просто, васъ не понимаю?

Странный.

Я васъ прошу въ послѣдній разъ:

Не подходите, умоляю!

хлопчаткинъ.

Да чѣмъ опасенъ я для васъ?...

Странный. Говорятъ вамъ всѣмъ, всюю вашею персоною!...

Хлопчаткинъ (*подходитъ къ нему*). Что такое?...

Странный (*защищается*). Говорятъ вамъ, не подходите!... Не то я, Богъ знаетъ, что надѣлаю!... Велю созвать дворниковъ... городскихъ...

Хлопчаткинъ (*со злостью*). Сумасшедшій человѣкъ!...

Странный. Положимъ; а вы хуже, гораздо хуже сумасшедшаго: васъ нужно бояться!... Да полноте, впрочемъ, разговаривать: извольте убираться вонъ; я васъ покорнѣе прошу оставить мой домъ и забыть наше знакомство.

Хлопчаткинъ. Еще лучше!... Я думалъ, что вы только дерзки, а теперь, къ сожалѣнью, вижу, что вы глупы!

Странный. Тѣмъ хуже для васъ, потому что я нѣсколько поблагодаримъ Захара Захарыча. (*Показывая на двери*). Мое почтеніе! сдѣлайте одолженіе!...

Хлопчаткинъ (*уходитъ*). Помните: этотъ пріемъ у меня хорошо врезался въ памяти!...

Странный. Очень хорошо-съ; да вотъ и вы сами скоро врѣжетесь — въ потолокъ!

Хлопчаткинъ. Безумецъ!... (*Уходитъ*.)

XIX.

ТѢЖЕ БЕЗЪ ХЛОПЧАТКИНА.

Странный (*подбѣгая къ дверямъ, ему вслѣдъ*). Мое почтеніе! не поминайте ликомъ!... Пожалуйста, поосторожиѣ въ кухнѣ, около плиты.... Эй! Матрена! поберегись!... (*Подходитъ на аван-сцену*). Слава Богу! избавились отъ этого человѣка!...

Василиса Гурьевна. Какой человѣкъ.... въ немъ и человѣческаго-то ничего нѣтъ!

Странный. Правда, гораздо хуже: адское чудовище!...

Полина. Ахъ, какъ мнѣ было страшно!...

Странный. Еще-бы! вата теперь бѣдовое дѣло!... Рады только, что отдѣлались безъ послѣдствій.

Отд. IX.

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. А за все спасибо Василию Ивановичу :
вѣдь онъ насъ предупредилъ.

СТРАННЫЙ. Ахъ, голубчикъ ты мой, Василий Ивановичъ ! Изба-
вилъ ты насъ отъ бѣды !... (Цѣлуетъ его.)

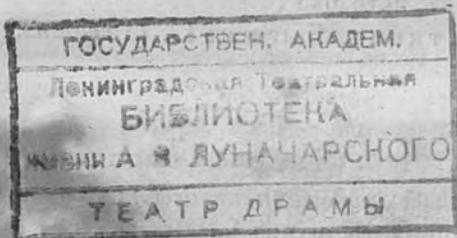
ВЕСЕЛЬЧАКОВЪ. Помплуйте ; я исполнилъ свою обязанность....

СТРАННЫЙ. Готовъ разцѣловать (исполняетъ), наградить, чѣмъ
хочешь !...

ВАСИЛИСА ГУРЬЕВНА. Именно, Антоша. Онъ же давно и
искренно любитъ нашу Полинку, и ею любимъ, такъ и сдѣлай
доброе дѣло : благослови ихъ !...

СТРАННЫЙ. Быть по твоему, именно такъ ! Подите сюда, дѣти,
и примите мое родительское благословеніе. Возьми мою Полю,
Василій Ивановичъ, да того — никогда не носи ваты : бѣдовое, я
вамъ говорю, дѣло !...

26645
9822

«ПАНТЕОНЪ»

состоить изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждого мѣсяца. Въ „Репертуаръ Русской сцены“ печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, и картинки.

Цена за 12 книгъ „Пантеона“, при нихъ 12 *л. л.* „Репертуара Русской сцены“, съ картинками и нотами:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Издатель долгомъ считаетъ увѣдомить, что даже и тѣмъ лицамъ, которыя подписались бы на „Пантеонъ“ не въ началѣ года, журналъ этотъ будетъ доставленъ *вполнѣ*, начиная съ *перваго нумера* и со *всеми приложениями*.

Кто пожелалъ бы имѣть „Пантеонъ“ за 1848 и 1850 годы, оба года вмѣстѣ, или каждый отдѣльно, оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, тотъ можетъ получить ихъ изъ „Главной Конторы Пантеона“ въ С. Петербургѣ. Для новыхъ-же подписчиковъ на 1851 годъ, съ этихъ изданій дѣлается, по сношенію съ Главной Конторой журнала, уступка. (Въ 1849 г. Пантеонъ не издавался.)

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просить обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.